

ООО «Наука и образование»

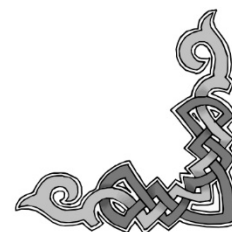
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

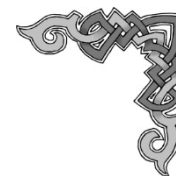

**№ 7
2022**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2022, № 7

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Заместители председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Гугуева Дарья Александровна, (по работе со студентами, магистрантами, аспирантами), кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

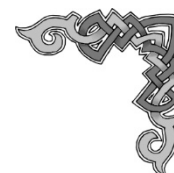
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University;

Darya Gugueva, (for work with students, undergraduates, postgraduates), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Branch and Applied Sociology of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander Viktorovich Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Кареева Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель Отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

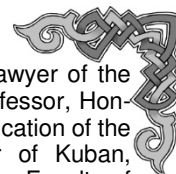
Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета. г.Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Куемжиева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник МВД РФ, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Zelensky V. Dmitriyevich, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of Kuban Agrarian University;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konvalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Svetlana A. Kuemzhieva, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Private Law and Business Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of Kuban State University;

Sergei A. Nevsky, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Scientific Work, Head of the Research Center № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению уголовное право Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Краснодарского университета МВД России;

Narbut N. Petrovich, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia;

Konstantin V. Obrazhiyev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Mr. Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. People's Republic of China;

Yury E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Irina N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology of Rostov State University of Economics;

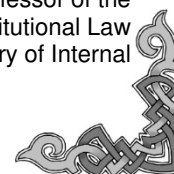
Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences;

Irina V. Snimshikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Financial Management of the Kuban State Technological University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Ugra State University doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal»;

Evgeny M. Kharitonov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Director of the All-Russian Rice Research Institute.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Архипова В.А. Социальная зрелость и ценностные ориентации студенчества как факторы успешности учебной деятельности	15
Барановский С.Б., Сорокин В.А. Молодежное волонтерское движение в сфере спорта в современном российском обществе	20
Башарова О.Г., Тимохина А.В. Способы преодоления коммуникативных барьеров в деловом общении	24
Бразевич С.С., Бразевич Д.С., Сафронова Ж.С. Брачно-семейные отношения и сексуальная жизнь советского партийного актива районного уровня в конце 1920-х годов: опыт ретроспективной социологической реконструкции	29
Гамурак А.В. О роли методов тактического урбанизма и соучаствующего проектирования при проектировании городских общественных пространств (на примере общественных пространств г. Белгорода и г. Павловска Воронежской области)	39
Давыдова Г.И., Малучиев Г.С., Самыгин С.И. Социорефлексика культурной идентичности студенческой молодежи в социальном институте инклюзивного образования	45
Иванова М.Е. Образование «третьего возраста» как социальный институт ресоциализации: зарубежный и отечественный опыт	51
Исакова О.В. Роль профессиональной социализации в формировании самоорганизации российской молодежи	59
Касьянов В.В., Самыгин П.С., Манучарян А.К. Содействие здоровому образу жизни молодежи как ведущее направление государственной молодежной политики в современной России	65
Кузнецова А.А. Национальные проекты как инструмент реализации стратегических целей страны	70
Логиновских У.Е. Гендерные стереотипы в рамках социокультурного и структурно-функционального подходов	73
Невский С.А., Черкасов Р.В., Яковлев О.В. Оценка социологическими службами деятельности органов внутренних дел Российской Федерации	76
Понеделков А.В., Попов М.Ю., Говердовская Е.В., Батов А.Т., Тихонов К.М. Рискогенный потенциал коррупции в социально-экономическом развитии регионов	83
Тринадцатко О.А. Анализ социальной функции леса на примере Хабаровского края	88
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Адыгезалова Г.Э., Кутепова А.М. Проблема правового регулирования обеспечения прав человека в работе аварийно-спасательных служб: право на неприкосновенность частной жизни VS право на жизнь и здоровье	97
Балаклеец И.И., Соловьева О.А. О роли юридической терминологии в нормотворчестве	102
Баранов А.В. Позитивистский подход к правопониманию: история и современное состояние в условиях цифровой реальности	105

Басенко И.М. Понятие «метонимия» в правоприменительной практике	108
Борисова А.А., Хомутова Е.А. Имущественные права как предмет хищения в преступлениях против собственности: постановка проблемы	111
Власов Д.В. Проблемы реализации прокурором полномочий по возбуждению производства по делам об административных правонарушениях	114
Волик К.Б. К вопросу дефениции правового менталитета	117
Гарбовская Н.Б., Землякова Н.В., Вишневская А.В. Правовые аспекты функционирования сложных предложений в языке закона и юридических документов	121
Григорьев С.Г., Маркиянов В.В., Петрова А.В. К вопросу о профилактике безопасности дорожного движения для учащихся общеобразовательных учреждений	126
Жидких М.А. Отличительные особенности делегированного толкования права	130
Кириченко Д.П. Санкции за преступления против здоровья в УК РФ: некоторые теоретические и правоприменительные аспекты	135
Киселева А.В., Жукова А.Е. Концептуальные подходы к ресуверенизации гражданского общества	138
Ковтун О.А., Терещенко Н.Д. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации как орган публичной власти	141
Крюков А.В. Практические вопросы рассмотрения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК РФ	145
Некоз А.С. Уголовная ответственность за оставление в опасности: вопросы правоприменительной практики	148
Олифиренко Е.П. Актуальные направления надзорной деятельности прокуратуры за исполнением федерального законодательства в сфере обеспечения прав несовершеннолетних (на примере Карачаево-Черкесской республики)	150
Петрикина А.А., Губко И.В. Правосудность приговора: понятие, значение, современное понимание	154
Спектор Л.А., Малютин А.Д. Уголовная ответственность за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: вопросы модернизации	157
Стуконог И.В., Стуконог А.И. Жестокое обращение с животными: некоторые проблемы регламентации уголовной ответственности	160
Суменков С.Ю., Осипов Р.А. Правосознание как компонент правовой действительности	167
Тростянецкая В.В. Сравнительно-правовой анализ ответственности за «преступления ненависти» в уголовном законодательстве Российской Федерации и США	172
Уткина Т.В. Об отдельных вопросах значимости применения мер поощрения при исполнении наказаний без изоляции от общества	176
Фисенко Е.С. Особенности правореализации статуса Президента РФ как гаранта Конституции	181
Чич Ю.А. Криминалистическое исследование цифровой информации: субъективное суждение и перспективы развития	185

Чулков И.К. Корреляционная зависимость космоса и космического пространства как основополагающих терминов космического права	189
Шавловская В.В. Ответственность за торговлю органами, тканями и клетками: зарубежный взгляд	194
Шапортов Д.А. Последующая иностранная незаконность (правило «Ralli Bros») как институт английского права	199
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Воронина К.А. Эволюция основных стратегий в международном маркетинге с учетом особенностей международной среды маркетинга	207
Ивашкин М.В., Червова Н.В. Формирование инновационных логистических каналов доставки товаров розничным покупателям	210
Лукашук В.И. Особенности маркетинга в физкультурно-спортивной отрасли	214
Мотовиц Т.Г. Вопросы реализации региональных проектов в сфере занятости населения Хабаровского края	217
Суряднов В.В. Внедрение «бирюзовых» принципов для омоложения кадров в государственных организациях	221
Червова Н.В., Ивашкин М.В. Состояние потребительского рынка г. Хабаровска и его влияние на развитие ритейла	227

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Viktoriya A. Arkhipova

Social maturity and value orientations of students as factors of success of educational activity 15

Sergey B. Baranovsky, Vladimir A. Sorokin

Youth volunteer movement in the field of sports in modern Russian society 20

Olga G. Basharova, Arina V. Timokhina

Methods of overcoming communication barriers in business communication 24

Svyatoslav S. Brazevich, Dmitry S. Brazevich, Zhanna S. Safronova

Marriage and family relations and sexual life of Soviet party activities of the district level at the end of the 1920s: the experience of retrospective sociological reconstruction 29

Anna V. Gamurak

On the role of tactical urbanism methods and participant design when designing urban public spaces (by the example of public spaces in Belgorod, Belgorod region, and Pavlovsk, Voronezh region) 39

Galina I. Davydova, Gadzhi S. Maluchiev, Sergey I. Samygin

Socioreflexics of cultural identity of student's youth in the social institution of inclusive education 45

Maria E. Ivanova

Education for the «third age» as a social institute for resocialization: foreign and domestic experience 51

Olga V. Isakova

The role of professional socialization in the formation of self-organization of Russian youth 59

Valery V. Kasyanov, Petr S. Samygin, Artur K. Manucharyan

Promoting a healthy lifestyle of young people as a leading direction of state youth policy in modern Russia 65

Anastasia A. Kuznetsova

National projects as a tool for implementing the country's strategic goals 70

Uliana E. Loginovskikh

Gender stereotypes in socio-cultural and structural-functional approaches 73

Sergey A. Nevsky, Roman V. Cherkasov, Oleg V. Yakovlev

Assessment by sociological services of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation 76

Alexander V. Ponedelkov, Mikhail Yu. Popov,

Elena V. Goverdovskaya, Alim T. Batov, Konstantin M. Tikhonov

Risk potential of corruption in the socio-economic development of the regions 83

Olga A. Trinadtsatko

Analysis of the social function of the forest on the example of the Khabarovsk Territory 88

JURISPRUDENCE

Gyulnaz E. Adygezalova, Anastasia M. Kutepova

The problem of legal regulation of ensuring human rights in the work of emergency services: the right to privacy VS the right to life and health 97

Irina I. Balakleetc, Olga A. Soloveva

On the role of legal terminology in rulemaking 102

Alexander V. Baranov

A positivist approach to the understanding of law: history and current state in the conditions of digital reality 105

Ivan M. Basenko The concept of «metonymy» in law enforcement practice	108
Anna A. Borisova, Ekaterina A. Khomutova Property rights as a subject of theft in crimes against property: statement of the problem	111
Dmitry V. Vlasov Problems of realization by the public prosecutor of the power to initial proceedings on cases of administrative offenses	114
Ksenia B. Volik On the question of the definition of the legal mentality	117
Nadezhda B. Garbovskaya, Ninel V. Zemlyakova, Angelina V. Vishnevskaya Legal aspects of the functioning of complex sentences in the language of law and legal documents	121
Stanislav G. Grigoriev, Vasily V. Markiyarov, Anna V. Petrova To the question of prevention of road safety for students of general educational institutions	126
Maxim A. Zhidkikh Distinctive features of the delegated interpretation of law	130
Dmitry P. Kirichenko Sanctions for crimes against personal health in the criminal code of the Russian Federation	135
Alla V. Kiseleva, Anastasiya E. Zhukova Conceptual approaches to the resovereignization of civil society	138
Olga A. Kovtun, Natalia D. Tereshchenko The highest official of the subject of the Russian Federation as a public authority	141
Anton V. Kryukov Practical issues of consideration of criminal cases on crimes provided for by article 210 of the criminal code of the Russian Federation	145
Arkady S. Nekoz Criminal liability for leaving in danger: law enforcement issues	148
Ekaterina P. Olifirenko Current directions of the Prosecutor's Office's supervision over the implementation of federal legislation in the field of ensuring the rights of minors (on the example of the Karachay-Cherkess Republic)	150
Anna A. Petrikina, Irina V. Gubko The justice of the sentence: concept, meaning, modern understanding	154
Lyudmila A. Spector, Alexander D. Malyutin Criminal liability for crimes in the field of illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances: modernization issues	157
Igor V. Stukonog, Anastasia I. Stukonog Animal cruelty: some problems of regulation of criminal liability	160
Sergey Yu. Sumenkov, Roman A. Osipov Legal awareness as a component of legal reality	167
Victoria V. Trostyanetskaya Comparative legal analysis of responsibility for «hate crimes» in the criminal legislation of the Russian Federation and the USA	172
Tatiana V. Utkina On certain issues of the importance of the use of incentive measures in the execution of punishments without isolation from society	176
Elena S. Fisenko Features of legal realization of the President status in Russia as a Constitution guarantor	181
Yulia A. Chich Forensic research of digital information: subjective judgment and development prospects	185

Ivan K. Chulkov	
Correlation of space and outer space as fundamental terms of space law	189
Victoria V. Shavlovskaya	
Responsibility for organ, tissue and cell trade: foreign view	194
Dmitry A. Shaportov	
Supervening foreign illegality («Ralli Bros» rule) as an institution of English law	199
ECONOMIC SCIENCES	
Ksenia A. Voronina	
The evolution of the basic strategies in international marketing, taking into account the features of the international marketing environment	207
Mikhail V. Ivashkin, Natalya V. Chervova	
Formation of innovative logistics channels for the delivery of goods to retail customers	210
Vitalii I. Lukashchuk	
Features of marketing in the physical culture and sport industry	214
Tatiana G. Motovits	
Issues of implementing regional projects in the field of employment of the Khabarovsk territory	217
Vladislav V. Suriadnov	
The introduction of «turquoise» principles for the rejuvenation of personnel in state organizations	221
Natalya V. Chervova, Mikhail V. Ivashkin	
The state of the consumer market of Khabarovsk and it's impact on the development of retail	227

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Архипова Виктория Александровна
аспирантка кафедры теории
и социологии управления,
Уральский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
v.arkhipova95@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСТВА КАК ФАКТОРЫ УСПЕШНОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования ценностных ориентаций современных студентов, обучающихся на разных специальностях. Основное внимание уделено взаимосвязи социальной зрелости студентов и процесса социализации. Выявлены основные терминальные и инструментальные ценности студентов для достижения успешности учебной деятельности. Раскрыты основные проблемы высшего образования. Исследованы специфические особенности переоценки ценностей, норм и правил, а также – основных критериев социальной зрелости студенческой молодежи.

Ключевые слова: социальная зрелость, ценностные ориентации, система ценностей, успешность учебной деятельности, студенчество, образование.

Введение.

Одной из важнейших задач современного российского общества является воспитание и социализация молодого поколения, его вхождение в быстро меняющийся современный мир, выстраивание межпоколенческих взаимодействий, реализация личностного потенциала. В данном контексте, в последние годы представители научного и педагогического сообществ все чаще обращаются к проблеме образовательной успешности учащейся молодежи. Существующие программы обучения молодого поколения направлены на внедрение новых современных технологий, разработку проектов, связанных с раскрытием интеллектуального, духовного, профессионального и личностного потенциала молодежной группы [4]. Вместе с тем, данные направления не учитывают множество социально-экономических проблем студентов, среди которых можно выделить следующие:

- падение престижа системы образования;
- недостаточная подготовленность кадров высшей школы к работе в реальных условиях;

Viktoriya A. Arkhipova
Postgraduate Student of the Department
of Theory and Sociology of Management,
Ural Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy
and Public Administration under
the President of the Russian Federation
v.arkhipova95@mail.ru

SOCIAL MATURITY AND VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS AS FACTORS OF SUCCESS OF EDUCATIONAL ACTIVITY

Annotation. The article presents the results of a study of the value orientations of modern students studying in different specialties. The main attention is paid to the relationship between the social maturity of students and the process of socialization. The main terminal and instrumental values of students for achieving the success of educational activities are revealed. The main problems of higher education are revealed. The specific features of the reevaluation of values, norms and rules, as well as the main criteria of social maturity of students are investigated.

Keywords: social maturity, value orientations, value system, success of educational activities, students, education.

- слабая материально-техническая база обучения;
- большой отток талантливой молодежи за рубеж;
- низкие стипендии;
- фрагментация университетского сообщества, искусственно поддерживаемое неравенство статусов, доступа к ресурсам.

Студенчество является уникальной социальной группой, характеризующихся неравномерным развитием физических, физиологических, социально – психологических и культурных параметров. При этом обучение в вузе играет важнейшую роль в социализации молодежи. В это время формируются не только профессиональные компетенции, но и закладываются фундаментальные основы мировоззрения и социально значимые качества, необходимые для самой личности, ее успешной адаптации и социализации. Различные аспекты неэффективных стратегий современного образования нашли свое отражение во множестве теоретических представлений (Г.Е. Зборовский,

П.А. Амбарова, Н.В. Шаброва, С.Г. Ермолаева, Е.В. Пустовалова, Т.И. Заславская, А.Н. Гостев). Происходящие в системе высшего образования процессы преобразования и масштабность существующих проектов приводят к созданию новых методов и форм обучения, а также к разработке определенной образовательной парадигмы, адекватной современному обществу.

У сегодняшних студентов наблюдается снижение уровня базовых знаний, культуры, образовательной мотивации, более прагматичное стремление к материальному благополучию. Кроме того, имеет место переоценка ценностей, нравственных устоев, выработка имитационных стратегий обучения, массовое развитие социального инфантилизма. Происходящие изменения в ценностной сфере, в личном и профессиональном самоопределении, принятии множества ролей, адаптация к новой социальной жизни, способствуют нарастанию напряжения и стресса, что приводит к снижению уровня успешности сначала в образовательной, а затем, и в профессиональной деятельности. Все это актуализирует задачу выявления и определения качеств субъектов образовательного процесса, наличие которых способствует достижению высоких результатов и выступает важным ресурсом для успешности учебной деятельности.

Проблемы вхождения личности в окружающий мир всегда находились в центре внимания общественных наук, а также – деятелей культуры и искусства. Мы считаем, что важной характеристикой учащихся, которая способствует успеху в обучении в различных условиях, является их социальная зрелость, поскольку именно социальная зрелость личности лежит в основе формирования важных социальных качеств и стремления к познавательной деятельности.

Теоретические основания исследования.

Изучение проблемы социальной зрелости студенческой молодежи неразрывно связано с рассмотрением социализации в целом. Разного рода аспекты процесса социализации индивида нашли свое отражение в зарубежных и отечественных исследованиях. Как было отмечено ранее, за последние десятилетия общество пережило множество социальных изменений. Наиболее существенные трансформации произошли в социальной, политической и экономической сферах социума. Происходящие изменения характеризуются двойной направленностью: с одной стороны, открываются возможности для каждой личности реализовать себя в полной мере, с другой – возникает опасность развития негативных тенденций в развитии общества, в частности, среди студенческой молодежи. Современная ситуация обуславливает необходимость учета множества факторов, влияющих на становление как социальной группы молодежи, так и такой ее подгруппы как студенчество.

Понятие «социализация» начинает активно использоваться в научном дискурсе в начале 50-х годов XX века А. Парком, Д. Доллэрдом, Дж. Кольманом, А. Бандурой, В. Уолтером и др. Наиболее

крупные монографические работы по данной проблеме принадлежат О. Бриму, И. Уиллеру, Дж. Эронфриду, Д. Гослингу, В. Уолтерсу. Первые отечественные работы, посвященные проблемам социализации, появляются в середине 1960-х годов (И.С. Кон, Е.С. Кузьмин, Б.Д. Парыгин). Анализ их научных трудов показывает, что под социализацией авторы понимали совместный активный процесс, аккумулирующий накопленный социальный опыт и транслирующий его в общество за конкретный исторический период [1; 5].

В отечественной психологии также существует подход к исследованию социализации через изучение системы регуляторов внешних и внутренних систем контроля (Д.Н. Узнадзе, В.Н. Мясищев и др.). Следует выделить вклад Д.Н. Узнадзе и грузинской психологической школы, которая изучала фиксированные установки, при этом, по их мнению, формула поведения может быть представлена в виде системы: среда – установка – поведение [8]. В.Н. Мясищев в качестве внутреннего поведенческого регулятора рассматривал социальные установки. Наряду с социальными установками, в работах отечественных психологов предложено в качестве внутренних поведенческих регуляторов рассматривать такое формирование личности, как направленность [3].

Социализация студенчества является специфическим процессом, поскольку именно на период обучения приходится период адаптации, характеризующийся, с одной стороны, становлением личности человека, включением его в систему общественных отношений, а с другой, данная возрастная группа в дальнейшем должна будет сама транслировать социальные нормы и традиции следующему поколению. Таким образом, от социализации студенческой молодежи во многом зависит сохранение и дальнейшее развитие общества в целом.

Наиболее востребован в современных условиях институт образования как самая распространенная форма приобщения людей к социальным нормам и ценностям, культурному богатству человечества. Основной целью успешного обучения является подготовка индивида к самостоятельной жизни, коммуникации, усвоению общепринятых норм и ценностей, формирование способности эффективно решать поставленные задачи. Успешность учебной деятельности зависит от социального опыта субъекта и обобщенного результата действий в подобных ситуациях других агентов. Важным аспектом является значимость результата поведения, ценность получаемых благ.

Сказанное позволяет нам рассматривать ценностные ориентации в качестве одного из главных компонентов содержания учебной деятельности. Одновременно реализация ценностей учащегося происходит посредством деятельности и выступает как ее результат. Ценностная ориентация лежит в основе мотива деятельности и является его значимым побудителем. В.И. Плотников выделял четыре уровня развития ценностного отношения: побуждение и потребности личности,

выбор между ориентацией на удовлетворение ближайшей цели и отдаленной, осознание существующих рисков в определении жизненного выбора, сделанный выбор служит основанием для оценки других ориентаций и систем ценностей. Согласно автору, исключительно ситуация выбора делает ценность значимой, приотворяя ее как образец поведения [6].

В.А. Ядов в диспозиционной концепции регуляции поведения ставит ценностные ориентации в иерархии на высший уровень. Центральным аспектом в ценностях выступает «жизненный идеал», выстраивающий систему ценностных ориентаций в виде ближайших и перспективных целей. Автор указывает на предрасположенность, направленность интереса, доминирующую мотивацию, социальную установку, которые зафиксированы в личном опыте и готовые к действию строго определенным образом [9].

Согласно Д.А. Леонтьеву, ценности рассматриваются в трех аспектах: как социальный эталон, как результат деятельности, как существующая мотивация поведения, посредством которого реализуются эталоны. Ценностная ориентация характеризует направленность субъекта деятельности, его самоопределение, готовность действовать в конкретных ситуациях определенным образом [2].

В качестве одного из инструментов, в данном исследовании использовалась адаптированная

методика М. Рокича, позволяющая определить инструментальные и терминальные ценности. Автор рассматривал ценностную ориентацию как разновидность устойчивого убеждения, предпочтительную в поведении личности [7]. Для изучения социальной зрелости студентов вузов был применен анкетный опрос для выявления оценки таких качеств, как активность, ответственность, целеустремленность, материальная автономность, профессиональное самоопределение.

Целью данного исследования является изучение социальной зрелости студентов и роли их ценностных ориентаций как фактора успешности учебной деятельности.

Результаты исследования.

В исследовании приняли участие 356 студентов (204 девушки, 152 юношей) в возрасте 18–23 лет. Из них 100 студентов гуманитарных специальностей, 90 студентов технических специальностей, 83 студента естественно-научного профиля, 83 студента социально-экономического профиля. Мы использовали описательную статистику, коэффициент корреляции V Крамера в программе SPSS Statistics 23.0 и Vortex 10.

Проведенное в 2021 году исследование структуры ценностей студентов показало, что в группу предпочитаемых ценностей и стратегий для достижения успеха в обучении вошли несколько категорий (табл.1).

Таблица 1

Распределение терминальных ценностей студентов с направлениями обучения, % от числа опрошенных

	Направления подготовки				Всего
	Социально-экономическое	Инженерно-техническое	Гуманитарное	Естественное	
Хобби	40	43	36	41	39
Хорошее здоровье	78	81	83	75	80
Возможность отдохнуть	27	25	36	31	30
Финансовое благополучие	43	50	42	47	46
Хорошее образование	31	20	42	35	33
Семья	73	65	70	71	70
Самообразование	64	62	67	65	65
Хорошая работа	60	67	55	59	59

Примечание: Сумма ответов превышает 100 %, поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов.

Согласно данным таблице 1, большинство респондентов, а именно 80 %, считают, что хорошее здоровье является важным аспектом для достижения успеха в обучении и в жизни. Однако лишь 33 % выбирают хорошее образование. Такая разница в ответах может быть связана с текущей эпидемиологической ситуацией в мире. При этом у представителей гуманитарного профиля показатель выбора хорошего образования вдвое выше, чем у обучающихся по инженерно-техническим специальностям. Мы полагаем, что это

связано со спецификой гуманитарного образования, поскольку оно в основном направлено на понимание процессов, происходящих в обществе. К предпочитаемым ценностям, по итогам опроса, также относятся «семья» (70 %), «самообразование» (65 %) и «хорошая работа» (59 %). Следует также отметить, что «успешная учеба» не вошла в группу предпочитаемых ценностей, что позволяет сделать вывод об ее малозначимой роли в иерархии представлений данной группы студенчества.

Таблица 2

Распределение инструментальных ценностей студентов, % от числа опрошенных

	Направления подготовки				Всего
	Социально-экономическое	Инженерно-техническое	Гуманитарное	Естественно-научное	
Целеустремленность	69	73	78	80	77
Трудолюбие	59	65	67	72	68
Знания	49	51	54	57	55
Организованность	34	29	32	28	31
Способности, талант	27	34	24	26	29
Честность, принципиальность	30	26	21	29	27
Инициативность	15	11	10	13	13

Примечание: Сумма ответов превышает 100 %, поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов.

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что наиболее значимыми инструментальными ценностями для достижения успеха в обучении являются «целеустремленность», «трудолюбие», «знания». Такая позиция, скорее всего, обусловлена тем, что современные студенты ориентируются на жизнедеятельность в условиях рынка труда, которая требует от молодого поколения высокого уровня самостоятельности. Данные показатели подтверждают преимущество выбора «самообразования» среди групп студентов с различным уровнем социальной зрелости.

Таким образом, «самообразование» выбирается большинством студентов как основная стратегия

успешного обучения. Этот показатель равномерно распределен по всем направлениям различных специальностей. Возможно, это связано с существующими тенденциями реформирования стратегий образования. Жизнедеятельность в условиях рынка труда требует от молодых специалистов высокой степени независимости и ответственности. При этом большинство респондентов (67 %), не считающих себя успешными в обучении, занимаются самообразованием. Это может указывать на то, что они недовольны своими нынешними достижениями в учебе в вузе, или их не устраивает структура образовательного процесса.

Таблица 3

Взаимосвязь отношений к самообразованию как к стратегии успешного обучения

Самообразование	Формирование собственной системы ценностей, правил поведения	Поиск новых знаний, идей, объяснений реальности
Жизненные перспективы, цели, ресурсы для достижения целей	0,8	0,7

Примечание: Коэффициент V Крамера [0...1]: 0,08; $p < 0,00$.

Корреляционный анализ показал, что студенты оценивают самообразование как определение своих жизненных перспектив, целей и ресурсов для достижения целей. Самообразование способствовало формированию собственной системы ценностей, правил поведения и поиску новых знаний, идей и объяснений действительности среди учащихся, успешно обучающихся. Среди желающих учиться высоко ценятся полученные знания, поэтому они лучше осваивают собственный социальный опыт и находят новые пути самореализации. В то же время, такая направленность определения самообразования как формирование собственной системы ценностей свидетельствует об определенных изменениях критериев социальной зрелости студентов.

Выводы.

Процесс социализации охватывает все основные сферы развития и формирования личности. При этом данный процесс предполагает как воздействие со стороны социума на индивида, так и наоборот. Следовательно, социализация – представляет собой нелинейный процесс, в современных условиях имеющий неопределенный

характер. Такая тенденция ведет к снижению влияния однозначных воспитательных и образовательных мер влияния на студенческую молодежь.

Осложняет процесс социализации коммуникация в информационном пространстве. Вследствие этого трудность заключается в невозможности прогнозировать будущее и основной вектор развития важных социальных институтов, которые напрямую связаны с адаптацией молодого поколения. Наиболее значимыми институтами социализации является семья и образование, основная функция которых состоит в передаче знаний, умений и навыков, необходимых для успешного взаимодействия между индивидами и развития общества. Устойчивость эффективного функционирования системы образования зависит от изучения потребностей социума в специалистах разного профиля на дальнейшую перспективу.

Необходимо отметить, что основной стратегией достижения успешности в учебной и профессиональной деятельности современных студентов является самообразование. Исходя из полученных данных, самообразование оценивается студентами как определение своих жизненных

перспектив и целей. Оно способствует формированию своей системы ценностей, что, в свою очередь, меняет принятые критерии социальной зрелости студентов. Подобная тенденция поднимает вопросы о престижности и эффективности

Литература:

1. *Кон И.С.* Социология личности. М. : Политиздат, 1967. 383 с.
2. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М. : Политиздат, 1975. С. 188.
3. *Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. Л. : ЛГУ, 1960. 224 с.
4. Нацпроект «Образование» // Министерство просвещения Российской Федерации. URL : <https://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения 06.12.2021).
5. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология как наука. Л. : Лениздат, 1967. 264 с.
6. *Плотников В.И.* Ценность / В.И. Плотников; Под общ. ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова // Современный философский словарь. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2004. С. 788–790.
7. *Рокич М.* Природа человеческих ценностей. М., 2005. с.56.
8. *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси : Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961. 210 с.
9. *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе / В.А. Ядов // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–51.

деятельности классического образования, уровня подготовки преподавательского состава, системы управления, владения современными методами обучения и воспитания.

Literature:

1. *Кон I.S.* Sociology of personality. M. : Politizdat, 1967. 383 p.
2. *Leontiev A.N.* Activity, consciousness, personality. M. : Politizdat, 1975. P. 188.
3. *Myasishchev V.N.* Personality and neuroses. L. : LSU, 1960. 224 p.
4. National project «Education» // Ministry of Education of the Russian Federation. URL : <https://edu.gov.ru/national-project> (date of the application 06.12.2021).
5. *Parygin B.D.* Social psychology as a science. L. : Lenizdat, 1967. 264 p.;
6. *Plotnikov V.I.* Value / V.I. Plotnikov; Under the general editorship of V.E. Kemerovo, T.H. Kerimov // Modern philosophical dictionary. 3rd ed., ispr. and add. M. : Academic Project, 2004. P. 788–790.
7. *Rokich M.* The nature of human values. M., 2005. P. 56.
8. *Uznadze D.N.* Experimental foundations of the psychology of installation. Tbilisi : Publishing House of the Academy of Sciences of Georgia. USSR, 1961. 210 p.
9. *Yadov V.A.* Social identification in a crisis society / V.A. Yadov // Sociological Journal. 1994. № 1. P. 35–51.

Барановский Сергей Борисович

кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры
физического воспитания и спорта,
Донской государственной
технической университет
sergey.baranovski@mail.ru

Сорокин Владимир Алексеевич

старший преподаватель кафедры
физического воспитания и спорта,
Донской государственной
технической университет
mr.vova.976@mail.ru

**МОЛОДЕЖНОЕ ВОЛОНТЕРСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В СФЕРЕ СПОРТА
В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. Статья посвящена социологическому осмыслению молодежного волонтерского движения в сфере спорта в современном российском обществе. Как отмечают авторы, спортивное волонтерство в России – это безвозмездная работа молодых граждан, осуществляемая в сфере спорта высших достижений и профессионального спорта, массового и любительского спорта, сфере здорового образа жизни и адаптивного спорта, направленная на благо российского общества.

Ключевые слова: молодежное волонтерское движение, волонтерская деятельность, молодежь, современное российское общество, физическая культура, спорт, спортивное волонтерство.

В последние десятилетия в российском социуме активно развивается такой вид общественной значимой деятельности, как волонтерство (деятельность, осуществляемая на добровольных началах во имя социального блага) [1]. Волонтерство как инновационный социальный феномен в современном российском обществе воплотилось в серьезное волонтерское движение, в целом, и в такую его разновидность, как спортивное молодежное волонтерство, в частности. Будучи многоаспектным социальным феноменом, молодежное волонтерство – это способ сохранения и укрепления общечеловеческих гуманитарных ценностей (милосердие, доброта, безвозмездная помощь), это созидательная социальная сила, способствующая построению более гуманного и справедливого общества посредством всеобщего сотрудничества.

Как известно, волонтерское движение в современном спорте является одним из видов волонтерской деятельности молодежи. Однако стоит

Sergey B. Baranovsky

Candidate of Pedagogical Sciences,
Senior Lecturer of the Department
of Physical Education and Sports,
Don State Technical University
sergey.baranovski@mail.ru

Vladimir A. Sorokin

Senior Lecturer of the Department
of Physical Education and Sports,
Don State Technical University
mr.vova.976@mail.ru

**YOUTH VOLUNTEER MOVEMENT
IN THE FIELD OF SPORTS
IN MODERN RUSSIAN SOCIETY**

Annotation. The article is devoted to the sociological understanding of the youth volunteer movement in the field of sports in modern Russian society. Sports volunteering in Russia is the free work of young citizens, carried out in the field of elite sports and professional sports, mass and amateur sports, the field of a healthy lifestyle and adaptive sports, aimed at the benefit of Russian society.

Keywords: youth volunteer movement, volunteer activity, youth, modern Russian society, physical culture, sports, sports volunteering.

заметить, что молодежное волонтерское движение в российском обществе и государстве пока еще пребывает в «стадии институционального становления, характеризуясь активным включением в различные социально-экономические процессы» российского социума [2, с. 174].

Спортивное волонтерское движение в современном обществе популяризировалось с начала 2010-х гг., поскольку именно российское государство выступило организатором для проведения таких спортивных мероприятий, как XXVII Всемирная летняя Универсиада в 2013 году (Казань); XXII Олимпийские Зимние Игры и XI Паралимпийские Зимние Игры 2014 года (Сочи); Кубок Конфедераций FIFA 2017; Чемпионат мира по футболу в 2018 году, Зимние Всемирные студенческие игры в 2019 году (Красноярск). Именно благодаря этим событиям волонтерская (добровольческая) деятельность стала активно развиваться в сфере физической культуры и спорта (ФКиС).

Как отмечает председатель совета Ассоциаций волонтерских центров А.П. Метелев: «Каждый россиянин должен понимать, что волонтерство – это неотъемлемая часть жизни и культуры каждого человека, чтобы:

- во-первых, не просто проживать эту жизнь, не только ради себя;
- во-вторых, – улучшать территорию, в которой ты проживаешь и качество жизни людей, которые вокруг.

Ведь мы все, когда приходим к себе домой, проходим постоянно через подъезд, если это многоквартирный дом, мимо сломанной лавочки, через двор. И если мы не будем заботиться о территории, которая вокруг, если мы будем игнорировать это, то мы просто действуем против себя» [3].

Актуальность развития волонтерского движения в российском социуме подтверждает Распоряжение Правительства Российской Федерации «О концепции развития добровольчества (волонтерства) до 2025 года» [4]. Главными направлениями развития добровольчества (волонтерства) в сфере ФКиС, в соответствии с данным Распоряжением, являются:

- участие в организации и проведении физкультурных и спортивных мероприятий;
- участие в организации и деятельности объектов спорта;
- участие в организации и проведении спортивных мероприятий среди лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов;
- участие в пропаганде здорового образа жизни, физической культуры и спорта;
- вовлечение в добровольческую (волонтерскую) деятельность известных спортсменов, профессиональных работников сферы физической культуры и спорта [4, с. 5–6].

Однако процесс вовлечения молодежи в волонтерскую деятельность в целом, и волонтерское спортивное движение, в частности, характеризуется «определенными проблемами и противоречиями», детерминированными «социокультурными предпосылками формирования волонтерского движения в России», кризисным состоянием базовых социальных институтов социализации молодежи, а также непоследовательной «государственной политикой в отношении добровольчества» [2, с. 174].

Как подчеркивает В.В. Овсий, существует определенный разрыв между частью населения, принимающей участие в волонтерском движении и частью населения, заявляющей «о потенциальной готовности участвовать в волонтерской деятельности». Так, порядка 15 % населения российского общества являются активными волонтерами, а около 50 % респондентов выражают желание принимать участие в волонтерской деятельности, работая на добровольной основе [5]. Это красноречиво свидетельствует в пользу активизации

специальной деятельности, ориентированной на привлечение в волонтерское движение желающих молодых россиян с целью их личностной самореализации в той или иной сфере, и сфера спорта здесь отнюдь не является исключением.

Исследованию спортивного волонтерства как особой социальной деятельности посвящены работы многих российских ученых, в числе которых: А.А. Максимов, Р.Б. Паньч, Е.А. Паклина, М.В. Певная, Д.Ф. Телпеаева, О.В. Шиняева и др.

Что же представляет собой спортивное волонтерство?

Российский исследователь Д.Ф. Телпеаева определяет спортивное волонтерство как «социальный феномен, который может рассматриваться как вид безвозмездной деятельности социального сообщества, члены которого принимают добровольное участие в организации и проведении широкого спектра программ, мероприятий и акций в свободное от основной занятости волонтера время, внося реальный трудовой вклад в решение определенных социальных задач профессионального и любительского спорта» [6, с. 32].

Молодежное волонтерское движение в сфере спорта в современном российском обществе (спортивное волонтерство), по мнению О.В. Шиняевой, представляет собой «комплексную программу, включающую в себя систему мотивации и стимулирующие меры» [7, с. 131].

Волонтерство включает в себя три важных составляющих:

- мотивацию, никак не связанную с излечением материальной прибыли; деятельность во имя социального блага;
- личностную мотивацию через посредство активной личной вовлеченности в добровольческий процесс [8].

Молодежное спортивное волонтерство, по мнению А.Н. Капустиной, способствует:

- формированию «просоциальных жизненных стратегий» молодежи, эффективному конструированию межличностного взаимодействия;
- являет собой неисчерпаемый источник социокультурных связей, межличностных отношений и содержательной досуговой деятельности;
- открывает широкие горизонты для будущей профессиональной деятельности молодежи и социального развития молодых людей [9];
- является мерой профилактики девиантного поведения среди молодежи и средством развития социального здоровья российской молодежи [10; 11].

С целью привлечения большего количества молодежи, желающей принять участие в спортивном волонтерском движении, необходимо обозначить некоторые практические приемы и стимулы повышения уровня участия населения в спортивном волонтерстве.

Российский социолог О.В. Шиняева к такого рода мотивирующим стимулам, способствующим расширению молодежного волонтерства в российском социуме, относит следующие возможности [7, с. 129]:

- получать знания в области ФКиС и умения вступать в коммуникацию и интеракцию с людьми во время спортивных состязаний;
- вести наблюдение за деятельностью спортсменов;
- свободно посещать физкультурно-спортивные мероприятия, спортивные состязания и социокультурные мероприятия спортивно-оздоровительного характера;
- получать спортивную экипировку и атрибуты спортивно-соревновательной деятельности;
- совершать акты социального служения в период физкультурно-соревновательной деятельности и приносить общественную пользу.

Согласно социологическому опросу, проведенному Г.Г. Бородаевой и И.А. Рудневой, студенческая молодежь участвует в волонтерских проектах:

- ради приобретения опыта взаимодействия» (20 % респондентов);
- ради знакомства и изучения особенностей различных жизненных ситуаций» (12 % респондентов);
- для выявления причин возникновения трудных и проблемных ситуаций – в одних случаях по вине самого человека, в других – из-за стечения негативных факторов и случайностей» (15 % респондентов);
- в целях развития специальных навыков и знаний» (18 % опрошенных);
- ради установления деловых связей и личных контактов» (35 % респондентов) [12].

Литература:

1. Волонтерская деятельность как ресурс повышения социального здоровья российской молодежи / В.В. Касьянов [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 61–66.
2. Волков Ю.Г. Особенности институционализации молодежного волонтерства в современном российском обществе / Ю.Г. Волков, В.В. Овсян // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8(37). № 3. С. 174–185.
3. Итоги Года добровольца. Как развивалось движение. URL : <https://dobro.ru/news/1889-itogi-goda-dobrovolc>
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.12. 2018 г. № 2950-р «О концепции

Иными словами, более половины респондентов из числа студенческой молодежи включаются в разработку и реализацию волонтерских проектов ради получения нового учебно-профессионального опыта и установления межличностных и деловых связей.

Спектр молодежной волонтерской деятельности на спортивных мероприятиях достаточно широк, ибо волонтеры могут быть заняты по своим личностным возможностям и способностям, а также, в соответствии с интенциональным стремлением (коммуникативном намерении) в различных сферах: обслуживании различных спортивных объектов, помощи в организации питания, проживания и мобильного передвижения как самих участников соревнований, так и гостей спортивно-состязательных мероприятий, проведении экскурсий, помощи с переводом, наконец, работой в информационных центрах.

Следует отметить, что спортивное волонтерство в России – это безвозмездная работа молодых граждан, осуществляемая в сфере спорта высших достижений и профессионального спорта, массового и любительского спорта [13; 14], в сфере здорового образа жизни и адаптивного спорта [15], направленная на благо российского общества.

В завершении следует отметить, что спортивное молодежное волонтерство решает не только задачи поддержки крупных мероприятий в сфере молодежного спорта, но и более значимые цели – способствует не только самореализации личности молодого человека, но и вовлечение молодой части населения в формы гражданского участия и социального партнерства. Совершенствование мер поддержки молодых российских волонтеров и самого социального института молодежной волонтерской деятельности, наряду с разработкой адекватной и грамотной системы мотивирования, основанной на гуманистических ценностях и миротворческих идеях, будут, так или иначе, способствовать росту молодежного волонтерского движения в сфере спорта в российском социуме, а также укреплению гражданского общества.

Literature:

1. Volunteer activity as a resource for improving the social health of Russian youth / V.V. Kasyanov [et al.] // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 2. P. 61–66.
2. Volkov Yu.G. Features of the institutionalization of youth volunteering in modern Russian society / Yu.G. Volkov, V.V. Ovsy // Humanitarian of the South of Russia. 2019. Vol. 8(37). № 3. P. 174–185.
3. Results of the Year of the Volunteer. How the movement developed. URL : <https://dobro.ru/news/1889-itogi-goda-dobrovolc>
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 27.12. 2018 № 2950-r «On the concept

развития добровольчества (волонтерства) до 2025 года». URL : <http://www.government.ru>

5. *Овсий В.В.* Перспективные направления развития молодежного волонтерства в современной России / В.В. Овсий // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8(37). № 3.

6. *Телепаева Д.Ф.* Управление спортивным волонтерством: институциональные аспекты : дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2021. 167 с.

7. *Шиняева О.В.* Спортивное волонтерское движение в современной России / О.В. Шиняева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 126–132.

8. *Максимов А.А.* Спортивное волонтерство как новый тренд для молодежи / А.А. Максимов, Р.Б. Паньч, С.С. Петровский // Система ценностей современного общества. 2015. № 39. С. 141–146.

9. *Капустина А.Н.* Волонтерская деятельность как ресурс самореализации личности / А.Н. Капустина // Universum: психология и образование. 2016. № 3.

10. *Воробьев Г.А.* Формирование установки на здоровый образ жизни как мера профилактики девиантного поведения среди молодежи / Г.А. Воробьев, Н.А. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-ustanovki-na-zdorovy-obraz-zhizni-kak-mera-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-sredi>

11. *Гафиатулина Н.Х.* Спортивное движение как эффективное средство развития социального здоровья российской молодежи / Н.Х. Гафиатулина, С.С. Косинов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 19–22.

12. *Бородаева Г.Г.* Волонтерская деятельность как фактор формирования личности студента / Бородаева Г.Г., И.А. Руднева // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4.

13. Directions of state policy to improve the accessibility of youth mass sports in modern Russia / N.N. Bykov, S.B. Bolozin, S.B. Baranovsky [et al.] // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. Vol. 8. № 2. P. 1–9.

14. *Самыгин, С.И.* Массовый спорт и его роль в социализации молодежи в современной России / С.И. Самыгин, П.С. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2015. № 5. С. 42–44.

15. *Сорокин В.А.* Развитие профессионально-физкультурных компетенций по проектированию оздоровительных технологий в системе подготовки специалиста по физическому воспитанию / В.А. Сорокин, И.Е. Пономарев // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2020. № 1. С. 256–260.

of the development of volunteering (volunteering) until 2025». URL : <http://www.government.ru>

5. *Ovsiy V.V.* Perspective directions for the development of youth volunteering in modern Russia / V.V. Ovsiy // Humanitarian of the South of Russia. 2019. Vol. 8(37). № 3.

6. *Telepaeva D.F.* Management of sports volunteering: institutional aspects : dis. ... cand. sociological sciences. Yekaterinburg, 2021. 167 p.

7. *Shinyaeva O.V.* Sports volunteer movement in modern Russia / O.V. Shinyaeva // Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences. 2017. № 3. P. 126–132.

8. *Maksimov A.A.* Sports volunteering as a new trend for youth / A.A. Maksimov, R.B. Panych, S.S. Petrovsky // System of values of modern society. 2015. № 39. P. 141–146 .

9. *Kapustina A.N.* Volunteering as a resource for personal self-realization / A.N. Kapustina // Universum: psychology and education. 2016. № 3.

10. *Vorobiev G.A.* Formation of an attitude towards a healthy lifestyle as a measure of prevention of deviant behavior among young people / G.A. Vorobiev, N.A. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 10. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-ustanovki-na-zdorovy-obraz-zhizni-kak-mera-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-sredi-molodezhi>

11. *Gafiatulina N.Kh.* Sports movement as an effective means of developing the social health of Russian youth / N.Kh. Gafiatulina, S.S. Kosinov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 3. P. 19–22.

12. *Borodaeva G.G.* Volunteer activity as a factor in the formation of a student's personality / G.G. Borodaeva, I.A. Rudneva // Modern problems of science and education. 2014. № 4.

13. Directions of state policy to improve the accessibility of youth mass sports in modern Russia / N.N. Bykov, S.B. Bolozin, S.B. Baranovsky [et al.] // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. Vol. 8. № 2. P. 1–9.

14. *Samygin S.I.* Mass sports and its role in the socialization of youth in modern Russia / S.I. Samygin, P.S. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences, 2015. № 5. P. 42–44.

15. *Sorokin V.A.* Development of professional and physical culture competencies for the design of health technologies in the system of training a specialist in physical education / V.A. Sorokin, I.E. Ponomarev // State and municipal management. Scientific notes. 2020. № 1. P. 256–260.

Башарова Ольга Геннадьевна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической
безопасности, учета и аудита,
Ульяновский
государственный университет
basharova.ol@mail.ru

Тимохина Арина Владимировна
студентка факультета экономики,
Ульяновский
государственный университет
arina.timoxina@mail.ru

СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ

Аннотация. Коммуникативные барьеры могут стать препятствием на пути к конструктивному и успешному деловому общению. В статье уделено внимание барьерам социального характера: избегание, авторитет, непонимание) и психологического характера: барьер отношений, эмоциональный барьер, замещающе-искажающий барьер. Значительное внимание авторами уделяется рекомендации по преодолению перечисленных барьеров в деловой сфере. Также, коммуникативные барьеры в статье рассматриваются как причина конфликта.

Ключевые слова: коммуникативный барьер, деловое общение, социальный барьер, психологический барьер, эмоциональный барьер, преодоление барьера, конструктивное общение, конфликт.

Коммуникация является обменом различными представлениями, идеями, интересами, настроениями. А также, коммуникация рассматривается как информация, увязанная с конкретным поведением собеседников.

Информация играет особую роль для каждого участника коммуникации при условии, что она не только принимается, но и понимается. При таких обстоятельствах, обмен информацией, в большинстве случаев, влечет за собой психологическое воздействие на партнера.

Коммуникативное воздействие в результате информационного обмена возможно только при наличии у нескольких участников коммуникации одной системы кодирования. Однако, даже зная значение одних и тех же слов, люди не всегда понимают их одинаково: причинами этого, как правило, являются социальные, политические и возрастные особенности.

В результате несоблюдения вышеперечисленных нюансов, как правило, формируются

Olga G. Basharova
Candidate of Economic Sciences,
Senior Lecturer in Economic Security,
Accounting and Audit,
Ulyanovsk State University
basharova.ol@mail.ru

Arina V. Timokhina
Student of the Faculty of Economics,
Ulyanovsk State University
arina.timoxina@mail.ru

METHODS OF OVERCOMING COMMUNICATION BARRIERS IN BUSINESS COMMUNICATION

Annotation. Communication barriers may become an obstacle on the way to constructive and successful business communication. The article focuses on barriers of social (avoidance, authority, misunderstanding) and psychological (a relationship barrier, an emotional barrier, a substituting and distorting barrier) nature. Significant attention is paid to recommendations on overcoming the listed barriers in the business sphere. Communication barriers are also considered as a reason for a conflict.

Keywords: communication barrier, business communication, social barrier, psychological barrier, emotional barrier, barrier overcoming, constructive communication, conflict.

коммуникативные барьеры, которые могут носить социальный и психологический характер.

Социальные барьеры создаются из-за отсутствия общего понимания ситуации общения, вызванного глубокими различиями, существующими между партнерами. Различия, в свою очередь, могут быть социальными, политическими, религиозными, профессиональными и т.д.

Барьеры психологического характера возникают из-за индивидуально-психологических особенностей общающихся или из-за сложившихся между ними психологических отношений. При этом коммуникационные барьеры различны по масштабности, месту возникновения (личное пространство, работа, хобби и др.), участникам и прочее. Например, установление дружеских отношений с руководством может рассматриваться как положительный момент, а может стать барьером в коммуникации с сотрудниками. По данным опроса SuperJob, о дружеских отношениях с руководителем заявляют 19 % россиян, при этом большая часть из них убеждена в том, что такие взаимоотношения положительно сказываются на рабочем процессе (рис. 1).

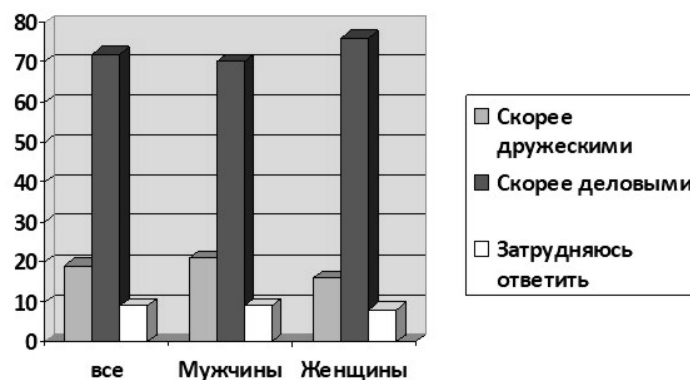

Рисунок 1 – Распределение мнений сотрудников на отношения руководитель – подчиненный (дружеские/деловые)

Как степень дружественности влияет на рабочий процесс: каждый второй сотрудник (48 %) убежден, что дружба с начальником оказывает

положительное влияние на рабочий процесс, каждый третий (31 %) считает, что мешает (рис. 2).

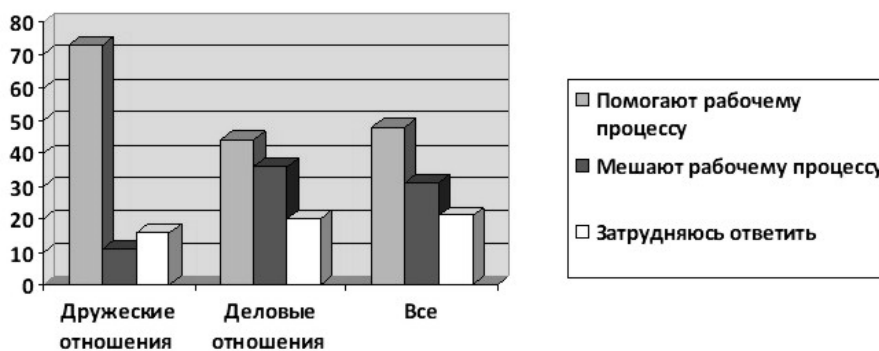

Рисунок 2 – Распределение мнений сотрудников по влиянию отношений на рабочий процесс (помогают/мешают)

Можно выделить два типа людей, сталкивающихся с коммуникативными барьерами. Одни, встречаясь с недопониманием, не осознают существование барьера, следовательно, не могут его грамотно преодолеть. Другие, наоборот, видят недопонимание, однако, не стремятся наладить сотрудничество. Последствием такого поведения будут являться проблемная ситуация или конфликт.

внутренним качествам, а руководители по профессиональной компетентности. Сотрудники акцентируют внимание на некомпетентности, неуважении к подчиненным и неуравновешенности руководителей (рис. 3.).

При этом недопонимания по-разному оцениваются в зависимости от занимаемой должности (руководитель/подчиненный). Например, сотрудники оценивают руководителя по нравственным

Начальники указывают в недостатках подчиненных лень и необязательность, то есть, те качества, которые непосредственно оказывают влияние на качество работы (рис. 4). Данные показатели сформированы на основе опроса 1600 представителей экономически активного населения и 500 руководителей из всех округов страны сервиса SuperJob.

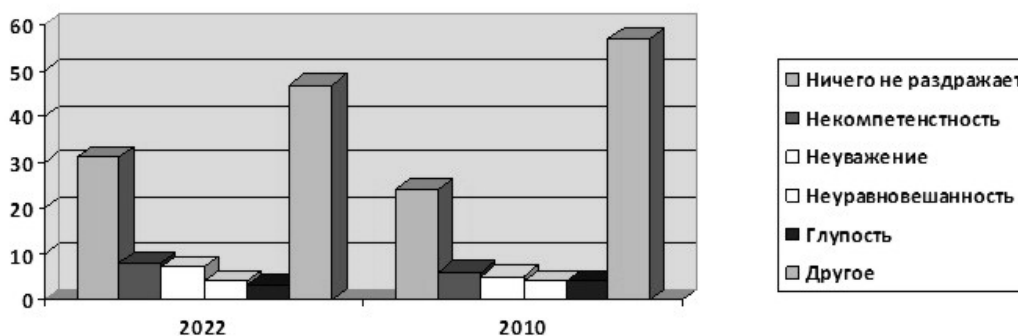

Рисунок 3 – Раздражающие факторы в руководителе для подчиненных

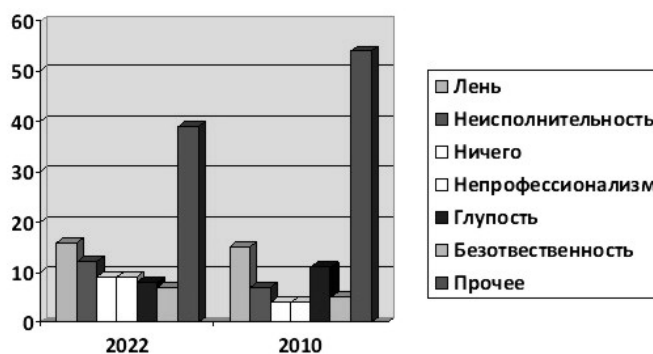

Рисунок 4 – Раздражающие факторы в подчиненных для руководителя

По оценкам проведенного опроса каждого третьего сотрудника (31 %) ничего не раздражает в руководителе. Данные для анализа приведены в динамике и по сравнению с 2010 годом, число сотрудников, у которых руководитель не вызывает раздражение, выросло на четверть. Можно отметить, что постоянный негатив – отрицательный фактор в деловой сфере. В случае, если отношения с руководителем не складываются, многие из опрошенных считают правильным найти другую работу. Данный путь один из легких, но игнорирование коммуникативных барьеров не поможет их преодолеть. Рассмотрим пути преодоления коммуникативных барьеров.

Одним из важных факторов создания первого впечатления является внешний вид. В первую очередь, нужно стараться выглядеть ухоженным и выбирать ту одежду, которая будет соответствовать обстановке. Погоня за модой не всегда выглядит уместно [1].

Не менее важно соблюдать правила этикета. Если в неформальной обстановке достаточно придерживаться базовых правил поведения, то деловое общение требует соблюдения делового этикета. Важно отметить, этикета подобного рода необходимо придерживаться не только при общении с человеком и коллективом, но и в телефонном разговоре или деловой переписке.

Работать над развитием эмоционального интеллекта (EQ). Благодаря высоко развитому эмоциональному интеллекту, можно понимать намерения других людей распознавать их эмоции и настроение. Опираясь на опыт собственной жизни, авторы могут смело сказать, что эмпатия и самоэмпатия всегда благотворно влияют на развитие отношений.

Уважение к собеседнику и оппоненту важный фактор в установлении контакта при общении. Каждый человек имеет право на своё мнение, каждую точку зрения необходимо принимать к рассмотрению, даже если она прямо противоположна вашей. Неуважительное отношение к собеседнику и оппоненту – это один из кратчайших путей к возникновению коммуникативных барьеров.

В зависимости от типа барьера, существуют определенные методы, которые повышают шансы преодолеть каждый из них [2].

Барьер общения «избегание» чаще всего связан с тем, что человек уклоняется от источников воздействия. Если избежать контакта с собеседником невозможно, то он стремится прекратить коммуникацию. Чтобы преодолеть такой барьер как избегание, важно разрешить две взаимосвязанные проблемы: привлечь и удержать внимание собеседника.

Привлечь внимание можно следующими способами:

- начинать разговор следует с фразы, имеющей определённую значимость для собеседника, но не относящейся непосредственно к основной теме разговора;
- продолжая разговор, необходимо привлечь внимание собеседника, например, говорить неразборчиво, тихо;
- во время разговора поддерживайте зрительный контакт, однако, если собеседник упрямо не замечает ваш взгляд, не стоит давить на него. В этом случае прибегните к другим методам привлечения внимания.

Удержать же внимание можно этими методами:

- проводите разговор с глазу на глаз (это может быть закрытое помещение или укромное место);
- для того, чтобы ваша речь не была монотонна, поэкспериментируйте с интонацией во время разговора, но не переусердствуйте, чтобы коммуникатор не потерял основную мысль беседы;
- в разговоре используйте акцентирующие фразы: «уважаемые коллеги», «необходимо отметить», «важно, что...», «внимание» и т.д.

Авторитет – это важная составляющая коммуникации. Люди не прислушиваются к тем, кого считают некомпетентным в профессиональной сфере, недостаточно образованным и т.д. Приведем несколько способов, которые помогут поднять авторитетность среди коллег:

доброжелательность способствует расположению к себе окружающих. Постарайтесь чаще улыбаться, будьте более приветливы, при случае используйте жесты, которые будут способствовать формированию мнения о вас как об открытом человеке;

– искренность привлекает людей, как старшего поколения, так и младшего. Помните поговорку «лучше быть, а не казаться». Она во многом касается профессиональной деятельности. Нельзя завоевать авторитет обманом. Не забывайте, что и критику можно преподнести так, чтобы собеседник не обиделся;

– социальный статус во многом определяет положение человека в обществе. Он разделяется по умениям, образованию, навыкам и т.д. Старайтесь развиваться во всех направлениях.

С непониманием мы сталкиваемся практически каждый день. Это вызвано множеством факторов, такими, как некомпетентность одной из сторон, национальные особенности и т.д. Большинство людей привыкли воспринимать информацию из письменных источников. Это связано с тем, что в школе и в университете в большинстве случаев мы работаем с текстом. Поэтому, когда вы ведете диалог или выступаете перед аудиторией, постарайтесь сделать свою речь более доступной. Говорите небыстро, чтобы окружающие успели уловить основной смысл. Уточняйте, нет ли вопросов и не нужно ли повторить или объяснить.

Слова, особенно в русском языке, многозначны. Поэтому значения одних и тех же слов мы можем воспринимать по-разному. Не бойтесь, поясните значение даже элементарных слов, если заметили, что аудитория в смятении. Помните, что сейчас множество заимствованных сложных слов. Перед их употреблением необходимо уточнить значение таких слов. Старайтесь не злоупотреблять причастными и деепричастными оборотами в устной речи, а также сложными предложениями [3].

Особенности нашей памяти таковы, что мы не можем запомнить все, что нам говорят. Поэтому, необходимо грамотно преподнести информацию. В начале общения проговорите основную цель, а в конце еще раз повторите основные мысли, подведя итог. Само же выступление постройте на причинно-следственных связях. Как правило, окружающим легче понять, о чем говорят, если есть логическое объяснение информации.

Как уже было сказано, все люди имеют свою точку зрения. Формируется она под действием логики конкретного человека. Не стоит воспринимать чужое мнение «в штыки». Постарайтесь понять, как мыслит оппонент, тогда и аргументы для отстаивания своей позиции будут подобраны намного легче. И для собеседника они будут более убедительными.

Как правило, психологические барьеры преодолеть достаточно тяжело. Это связано с тем, что причины таких барьеров не всегда понятны. Поэтому рассмотрим следующие способы преодоления подобных барьеров.

Барьер отношений. Предубеждения есть у большинства людей, и именно они могут помешать выстроить нормальную коммуникацию. Постарайтесь объективно сформировать мнение о собеседнике, относитесь к его особенностям

нейтрально, будьте тактичны, сохраняйте дружелюбный тон и при разговоре смотрите в глаза.

Эмоциональный барьер. К сожалению, не все люди умеют контролировать собственные эмоции, что может помешать объективной коммуникации. Поэтому, если вы понимаете, что собеседник не в состоянии вести конструктивный диалог, лучше перенести переговоры. Однако, если такой возможности нет, постарайтесь контролировать диалог, не позволяйте нарушить собственное эмоциональное равновесие [4].

Развивать навыки эмоциональной и коммуникативной компетентности нужно каждому человеку. Неважно, в какой сфере он работает, и какая у него специальность. Если этого не делать, вы раз за разом будете становиться участниками конфликтов, наткаться на непреодолимые коммуникативные барьеры, идти на поводу у своих эмоций и потом жалеть об этом [5].

Рассмотрение коммуникативных проблем осложняется разным толкованием самого термина «коммуникация». Коммуникативными помехами может быть механический обрыв информации и отсюда её искажение; неясность передаваемой информации, в силу чего искажается изложенная и переданная мысль; эти варианты можно обозначить как информационно дефицитный барьер.

Случается, что принимающие ясно слышат передаваемые слова, но придают им иное значение (проблема состоит в том, что передатчик может даже не обнаружить, что его сигнал вызвал неверную реакцию). Здесь можно говорить о замещающе искажающем барьере.

Искажение информации, проходящей через одного человека, может быть незначительным. Но когда она проходит через несколько человек – ретрансляторов, искажение может быть существенным.

Очевидно, что не все менеджеры, руководители и рядовые сотрудники достаточно общительны, или как ещё говорят, коммуникабельны. Одни из них достаточно быстро входят в контакт с другими работниками, быстро улавливают настроение, чувства, эмоции своих собеседников, другие испытывают в этом отношении явные трудности, препятствия, барьеры личностного, социального, культурного характера.

Речевое поведение, отличающее язык людей разных национально-этнических общностей, проявляется также ярко и на уровне невербального взаимодействия. Несовпадение символов невербальной коммуникации может оказывать влияние на эффективность делового взаимодействия.

Нередко коммуникативные барьеры становятся причиной конфликта. Какие бы определения конфликта мы не взяли, они все будут указывать на столкновение интересов сторон. Чтобы коммуникация была эффективной, необходимо научиться преодолевать конфликты. Речь идет о всех видах конфликтов, а именно межличностных, внутригрупповых, конфликтах между группами и

конфликтах с внешней средой. Необходимо помнить, что помимо коммуникативных барьеров к конфликтам приводят социальная неоднородность в коллективе и в обществе в целом, различия в уровне доходов, доступа к власти, образованию и информации. Нередко, именно поведение человека и его социально-психологические черты, а именно характер, интеллект и культура, лежат в основе конфликта.

Чтобы разрешить конфликтную ситуацию, нужно придерживаться нескольких достаточно простых правил. Признайте наличие проблемы. Это самый важный шаг, помните, откладывание дела на более поздний срок не приведет к успеху. Далее выслушайте оппонента или оппонентов,

Литература:

1. *Адоир Дж.* Эффективная коммуникация. М. : Эксмо, 2013.
2. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М., 2012. URL : http://www.koob.ru/bodalev/perception_and_understanding
3. *Каган М.С.* Мир общения. М. : Политиздат, 2018.
4. *Карнеги Д.* Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей. URL : <http://lib.ru/KARNEGY/karnegi1.txt>
5. *Карнеги Д.* Вырабатывать уверенность и влиять на людей, выступая публично. URL : <http://lib.ru/KARNEGY/karnegi2.txt>
6. URL : <https://www.superjob.ru/research/articles/sociology>

отнеситесь с пониманием к их точке зрения, выясните, как другие видят сложившуюся ситуацию. Совместно четко сформулируйте предмет конфликта, и выясните, что вас разъединяет и соединяет. Далее необходимо найти общее решение проблемы и беспрекословно ему следовать.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что коммуникативные барьеры в деловом общении встречаются достаточно часто, что, в свою очередь, может приводить к конфликтам. Пользуясь же вышеописанными рекомендациями, можно повысить эффективность делового общения. И тогда общение станет конструктивным, что повлечет за собой желаемый результат.

Literature:

1. *John Adair.* Effective Communication. М. : EKSMO, 2013.
2. *Bodalev A.A.* Perception and Understanding of a Person by a Person. М., 2012. URL : http://www.koob.ru/bodalev/perception_and_understanding
3. *Kagan M.S.* World of Communication. М. : Politizdat, 2018.
4. *Carnegie D.* How to Win Friends and Influence People. URL : <http://lib.ru/KARNEGY/karnegi1.txt>
5. *Carnegie D.* How to Develop Self-Confidence and Influence People by Public Speaking. URL : <http://lib.ru/KARNEGY/karnegi2.txt>
6. URL : <https://www.superjob.ru/research/articles/sociology>

Бразевич Святослав Станиславович

доктор социологических наук,
профессор,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
brazevichss@bk.ru

Бразевич Дмитрий Святославович

кандидат социологических наук,
Санкт-Петербургский государственный
университет гражданской авиации
brazevich1986@mail.ru

Сафронова Жанна Сергеевна

кандидат педагогических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский государственный
химико-фармацевтический университет
shan_safronova@mail.ru

**БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И СЕКСУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО
ПАРТИЙНОГО АКТИВА РАЙОННОГО
УРОВНЯ В КОНЦЕ 1920-Х ГОДОВ:
ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье представлены результаты ретроспективного анализа жизненного опыта районного партийного актива, находящегося на практической работе. Дана общая характеристика партактива, обследованного методом анкетирования, включающая в себя: возрастно-половой состав; социальное происхождение; семейное положение; национальный состав; уровень образования; партийный стаж; участие в гражданской войне. Приведенные материалы конкретно-социологического исследования брачно-семейных отношений и сексуальной жизни партийного актива районного уровня включают следующие данные: особенности сексуальной жизни партактива в новых условиях; показатели брачности активистов и мотивы безбрачия; устойчивость брака в среде партактива; разводы и их причины; удовлетворенность актива семейной жизнью и социальный состав жен партактивистов; удовлетворенность семьей и социальное происхождение жен активистов; начало и характер сексуальной жизни; внебрачные сексуальные связи; отношение партактива к сексуальной проблеме; данные о венерической заболеваемости; возраст и годы заражения; источники заражения. Из анализа материалов конкретно-социологического исследования брачно-семейных отношений и сексуальной жизни партийного актива районного уровня в конце 1920-х годов сделан вывод о свойственных переходной

Svyatoslav S. Brazevich

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
St. Petersburg State University of Economics
brazevichss@bk.ru

Dmitry S. Brazevich

Candidate of Sociological Sciences,
St. Petersburg State University
of Civil Aviation
brazevich1986@mail.ru

Zhanna S. Safronova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Saint Petersburg State University
of Chemistry and Pharmacy
shan_safronova@mail.ru

**MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS
AND SEXUAL LIFE OF SOVIET PARTY
ACTIVITIES OF THE DISTRICT LEVEL
AT THE END OF THE 1920S:
THE EXPERIENCE OF RETROSPECTIVE
SOCIOLOGICAL RECONSTRUCTION**

■ ■ ■

Annotation. The article presents the results of a retrospective analysis of the life experience of a district party activist who is in practical work. The general characteristics of the party activist, examined by the questionnaire method, are given, including: age and sex composition; social background; marital status; National composition; the level of education; party experience; participation in the civil war. The cited materials of a specific sociological study of marriage and family relations and the sexual life of party activists at the district level include the following data: features of the sexual life of party activists in the new conditions; Marriage rates of activists and motives for celibacy; stability of marriage among party activists; divorces and their causes; satisfaction of the asset with family life and the social composition of the wives of party activists; family satisfaction and social background of activists' wives; the beginning and nature of sexual life; extramarital sexual relations; the attitude of the party activist to the sexual problem; data on sexually transmitted diseases; age and years of infection; sources of infection. From the analysis of the materials of a specific sociological study of marriage and family relations and the sexual life of the party activists at the regional level in the late 1920s, a conclusion was made about the features of sexual disorder and disorder characteristic of the transitional era, along with new forms of relations between the sexes.

эпохе чертах половой неурядицы и неупорядоченности, наряду с новыми формами отношений между полами.

Ключевые слова: партийный актив, быт, брак, семья, сексуальная жизнь, социологическая реконструкция.

Keywords: party activist, life, marriage, family, sexual life, sociological reconstruction.

Введение.

Проблема брака и семьи всегда представляла массовый и устойчивый интерес. В любом обществе семья имеет двойственный характер. Во-первых, это социальный институт, а во-вторых, это малая группа со своими закономерностями функционирования и развития. Отсюда ее зависимость от общественного строя, существующих экономических, политических, религиозных отношений и одновременно относительная самостоятельность. С институтом семьи тесно связан другой социальный институт – институт брака, который можно определить как санкционированную обществом, социально и личностно целесообразную, устойчивую форму половых отношений [3, с. 221].

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. сформировались официальные нормы сексуальной и семейной жизни в советском обществе. Они сводились к следующему: советский человек должен ориентироваться на моногамный брак, женская сексуальность может быть реализована только посредством деторождения. Добрачная половая жизнь считалась аморальной, отклоняющиеся формы полового поведения резко осуждались [2, с. 275]. Возврат к патриархальным нормам половой морали в новых социальных условиях 1930-х гг. стал почвой для развития двоемыслия и двойных поведенческих стандартов [4].

Цель настоящего исследования – социологическая реконструкция брачно-семейных отношений и сексуальной жизни партийного актива районного уровня на основе ретроспективных данных конкретно-социологических исследований исследуемого периода в Советском государстве.

Методы и источники.

Изучение проблем брака и семьи было всегда интересной и актуальной темой для любого общества. Конкретная социология и история, несмотря на определенные различия в предмете исследования, задачах и методах, объединены общей целью изучения одного и того же объекта – человеческого общества, закономерностей его развития. Они исходят из принципа историзма.

Реальной основой тесной взаимосвязи конкретно-социологических и исторических исследований является неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего. Любая социальная ситуация, изучаемая конкретной социологией, – это прежде всего компонент исторического процесса. С другой стороны, история имеет социологическую сторону, поскольку изучает не только индивидуально-неповторимые исторические события, но и массовые процессы, социальную структуру общества на разных стадиях его развития, различные социально-экономические явления. Все это, вместе взятое, составляет необходимые объективные предпосылки для применения социологических методов в истории [1, с. 35].

Авторский материал, представленный в статье, базируется на основе вторичного анализа результатов конкретно-социологического исследования, проведенного Леоном Лазаревичем Рохлиным в июле-августе 1928 года [4, с. 70–123]. Объектом исследования выступили слушатели краткосрочных курсов (полтора месяца учебы) партактива, находящегося непосредственно на практической партийной работе. Среди них были слушатели набора 1928 года: всеукраинских курсов партийного районного актива г. Бердянска и партийного актива пограничных округов в г. Харькове; Харьковской окружной партийной школы; слушатели дневного и вечернего Коммунистического университета имени Артема; всеукраинских курсов окружных партработников при ЦК КП(б)У; XIII харьковской окружной партконференции. Всего было роздано 1340 анкет, возвращено заполненными 818 (60 %), статистически обработано 799 анкет.

Результаты и обсуждение.

Все 799 партийных активистов, охваченных исследованием, являлись представителями мужского пола.

Возрастной состав обследованных по преимуществу падает на группу в возрасте от 25–40 лет (80,7 %). Более подробно его характеризует таблица 1, где обследованные разбиты на 5 возрастных групп.

Таблица 1

Возрастной состав обследованных

Возраст (года)	Абс. числа	В процентах
20–24	99	12,6
25–29	263	33,4
30–34	243	30,8
35–39	130	16,5
40 и больше	53	6,7
Всего	788	100,0

Как видно из этой таблицы, наиболее крупными являются группы возраста 25–29 лет (33,4 %) и 30–34 лет (30,8 %).

В большинстве своем (55,8 %) обследованные – жители города. Примыкающих к городу – жителей предместья, местечка, фабрично-заводского поселка – 30,3 %. В то время, как постоянных жителей села всего – 13,9 %.

По социальному происхождению среди обследованных, 61, % – выходцы из рабочих, выходцев из крестьян – 34,8 %. На выходцев из всех остальных групп населения (трудовую интеллигенцию, нетрудовые элементы, духовенство и т.д.) приходится незначительный процент (4,2 %). Как видно из приведенных данных, процент выходцев из села (30,3 %) много больше постоянных жителей села (13,9 %). По национальности: украинцы представляют 61,9 % обследованных, русские – 19,2 %, евреи – 13,3 %. Представителей других национальностей (поляков, кавказских народностей и др.) немного – 5,6 %. Значительная часть обследованных (82,9 %) семейные. Холостых – 14 %, разведенных и вдовцов – 3,1 %. Интересны данные образовательного ценза обследованных.

С высшим образованием – 0,9 %, со средним – 8,6 %. Основная масса с низким образованием – 82,2 %. К этой же группе примыкает 8,3 % партактивистов, получивших образование домашним, самообразовательным путем.

Данные партийного стажа обследованных: с дооктябрьским стажем чрезвычайно мало – 1 %; вступившие в партию после Октября распределяются в общем и целом равномерно: с 1917 г. по 1919 г. – 25,3 %, с 1920 г. по 1922 г. – 23,3 %, с 1923 г. по 1925 г. – 29,6 % и с 1926 г. по 1928 г. – 20,8 %.

Партийный состав, как видно из этих данных, по преимуществу молодой, вступивший в партию после окончания гражданской войны (73,7 %). В то же время основная масса актива была обстреляна огнем и прошла горнило гражданской войны: 74,2 % обследованных были на фронте.

Из 799 обследованных активистов половой жизнью жили 790 человек, что составляет 99,8 % общего числа обследованных. Распределение активистов по семейному положению вырисовывается в следующем виде (табл. 2).

Таблица 2

Семейное положение партактивистов

	Абс. числа	Проценты
Холостых	111	14,0
Женатых	633	82,9
Разведенных	17	2,1
Вдовцов	8	1,0
Всего обследованных	799	100,0

Как видно из этой таблицы, общий процент находящихся в браке высок, равнясь 82,9 %.

Высокий процент браков в среде партактива еще резче вырисовывается при анализе брачности по возрастам активистов и выяснением возрастного состава не вступивших в брак (табл. 3).

Анализ таблицы показывает, что в более старших группах партактивистов почти не имеется лиц, не находящихся в браке. Основная масса холостых (62,6 %) приходится на возраст 20–24 лет. По показаниям же партактивистов, мотивы безбрачия вырисовываются в следующей таблице (табл. 4).

Таблица 3

Семейное положение партактивистов

Возраст (года)	Холостых		Женатых		Итого	
	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%
20–24	62	62,6	37	37,4	99	100,0
25–29	38	14,4	225	85,6	263	100,0
30–34	8	3,3	235	96,7	243	100,0
35–39	1	0,8	129	99,2	130	100,0
40 и больше	–	–	53	100,0	53	100,0
Без указания	2	–	9	–	11	–

Таблица 4

Причины, мешавшие вступлению в брак

Причины	Абс. числа	Проценты
Материальная необеспеченность	41	49,5
Нежелание связывать свою свободу	36	37,1
Отсутствие любви	7	7,3
Безразличное отношение другого пола	2	2,1
Физические недостатки	1	1,0
Молодость	1	1,0
Потребность учиться	1	1,0
Другие причины	1	1,0
Число показателей	97	100,0
Всего обследованных	111	–
Без указаний	14	–

Из приводимых партактивистами мотивов безбрачия наибольший процент падает на указания на материальную необеспеченность (49,5 %) и нежелание связывать свою свободу (37,1 %). Оба эти момента в известной своей мере, учитывая возраст партактивистов, не вступивших в брак, а также небольшие абсолютные цифры – можно считать вполне понятными. Отсутствие специальности, устойчивого заработка, переезды и кочевая жизнь в силу условий работы у небольшой группы партактивистов можно считать естественными, законными тормозами для вступления в брак.

Но сами по себе данные по состоящим в браке партактивистам, недостаточны для характеристики брачных и половых отношений. Важным моментом является также анализ устойчивости брака, показателями которого могут являться данные о частоте смен браков, их продолжительности, количестве и причинах разводов.

Распределение партактивистов по бракам, первому, второму, третьему и больше, может дать известное представление о прочности и стойкости брака в среде партактива (табл. 5).

Таблица 5

В каком по счету браке состоят партактивисты

	Абс. числа	Проценты
В первом браке	551	80,5
Во втором браке	115	16,8
В третьем браке	18	2,6
В четвертом браке	1	0,1
Число показателей	685	100,0
Всего обследованных	688	–
Не ответили	3	–

Устойчивость браков в среде партактива подтверждают также данные об их продолжительности (табл. 6).

Приведенная таблица показывает, что короткие по своей длительности браки до 1 года имеются только в 3,1 %. Почти половина браков (49,9 %)

имеют длительность более 5 лет. Гораздо более показательны данные о длительности предшествующих браков тех, кто находится уже не в первом, а во втором или третьем браке. Эти данные дают возможность судить о том, каков срок брачной жизни у партактивистов, расторгнувших браки (табл. 7).

Таблица 6

Продолжительность брака партактивистов

Годы	Абс. числа	Проценты
До 1 года	14	3,1
1–5 лет	209	47,0
6–10 лет	164	36,9
11–15 лет	25	5,6
16–20 лет	23	5,2
Больше 20 лет	10	2,2
Число показателей	445	100,0
Всего женатых и тех, что были женаты	688	–
Не ответили	243	–

Таблица 7

Продолжительность брака для партактивистов, находящихся в данный момент во 2-м и 3-м браке

Женатых больше одного раза	Всего	Число показаний	Продолжительность 1 брака							Продолжительность 2 брака						
			До года	1–5	6–10	11–15	16–20	Больше 20	Без указаний	До года	1–5	6–10	11–15	16–20	Больше 20	Без указаний
во 2 браке	115	108	19	62	23	3	1	–	7	–	–	–	–	–	–	–
в %	–	100	17,6	57,4	21,3	2,8	0,9	–	–	–	–	–	–	–	–	–
в 3 браке	18	14	1	10	2	1	–	–	4	3	13	–	1	–	–	1
в %	–	100	7,2	71,4	14,2	7,2	–	–	–	17,6	76,5	–	5,9	–	–	–

Значительный интерес представляет анализ устойчивости брака в связи с возрастом (табл. 8) и партстажем (табл. 9) обследованных.

Из таблицы 8 видно увеличение с возрастом группы партактивистов с большей длительностью

брака. Если для находящихся в 1-м браке партактивистов у возрастной группы в 20–24 лет имеются с длительными браками свыше 5 лет 4,2 %, то для возрастной группы 30–34 лет 67,2 %, а свыше 40 лет 88,9 %.

Таблица 8

Возраст и продолжительность брака

Возраст	В 1-м браке						Во 2, 3 и 4-м браке					
	до 5 лет		больше 5 лет		Всего		до 5 лет		больше 5 лет		Всего	
	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%
от 20–24	23	95,8	1	4,2	24	100	1	100	–	–	1	100
25–29	85	71,4	34	28,6	119	100	21	91,3	2	8,7	23	100
30–34	40	32,8	82	67,2	122	100	24	64,9	13	35,1	37	100
35–39	8	14,8	46	85,2	54	100	13	52,0	12	48,0	25	100
40 и старше	3	11,1	24	88,9	27	100	4	40,0	6	60,0	10	100

Для группы партактивистов, находящихся уже не в первом браке, та же закономерность. Соответствующие цифры будут для группы от 25–29 лет 8,7 %, от 30–35 лет – 35,1 %, свыше 40 лет – 60 %. Из этих данных нельзя заключить о большей устойчивости браков у старших групп партактивистов по сравнению с более молодыми, ибо для молодых групп активистов естественная в силу их

возраста меньшая длительность браков. Они не могли успеть иметь большую длительность брака.

Но можно сделать вывод об относительной устойчивости браков для старшей возрастной группы актива и партактива в целом.

Таблица 9

Партстаж и продолжительность брака

Партстаж	До 5 лет		Больше 5 лет		Итого	
	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%
До 1919 г.	49	34,2	94	65,8	143	100
1920–1922	73	63,5	42	36,5	115	100
1923–1925	55	45,8	65	54,2	120	100
1926–1928	43	69,3	19	30,7	62	100

Исходя из таблицы 9, если выделить группу вступивших в партию в период Октября и гражданской войны, с одной стороны, и все прочие группы партактива с более молодым партстажем, – с другой, то имеются отчетливые данные большей длительности браков для активистов с более высоким партстажем. Браков с длительностью свыше 5 лет у партактивистов со стажем до 1919 г. – 42,7 %, у активистов, вступивших в партию, начиная с 1920 г. и позже – 57,3 %.

Таким образом, ядро партийного актива районного уровня, перешедшее после окончания гражданской войны к активному участию в социалистическом строительстве, несмотря на исключительную подорванность здоровья, воздействия целой суммы влияний войны и революции, нарушающих устойчивость жизни, половую проблему разрешает формой длительного брачного союза.

Необходимо отметить также, что иногда здоровый, отвечающий требованиям эпохи брак, содействующий выполнению задач, возложенных на партактивиста его партией и рабочим классом, активист создает себе его не сразу, проходя трудный путь исканий и неудач. Из 799 обследованных партактивистов расторгли брак 99 человек, что составляет 12,5 % по отношению к числу обследованных, по отношению же к числу находящихся в браке 14,4 %.

Каковы же причины, по показаниям самих партактивистов, обуславливающие расторжение браков в их среде?

В таблице 10 приводятся мотивы, которые активисты считают причинами, побудившими их на развод.

Таблица 10

Причины разводов

Наименование причин	Абс. числа	%
Половое неудовлетворение	4	4,0
Несходство характеров	15	15,2
Идейные расхождения	22	22,2
Болезнь жены	2	2,0
Измена одного из супругов	7	7,1
Разлука	12	12,1
Ревность	8	8,1
Прочие причины	29	29,3
Итого	99	100

Не менее важно выявить внутренние факторы, определяющие устойчивость брака, а также отношение к нему со стороны активистов.

При анализе причин разводов прочность брака в среде активистов во многом определяется его социальной для активиста значимостью, поскольку

брак действительно становится крепким товарищеским союзом, основанным не только на физической, половой любви, но и на полном взаимном понимании и социальной духовной близости. Для последнего важную роль играют данные социального происхождения жен активистов, их

культурного и политического уровня развития, втянутость в общественную жизнь.

Фактические материалы в этом отношении представлены в таблице 11.

Таблица 11

Общая характеристика жен партактивистов

	Абс. числа	%
Социальный состав		
Из рабочих	271	40,9
Из крестьян	272	41,1
Из мещан	91	13,7
Из прочих	23	3,5
Из бывшей буржуазии	5	0,8
Число показаний	662	100
Не ответили	26	–
Партийность		
Партийные	79	14,4
Члены КСМ	53	9,6
Беспартийные	417	76,0
Число показаний	549	100
Не ответили	139	–
Участие в общественной жизни		
Принимают	267	50,8
Нет	259	49,2
Число показаний	526	100
Не ответили	162	–
Всего обследованных	688	

Первое, на что следует обратить внимание, это относительно благоприятные данные социального происхождения жен активистов. По этим данным, подавляющее большинство жен активистов – 82 % – вышли из близкой в социальном отношении активистам рабоче-крестьянской среды. Из чуждой в социальном отношении среды вышло всего 14,5 %, из них на долю выходцев из бывшей буржуазии падает только 0,8 %, а 13,7 % жен активистов происходят из мещанских мелко-торговых и собственнических семей. Также удовлетворительной можно считать в общем и целом

соответствующей соотношениям партии в целом партийно-комсомольскую прослойку жен активистов. Члены партии и комсомолки составляют в сумме 24 % общего числа жен активистов. Но зато цифра втянутых в общественную работу жен активистов – 50,8 %, – заставляет желать много лучшего.

Интересные данные сопоставления социального состава жен активистов с данными партстажа активистов представлены в таблице 12.

Таблица 12

Сравнительные данные социального состава жен с партстажем мужей

Социальное происхождение жен	Партстаж активистов									
	до октября		1917–1919		1920–1922		1923–1925		1926–1928	
	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%
Из рабочих	4	50,0	75	39,7	66	38,8	80	41,2	43	45,3
Из крестьян	1	12,5	61	32,3	73	43,0	89	45,9	46	48,4
Из мещан	2	25,0	42	22,2	25	14,7	17	8,8	4	4,2
Из прочих	1	12,5	10	5,3	4	2,3	6	3,1	2	2,1
Из бывшей буржуазии	–	–	1	0,5	2	1,2	2	1,0	–	–
Число показаний	8	100	189	100	170	100	194	100	95	100
Не ответили	–	–	5	–	7	–	7	–	6	–
Всего обследованных	8	–	194	–	177	–	201	–	101	–

Эти данные показывают улучшение социального состава жен для более молодого по партийному стажу актива. Так, если для групп с дооктябрьским стажем и стажем с 1917 по 1919 гг. жены по своему происхождению из рабочей и крестьянской среды были в 62,5 % и 72 % общего числа, то

для партактивистов со стажем с 1920 по 1922 гг. жены работницы и крестьянки составляют 81,8 %, а у активистов со стажем с 1923 по 1925 гг. и с 1926 по 1928 гг. соответствующие цифры будут 87,1 % и 93,7 %. Объяснение этому факту следует искать, с одной стороны, в относительно

распространенном явлении в годы гражданской войны женитьбы партийного актива на женщинах из чуждых пролетариату классов, с другой стороны – в повышении в этом отношении требований у молодого актива и изменении к этому явлению партийного общественного мнения.

Подавляющее большинство активистов – 71 % – выражает удовлетворение своей семейной жизнью. Для всех партактивистов в целом процент удовлетворения семейной жизнью нарастает в зависимости от социальной и политической близости их жен. Так, если из активистов, имеющих жен, вышедших из непролетарской среды, удовлетворены семейно 62,8 %, то активисты, имеющие жен из крестьянской среды, имеют уже 70,7 % удовлетворенных, из рабочей среды – 73,3 %, а в

тех случаях, когда жены активистов члены партии и комсомолки, процент еще выше – 76,3 % и 77,4 %.

Несколько больший процент удовлетворенных семейной жизнью среди активистов, женатых на комсомолках по сравнению с активистами, женатыми на членах партии, следует объяснить более молодым характером браков в первом случае.

Несомненно, прочность брака, удовлетворенность семейной жизнью определяет еще ряд существенных социально-экономических, биологических и психологических факторов.

Из показаний активистов о причинах неудовлетворенности семейной жизнью это отчетливо видно (табл. 13).

Таблица 13

Причины недовольства семейной жизнью

Наименование причин	Абс. числа	%
Несходство характеров	60	34,7
Материальная необеспеченность	43	24,9
Отсутствие полового удовлетворения	31	17,9
Отсталость жены	27	15,6
Семейная жизнь мешает работе	7	4,0
Другие причины	5	2,9
Всего	173	100

Как видно из таблицы, на первом месте стоит такой чисто психологический мотив как несходство характеров (34,7 %), на втором месте фактор экономического порядка – материальной необеспеченности (24,9 %). Относительно меньше (17,9 %) чисто сексуальный мотив неудовлетворенности семейной жизнью. Половое неудовлетворение часто является основой семейного конфликта, основной, не всегда ясной лицам, состоящим в браке. Таким образом, в действительности

фактор полового подбора играет более значительную роль, чем это выражено в таблице 13.

Интересными также являются данные об отношении партактивистов к формам разрешения половой проблемы в их среде, их половые идеалы, сведения о том, как бы хотели партактивисты устроить свою половую жизнь. Эти сведения приведены в таблице 14.

Таблица 14

Идеалы половой жизни

Виды сожительства	Данные 1928 г.	
	Абс. числа	%
Брак	482	69,0
Продолжительное половое сожительство	172	24,6
Случайная связь	45	6,4

Роль социальных влияний на распространение полигамных форм половой жизни выделяется при

анализе данных обследований половой жизни (табл. 15).

Таблица 15

Характер половой жизни

Виды связей	Данные 1928 г.	
	Абс. числа	%
С одной женщиной продолжительное время	294	58,8
Со многими женщинами непродолжительное время	105	21,0
С одной женщиной продолжительное время и с другими непродолжительное время	101	20,2
Число показаний	500	100

Большой интерес представляет сопоставление представлений активистов о наилучшей форме половой жизни с практическим применением этих форм. Соотношения между половыми идеалами

и половой действительностью в среде партактива представлены в таблице 16.

Анализ этой таблицы позволяет отметить известное соответствие между половыми идеалами

партактивистов и их половой действительностью. Так, в то время, как для групп с половыми идеалами: брак и продолжительное половое сожительство моногамная форма половой жизни свойственна в 60,3 % и 64,3 %, а полигамная форма

20,5 % и 13,5 %, то для группы, признающей наилучшей формой разрешения половой проблемы случайные половые связи, моногамная форма половой жизни свойственна в 19,0 %, а полигамная форма – 48,6 %.

Таблица 16

Соотношения идеалов половой жизни партактивистов с формами их половой жизни

Виды связей	Идеалы							
	Брак		Продолжительное половое сожительство		Случайная связь		Без показаний	
	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%
С одной женщиной долгое время	182	60,3	81	64,3	7	19,0	24	54,6
Со многими женщинами непродолжительное время	62	20,5	17	13,5	18	48,6	8	18,2
С одной долго и с другими женщинами непродолжительное время	55	18,2	28	22,2	12	32,4	6	13,6
Не имели связей	3	1,0	–	–	–	–	6	13,6
Число показаний	302	100	126	100	37	100	44	100
Не ответили	180	–	46	–	8	–	56	–
Всего обследовано	482	–	172	–	45	–	100	–

Характеристика половой жизни, степень ее организованности и упорядоченности определяются также данными о том, насколько скоро и легко вступают обследуемые в половые сношения, какой период времени проходит от начала

знакомства до половой близости и насколько глубоки знакомства друг с другом и духовная близость партнеров полового общения. В этом отношении показательны данные, приведенные в таблице 17.

Таблица 17

Половые сношения в зависимости от длительности знакомства

Виды сожительства	Данные 1928 г.	
	Абс. числа	%
Долгий период знакомства	245	48,0
Короткий период знакомства	85	16,7
Как придется	180	35,3
Число показаний	510	100

Из таблицы 17 видно, что партактив предъявляет к половой жизни больше требований, в нем меньше случайного, «чисто физиологического» подхода к половой близости. Однако высока в данных цифра тех, кто на вопрос, как скоро они вступают в половое сношение от начала знакомства, отвечают: «как придется» – 35,3 %.

анализа половой жизни актива важным моментом является учет распространенности в его среде внебрачных связей у лиц, находящихся в браке. Здесь также важен анализ зависимости размеров внебрачных связей, находящихся в браке активистов, от их возраста и партийного стажа. В таблицах 18 и 19 отчетливо вырисовывается нарастание как с возрастом, так и партстажем процента внебрачных связей женатых активистов.

Интересны данные о характере половой жизни лиц, находящихся в браке. В этом отношении для

Таблица 18

Внебрачные половые связи женатых в связи с возрастом

Возраст	Имели		Не имели		Всего		Не ответили Абс. числа
	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%	
20–24 лет	14	41,2	20	58,8	34	100	3
25–29 лет	104	48,6	110	51,4	214	100	11
30–34 лет	132	57,1	99	42,9	231	100	4
35–39 лет	71	57,3	53	42,7	124	100	5
40 лет и старше	23	51,1	22	48,9	45	100	8

Таблица 19

Внебрачные половые сношения женатых в связи с данными о партстаже

Партстаж	Имели		Не имели		Всего		Не ответили Абс. числа
	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%	
до октября	6	75,0	2	25,0	8	100	–
1917–1919	111	59,7	75	40,3	186	100	8
1920–1922	92	53,8	79	46,2	171	100	6
1923–1925	95	49,7	96	50,3	191	100	10
1926–1928	42	45,2	51	54,8	93	100	8

Молодой партактив и по возрасту и по партстажу значительно меньше участвовавший в гражданской войне, вырастающий в более здоровой и организованной социальной среде, несомненно легче создаст новые, здоровые формы брачных отношений, построенные на свободном чувстве, уважении и взаимном понимании друг друга. Тем меньше для него оснований для половой жизни вне брака.

Не может быть полной характеристики половой жизни без обращения к вопросу о роли проституции в половой жизни. По данным обследования за последние 1–2 года пользовались услугами проституток 27 человек, что составляет к общему числу обследованных 3,04 %. Следует отметить факт высокого процента рабочих из числа этих активистов (77,8 %), – понятный, ибо проституция по преимуществу городское явление, а также, что в подавляющем большинстве (74,1 %) ею пользуются женатые.

Анализ материалов обследования позволяет также отметить влияние гражданской войны в происхождении нарушений общего и нервно-психического здоровья партийного актива, в отношении же заболеваний, связанных непосредственно с половой жизнью, роль войны особенно

значительна. Война является массовым источником алкоголизма, венерических заболеваний и проституции. Партактив, который участвовал в гражданской войне и подвергался ее отрицательным влияниям в большей мере, чем другие группы населения, неизбежно должен иметь высокую заболеваемость венерическими болезнями.

Общий процент переболевших венерическими заболеваниями по отношению к общему числу живших половой жизнью в анкетных данных равен 26,8 %. Из общей суммы венерических заболеваний на довоенное время приходится 32,9 %, на время же с 1926–1928 гг. – 11,2 %.

При анализе социального значения распространения венерической заболеваемости в среде партактива играет большую роль выяснение ее источников. В данных обследования партактива проститутки как источник венерической заболеваемости играет относительно небольшую роль – в 15,7 % общего числа случаев заражений, главное место занимает случайная связь – 77,4 %. Остальные 6,9 % приходятся на жену как источник заражения. Более показательны данные движения венерической заболеваемости по годам (табл. 20).

Таблица 20

Источники заражения венерическими заболеваниями

От кого	До 1917 г.		1918–1921 г.		1922–1925 г.		1926–1928 г.		Без указаний	
	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%	Абс. числа	%
От жены	1	2,5	7	10,6	3	8,8	1	7,1	2	4,3
От случайных связей	29	72,5	54	81,8	29	85,3	13	92,9	33	70,2
От проститутки	10	25,0	5	7,6	2	5,9	–	–	12	25,5
Число показаний	40	100	66	100	34	100	14	100	47	100
Не ответили	–	–	2	–	1	–	1	–	7	–
Всего обследовано	40	–	68	–	35	–	15	–	54	–

Из таблицы 20 следует падение роли проституции как источника заражений венерическими заболеваниями. Но зато растет роль в распространении венерической заболеваемости случайной связи, случайных половых сношений. В 1926–1928 гг. на случайные связи падает 92,9 % причин общего числа заражений.

Таким образом, данные свидетельствуют о влиянии беспорядочных и случайных половых сношений на повышение венерической заболеваемости и необходимости с социально-гигиенической точки зрения внесения организованности,

дисциплины и сознательного регулирования в половую жизнь партактива.

Большой интерес представляют материалы, характеризующие отношение партактивистов к перенесенным ими венерическим заболеваниям. Данные о проценте лечившихся, закончивших лечение и сведения о количестве лиц, имевших половые сношения во время их болезни, представляются ценными, дающими возможность судить о сознательности, медицинской грамотности и общей культурности партактива. По данным обследования проводили лечение 99,0 % всех

болевших, закончили его 91,6 %. Но зато нельзя считать удовлетворительными данные процента прибегавших к половым сношениям во время заболеланий. Таковых в обследовании 15,7 %.

Заключение.

Таким образом, данные, характеризующие состояние брачно-бытовых и семейных отношений в среде партактива районного уровня в конце 1920-х годов свидетельствуют, что теории голый

Литература:

1. *Килунов А.Ф.* Применение конкретно-социологических исследований в исторической науке / А.Ф. Килунов // Вопросы истории. 1972. № 1. С. 34–48.
2. *Либина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб. : Летний сад, 1999. 320 с.
3. *Паршилова А.В.* Влияние социально-экономических процессов современности на брачно-семейные отношения / А.В. Паршилова, Д.И. Ишханова // Уникальные исследования XXI века. 2015. № 11. С. 221–224.
4. *Роткирх А.* Советские культуры сексуальности / А. Роткирх; Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной // В поисках сексуальности СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. С. 128–172.
5. *Рохлин Л.Л.* Труд, быт и здоровье партийного актива. Т. 17. Труды / Л.Л. Рохлин; Укр. психоневрол. ин-т. Отд-ние соц. патологии и гигиены. Харьков : Пролетар, 1931. 154 с.

физиологической любви, любви «без черемухи», примитивный, грубый, по квалификации К. Маркса, «половой коммунизм» не получают своего признания у партактива районного уровня как в его половом быту, половой практике, так и в отношении и выборе форм организации половой жизни. Безусловно, было бы ошибкой не видеть и того мучительного и трудного, что сопровождало в противоречиях процесс зарождения новых форм сексуальной жизни.

Literature:

1. *Kilunov A.F.* Application of concrete sociological research in historical science / A.F. Kilunov // Questions of history. 1972. № 1. P. 34–48.
2. *Lebina N.B.* Everyday life of the Soviet city: Norms and Anomalies. 1920–1930 years. SPb. : Summer Garden, 1999. 320 p.
3. *Parshikova A.V.* Influence of socio-economic processes of modernity on marriage and family relations / A.V. Parshikova, D.I. Ishkhanova // Unique research of the XXI century. 2015. № 11. P. 221–224.
4. *Rotkirch A.* Soviet cultures of sexuality / A. Rotkirch; Edited by E. Zdravomyslova and A. Temkina // In search of sexuality. SPb. : Dmitry Bulanin, 2002. P. 128–172.
5. *Rokhlin L.L.* Labor, life and health of the party asset. Vol. 17. Proceedings / L.L. Rokhlin; Ukrainian psychoneurol. in-T. Department of Social Pathology and Hygiene. Kharkiv : Proletar, 1931. 154 p.

Гамурак Анна Владимировна
директор,
ООО «Дирекция
пространственного развития «10»
annagamurak@mail.ru

О РОЛИ МЕТОДОВ ТАКТИЧЕСКОГО УРБАНИЗМА И СОУЧАСТВУЮЩЕГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ Г. БЕЛГОРОДА И Г. ПАВЛОВСКА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Уделяя внимание роли тактического урбанизма и соучаствующего проектирования в вопросах преобразования городской среды, автор делится опытом проектирования и обустройства общественных пространств. Примерами современных тенденций в ландшафтном и средовом дизайне общественных пространств стали обустройство Городского сада и проект «Городские луга» (г. Белгород), получившие награды Всероссийской национальной премии по ландшафтной архитектуре, а также - строительство набережной в г. Павловске Воронежской области и др.

Ключевые слова: городская среда, общественное пространство, тактический урбанизм, соучаствующее проектирование.

Существует множество способов изменить или переформатировать городское общественное пространство, когда оно перестаёт быть востребованным и превращается в транзитное, замершее или небезопасное место. Многие решения по проектированию и благоустройству городских пространств зародились в рамках различных научных подходов к организации архитектурной среды города. За несколько десятилетий урбанистами и социологами, архитекторами и дизайнерами городской среды сломано немало копий и высказана масса суждений, утверждающих преимущества того или иного варианта перед другими.

В последнее время благоустройство (идущее от определения глагола «благоустроить» – «приводить в хорошее устройство, в добрый порядок» [1, с. 95]), находится на пике популярности. При этом регулярно используемый в сфере градостроительства и муниципального права термин «благоустройство территории» не имеет единого определения в правовом поле отечественного

Anna V. Gamurak
Director,
LLC «Spatial Development Directorate «10»
annagamurak@mail.ru

ON THE ROLE OF TACTICAL URBANISM METHODS AND PARTICIPANT DESIGN WHEN DESIGNING URBAN PUBLIC SPACES (BY THE EXAMPLE OF PUBLIC SPACES IN BELGOROD, BELGOROD REGION, AND PAVLOVSK VORONEZH REGION)

Annotation. Paying attention to the role of tactical urbanism and participatory design in the transformation of the urban environment, the author shares her experience in the design of public spaces. Examples of modern trends in the landscape and environmental design of public spaces are the arrangement of the City Garden and the Urban Meadows project (Belgorod), which received awards from the All-Russian National Prize for Landscape Architecture, as well as the construction of an embankment in the city of Pavlovsk, Voronezh Region, etc.

Keywords: urban environment, public space, tactical urbanism, participatory design.

законодательства. Например, для целей налогового законодательства руководствуются его общепринятым значением в контексте использования. В письме Министерства финансов Российской Федерации от 04 декабря 2008 г. указывается, что «под расходами в объекты внешнего благоустройства следует понимать расходы, которые не связаны с коммерческой деятельностью организации и направлены на создание удобного, обустроенного с практической и эстетической точки зрения пространства на территории организации» [2].

В «Градостроительном кодексе Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 01.05.2022 г.) «благоустройство территории – это деятельность по реализации комплекса мероприятий, установленного правилами благоустройства территории муниципального образования, направленная на обеспечение и повышение комфортности условий проживания граждан, по поддержанию и улучшению санитарного и эстетического состояния территории муниципального

образования, по содержанию территорий населённых пунктов и расположенных на таких территориях объектов, в том числе территорий общего пользования, земельных участков, зданий, строений, сооружений, прилегающих территорий» [3].

Ряд исследователей считает, что понятие «благоустройство», будучи связанным с ментальными основами российского общества, не укладывается в содержательные рамки правового института, поскольку это – социокультурный аспект, выражающий «более глубокий и содержательно богатый феномен, чем логически отработанное понятие», а в основе его находится благо человека [4, с. 5–6].

Не углубляясь в подробности развития и трактовки термина в разные периоды времени, в рамках данной статьи мы будем придерживаться мнения, что благоустройство в широком смысле, по своей сути, является публичным благом, а более узкое понятие «благоустройство территории» – комплексной задачей, направленной на создание комфортных, доступных для использования всеми жителями общественных пространств с целью повышения уровня жизни граждан, улучшения экологического, санитарного и эстетического состояния территории.

Что касается определения понятия «общественное пространство», отметим здесь ключевой признак их открытости/доступности для горожан, фиксируемый большинством экспертов и программными документами, как отечественными, так и зарубежными. Например, программа ООН по населённым пунктам (ООН-Хабитат) относит к общественным городским пространствам:

- открытые для горожан пространства между зданиями и сооружениями, состоящие из трёх типов городских пространств: улицы и пешеходный доступ;
- открытые и зелёные пространства, включая парки, площади, водоёмы и набережные;
- общественные объекты, такие как библиотеки, общественные центры и муниципальные рынки, то есть места, которые «доступны и приятны для всех без мотива получения прибыли и принимают различные пространственные формы (парки, улицы, тротуары, рынки и игровые площадки) [5, с. 2].

В рамках данной статьи мы опираемся на понимание общественного пространства как территории для общественного пользования (общения и социальной активности), сложившейся исторически и включающей в себя социально-экономические, эстетические, культурные и иные компоненты.

В числе малозатратных по времени и бюджету вариантов благоустройства общественных городских пространств, позволяющих укрепить социальную сплочённость, первенство удерживает тактический урбанизм (Tactical Urbanism), базирующийся на фундаменте соучастия горожан, гибкости процесса планирования и реализации

проекта, а также на обдуманных и доступных средствах достижения целей.

Получивший чуть более десяти лет назад первую популярность в Соединённых Штатах Америки, термин «тактический урбанизм» уверенно перешагнул границы и стал использоваться в том числе в России: последние несколько лет его методы всё активнее применяются при проектировании и ревитализации общественных городских пространств. Основоположники тактического урбанизма Майк Лайдон, Энтони Гарсиа, обосновывая важность маломасштабных и малозатратных мероприятий по улучшению городской среды здесь и сейчас, в число преимуществ этого направления включают частые поправки, что, само по себе, невозможно при громоздком городском планировании, а также возможность продвигать и оценивать идеи, испытывая их уместность в условиях реального мира [6, с. 49].

Данный подход позволяет переформатировать невыразительные или транзитные пространства в ограниченный промежуток времени и получить экономический (или общественный) эффект с перспективой более глубоких капитальных решений и трансляции опыта на другие городские территории.

Это движение проистекает из позитивного видения будущего, из фундаментальной потребности человека в осознанном действии, направленном на улучшение устройства жизни в целом, а потому демонстрирует пути не только эффективного, но и творческого решения ряда проблем, связанных с обустройством общественного пространства с участием горожан. Опыт проектирования и реализации проектов благоустройства общественных пространств убедительно демонстрирует, что горожанам импонирует основополагающий посыл тактического урбанизма о том, что даже в условиях ограниченных ресурсов развитие возможно, достичь весомых результатов удастся и с небольшим бюджетом.

Оставаясь приверженцами идей тактического урбанизма, мы опираемся на те его проявления, которые уместны для применения с учётом российской специфики, а также помогают визуально разнообразить пространство и дополнить его деталями, подчёркивающими самобытность и смысл места. Ключевой идеей тактического урбанизма стал человекоориентированный подход, от которого ни исходил запрос на преобразования: от жителей или городской власти.

Инициативность в преобразовании общественных пространств «снизу» (со стороны горожан) вкупе с методами соучаствующего проектирования, принятыми несколько лет назад на федеральном уровне в качестве целевой модели по организации общественного участия в реализации проектов благоустройства и развития городской среды, позволили добиться весомых результатов в ряде крупных российских городов: Казани, Москве, Санкт-Петербурге и др.

Проблематику соучаствующего проектирования поднимал десять лет назад выдающийся отечественный учёный, урбанист В.Л. Глазычев. Ещё в 2011 году он отмечал, что «реальная

муниципализация необходима городам, поскольку только в этом случае можно всерьёз говорить о росте активности горожан и повышении их ответственности за общее обитаемое пространство... без возрастания роли горожан в управлении средой их жизнедеятельности затруднителен рост малого и среднего бизнеса, а значит, увеличение налогооблагаемой базы и, следовательно, возможности развития [7, с. 346].

Процедура участия граждан в процессе принятия решений по значимым проблемам организации благоустройства сегодня законодательно предусмотрена Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и, в частности, статьёй 26 «Правотворческая инициатива граждан» [8]. Принципы и методы общественного участия в реализации проектов комплексного благоустройства городской среды обозначены в ряде документов федерального уровня, а также в рекомендациях Минстроя РФ. Признавая значительную потребность в соучаствующем проектировании при создании и реконструкции общественных пространств, Минстрой рассматривает процесс проектирования с вовлечением жителей, местных сообществ, активистов, представителей административных структур, локального бизнеса, инвесторов, представителей экспертного сообщества и других заинтересованных сторон в качестве одного из инструментов развития местного самоуправления [9, с. 3].

Аналогичный посыл о важности общественного участия в вопросах преобразования мы видим в зарубежной литературе и публицистике ещё прошлого века. Что касается периода современности, то следует упомянуть о том, что в 2011 году ООН-Хабитат приняла резолюцию об устойчивом развитии городов через доступ к качественным городским общественным пространствам. В 2015 году в исследовательском докладе, посвящённом общественному пространству, закреплено понимание того, что «создание, защита, управление и использование общественного пространства представляют идеальную возможность для вовлечения всех граждан, с трансформированием личных и дифференцированных интересов в практики сотрудничества. Общественное пространство даёт возможность населению оставаться вовлечённым и нести ответственность за свой город... Доступ людей к публичному пространству и участие в его создании является первым шагом к улучшению гражданской жизнедеятельности» [10].

Итак, продуманные общественные пространства являются одним из ключевых аспектов, делающих города привлекательным для жизни. Синергия соучаствующего проектирования и уместного использования метода тактического урбанизма позволяет получить общественный эффект от преобразований, которые не требуют капитальных вложений и длительного времени на реализацию идей благоустройства территории.

Демонстрацией того, как кратковременные акции «пробивают» дорогу долгосрочным изменениям,

может служить несколько примеров ревитализации городских пространств, в разное время получивших признание экспертов Российской национальной премии по ландшафтной архитектуре: Горсад и проект «Городские луга», расположенные в центре города воинской славы Белгорода.

Ревитализация Горсада, выполненная в рамках подготовки к открытому форуму по ландшафтной архитектуре и средовому дизайну «Зелёная столица» в 2019 году, включала в себя благоустройство территории с организацией детской игровой площадки в экостиле, установку удобных малых архитектурных форм, устройство пешеходных дорожек и современного освещения, продуманного озеленения с учётом сезонности и сохранности имеющихся зелёных насаждений, размещение информации об истории места, о высаженных растениях (стенды, указатели). Проектирование велось с вовлечением граждан, представителей бизнеса, экспертов и рассматривалось как неотъемлемое условие успешной реализации проекта. Организованное по запросу горожан тихое место для ежедневных прогулок с детьми разного возраста было дополнено высадкой разнообразных сортов сирени, которая с 2018 года стала брендовым растением для Белгородской области, благодаря региональному проекту, нацеленному на популяризацию этого декоративного кустарника. Кроме того, соучаствующее проектирование способствовало решению проблемы стихийной парковки на территории сквера, а также выявлению краудсорсинг-инициативы по высадке ирисов, предоставленных неравнодушными горожанами.

Организовать зонирование помогли экспериментальные решения с контейнерным озеленением, причём вазоны были предоставлены производителем малых архитектурных форм, а растения – одним из местных питомников.

Необычным дополнением в Горсад стал домик-гостиница для насекомых, мобильный и малогабаритный, ставший впоследствии постоянным элементом благоустройства.

Рассмотрим другой проект, реализация которого началась в 2021 году в Белгороде, – «Городские луга». Он отражает практические наработки и успешно апробированные в мировой практике тенденции озеленения и ландшафтного обустройства. Его ключевой задачей следует считать увеличение биоразнообразия как главного природного ресурса города, поддержание экологических процессов в условиях городской среды, сохранение цветущего разнотравья Белгородчины, качества почвы.

На придорожных территориях от остановки общественного транспорта «Родина» до автомобильной развязки Богдана Хмельницкого – Щорса авторская концепция проекта подразумевает оживлённые линейные общественные пространства. Сегодня здесь обустроены подпорные стенкамья, на которых можно расположиться для кратковременного отдыха и наблюдения за разнообразными видами растений, а в пешеходном переходе от БелГУ к парку Победы теперь разместились панно с цветущими лугами, выполненные

местным художником и иллюстрирующие характерную флору Белгородчины. В проекте было учтено видение горожан (отработана проблематика территории), подчеркнута местная идентичность. Оформление подземного пешеходного перехода, долгое время остававшегося неудобным местом, а в темное время суток и небезопасным, наряду с современным освещением, преобразили пространство. Живописный пейзаж в анти-вандалном исполнении дополнен QR-кодами, благодаря которым возможно прослушать аудиогид с интересными фактами о растительности Белогорья. С помощью технологии дополненной реальности в обновленном пространстве можно увидеть «оживающие» луга: бегущих зайцев и порхающих бабочек, взлетающих птиц и покачивающиеся на ветру травы. Сегодня обновленный переход, где, благодаря встроенному акустическому эффекту, в любое время года слышно пение птиц, стал одной из новых достопримечательностей города.

В проекте по строительству набережной реки Дон в г. Павловске (Воронежской области) предусмотрены не менее оригинальные элементы благоустройства, которые придадут месту узнаваемости, создав новую точку притяжения для горожан и гостей города.

Набережная реки Дон в Павловске – это главные въездные ворота в город со стороны реки. Однако сегодня потенциал набережной практически не раскрыт. По отзывам опрошенных горожан, к числу проблем территории относятся отсутствие комфортных мест для отдыха, твердых покрытий, скамеек и урн, теневых навесов. По мнению представителей городской власти, проблему представляет подтопляемость территории, хаотичная парковка, непривлекательность территории для инвесторов (малого и среднего бизнеса). Эксперты в интервью указали на то, что утрачена связь набережной с богатым историческим наследием Павловска, отсутствует функциональное зонирование территории, целостная ландшафтная структура и важнейшие элементы безопасности городского пространства (современное освещение, современные малые архитектурные формы (МАФ), подъездные дороги). Кроме того, при строительстве следует учитывать эрозию берегов Дона и неоднородность окружающей застройки.

Работа с целевыми группами подразумевала не просто сбор пожеланий, она учитывала частные инициативы, специфику местности, социально-экономические и исторические факторы развития территории, выявила проблемные точки и пути их решения.

Проект благоустройства набережной, разбитый на две очереди, получил импульс благодаря активному участию жителей в рейтинговом голосовании в 2020 г. Уже в 2021 г. начал реализовываться (в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» нацпроекта «Жилье и городская среда») и базировался на главенствующих принципах: сохранения видовых точек и природного характера набережной; обеспечения безопасности территории с

возможностью доступа к воде; включения исторической составляющей в элементы благоустройства.

В ходе первого этапа предстоит создание набережной в классическом стиле, с панорамными террасами, оборудованным пляжем, а также с каменным вензелем Петра I, который станет центральным элементом обновленного общественного пространства. Исторический контекст развития города и роль реки в динамике становления Павловска будут заложены в изображениях карт времён царя Петра I, оформленных на подпорных стенах. Благоустройство набережной предполагает также установку современного освещения, малых архитектурных форм, создание зонирования с устройством зеленых террас.

Во второй очереди строительства планируется создание разнообразного по функциям современного общественного пространства, концепция которого основана на природном и культурно-историческом контексте территории. Темы Павловской верфи, легенд и сказаний о бакенщиках и подземных ходах под Доном так или иначе отражены в материалах, формах и конструкциях обновленной набережной и связывают воедино историю города и современность.

В основу проектных решений легла историческая составляющая наряду с сохранением природного характера территории и созданием возможностей для разнообразного досуга, безопасного и комфортного пребывания на воде и у водного пространства. Идентичность города Павловска заложена в уникальных природных ландшафтах, в связи города с морскими достижениями русского флота и главными историческими символами России. Поэтому в числе ключевых решений – ассоциации со старинными гравюрами и морскими картами времён Петра I, с темой судоходства и рыболовства, долгое время служившими основным фундаментом развития Павловска.

В связи с сезонным подтоплением территории проектирования, концепцией предусмотрено решение набережной в двух уровнях: нижний – пляж с демонтируемым на зиму оборудованием, и верхний – терраса в твердом покрытии. Подпорные стенки террасы оформлены отрисками со стилизацией в виде изображения рыболовных сетей.

Концепция благоустройства предполагает создание различных сезонных сценариев использования территории: летом – разнообразные виды спорта от стритбола до сапбординга, пляжный отдых, прогулки на лодках; зимой – дегустация ухи, праздничные ярмарки, рыбалка, прогулки созерцание зимней природы.

Большое значение в концепции уделено спортивной зоне. Здесь предусмотрены зрительские трибуны, устройство резинового покрытия и разнообразное оборудование для занятий спортом.

На набережной планируется оборудовать тематическую игровую детскую площадку с теневым

навесом, напоминающим образ рыболовных снастей, и амфитеатром. Её доминантой станет сооружение для лазания детей разного возраста – маяк, считающийся одним из ярких элементов легенд Дона. Рисунок резинового покрытия детской площадки повторяет изображение карт с глубинами Дона.

Для комфорта горожан на набережной предусмотрено устройство круглогодичного кафе, пункта проката спортивного и пляжного инвентаря (который будет зимой служить местом хранения элементов летнего обустройства пляжа) и торговых павильонов. Предусмотрен общественный туалет.

В зоне пляжа располагаются тентовые навесы, раздевалки, душевые, вышка спасателя. Гамаки, напоминающие образ сушащихся рыболовных сетей, станут ещё одним элементом комфортного отдыха у реки.

На всей территории обновленной набережной предусмотрена установка малых архитектурных форм и устройство освещения. Дизайн опор освещения напоминает мачты кораблей, а зона отдыха вдоль подпорной стенки верхнего уровня набережной выполнена так, чтобы, разместившись максимально комфортно, можно было созерцать красоту реки.

Интересным дополнением образа обновлённой набережной станут стилизованные световые арт-объекты, напоминающие по форме бакены, устанавливаемые на якорь для обозначения навигационных опасностей на пути следования судов или для ограждения фарватеров.

Концепцией предусмотрено также создание дополненной реальности с говорящим названием «Корабли идут» в совокупности с аудиогидом, которые позволят окунуться в историю и увидеть, как плыли по Дону парусные корабли времён Петра I, узнать интересные факты и легенды о Павловске.

Ещё один проект благоустройства общественного пространства по ул. Студенческой рядом со старым корпусом НИУ БелГУ (г. Белгород) стал одним из примеров использования метода тактического урбанизма, предполагающего быстрое и малобюджетное изменение городской среды без основательных реконструкций. Здесь предусмотрено создание комфортного общественного пространства, пригодного для использования не только студентами университета, но и горожанами, с возможностью трансформирования его путём разных вариантов расположения элементов обустройства территории.

Так как рассматриваемая территория принадлежит муниципалитету, проектные решения, принятые на основе соучастия заинтересованных сторон и проведённых исследований, предус-

матривают создание «мобильного» благоустройства и озеленения с помощью многофункциональных модулей разных типов и контейнеров с озеленением. Такая мобильность позволит оперативно изменять зонирование территории и актуализировать нужные на данный период времени акценты.

Насыщенный тёплый оттенок оранжевого подбран не случайно, он играет одну из важнейших ролей: городское изменение становится ярким, заметным и узнаваемым. Особый уют территории придаст энергоэффективная декоративная подсветка.

Многофункциональные модули оборудованы портами для зарядки гаджетов. Проектом также предусмотрено устройство велопарковок, установка урн.

В заключение хочется отметить, что имеющийся опыт проектирования общественных пространств демонстрирует увеличивающийся запрос горожан на комфортную городскую среду, на пике востребованности остаётся соучаствующее проектирование, дающее новый импульс развитию городу и гражданкой активности. Методы тактического урбанизма, используемые с учетом исторического, культурного контекста городского пространства, позволяют добавить визуальные яркие, функциональные элементы. Надо сказать, что в тактическом урбанизме мы открыли возможности более качественного проектирования общественных пространств, в частности эффективного применения ресурсов (в том числе творческих), высвобождаемых в социальном взаимодействии всех сторон процесса обустройства территории. Эффективное применение ресурсов подразумевает в том числе сведение к нулю издержек при реализации неудачных решений.

Важно подчеркнуть, что качественные общественные городские пространства, наряду с базовыми признаками (безопасность, комфорт, экологичность, разнообразие) не должны утрачивать компонент актуальности для потребителей. На это в том числе нацелены методы соучаствующего проектирования и тактического урбанизма, позволяющие выявить потенциал развития территории.

Итак, используя метод тактического урбанизма и опираясь на принципы соучаствующего проектирования, мы приходим к выводу оправданного соучастия всех сторон в вопросах благоустройства общественных пространств. Таким образом меняются физические характеристики городской среды, обеспечивающие комфорт и безопасность пребывания, появляются новые возможности учитывать актуальные потребности горожан и вопросы биоразнообразия, а кроме того, развивается плодотворное социальное взаимодействие, позволяющее стимулировать активность граждан.

Литература:

1. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1: А–З. М. : ТЕРРА, 1994. 800 с.

Literature:

1. *Dal V.* Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language : in 4 vol. Vol. 1: A–Z. M. : TERRA, 1994. 800 p.

2. Министерство финансов Российской Федерации: Письмо № 03-03-06/4/94 от 04 декабря 2008 г. № 03-03-06/4/94. URL : https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/99_902132306 (дата обращения 01.05.2022).
2. Ministry of Finance of the Russian Federation: Letter № 03-03-06/4/94 dated December 04, 2008 № 03-03-06/4/94. URL : https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/99_902132306 (date of application 01.05.2022).
3. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 01.05.2022 г.) Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/cdec16ec747f11f3a7a39c7303d03373e0ef91c4/ (дата обращения 01.05.2022).
3. «Urban Planning Code of the Russian Federation» dated December 29, 2004 № 190-FZ (as amended on May 1, 2022) Article 1. Basic concepts used in this Code. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/cdec16ec747f11f3a7a39c7303d03373e0ef91c4/ (date of application 01.05.2022).
4. Козюк М.Н. Благоустройство: история, культура, экология, право : монография / М.Н. Козюк, А.Ю. Чикильдина; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград : Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. 217 с.
4. Improvement: history, culture, ecology, law : monograph / M.N. Kozyuk, A.Yu. Chikildina; Volgograd Institute of Management is a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. Volgograd : Publishing House of the Volgograd Institute of Management – a branch of the RANEPa, 2019. 217 p.
5. The hidden wealth of cities. Creating, Financing, and Managing Public Spaces. Jon Kher Kaw, Hyunji Lee and Sameh Wahba, Editors / International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank. 2020. 423 p.
5. The hidden wealth of cities. Creating, Financing, and Managing Public Spaces. Jon Kher Kaw, Hyunji Lee and Sameh Wahba, Editors / International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank. 2020. 423 p.
6. Лайдон М. Тактический урбанизм: Краткосрочные действия – долгосрочные перемены / М. Лайдон, Э. Гарсиа; Пер. с англ. М. : Strelka Press, 2019. 304 с.
6. Lydon M. Tactical urbanism: Short-term actions – long-term changes / M. Lydon, E. Garcia; Per. from English. M. : Strelka Press, 2019. 304 p.
7. Глазычев В.Л. Город без границ. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2011. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 400 с.
7. Glazychev V.L. City without borders. M. : Publishing House «Territory of the Future», 2011. (Series «University Library of Alexander Pogorelsky»). 400 p.
8. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Статья 26. Правотворческая инициатива граждан. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/b4b9946f11d8e4758077c93f210340ab91e26b0c/ (дата обращения 01.05.2022).
8. Federal Law № 131-FZ of October 06, 2003 (as amended on December 30, 2021) «On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation». Article 26. Law-making initiative of citizens. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/b4b9946f11d8e4758077c93f210340ab91e26b0c/ (date of application 01.05.2022).
9. Снигирёва Н. Рекомендации Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации по организации общественного участия в реализации проектов комплексного благоустройства городской среды. 2017. 36 с.
9. Snigiryova N. Recommendations of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation on the organization of public participation in the implementation of projects for the integrated improvement of the urban environment. 2017. 36 p.
10. Хабитат III. Исследовательские доклады. 11 – Общественное пространство (русский). Подготовлены Рабочей группой ООН по подготовке Хабитат III, специальной группой, сформированной агентствами и программами, входящими в ООН и работающими над тематикой Новой повестки дня развития городов. Исследовательские доклады были утверждены по время специального совещания Рабочей группы ООН, состоявшегося в Нью-Йорке с 26 по 29 мая 2015 года. Нью-Йорк. 31 мая 2015 г. URL : https://habitat3.org/wp-content/uploads/11-Habitat-III-Issue-Paper-11_Public-Space_eng-AI_fin.pdf
10. Habitat III. Research reports. 11 – Public space (Russian). Prepared by the UN Working Group on Habitat III, an ad hoc group formed by UN agencies and programs working on the New Urban Agenda. The research papers were approved during a special meeting of the UN Working Group held in New York from 26 to 29 May 2015. New-York. 31 May 2015. URL : https://habitat3.org/wp-content/uploads/11-Habitat-III-Issue-Paper-11_Public-Space_eng-AI_fin.pdf

Давыдова Галина Ивановна

доктор педагогических наук,
профессор,
Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского
galynadavydova@yandex.ru

Малучиев Гаджи Сафижуллаевич

кандидат педагогических наук,
доцент,
ГБУ «Республиканская
специальная библиотека для слепых»,
Дагестанский
государственный университет
mgs11@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
Ростовский государственный
экономический университет
samycin78_@yandex.ru

**СОЦИОРЕФЛЕКСИКА
КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В СОЦИАЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ
ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье предлагается модель социорефлексики культурной идентичности студенческой молодежи как инновационной методологии работы с молодежью с ОВЗ и инвалидностью в концепции рефлексивного диалога, выступающей как средство теоретического обеспечения профессионального самоопределения в институциональном пространстве образования. Социорефлексики реформирования в современном социальном институте инклюзивного образования означает необходимость развития творческого потенциала взаимодействия субъекта с любым социальным партнером, способности к переосмыслению социокультурных ценностей, нахождение новых точек опоры как в жизненной позиции, так и в практических формах поведения.

Ключевые слова: студенческая молодежь, профессионализм, творческая направленность, культурная идентичность, рефлексивный диалог, понимание, социальный институт, инклюзивное образование, событийный субъект познания, социорефлексики.

■ ■ ■

An important aspect of professional integration into the space of social institution of inclusive education is the preparation of young specialists for self-determination in society through their activity-based self-realization, creative orientation and

Galina I. Davydova

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor,
Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky
galynadavydova@yandex.ru

Gadzhi S. Maluchiev

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
GBU «Republican
Special Library for the Blind»,
Dagestan State University
mgs11@yandex.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Rostov State University of Economics
samycin78_@yandex.ru

**SOCIOREFLEXICS OF CULTURAL
IDENTITY OF STUDENT'S YOUTH
IN THE SOCIAL INSTITUTION
OF INCLUSIVE EDUCATION**

■ ■ ■

Annotation. The article proposes a model of socioreflexics as an innovative methodology for working with youth with disabilities and disabilities in the concept of reflective dialogue, which acts as a means of theoretical support for professional self-determination in the institutional space of education. Socioreflexics of reforming in the modern social institution of inclusive education means the need to develop the creative potential of the subject's interaction with any social partner, the ability to rethink sociocultural values, finding new points of support both in life position and in practical forms of behavior.

Keywords: student's youth, professionalism, creative orientation, cultural identity, reflective dialogue, understanding, social institution, inclusive education, event subject of cognition, socioreflexics.

■ ■ ■

cultural identity. Approaching the highest forms of professionalism presupposes relying not only on theoretical, scientific and subject ideas, but also on their ontological foundations, that is, on the understanding of the world order and the essence of life. At the same

time, in a reflective dialogue, the subjects' own reality is thought not only as the mastery of knowledge and control, but also as the establishment of equality of partnership between a person and the environment, namely: other people, the values of a different culture, social and natural processes, as well as invisible and non-reflective resources of their own psyche. Reflective dialogue in the development of professional cultural identity in social institution of inclusive education is carried out in the process of developing the creative orientation of the individual against the background of eventful relations, consistent ascent in the levels of reflection and the depth of dialogical interactions, acting as a constellation of deepening interpersonal relations. The event-driven principle of socioreflexics is that the teacher acts as a person who understands and controls, translates a semantic message that serves as a cultural model for students, takes part in creating a certain social environment and the willingness of students to behave and act in a certain way.

At the same time, the real worldview of a person is perceived in communication as a real sensory-objective way of orientation and human existence in the world possessing those essential features and characteristics traditionally attributed exclusively to the theoretical sphere carried out in cognitive activity as a vector of socialization of specialists in society.

Today, the very understanding of professionalism, according to a number of scientists, is very superficial. According to O.S. Anisimov, «the concept of professionalism requires cleansing in order to realize a very simple idea: the higher the level of professionalism, the more we are dependent on the cultural component, and the closer we come to what our predecessors had ...» [1, p. 7]. Approaching the higher forms of professionalism presupposes relying not only on theoretical, scientific and subject ideas, but also on their ontological foundations, that is, on the understanding of the world order and the essence of life.

The modern context of the formation of professionalism of the future means the inability to do something better or faster than others. In fact, professional cultural identity means creative thinking, i.e. to do it differently, constantly developing and renewing oneself, looking beyond the obvious, creating innovative projects, rushing into the undeveloped space. From the standpoint of the scientific school of reflexive psychology and sociology, dialogue acts as a respect-disposition to co-creation, where creativity is understood as changes in attitudes, world perception and activity of the subjects of the educational space, I-reflection, the quality of which in the modern dialogical paradigm of cognition acts as a function of another process that has found the most its full embodiment in the works of Hegel – the process of understanding, the meaning of which was associated with the idea of spiritual development of «all the riches of human life», which found its expression in the image of «knowledge». In this vein, in the concept of reflective dialogue, a creative orientation and professional cultural identity of specialists in the field of social institution of inclusive education is formed [2; 3; 4; 5].

In recent decades, this point of view is no longer assessed as superficial associated with instrumental

social support. Since it has won recognition in the public consciousness in the context of the concept of inclusion and is increasingly being integrated into innovative forms of preschool, general and professional education. In the process of trial and error comes the realization that of social institution of inclusive education is not just a vague education of persons with special needs that simultaneously applies to all participants, but a qualitatively different experience with a rich potential for socialization. Research of reflective dialogue [2; 4; 6] shows that the formation of a dialogical position in a single educational space increases mutual tolerance, forms the creative orientation and professional cultural identity of students with special needs (G.I. Davydova, E.V. Motsovkina, I.V. Grishko, L.O. Probotyuk).

Reflective dialogue in the scientific and applied aspect generalizes and develops innovative social and philosophical ideas, as well as principles of humanization and personal orientation of education, corresponding to the process of professional education of students youth in a modern university, developed in the works of O.S. Anisimov [1], M.N. Berulava [7], V.I. Belov [8], D.I. Feldshtein [9], and others.

The focus on the human process of interaction led to the fact that «understanding» started being considered as a specific cognitive attitude and a special method of disciplines aimed at comprehending human development. As a result, already in the latest social knowledge, understanding acquires the ontological characteristics of human existence in a world that is not based on theoretical thinking, knowledge, science. Understanding primarily perceiving a person by a person, and the first movement in understanding another person is a reflexive-existential attempt to stand, as it were, in his place and look at the world from his point of view.

In this case, the actual social-psychological reality of the subjects is conceived not only as the mastery of knowledge and their control, but as the establishment of equal partnerships between a person and his external environment: other people, the values of a different culture, social and natural processes, as well as invisible and non-reflective resources of his own psyche (its subconscious and supraconscious intuitive resources).

The idea of a dialogue, which Freud introduced into psychotherapy and social-philosophical culture, was as follows: the person opposite (us) should not be taught, but listened to. Moreover, this is the way to ensure that the person, whom we start listening to, eventually changes his ideas about himself, about the world and about all the private issues of his own existence to more responsive realities, better consistent with the ideas of other people and more satisfying himself. It would not be an exaggeration to say that the person who has experienced all of the above, in the end, more than ever before, «coincides» with the world.

Indeed, social psychotherapy begins not with something that is extremely distant from a person, generally significant and immutably true, but with the most personal and private for an individual concrete human being, not with an explanation of the «world in

general», but with listening to the understanding of his own world. It is important to see this understanding not just as equal to our own understanding, but also as self-sufficient, unique, and therefore valuable to ourselves.

The other is the most complete expression for us that it is a source of meaning; it has a real existence, which serves for us as its ability to consider us, taking itself as a starting point. The person opposite the psychotherapist reveals himself as truly Other at the moment when he begins to evaluate the therapist. Moreover, at this moment of socialization, he turns out to be a «measure» for himself. The measure is now really all that surrounds him. The person opposite us is really a subject only if he «measures» us. In this case, his subjectivity is a truth that does not require proof, but an experienced evidence. The other is obviously not a thing. This is the point of reference we acquire for judging any objects. This is how we get a measure for all things. It can be argued that the truth of the subject and the truth of direction, are experienced by us in our focus on the Other in its subjectivity, receiving its fullest expression in its free evaluation of us. When the other reveals for us its real subjectivity, its absolute difference from everything else around us, this difference consists in the autonomy of its existence, which is based on its special way of seeing and perceiving. This differs it from everything around, and this very difference is undoubted for us. Nothing stands out from its environment more than the subject among the objects does. We can rightfully doubt everything by revealing, for example, the presence of prerequisites for the existing vision of things; but we discern subjectivity unmistakably. «The Other itself is given to me in some absolutely primary experience». This means that the very subjectivity of the other, expressed in its ability to somehow see us, affecting our vision of anything, is the only final evidence and the only truth.

Thus, referring to the dictum of Protagoras, it is possible to say that the measure of all things is a man - however not I first, but the Other, undoubted for us in its subjectivity and in its assessment of us, at the moment when we agree that it «measures» us with itself, and only after this and because of this – our «I» becomes a measure for ourselves, «I» in its reliance on the Other. It is also true that the person receiving therapy changes in the ability to see the world as he, step by step, agrees to be seen.

The project of social psychotherapy, really creating an opportunity for a person to acquire new and more constructive goals in the world, as if hitting with life «in time», consistent with respect to the second problem faced but not solved by social philosophy. A person who does not agree to be taught at all turns out to be extremely interested in being listened to when he talks about himself. This decision constituted the sociocultural project of psychotherapy. This project took shape when the possibility was fully comprehended arising for two consciousnesses equally (and only hypostatized for one consciousness, for example, by V. Dilthey in the idea of empathy), or the common property of two consciousnesses – «returning to myself» after an effort to look at everything, including myself, through the eyes of the Other, as if from the very center of its life-world, to discover my world a

little more complete, integral and, as K. Rogers called it, «colorful».

In a reflective dialogue, the process of cognition acts as a side of being in a situation of deepening interpersonal relations, the subject of which can be designated as a «composite subject», within the framework of such a disclosed perspective, when the problem of using the (initially Freudian, psychoanalytic) method by a non-professional, a specialist in a completely different areas of knowledge. The general characteristics of such a cognitive process are existence in the form of a condition of active being, factuality built into the unique events of practical life, subject-semantic uncertainty associated with the possibility of applying existing knowledge in specific circumstances of activity, its immediacy, thanks to which a layer of knowledge relevant for a person at the right moment becomes his reality here and now.

Without exaggeration, understanding is now seen as a missing link in attempts to theoretically comprehend the phenomenon of «human», and cognition as a constellation of the deepening process of interaction, when the actual worldview of a person is next to be taken as a real sensory-objective way of orienting and being a person in the world possessing those essential features and features that have traditionally been attributed exclusively to the theoretical sphere of cognitive activity.

In the course of «culturing» the process of being in social dynamics, new subjective qualities appear. The processes of socialization and culturing create the prerequisites for distinguishing between two types of subjective qualities that are one-step higher than the «natural» ones. Some qualities are necessary for the correct adherence to fixed norms, others for the correct socio-culturally justified improvement of the requirements themselves. Since the scale of success in socio-cultural and activity relationships, as well as in the integrity of life situations depends on the second type of attitudes towards difficulties (the improvement of subjective qualities that ensure the improvement of norms), the highest achievements and self-realization organized by the socio-cultural and activity environment presupposes the development of integral mental mechanisms. At the level of subject (theoretical) relations between I and You, a certain mediating (interactive) sphere arises – the sphere of objective meanings of culture [10], the area of socio-economic language, rational science. The reflective-dialogical type of knowledge is de-objectified in terms of the subject – subject interactions. At the level of subject (theoretical) and professional-activity relations (between I and You), a certain mediating (interactive) sphere arises – the sphere of objective meanings of culture, the sphere of socio-economic language, rational science. In the context of a reflective dialogue, knowledge acquires significance if it turns out to be reflexive, when it allows one to identify the prospects (zones) of self-development of the studied phenomena of a self-developing subject of research.

Professional cultural identity is the position of an individual and group subject in the profession, equipped with linguistic means for realizing and structuring the reality of himself and his activities.

This position is the point of entry of the subject into the channel of reality structured by him, where the most common space is culture. In this channel, ontology (the subject's ideas about existence) and the rationality accepted by the subject (which is reasonable for him in this channel of reality) are determined, and his activities are developed and limited. Professional cultural identity is used by the subject for designing, structuring and restructuring of his activities, auto-communication and communication with other subjects through the coordination of the realities they accept. It is these moments that are included in the concept of «professional identity», «value orientations», «cultural model» as components of socialization and self-determination [11].

Professional cultural identity appears in reflective dialogue as a multi-vector co-creation, as a dialogue in the world of values as a socioreflexics of changes in self-perception and actions of the subject, as a continuous process of reflexive rethinking of the worldview as a whole, as a reflexive attitude created by the interaction (field) of the relevance of the teacher and the student.

In the context of modern inclusive dynamics, society increasingly needs those people for whom the process of self-development becomes an individual and ethical need. Teaching university students requires a shift in emphasis from training a specialist with a high, but narrowly focused professionalism, to training an emotionally and cognitively mature personality. This, in turn, makes it necessary to develop the reflective consciousness of the teacher, encouraging students to productive, transformative professional activity.

The methodological culture of interactive reflective dialogue is associated with teaching students the perception of professional and cultural norms and the possibility of social compromise. If traditional normative-legal and ethical systems act as stable-reproducible, then modern ones – as isomorphic-variable to the requirements of time and circumstances. In this regard, the professional reality and the methods of its confirmation, as well as the position of a person in the system of professional interaction and self-determination are perceived in a new way.

The interactive form of dialogue acts as an interaction that, on the one hand, is mediated by the creation of a special symbolic environment (general socio-cultural relations), and on the other, by the processes of reversible stimulation of this environment in order to turn the rest of the communication participants on themselves and change their attitude towards side of culturally-consistent behavior. At the same time, the background is reflexive (respectable) attitudes, inspiring to more perfect ways of interaction and solving problems, but not imposing, impartial, guaranteeing the individual the possibility of independent rethinking of non-working stereotypes, the discovery-incarnation of new creatively generated truths, maxims, prescriptions.

In the process of social-pedagogical design, reflection acts not so much as a personal act occurring in the individual consciousness, but more as a public action – socio-reflective, that is, it involves the receipt of a certain product.

This specificity of the organization of reflective dialogue allows the teacher-psychologist to manage various positions, both his own and others, that is, to switch to the mode of development of a personal situation in the context of reflexive control and dialogue with the aim of self-projection, depending on the characteristics of interaction and the nature of the educational needs of students with health limitations.

From the position of reflective dialogue [6], the socio-reflective mechanism of the formation of the creative orientation of the personality includes the level of development of dialogical and normative relations, reflexive knowledge, manifested in the ability for socio-cultural design, associated with the manifestation of the value attitude of students to the world of culture [8].

Based on the considered dialogical paradigm in human studies, we carried out a theoretical and experimental study of the socioreflexics of the professional cultural identity of student's youth in the social institute of inclusive education.

The initial assumption was that professional cultural identity as an educational construct is formed in reflective dialogue with the teacher in the process of developing the creative orientation of the personality and includes the level of development of reflective knowledge, manifested in the ability for socio-cultural design associated with the manifestation of the value attitude of students to the world of culture.

The methodological basis of socioreflexics in the study is represented in the cultural sense and continuing the reconstruction of the views of prominent oriental thinkers, the Book of Changes «I-Jin Zhou Yi» [1], the main idea of which is that changes in hexagrams mark the path of human development, steps in cultural development that lead to self-determination and socialization.

Taking as a basis the idea that the transition of hexagrams is the path of a person's spiritual development, we used these distinctions in the design of socioreflexics.

Our research on the experimental study of the features of the development of thinking and personality in reflective dialogue [2; 4], gave grounds for the conclusion that against the background of the formation of the creative orientation of the personality, the consistent ascent of the levels of reflection and into the depths of dialogical interaction, the development of a holistic Image of I and adequate self-esteem (I-concept), as well as the formation of a reflexive attitude to the world around us.

In accordance with the reflexive-dialogical model of the creative orientation of the individual, one can actively correlate the internal and external sides of the orientation. On the one hand, this is a reflexive self-assessment (external is the objective side of direction, I-concept), and on the other hand, understanding, an emotional-value attitude that corresponds to the nature of the I-Image (internal is the value side of direction). Then the structural-functional ratio of I-ideal and I-real in the modeled nature of the orientation of the students' personality will correspond to the level of their professional cultural identity.

In the socioreflexics of the formation of the reflexive culture of the teacher-psychologist, at first, the diagnostics of the peculiarities of the functioning of the I-Image of the personality of students was carried out. Then, according to the nature of the awareness of the Ideal I (the integration of the I-Image), the value-semantic orientation of the personality was revealed. The content of self-esteem was defined on the basis of factor analysis.

The creative solution of the problem in combination with such parameters of the I-Image as integrity, awareness, consistency give us characteristics of the criteria for the development of professional cultural identity.

Structural reconstruction of hexagrams showed that the first hexagrams (1st group) act as ontological signs of the foundations of personality development: up to the twelfth, there is an accumulation of development in the natural form of human self-movement, then socialization, culturing in the world of activity (2nd group), then showing structural changes in human activity, «melting» achievements in a specific type of activity into socio-cultural design associated with management (3rd group). According to the author of the reconstruction method, in the process of changing the hexagrams, the nature of the interaction does not remain the same, since what is involved in the interaction also changes. The cycle of hexagrams includes the steps of changes in a changing personality.

The indicator of the development of the creative orientation of the personality was the adequate level of interaction of the student with the teacher and the group at all three stages of human development in the process of transition from one type of hexagrams to another. The criterion for the development of professional cultural identity was an adequate self-assessment (the creative level of solving a problem) and an integral, consistent, differentiated I-Image.

The orientation of the MRI method [1] consists in the gradual acquisition of a common mental and reflective culture, the construction of «extremely» general (in function) concepts as a means of understanding human development according to the laws of being - intellectual, sensually emotional, cultural and spiritual.

The position of the teacher at the initial stage of solving problems (first level) was set as opposing, which allowed the group (each) to maximally reveal the negative manifestations of their I-Image, so that at the next stage of solving problems (second and third levels), they would neutralize them as much as possible, transforming them into a state that makes them positive for the correct solution of the problem.

In fact, this means the formation of the integral (reflexive-dialogical) nature of interactions, when the successful solution of the problem is mediated by a high level of dialogical relations.

Литература:

1. *Анисимов О.С. «И-Цзй Чжоу И» как шедевр акмеологической мысли. М., 2006. 311с.*

At the final stage of the formative experiment (in the process of solving the last hexagram), the character of self-assessment of students was revealed, as well as their assessment of the behavior of partners in the process of group work.

It was noted that in the process of socioreflexics, students underwent significant changes in the general emotional state (their self-attitude, the balance of the emotional-evaluative sphere), characterized by the emergence of loyalty, which manifested itself in relation to partners, as well as in interest in further participation in group projects, in statements regarding the experience of the course taken.

The study showed that a high level of cultural identity in students correlates with a developed structure of their I-Image, characterized by cognitive complexity, consistency of semantic content, integration of the I-sides (integrity), as well as a high degree of self-acceptance. The hypothesis that the development of professional cultural identity took place against the background of a creative orientation as a result of socioreflexics was confirmed by the results of the study and substantiated by the use of Pearson's X^2 method.

Work with hexagrams in socioreflexics, associated with an increase in the reflexivity of students, was expressed in an increase in the level of self-assessment of their professional qualities, as well as the assessment of the professional qualities of a partner. A directly proportional relationship was found between self-esteem and the partner's assessment $K = 0.75$ ($p < 0.05$). The stage of socioreflexics, associated with the development of students' ability to design innovations showed the connection between the creative orientation and leadership qualities of students, as well as the ability to constructively distribute the individual positions of partners, the manifestation of social loyalty combined with the ability to self-control, the ability to work in a team.

In a reflective dialogue, a rethinking of the position of a teacher-psychologist takes place, acting as an event-driven subject of cognition. In addition to the substantive moments of activity, the subject of his attention in parallel should be the intrapersonal semantic states of the student. From the standpoint of the scientific school of reflexive psychology and reflexive pedagogy, reflective dialogue acts as a respect-disposition to co-creation, where creativity is understood as changes in attitudes and activities of the subjects of the educational space, i.e. reflection. The development of professional cultural identity associated with the reflection of the creative, culturally meaningful self-creation of the personality of students is provided within the framework of the dialogic paradigm by the mechanisms of socialization and self-determination of the individual associated with the development of reflexive relations, the implementation of the creative principles of the process of understanding.

Literature:

1. *Anisimov O.S. «I-Ji Zhou Yi» as a masterpiece of acmeological thought. M., 2006. 311p.*

2. *Давыдова Г.И.* Интегральная Я-социализация лиц с инвалидностью как фактор безопасной образовательной среды: модель рефлексивного диалога в инклюзивном образовании / Г.И. Давыдова // Мир психологии. 2019. №1. С. 278–287.
3. *Давыдова Г.И.* Формирование личности в теории и практике рефлексивно-диалогического подхода : монография / Г.И. Давыдова, С.И. Самыгин. М., 2020. 220 с.
4. *Давыдова Г.И.* Рефлексивный диалог в культурно-историческом и психолого-педагогическом обеспечении университетского образования / Г.И. Давыдова, И.Н. Семенов // Альманах Научного архива Психологического института М.; СПб., 2016. Вып. 8. С. 405–416.
5. *Дюков В.М.* Теоретические и методологические основы инклюзивного образования / В.М. Дюков, Л.А. Бойдик, И.Н. Семёнов // LAP LAMBERT Academic Publishing. Saarbrücken : 2012. 547 с.
6. *Davydova Galina I.* Probotyuk Lyudmila O. Innovative Experience Of Applying The Reflexive Dialogue Model For Students With Disabilities / G.I. Davydova, E.V. Motsovkina, I.V. Grishko. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS e-ISSN: 2357–1330 Vol. LXXVIII. IFTE. 2019. Art. № 16. P. 113–121.
7. *Берулава М.Н.* Проблемы и перспективы развития современной высшей школы / М.Н. Берулава // Гуманизация образования. 2015. № 2. С. 8–12.
8. *Белов В.И.* Профессиональное воспитание в открытом социально-профессиональном пространстве / В.И. Белов // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2016. Т. 20. № 3. С. 68–71.
9. *Глузман А.В.* Лично ориентированная подготовка студентов университета к профессиональной педагогической деятельности: теории и практике. Ялта. КГУ, 2014. 272 с.
10. *Фельдштейн Д.И.* Человек в современном мире: тенденции и потенциальные возможности развития. Н. Новгород, 2016. 282 с.
11. *Semenov I.N.* Philosophical interpretations of meaning as methodological means of its reflexive-psychological study. World of psychology. Scientific and methodical journal. 2014. № 1. P. 142–154.
12. The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization / N.K. Gafiatulina, L.I. Makadey [et al.] // Eur-Asian Journal of BioSciences. 2019. Vol. 13. № 2. P. 1557–1563.
2. *Davydova G.I.* Integral Self-Socialization of Persons with Disabilities as a Factor of a Safe Educational Environment: A Model of Reflective Dialogue in Inclusive Education / G.I. Davydova // World of Psychology. 2019. № 1. P. 278–287.
3. *Davydova G.I.* Personality formation in the theory and practice of the reflexive-dialogical approach : monograph / G.I. Davydova, S.I. Samygin. M., 2020. 220 p.
4. *Davydova G.I.* Reflective dialogue in cultural-historical and psychological-pedagogical support of university education / G.I. Davydova, I.N. Semenov // Almanac of the Scientific Archive of the Psychological Institute. M. : SPb., 2016. Vol. 8.P. 405–416.
5. *Dyukov V.M.* Theoretical and methodological foundations of inclusive education / V.M. Dyukov, L.A. Boydik, I.N. Semenov // LAP LAMBERT Academic Publishing. Saarbrücken: 2012. 547 p.
6. *Davydova Galina I.* Probotyuk Lyudmila O. Innovative Experience Of Applying The Reflexive Dialogue Model For Students With Disabilities / G.I. Davydova, E.V. Motsovkina, I.V. Grishko. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS e-ISSN: 2357–1330 Vol. LXXVIII. IFTE. 2019. Art. № 16. P. 113–121.
7. *Berulava M.N.* Problems and prospects for the development of modern higher education. M.N. Berulava // Humanization of education. 2015. № 2. P. 8–12.
8. *Belov V.I.* Professional education in an open social and professional space / V.I. Belov // Bulletin of Education and Science Development of the Russian Academy of Natural Sciences. 2016. Vol. 20. № 3. P. 68–71.
9. *Gluzman A.V.* Personally-oriented preparation of university students for professional pedagogical activity: theory and practice. Yalta. KSU, 2014. 272 p.
10. *Feldshtein D.I.* Man in the modern world: trends and potential development opportunities. N. Novgorod, 2016. 282 p.
11. *Semenov I.N.* Philosophical interpretations of meaning as methodological means of its reflexive-psychological study. World of psychology. Scientific and methodical journal. 2014. № 1. P. 142–154.
12. The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization / N.K. Gafiatulina, L.I. Makadey [et al.] // Eur-Asian Journal of BioSciences. 2019. Vol. 13. № 2. P. 1557–1563.

Иванова Мария Евгеньевна
старший преподаватель
кафедры иностранных языков № 2,
Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова
meivanova2013@yandex.ru

ОБРАЗОВАНИЕ «ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА» КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Аннотация. Процесс старения населения актуализирует проблему ресоциализации людей серебряного возраста. В связи с этим, возрастает роль университетов третьего возраста как социальных институтов ресоциализации «серебряного поколения» в России и за рубежом. Начало российской системе «серебряного» образования положено около трех десятилетий тому назад, но она до конца не институционализована. В статье дан обзор российского и зарубежного опыта «серебряного образования». Необходимо активнее адаптировать зарубежный опыт «университетов третьего возраста» с учетом его национальных особенностей. Выявлены основные модели «университетов третьего возраста», функционирующие в России, показаны направления дальнейшего исследования «серебряного образования» как института ресоциализации.

Ключевые слова: «серебряный возраст», образование, университеты третьего возраста, социальный институт ресоциализации, центры социального обслуживания.

Введение. Процесс старения населения охватил все страны мира, включая Россию: четверть населения нашей страны имеют возраст старше 60 лет и вступили в «третий» возраст. Историки геронтологии считают, что понятие «третий возраст» введено в социально-гуманитарный лексикон британским ученым П. Ласлеттом как характеристика того конкретного отрезка человеческой жизни, который отделяет зрелость от старости (возраст старости для него – четвертый возраст) и совпадает с моментом выхода на пенсию [1]. Сегодня этот возраст понимается как период «наивысшей мудрости, глубокого здравого смысла» [2, с. 10]. Отечественные исследователи связывают термин «третий возраст» с характеристикой всего завершающего этапа человеческой жизни. В качестве его синонима выступает понятие «серебряный возраст».

Исследователи подчеркивают, что потенциал этого возраста не востребован должным образом

Maria E. Ivanova
Senior Lecturer
Department of Foreign Languages № 2,
Russian Economic University
named after G.V. Plekhanov
meivanova2013@yandex.ru

EDUCATION FOR THE «THIRD AGE» AS A SOCIAL INSTITUTE FOR RESOCIALIZATION: FOREIGN AND DOMESTIC EXPERIENCE

Annotation. The process of aging on the part of population aggravates the problem of resocialization of people belonging to the silver age. Therefore the role of third-age universities as social institutions for resocialization of the «silver generation» in Russia and abroad is becoming increasingly important. The foundation for the Russian system of «silver» education was laid about three decades ago, but it hasn't been completed yet. The article gives an overview of the Russian and foreign experience in the realm of «silver education». It is necessary to actively adapt the foreign experience of «third-age universities» with regard to its national peculiarities. The basic models of «third-age universities» existing in Russia have been identified, the directions for further research of «silver education» as an institute for resocialization are shown.

Keywords: «silver age», education, third-age universities, social institute of resocialization, social service centers.

[2], отмечая важную причину такой невостребованности – несоответствие подготовки этой возрастной когорты для практического решения социальных проблем. В качестве наиболее эффективного механизма устранения такого несоответствия выступает образовательный процесс. Выделяется триединство функций образования применительно к «серебряному» возрасту:

- 1) образование – важное средство инвестирования в рассматриваемую возрастную когорту;
- 2) образование – эффективный способ адаптации людей третьего возраста к изменяющейся социальной обстановке;
- 3) образование – оптимальная технология, содействующая улучшению качества важной составляющей человеческого капитала [3, с. 22–23].

В «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025

года» в связи с этим, отмечается следующее: «В среднем формальным и неформальным образованием охвачены 30 процентов взрослого населения страны (в странах с самыми высокими значениями этого показателя доля обучающегося взрослого населения достигает 70–80 процентов). В мировой практике все более широкое распространение получают клубные и неформальные виды образования для граждан старшего поколения, такие, как университеты третьего возраста и клубы по интересам» [4]. Именно поэтому анализ зарубежного опыта организации образовательного процесса применительно к «серебряному возрасту» является актуальным для России, которая значительно отстает в решении этой проблемы от целого ряда развитых стран.

Цель исследования – проанализировать современные зарубежные и российские практики работы «университетов третьего возраста» с целью выявления путей трансформации их деятельности, соответствующей интересам «серебряного поколения».

Методика. Ведущий метод исследования – компаративный анализ опыта образования людей серебряного возраста, реализуемого в России и ряде зарубежных стран. Использованы публикации российских и зарубежных авторов, в частности, результаты социологических исследований по рассматриваемой теме. Проанализированы интернет-сайты, раскрывающие опыт российских вузов по реализации образования «третьего возраста». Проведен компаративный анализ основных типов зарубежных университетов третьего возраста (УТВ). Охарактеризована специфика деятельности УТВ в России, а также - роль классических университетов в организации серебряного образования.

Результаты исследования. Немалый российский опыт организации серебряного образования, накопленный за последние годы, целесообразно систематизировать и сопоставить с зарубежной практикой деятельности УТВ.

В публикациях известного андрагога М. Формозы систематизирован опыт организации «серебряного обучения» в ряде стран мира [4; 5], главное внимание при этом уделено университетам третьего возраста (УТВ), существующим более чем в 60 странах [7, с. 52].

Так, французские классические университеты еще с 1968 года по указанию правительства стали поддерживать организацию УТВ, а работают со студентами третьего возраста лучшие университетские профессора, поскольку серебряное образование ориентируется на академические стандарты. Содержание преподавания в немецких УТВ также задается правительством ФРГ, а земли отвечают за реализацию конкретных проектов. «Серебряной переподготовкой» занимаются все крупные вузы и учреждения дополнительного образования взрослого населения с начала 1980-х годов.

В отличие от французской и немецкой модели, британские УТВ – это «самоорганизующиеся

группы пожилых людей, которые выбирают для себя интересные темы и предметы, а также организацию досуга» [8, с. 14]. Эти УТВ никаким образом не взаимодействуют ни с университетами, ни с органами соцзащиты [7].

Провинции Канады самостоятельно подходят к организации серебряного образования. В провинции Онтарио существует образовательная сеть Third Age Network, ориентированная именно на «третий возраст». В Монреале обучающиеся этого возраста, уже имеющие профильное образование, получают возможность обрести степень бакалавра [7].

Правительство Китая с 1980-х г. инициирует серебряное образование, которое в городе опирается, прежде всего, на европейские образцы, а в деревне направлено на изучение разнообразных технологий сельского хозяйства. Хотя обучается примерно 2 % людей старшего поколения, но, как отмечают сами китайские исследователи, растущий спрос уже не удовлетворяется [8].

Скандинавская модель серебряного образования опирается на опыт народного обучения XIX века и считается наиболее эффективной: в этом регионе демонстрируется самый высокий уровень образования и занятости людей в возрасте свыше 60 лет [7].

О. Агапова в обзоре российского «серебряного» образования уделила особое внимание обществу «Знание», «в постсоветское время ставшему

при поддержке Немецкой ассоциации народных университетов, базой для университета третьего возраста – одного из первых подобных учреждений в России» [8, с. 25]. Однако это общество в последующие годы утратило свои образовательные возможности и в 2019 году самораспустилось. Пришедшее ему на смену Российское общество «Знание» заявило о способствовании «адаптации людей пожилого возраста к современному информационному миру» [9]. Однако самоорганизация этого общества пришлось на период ковидной пандемии 2020–2021 гг., поэтому реального влияния на «серебряное образование» оно еще не успело оказать.

Таким образом, в разных странах университеты третьего возраста выполняют сходные функции, выступая важным социальным институтом ресоциализации «серебряного поколения», однако, национальные модели образования третьего возраста весьма разнообразны. И хотя понятие «Университет третьего возраста» применяется в большинстве этих моделей, в этот термин вкладывается существенно различающееся содержание: от программ, приближающихся к классическим университетским стандартам, до просветительских и развлекательных кружков досуговой деятельности. В российской теории и образовательной практике термин «Университет третьего возраста» (или «Университет серебряного возраста», УТВ) также получает различное содержательное наполнение, что определяется в первую очередь различием субъектов организации серебряного образования.

Во многих регионах России практическим организатором такого образования выступают государственные организации – КЦСОН (комплексные центры социального обслуживания населения). С их стороны предлагается разнообразный набор программ досуговой деятельности и разного рода курсов, многие из которых осуществляются на базе школ, средних специальных и высших учебных заведений. В случае использования образовательных возможностей вузов реальное содержание «серебряного» образования может приближаться к французской или немецкой модели УТВ.

Другая группа субъектов образовательной деятельности третьего возраста – музеи, театры, библиотеки, клубы, спортивные учреждения, разного рода культурные центры. Их работа связана с организацией прежде всего культурно-досуговой деятельности, а в качестве наиболее распространенных форм работы выступают: компьютерные курсы, спортивные занятия, курсы иностранного языка, курсы здорового образа жизни, садоводство и ландшафтный дизайн, религио- и краеведение, экономическая и юридическая грамотность, арт-терапия, экскурсии и др. [10–14]. Несмотря на то, что в качестве организационной основы такой работы, зачастую, используется понятие «Университет третьего возраста»; образовательная деятельность такого УТВ напоминает британскую или (в меньшей степени) скандинавскую модель.

Таким образом, понятие «Университет третьего возраста» все шире проникает в практику российского «серебряного» образования, а к его организации все активнее привлекаются классические университеты. В последнее десятилетие проведен ряд социологических исследований по выявлению конкретной роли российских университетов в образовании третьего возраста. Так, Т.А. Сидорчук обращается к опыту тех вузов, которые имеют длительный – до 10 лет и более – опыт «серебряного» образования: Балтийского, Дальневосточного и Казанского (Приволжского) федеральных университетов, Марийского, Томского и Смоленского государственных университетов. В его социологическом анализе теоретический и практический интерес представляет сравнение различных подходов конкретных вузов к обучению «серебряных» слушателей [15].

Например, Казанский УТВ реализует более полутора десятков образовательных программ, начиная с 2007 года. Это традиционные для вуза

дисциплины: «Политология», «Философия», «История религий», «Татарский и немецкий языки», «История Казани». Занятия проводит профессорско-преподавательский состав Казанского федерального университета. По четырем направлениям с 2012 года реализует образовательные программы третьего возраста Балтийский федеральный университет в Калининграде. С этого же года в Йошкар-Оле реализует программы УТВ по 26 модулям Марийский университет [15, с. 443–444; 16, с. 250].

На третий возраст сориентирована программа «Возраст свободы» Открытого университета при Томском госуниверситете. Высшая народная школа (ВНШ) при Дальневосточном федеральном университете работает с 1999 года, и здесь пенсионер обучается столько, сколько считает нужным. Институт третьего возраста при Смоленском госуниверситете с 2012 года успешно реализует многоуровневый образовательный проект для серебряных студентов, ориентированный на три года обучения.

В исследовании Т.А. Сидорчука интерес представляет сравнительный анализ образовательных программ. Социолог показал, что в полном соответствии с задачами «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» все проанализированные им университеты активно участвуют в повышении компьютерной грамотности «серебряного» поколения, вполне предсказуемо направление обучения, связанное с медициной и здоровьем, что для третьего возраста весьма актуально, а также, с творчеством и культурно-досуговой деятельностью. История, религия, психология – также востребованные направления подготовки [15, с. 444].

Содержательное социологическое исследование роли университетов в образовательном процессе третьего возраста проведено И.К. Войтовичем [17]. Исследователь выборочно проанализировал сайты российских университетов, при этом в каждом федеральном округе анализировалось не менее 10 университетов с учетом наличия Университетов третьего возраста или аналогичных им образовательных структур, либо программ для «серебряных» обучающихся (табл. 1). Таблица дополнена данными Т.А. Сидорчука: включены Дальневосточный госуниверситет, Смоленский госуниверситет, а также хорошо известный по работе со слушателями серебряного возраста Университет ИТМО (Санкт-Петербург).

Таблица 1

Возможности серебряного образования в российских университетах по И.К. Войтовичу, с дополнениями [17, с. 129]

Федеральные округа	Число вузов для анализа	Наличие системы дополнительного образования	Наличие УТВ	Вузы, организующие УТВ	Начало работы
1	2	3	4	5	6
Центральный	12	12	2	КГУ (Кострома) – Университет пожилого человека	2011
				СГУ (Смоленск): Институт третьего возраста	2012

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6
Южный	10	10	Не обнаружено в выборке		
Северо-Западный	10	10	3	СПбГУ (Санкт-Петербург): УТВ	
				Университет ИТМО (СПб.): УТВ	2012
				БФУ им. И. Канта (Калининград): УТВ	2012
Дальневосточный	10	9	1	ДФУ (Владивосток): Высшая народная школа	1999
Сибирский	10	10	2	ТГУ (Томск): Открытый университет	
				ИГУ (Иркутск): Университет «Старшее поколение»	
Уральский	10	10	1	ЮГУ (Ханты-Мансийск): УТВ	
Приволжский	12	12	6	СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов): УТВ	
				ПГНИУ (Пермь): УТВ	2004
				ОГУ (Оренбург): УТВ	2011
				МарГУ (Йошкар-Ола): УТВ	2012
				КФУ (Казань): УТВ	2007
Северо-Кавказский	10	8	Не обнаружено в выборке		

В этом исследовании первоочередной интерес представляет статистика. Итоговый вывод: из 84 проанализированных университетов только в 15 выявлены программы работы со слушателями третьего возраста. Судя по приведенной выборке, не более 20 % российских университетов участвуют в этой деятельности. Однако следует учитывать, что И.К. Войтович не включил в выборку московские вузы. В отличие от ряда региональных вузов, более 10 лет участвующих в серебряном образовании, большинство московских университетов активизировали деятельность на этом направлении с 2018 года в связи с принятием программы «Московское долголетие».

Пандемия ковида не позволила широко продолжать эту деятельность, однако в предковидном 2019 году в «серебряном» образовательном процессе участвовало более 200 тыс. человек. Только в первой половине 2019/2020 учебного года (завершить его помешал ковид, поскольку люди третьего возраста весной 2020 г. находились в домашней изоляции) с «серебряными» слушателями работали 26 московских вузов, реализовав свыше 200 образовательных программ, клубов по интересам разной направленности для третьего возраста [18–19]. Следует надеяться, что вслед за победой над ковидом московские вузы продолжат реализацию программ серебряного образования. Впрочем, для систематического образования серебряных студентов вузу не всегда необходимы специальные подразделения, поскольку в России отсутствуют возрастные ограничения для студентов.

Обсуждение результатов. По мнению некоторых авторов, отечественные исследования образовательного процесса третьего возраста как института ресоциализации «серебряных слушателей» активны и плодотворны [20–22], другие исследователи полагают, что по-настоящему разработан лишь «один аспект изучаемой проблемы – это университеты «третьего возраста» [3]. В самом деле, в последнее десятилетие исследуются

различные аспекты ресоциализации третьего возраста [22–24], проблемы «серебряного» образования [20; 21; 25–27], мотивация, технологии и проблемы педагогики третьего возраста в целом [28–31]; специально рассматривается специфика университетов третьего возраста [25–26; 29], поднимается вопрос о методологических основах теории обучения третьего возраста; специально анализируется методологическая роль андрагогики и геррагогики, которые рассматриваются в качестве мировоззренческого и теоретического основания этой теории [32–34].

Однако большое число публикаций по рассматриваемой теме еще не привело к ответу на ряд важных вопросов. Так, теоретические концепции «Университета третьего возраста» не обобщены даже на уровне дефиниции. Характерно, что разного рода положения об университетах серебряного возраста разрабатываются, в первую очередь, учреждениями социального обслуживания, минуя профессиональную педагогическую экспертизу.

Многие вопросы остаются открытыми не только на практике, но и в сфере теории:

- «Университет третьего возраста» – это лишь наглядный, но расплывчатый образ или это строгое научное понятие, характеризующее важный социальный институт ресоциализации «серебряного поколения»?
- Имеют ли УТВ, как и «серебряное» образование, в целом, целью заполнить свободное время пенсионеров, или такое образование должно ориентироваться на более значимую перспективу?
- Является ли деятельность «серебряных слушателей» преимущественно досуговой, или ей можно дать другую характеристику?
- Можно ли типизировать направления и формы «серебряного образования», выделяя, в частности, типы УТВ?

Существуют и другие вопросы, поиск ответов на которые ведется отечественными исследователями. Так, констатируя существующую неопределенность термина, Е.Д. Мокрогуз подчеркивает, что УТВ – это даже «не образовательное учреждение. Это – форма социально-педагогической работы с представителями старшего поколения, которая включает обучающие занятия, курсы, организацию культурно-досуговых мероприятий, участие в социальных проектах. Она может быть организована учреждениями образования, культуры, социальной защиты, спортивными, оздоровительными и реабилитационными учреждениями, компьютерными и досуговыми центрами, благотворительными, общественными и другими организациями» [29, с. 17].

Многие определения УТВ в публикациях последнего десятилетия почти дословно цитируют друг друга, опираясь при этом на дефиницию из монографии под ред. Б. Финдсена и М. Формозы [8, с. 37], но, как правило, они не содержат указаний на сущность УТВ. Нередко отмечается «новизна формы работы», но указываются хорошо известные формы деятельности: различного рода курсы, образовательные программы курсового характера, творческие мастерские и др.

Большинство исследователей анализируют деятельность уже сформировавшихся УТВ и других форм «серебряного» образования. Однако при этом в существующих публикациях, если не считать исследование зарубежной практики УТВ [5], практически нет размышлений о том, «каким должно быть» серебряное образование, чтобы оно стало подлинным институтом ресоциализации людей третьего возраста. На этом фоне заслуживают внимания разработки ряда московских и смоленских исследователей.

Исследователи Смоленского университета разработали конкретную и обстоятельную модель УТВ, предлагая открыть геронтологические факультеты в классических университетах: «вначале создаются курсы по интересам, потом однопредметные факультативы при университетах, далее многоуровневые многолетние проекты Института третьего возраста. И наконец, полноценный геронтологический факультет государственного университета, предусматривающий научно-методическую базу и позволяющий переходить «ретро-студентам» с одного курса на другой в рамках единой непрерывной образовательной программы. Предметы в программах всех курсов должны быть научно обоснованы по целесообразности, учету медицинских, возрастных, социально-психологических показателей» [35, с. 323].

Московскими исследователями Э.Н. Рычиной и М.В. Колбецкой предложен «инновационный проект позитивной адаптации людей третьего возраста», по сути дела – проект профессионально-технического УТВ (наиболее редкой его разновидности), ориентирующийся на «серебряных» обучающихся со средним или высшим образованием, которые интересуются современными технологиями профессиональной компетенции, а обучение соответствует профессиональным

стандартам реестра Минтруда РФ. Проект состоит из трех модулей:

- вводный, или ознакомительный, модуль – для повышения квалификации на базе институтов среднего специального образования;
- постбазовый, или основной – для получения переквалификации на базе институтов высшего профессионального образования;
- продвинутый, или углубленный – слушатели получают более углубленную переквалификацию в области управления на базе классических университетов [31].

Скорее всего, формирование иных социальных целей может породить формирование и других моделей УТВ.

Заключение. Численность людей серебряного возраста неуклонно возрастает, возрастает и роль специально организованного образования как эффективного средства ресоциализации этой возрастной когорты. Важная роль в этом процессе принадлежит особой группе социальных институтов ресоциализации пожилых людей – университетам третьего возраста, функционирующим за рубежом уже более полувека. Система «серебряного» образования в России не вышла из стадии институционализации. Это народные университеты, университеты серебряного возраста, открытые университеты и т.д., в организации которых нередко решающую роль играют региональные центры социального обслуживания населения. В некоторых УТВ в реализации образовательных программ участвуют классические университеты.

Отечественная теория УТВ только формируется и должна стать одним из важнейших направлений исследования университетской науки: социологической, социально-философской, педагогической, психологической и т.д. Российским университетам необходимо активнее адаптировать опыт зарубежных моделей УТВ к российской действительности, имея в виду, что немецкая и французская модели ориентированы, в первую очередь, на слушателей, заинтересованных в продолжении профессиональной или серьезной творческой деятельности. Очевидно, что интересам значительной части «серебряных» слушателей отвечает британская модель образования третьего возраста, ориентированная на содержательное наполнение досуговой деятельности студентов.

Практически все модели «серебряного образования», сложившиеся сегодня за рубежом, могут быть эффективно адаптированы к российской практике, в зависимости от образовательных ориентаций их слушателей. Вместе с тем, свою эффективность показали и некоторые отечественные модели образования третьего возраста, и они заслуживают дальнейшего распространения. Рациональная адаптация зарубежного опыта к российским условиям и распространение уже имеющегося позитивного российского опыта позволит превратить УТВ в подлинный социальный институт ресоциализации.

Литература:

1. *Laslett P.* What is Old Age? Variation over the Time and between Cultures. Health and Mortality among Elderly Populations / P. Laslett; Ed. by G. Caselli and A. Lopes. New-York : Oxford University Press, 1996. P. 21–38.
2. *Зборовский Г.Е.* Социальная общность людей «третьего возраста»: понятие, понятие, структура, функции / Г.Е. Зборовский // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 2(59). С. 9–20.
3. *Зборовский Г.Е.* Роль образования в сохранении и развитии социальной общности людей «третьего возраста» / Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова // Вестник ПНИПУ. 2019. № 2. С. 21–33.
4. Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации № 162-р от 05 февраля 2016 г. URL : https://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464
5. *Formosa M.* Four decades of Universities of the third age: Past, present and future / M. Formosa // Ageing a. society. Cambridge, 2014. Vol. 34. № 1. P. 42–66.
6. International perspectives on older adult education / Ed. by B. Findsen, M. Formosa. Cham : Springer, 2016. XIX. 519 p.
7. *Якимова Е.В.* Четыре десятилетия университетов третьего возраста: прошлое, настоящее, будущее. Formosa M. Four decades of Universities of the third age: Past, present and future / Е.В. Якимова, М. Формоза // Ageing a. society. Cambridge, 2014. Vol. 34. № 1. P. 42–66 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал. 2016. № 1. С. 49–58.
8. *Евсеева Я.В.* Международные перспективы в сфере образования пожилых людей / Я.В. Евсеева; Под ред. Б. Финдсена, М. Формозы. International perspectives on older adult education / Ed. by B. Findsen, M. Formosa. Cham: Springer, 2016. XIX, 519 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал 2019. № 4. С. 10–34.
9. Российское общество «Знание». URL : <https://www.znanierussia.ru/about/Pages/default.aspx> (дата обращения 19.05.2020).
10. Положение об «Университете третьего возраста» Ужурского района Красноярского края. URL : <http://uzhurkcon.ru/universitet-tretego-vozrasta>
11. Университет третьего возраста в Казани. URL : <http://www.pfrf.ru/branches/tatarstan/news~2015/09/04/97378>

Literature:

1. *Laslett P.* What is Old Age? Variation over the Time and between Cultures. Health and Mortality among Elderly Populations / P. Laslett; Ed. by G. Caselli and A. Lopes. New-York : Oxford University Press, 1996. P. 21–38.
2. *Zborovskij G.E.* The Social Community of People of the «Third Age»: the Concept, Structure, and Functions / G.E. Zborovskij // Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2019. № 2(59). P. 9–20.
3. *Zborovskij G.E.* The Role of Education in the Maintenance and Development of the Social Community of People belonging to the «Third Age» / G.E. Zborovskij, P.A. Ambarova // PNRPU Bulletin. 2019. № 2. P. 21–33.
4. On the approval of the Strategy for Action in the Interests of Citizens of the third Age in the Russian Federation until 2025: Order of the Government of the Russian Federation № 162-r of February 05, 2016. URL : https://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464
5. *Formosa M.* Four decades of Universities of the third age: Past, present and future / M. Formosa // Ageing a. society. Cambridge, 2014. Vol. 34. № 1. P. 42–66.
6. International perspectives on older adult education / Ed. by B. Findsen, M. Formosa. Cham : Springer, 2016. XIX. 519 p.
7. *Yakimova E.V.* The Four Decades of the Third-Age Universities: the Past, Present, and Future. Formosa M. Four decades of Universities of the third age: Past, present and future / E.V. Yakimova, M. Formosa // Ageing a. society. Cambridge, 2014. Vol. 34, N 1. P. 42–66 // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology. 2016. № 1. P. 49–58.
8. *Evseeva Ya.V.* International Prospects for the Education of the Elderly / Ya.V. Evseeva; Edited by B. Findsen, M. Formosa. International perspectives on older adult education / Ed. by B. Findsen, M. Formosa. Cham: Springer, 2016. XIX, 519 p. // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology. 2019. № 4. P. 10–34.
9. The Russian Society «Knowledge». URL : <https://www.znanierussia.ru/about/Pages/default.aspx>
10. Policies for the «University of the Third Age» of the Uzhursky District of the Krasnoyarsk Area. URL : <http://uzhurkcon.ru/universitet-tretego-vozrasta>
11. University of the Third Age in Kazan. URL : <http://www.pfrf.ru/branches/tatarstan/news~2015/09/04/97378>

12. Университет третьего возраста. URL : <http://kirishi.47lib.ru/proekti/universitet>
13. Университет «Серебряный возраст» (Санкт-Петербург). URL : <http://silveryears.ru>
14. Университет третьего возраста: Лермонтовский комплексный центр социального обслуживания населения. URL : https://лкцсон.рф/index/universitet_quot_tretego_vozrasta_quot/0-21
15. Сидорчук Т.А. Сравнительный анализ геронтологических подразделений на базе высших учебных заведений России / Т.А. Сидорчук // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4(36). С. 439–448.
16. Иванова Е.А. Университет третьего возраста как форма работы с пожилыми людьми / Е.А. Иванова, Н.С. Морова // Современные тенденции и инновации в науке и производстве: Сб. статей. Уфа : Вестник науки, 2019. С. 248–252.
17. Войтович И.К. «Третий возраст» в классических университетах: международный опыт и российская действительность / И.К. Войтович // Многоязычие в образовательном пространстве. 2016. № 8. С. 125–131.
18. Московское долголетие. Образование. URL : <https://www.mos.ru/city/projects/dolgoletie/>
19. Столичные вузы подготовили новые учебные программы для участников «Московского долголетия». URL : https://tass.ru/moskva/7741153?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews
20. Бордовский Г.А. Образование лиц старшего возраста: российское измерение мировой проблемы / Г.А. Бордовский // Высшее образование сегодня. 2020. № 2. С. 7–10.
21. Джуринский А.Н. Образование в «третьем возрасте» в России / А.Н. Джуринский // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 10. С. 156–175.
22. Кузнецов К.П. Адаптация пожилых людей в современном обществе. М. : Лаборатория Книги, 2010. 81 с.
23. Гудзовская А.А. Ресоциализация пожилых людей средствами социально-культурных технологий. Самара : Офорт, 2018. 109 с.
24. Комиссаренко С.С. Ресоциализация пожилых людей средствами социально-культурных технологий / С.С. Комиссаренко, Е.Н. Згурская. СПб. : Астерион, 2018. 159 с.
25. Алексеене Е.П. Обучение пожилых людей декоративно-прикладному творчеству в «университете третьего возраста» / Е.П. Алексеене, С.А. Лёгких // Человеческий капитал. 2021. № 9. С. 106–111.
26. Кульминская А.В. Университет третьего возраста в России: перспективы и направления развития / А.В. Кульминская, Л.Д. Забокрицкая // Российские регионы в фокусе перемен. Сборник
12. University of the Third Age. URL : <http://kirishi.47lib.ru/proekti/universitet>
13. Silver Age University (Санкт-Петербург). URL : <http://silveryears.ru>
14. A University of the third age: Lermontov Comprehensive Center for Social Services for the Population. URL : https://лкцсон.рф/index/universitet_quot_tretego_vozrasta_quot/0-21
15. Sidorchuk T.A. A Comparative Analysis of Gerontological Units at Higher Educational Institutions in Russia / T.A. Sidorchuk // Bulletin of Smolensk State University. 2016. № 4(36). P. 439–448.
16. Ivanova E.A. A Third-Age University as a Method of Working with Elderly People / E.A. Ivanova, N.S. Morova // Current Trends And Innovations in Science And Manufacturing: Sat. articles. Ufa : Bulletin of Science, 2019. P. 248–252.
17. Vojtovich I.K. The «Third Age» in Classical Universities: the International Experience and the Russian Reality / I.K. Vojtovich // Russian Journal of Multilingualism and Education. 2016. № 8. P. 125–131.
18. Moscow Longevity. Education. URL : <https://www.mos.ru/city/projects/dolgoletie/>
19. Metropolitan Universities Have Prepared New Curricula for Participants in the «Moscow Longevity». URL : https://tass.ru/moskva/7741153?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews
20. Bordovskij G.A. Education for the elderly: the Situation in Russia and Abroad / G.A. Bordovskij // Higher education today. 2020. № 2. P. 7–10.
21. Dzhurinskij A.N. Education for the «Third Age» in Russia / A.N. Dzhurinskij // Education and Science Journal. 2018. Vol. 20. № 10. P. 156–175.
22. Kuznecov K.P. The Adaptation of the Elderly in the Modern Society. M. : Book Lab Publ., 2010. 81 p.
23. Gudzovskaya A.A. Resocialization of the Elderly by Means of Socio-Cultural Technologies. Samara : Ofort Publ., 2018. 109 p.
24. Komissarenko S.S. Resocialization of the Elderly by Means of Socio-Cultural Technologies / S.S. Komissarenko, E.N. Zgurskaya. SPb. : Asterion Publ., 2018. 159 p.
25. Alekseene E.P. Teaching Arts and Crafts to the Elderly at the «University of the Third Age» / E.P. Alekseene, S.A. Lyogkih // Human Capital. 2021. № 9. P. 106–111.
26. Kul'minskaya A.V. University for the Third Age in Russia: the Prospects and Further of Development / A.V. Kul'minskaya, L.D. Zabokrickaya // Russian regions: the focus on change. Collection of Reports of

докладов XIV Международной конференции. 2020. С. 690–693.

27. *Коршунов И.А.* Век живи – век учись: Непрерывное образование в России / И.А. Коршунов, О.С. Гапонова, В.М. Пешкова; Под ред. И.Д. Фрумина, И.А. Коршунова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 310 с.

28. *Левитов А.Е.* Педагогика третьего возраста / А.Е. Левитов, М.М. Шалашова // Ценности и смыслы. 2018. № 1(53). С. 90–102.

29. *Мокрогуз Е.Д.* Университет третьего возраста как форма социально-педагогической работы со старшим поколением / Е.Д. Мокрогуз // Воспитание и обучение: теория, методика и практика: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 17–19.

30. *Мороз Н.И.* Образовательные технологии в социальной работе с гражданами пожилого возраста / Н.И. Мороз, О.Н. Брызгалова // Теория и практика социального образования. Сб. мат-лов региональн. науч.-практ. конф. Курган, 2021. С. 108–114.

31. *Рычихина Э.Н.* Позитивная мотивация к обучению людей третьего возраста на основе социального проекта / Э.Н. Рычихина, М.В. Колбецкая // Российский экономический вестник. 2020. Т. 3. № 1. С. 205–210.

32. *Громкова М.Т.* Андрагогика: теория и практика образования взрослых : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 495 с.

33. *Кононыгина Т.М.* Герагогика (пособие для тех, кто занимается образованием пожилых людей). Орел : Красная строка, 2006. 148 с.

34. *Кононыгина Т.М.* Геронтообразование: навстречу потребностям пожилых / Т.М. Кононыгина; Отв. ред. Г.А. Ключарев // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах. М. : ИС РАН, 2008. С. 248–273.

35. *Сидорчук Т.А.* Концепция геронтообразования Смоленской области / Т.А. Сидорчук, Д.А. Бояринов // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 2(34). С. 321–328.

the XIV International Conference. M. : 2020. P. 690–693.

27. *Korshunov I.A.* Never Stop Learning: Education through Life / I.A. Korshunov, O.S. Gaponova, V.M. Peshkova; Ed. by I.D. Frumina, I.A. Korshunova. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 310 p.

28. *Levitov A.E.* Education for the Third Age / A.E. Levitov, M.M. Shalashova // Values and Meanings. 2018. № 1(53). P. 90–102.

29. *Mokroguz E.D.* University for the Third Age as Institution Providing Social and Educational Activities for the Elderly / E.D. Mokroguz // Education and Training: Theory, Methodology and Practice: Materials of VII International. Scientific-Practical. Conf. Cheboksary : 2016. P. 17–19.

30. *Moroz N.I.* Methods of Education and Social Work with the Elderly / N.I. Moroz, O.N. Bryzgalova // Theory and Practice of Social Education. Materials regional. scientific-practical. conf. Kurgan, 2021. P. 108–114.

31. *Rychihina E.N.* Fostering Motivation to Study in People Belonging to the Third Age by Means of a Social Project / E.N. Rychihina, M.V. Kolbeckaya // Russian Economic Bulletin. 2020. Vol. 3. № 1. P. 205–210.

32. *Gromkova M.T.* Andragogy: The Theory and Practice of Education for Adults. M. : YUNITI-DANA Publ., 2005. 495 p.

33. *Kononygina T.M.* Geragogika (A Manual for those Involved in the Education of the Elderly). Orel : Red line Publ., 2006. 148 p.

34. *Kononygina T.M.* Elderly People's Education: Meeting Elderly People's Needs / T.M. Kononygina; Edited by G.A. Klyucharev // Continuing education in political and economic contexts. M. : 2008. P. 248–273.

35. *Sidorchuk T.A.* The Concept of Education for the Elderly in the Smolensk Region / T.A. Sidorchuk, D.A. Boyarinov // Bulletin of Smolensk State University. 2016. № 2(34). P. 321–328.

Исакова Ольга Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных
и гуманитарных наук,
Южно-Российский государственный
политехнический университет
olga_srstu@mail.ru

Роль профессиональной социализации в формировании самоорганизации российской молодежи

Аннотация. Автор статьи исходит из определения профессиональной социализации как имеющей доминирующее значение для вступления молодежи во взрослую жизнь, для преодоления состояния социальной транзитивности и реализации жизненных целей и планов. Авторская позиция состоит в том, что, последовательно реализуя логику исследования профессиональной социализации как организованного действия, имеющего определенные организационные нормы и регуляторы, следует сделать акцент на влиянии профессиональной социализации на самоорганизацию молодежи, как способности к автономности, ответственности, рационализации профессионального выбора и профессиональной деятельности. Обобщающей является оценка самоорганизации молодежи как способа расширения инвестиций и вложений в профессию в рамках социального самоопределения и общественной полезности.

Ключевые слова: профессиональная социализация, молодежь, самоорганизация российской молодежи, профессионализм, общественная полезность.

В российском социологическом сообществе актуализированы исследования профессиональной траектории, профессиональной карьеры, шансов трудоустройства российской молодежи. В работах представителей как старшего, так и более молодого поколений российских социологов несомненный исследовательский интерес вызывает анализ, объяснение и прогностика процесса профессиональной социализации российской молодежи.

В рамках дискуссии о путях и вариантах обучения и овладения профессией, становления личности молодого специалиста, шансов вхождения во взрослую жизнь, реализации жизненных планов в контексте профессиональной траектории, значимыми являются проблемы профессионального обучения, профессиональной подготовки, интеграции в профессию, профессионального самоопределения. Действительно, это важно и концептуально, и социально практически, так как, во-

Olga V. Isakova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Social Sciences and Humanities,
South-Russian State Polytechnic University
olga_srstu@mail.ru

THE ROLE OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION IN THE FORMATION OF SELF-ORGANIZATION OF RUSSIAN YOUTH

Annotation. The author of the article proceeds from the definition of professional socialization as having a dominant meaning for the entry of young people into adulthood, for overcoming the state of social transitivity and the realization of life goals and plans. The author's position is that, consistently implementing the logic of the professional socialization study as an organized action that has certain organizational norms and regulators, one should focus on the impact of professional socialization on the young people self-organization, as the ability for autonomy, responsibility, rationalization of professional choice and professional activity. The assessment of youth self-organization as a way to expand investment and investment in the profession within the framework of social self-determination and public utility is generalizing.

Keywords: professional socialization, youth, self-organization of Russian youth, professionalism, social usefulness.

первых, российская молодежь, в отличие от предыдущих поколений, выросла в принципиально иных социальных условиях, не может эффективно воспользоваться социальным опытом старших поколений, вынуждена во многом находить пути интеграции во взрослую жизнь основываясь на вере в собственные ресурсы, социальном оптимизме или неформальных коммуникациях [4].

Однако это не заслоняет того обстоятельства, что стартовой площадкой молодежи является профессиональная социализация, так как овладение и усвоение профессии, ее норм, знаний, методов и процедур являются «визитной карточкой» личности, связаны с ее социальной самооценкой, жизненными шансами, отношениями с окружающими и социальным статусом в обществе. Поэтому так важно произвести анализ профессиональной социализации с точки зрения ее влияния на самоорганизацию молодежи. Хотя

представленный российской молодежи социально-профессиональный спектр, новые социально-профессиональные ниши не являются «однозначно» коллективистскими, не ассоциируются с деятельностью в больших трудовых коллективах советской эпохи и не имеют результатом «воспитание» молодого человека в трудовом коллективе, значимость профессиональной социализации состоит в том, чтобы определить баланс личных и групповых интересов для молодежи.

Несмотря на тренд высокотехнологичных уникальных специальностей, в профессиональной деятельности доминирует исполнительский, массовый труд, профессии, связанные с репродуктивностью, следованием алгоритмам деятельности, необходимостью координации профессиональной деятельности и, в качестве закрепляющего базиса, способности к самоорганизации. Речь не идет об особом молодежном «труд-юнионизме», потому что влияние профессиональных ассоциаций в современном мире резко упало, а в российской молодежной среде профсоюзам доверяет только каждый пятый респондент [3]. Тенденция упадка влияния традиционных профессиональных структур определяется изменением характера труда и замещением критерия стажа критерием профессионализма и перестановками в иерархии профессии, где актуальность обретают профессии, требующие готовности к конкуренции, перемене формы действий в зависимости от ситуации, умения самопредставительства, что вносит новые акценты в профессиональную социализацию как процесс становления профессиональной карьеры.

Российские социологи отмечают, что понятие «профессионализм» в современном российском обществе трансформировалось в умение «делать деньги», быть «на плаву», ощущать собственную востребованность, выглядеть предприимчивым и деловым, что является явной альтернативой образу профессионала, обладающего компетентностью [5], достоинством, ответственностью, стремлением к общественной полезности. Но, подобно образу интеллигенции, которая «ушла» из российской жизни, подобный вариант профессионализма наделен оценочными коннотациями и не содержит методологии исследования, направленной на выявление объективных и субъективных параметров профессиональной социализации.

Достаточно подробно и системно описаны и проанализированы инновации профессиональной социализации российской молодежи, включающие овладение новыми рыночными профессиями, стремление реализовать себя на предприятиях частной формы собственности, вхождение в быстрорастущий слой менеджеров, изменение характера мотивации профессиональной деятельности, где понятие «труда» замещается измерениями доходности, самооценки или ценности свободного времени.

В этом исследовательском контексте самоорганизация молодежи или не присутствует, или присутствует «штрихами», фоново, когда в реальности существует запрос на самоорганизацию и как

более эффективный и экономный способ профессиональной социализации, и как инструмент защиты социальных, трудовых и политических прав молодежи, и, что не менее важно, - как пространство становления личности, обретение ею идентичности, выбора поведенческих стратегий.

Таким образом, исследование влияния профессиональной социализации на самоорганизацию молодежи устраняет «крен», связанный с тем, что профессиональная социализация анализируется с позиции снижения запроса на самоорганизацию молодежи. Главным сюжетом статьи становится анализ и объяснение профессиональной социализации как фактора, имеющего разнонаправленное воздействие на самоорганизацию молодежи. В предметное поле исследования включаются параметры профессиональной социализации, имеющие организационный и самоорганизационный эффект. Организационный – результаты профессиональной социализации молодежи, связанные с «организованной» деятельностью в рамках конкретных профессиональных норм, регуляторов и правил. Самоорганизационный – в ориентированности молодежи и степени овладения и актуализации неформальных (внеорганизационных) стандартов, схем социального действия, определяемых задачами профессиональной социализации.

Так как в российском обществе свернута система массовой профессиональной подготовки, утрачена траектория «школа-вуз-коллектив» или «школа-армия-коллектив», профессиональная социализация молодежи дифференцирована, определяется интересами рыночных акторов, запросами в молодежной среде, транзакционными издержками в овладении профессией. В реальности, действует «многослойная» система профессиональной социализации, включающая сохранение в качестве анклавов традиционных подготовительных структур, профессиональные университеты при крупных российских корпорациях, различные коммерческие курсы по овладению профессией, самообразование.

Если разложить степень вовлеченности и характер влияния в отмеченные схемы профессиональной социализации, то на передний план выдвигается значимый массив профессиональных курсов, характерных применением новейших обучающих технологий, реферативными знаниями, использованием методов тестирования, что ориентировано на применение рыночных критериев «цены и качества». Занимающие вторые и третьи позиции традиционные профессиональные структуры (профессиональные колледжи) и «университеты» при корпорациях, являются не альтернативами, а вариациями «рыночной» профессиональной социализации молодежи. Основной акцент делается на ускоренность, экономность, высокие шансы трудоустройства и перспективы карьеры и дохода.

В сложившейся ситуации возобладают «целевые группы» как формы организации профессиональной социализации. Действуют стандарты организационной культуры, связанные с обретением молодежью навыков востребованных профессий и

формированием организационной лояльности к будущим работодателям и менеджерам. Можно говорить о том, что организационный потенциал профессиональной социализации молодежи лимитирован целями и приоритетами разработчиков и собственников программ по профессиональной подготовке. В этом случае, в профессиональной социализации стимулируются исполнительские и дисциплинарные качества молодежи в той мере, в какой это делает молодого человека соответствующим установленным профессиональным стандартам, позволяющим пройти первичный профессиональный отбор.

Естественно, о формировании профессиональных ассоциаций молодежи говорить излишне, так как функциональные отношения не актуализируют запрос на структуру представительства интересов молодежи, имеющей социально-транзитивный, обучаемый статус. На эту особенность обратили внимание еще в 60-е годы XX века, констатируя противоречия между социальной (профессиональной) и физической зрелостью молодежи. Хотя профессиональная социализация молодежи основана на транслировании, передаче профессионального опыта старшими поколениями, в молодежной среде постоянно возникает неудовлетворенность «устарелостью знаний», чувством, что из них готовят «недопрофессионалов», с целью занятия молодежью субдоминантных позиций в социально-профессиональной деятельности [1].

Волна новых информационных профессий ломает сложившиеся стереотипы, так как делает молодежь конкурентной и лидирующей в профессиональной социализации, когда старшие поколения становятся на позиции обучаемых. Меняются и контуры организации через «сетевые сообщества», в которых организационные нормы и правила выражаются в «рамочном» формате и основываются на непостоянном взаимном интересе.

Иными словами, профессиональная социализация перестает быть требующей коллективного присутствия и действия, позволяет работать по программам самообучения. В социальном контексте, вроде бы, это означает переход к самоорганизации, чего в реальности не происходит, так как молодые россияне проецируют на сетевые сообщества чувства индивидуализма, ориентации на самополагание и, если говорить о тренде самоорганизации, в ней профессиональная социализация присутствует в производном виде. В концептуальном смысле, возникают сложности, определяемые тем, что профессиональная социализация молодежи трансформируется в нахождение «жизненных троп» [8]. В рамках парадигмы теории риска, социализация молодежи принимает нестабильные формы, соответствующим образом вместо организационных структур актуализируются группы социального риска. Это имеет объяснительное значение в рамках исследования процессов социальной маргинализации, прекарата, вынужденного индивидуализма, но с тем существенным замечанием, что пропорции самоорганизации/организации в молодежной среде деформируются. Для исследователя проблем

самоорганизации российской молодежи выпадает трудная задача, связанная с тем, что вне исследовательского внимания оказывается молодежь, не подверженная рискованным стратегиям, тем более было бы явным преувеличением считать, что российская молодежь испытывает доминирующее влияние социальной неопределенности.

По результатам социологических исследований можно сделать заключение о том, что до трети молодых россиян нацелены на социальную стабильность (постоянная работа, стабильные заработки, предсказуемая профессиональная карьера) [6]. Примечательно, что для такого большого массива респондентов свойственно отказаться от социального риска ради постоянного заработка и постоянной работы. Отсюда возникает коллизия «недостаточности организации». Набор жизненных целей данной группы молодежи предполагает организационный контур, возвращение к исходной форме практик трудоустройства, ясности в профессиональной карьере.

Исходя из этой позиции, можно говорить о том, что самоорганизация как способность действовать на основе собственной ответственности, компетентности, является востребованной. Вероятно, учитывая ориентацию на социальную стабильность, самоорганизация в молодежной среде является инструментом закрепления организации в процессе профессиональной социализации. Поясняя эту мысль, можно говорить о том, что в нынешней ситуации есть дефицит государственного внимания и усилий к профессиональной социализации молодежи, которая отдана на откуп региональных или локальных властей, возлагается надежда на бизнес-структуры, что создает видимый социальный эффект, но реально шансы профессиональной карьеры молодежи не расширяются, особенно касаясь исследуемой группы, нацеленной на социальную стабильность.

В этом контексте, развитие самоорганизации повышает адаптивный потенциал молодежи и, не менее важно, как следствие, актуализирует запрос в молодежной среде на возможности социальной консолидации. Игровые практики, действующие в субкультурной среде, означают «бифуркацию», развилку между уходом в виртуализацию и нарастание социальной апатии, или создание сетей профессионального самообучения и обмена опытом. Такой подход пока имеет меньшинство поддержки, разделяется только каждым пятым молодым россиянином. Есть трудности, связанные с неясностью представления о том, каковы условия и цели самоорганизации молодежи, как это будет воздействовать на повышение профессиональных шансов, как проявляется уверенность в будущем в качестве доминирующего признака социально стабильного самочувствия.

В этом комплексе проблем проявляется необходимость модели «шаг за шагом», в основе которой содержится неясный профессиональный выбор, поиск интересной профессии без четких профессиональных ориентаций. Из сказанного следует, что самоорганизация как раз не является

структурой определения профессиональных ориентаций и становления профессионального выбора. Что же касается интересной профессии, то, на наш взгляд, это несущественно для молодежи, настроенной на социальную стабильность, здесь доминирующей является модель жизненного устройства, стремления уйти от неопределенности, и самоорганизация придает уверенность, по крайней мере на уровне осознания похожести проблем профессиональной социализации и сглаживания возможных неудач и противоречий в профессиональной карьере.

Таким образом, самоорганизация в молодежной среде становится формой социальной капитализации, включения в себя самоопределения молодежи посредством определенности возможностей через новые коллективные солидарности. На наш взгляд, излишним является подчеркивание индивидуализма российской молодежи, так как постсоветские молодые поколения являются индивидуалистами в той же степени, как и представители старших поколений. Здесь стоит разделять демонстративность, эпатаж, и реальное осознание «опоры на собственные силы в условиях разорванности профессиональной социализации» [7].

В процессе профессиональной социализации российской молодежи, можно выделить некоторые особенности.

Во-первых, молодежь сталкивается с фактическим свертыванием действовавших ранее структур профессиональной социализации. И, принимая во внимание такое «наследство», чтобы не иметь нереализуемых ожиданий, не достигать крайней степени социальной депривации, нацеливается на конкурентность, но принимающую организованные и предсказуемые формы.

Во-вторых, следует обратить внимание на то, что молодые россияне, как и старшие поколения, испытывают страх регрессивной социальной мобильности, попадания на социальное дно, обретения «нулевого статуса».

Действительно, в условиях избыточных социальных неравенств, поляризованной структуры российского общества, социальной атомизации и распада базового социального государства для молодежи важным становится ресурс социальной страховки. Поэтому, в процессе профессиональной социализации сохраняется тенденция выбора или «привычных», или «перспективных», модных профессий. Как следствие, парадоксальным образом организованные структуры воспринимаются как содержащие определенный уровень гарантий, надежности в обретении профессии и выходе на профессиональную карьеру.

Как мы видим по действующим организационным структурам профессиональной социализации молодежи, оптимальные результаты наблюдаются в модели «подготовки на перспективу», означающей, что молодые люди, обретая профессию, нацелены и на перемену профессии при иных обстоятельствах, и на переобучение. Это создает дискомфорт для сторонников социальной

стабильности, и является вызывающим чувство относительной социальной депривации обстоятельством. Но следует отметить, что привлекающей является низкая степень социального риска.

Как пишут Ю. Зубок и В. Чупров, нежелательной является спонтанно возникающая самоорганизация, которая вносит дестабилизирующие коррективы в процесс профессиональной социализации [2]. В чем нельзя до конца согласиться с авторами, так это в том, что степень риска является определяющей в выборе организации или самоорганизации. Реально, молодые россияне привыкли к «теневым зарплатам», к возможности неформальных трудовых сделок, в обмен на более высокие доходы. И это привыкание приводит к тому, что при стремлении к социальной стабильности большинства молодых россиян, для них жесткий тип организации профессиональной социализации является непривлекательным.

То есть, «принуждение» к «овладению профессией» вызывает подозрение в том, что речь идет о непрестижных, не содержащих перспектив профессиональной карьеры видах профессиональной деятельности. К такому выводу респонденты приходят, так как считают, что старые традиционные профессии, хотя и могут иметь маркер профессионализма, в реальности делают молодежь слишком зависящей от конъюнктуры на рынке труда. Примечательный момент – в настоящее время в российском ОПК ощущается дефицит квалифицированных рабочих кадров. Причины находят в развале системы профессиональной подготовки, отказа от профессиональной ориентации, внушения молодежи преимуществ новых «рыночных» профессий.

Однако есть повод для вынесения суждения о субъективном факторе, о настроениях молодежи не возвращаться к рабочим профессиям в силу того, что профессиональное обучение в этом контексте является достаточно длительным и сложным, основано на критерии стажа и наблюдается зависимость от организованных структур. К тому же, в рабочих профессиях достаточно ограничены рамки индивидуальной и групповой самоорганизации. Как результат, с одной стороны, молодые люди испытывают разочарование в быстрорастущей девальвации рыночных профессий, с другой – не готовы возвращаться к модели дисциплинарной организации, ассоциируемой с индустриальной экономикой.

Поэтому, основанием для профессионального выбора является, в-третьих, как доминирующая особенность, стремление к рационализации, использование самоорганизации в качестве коллективного портрета молодого поколения, но самоорганизации, включающей саморегуляцию профессиональной карьеры, при сохранении контуров «организованного действия», то есть закрепления статуса актора профессиональной социализации. Дело в том, что рыночные профессии, привлекавшие молодежь, предсказуемым образом не содержат стандартов профессионализма, не являются удостоверением профессиональной зрелости личности, поскольку в них критерием

является умение делать деньги, что в нынешних условиях затруднено, может привести к регрессивной социальной мобильности, потере работы, перехода на позиции прекариата.

Это происходит, во многом, благодаря тому, что усиливается социальная атомизация в молодежной среде, когда жизненные затруднения и неудачи не ведут к осознанию самоорганизации, а, напротив, создают ситуацию непредсказуемости, демпинга профессиональных предложений. В результате, прогрессирующее падение доходов, готовность соглашаться на худшие условия работы сопровождают и определяют состояние молодежи. Таким образом, профессиональная социализация молодежи содержит неоднозначные последствия для ее самоорганизации. Наиболее оптимальный вариант, как отмечалось выше, когда самоорганизация является способом нахождения компромиссов, консенсуса между заинтересованными сторонами, молодежью, как акторами социализации, и структурами профессиональной социализации, с целью выработки стратегической модели профессионализма молодежи, при которой профессия перестает быть случайным и зависимым выбором.

Однако достижение оптимальности связано с тремя параметрами самоорганизации молодежи.

Во-первых, профессиональная социализация нацелена на то, чтобы молодежь, как актер профессионального обучения и подготовки, проходила обязательные процедуры профессиональной аттестации и номинации, для того чтобы диплом не выдавался только как свидетельство формального статуса.

Во-вторых (это вытекает из необходимости организационной лояльности к системе профессиональной социализации), самоорганизация не является легитимацией стихийности, спонтанности, отклонения от регулирования процесса, в котором участвует молодежь.

В-третьих, самоорганизация российской молодежи отличается особенностью отклонения опыта старших поколений и направлена на самовыражение и самоопределение через автономность реализуемых молодежью практик, преимущественно в непрофессиональной сфере.

Отсюда, самоорганизация молодежи является результативной в профессиональной социализации, если согласована с основными параметрами будущей профессиональной деятельности.

Эта характеристика была отмечена еще американскими социологами, исследователями «бурных» 60-х годов XX века, когда выявилось, что поколение молодых «бунтарей», исповедующих культуру хиппи, испытывало немалые сложности при вступлении в самостоятельную профессиональную жизнь, поскольку проявился эффект потери времени на обучение и получение образования и, не менее важно, что являясь носителями «новой» морали, «бунтари» показали более низкий адаптивный потенциал в условиях технологических или экономических перемен и так и

остались в профессиональной деятельности на «вторых» позициях. Для российской молодежи это имеет актуальное значение в том, что при отсутствии «бунтарских настроений» проявляется отношение к профессиональной социализации или по критерию инструментального активизма, выгоды обретения профессии, или включения игровой модели, предусматривающей перемену базовой профессии, даже без влияния вынуждающих социально-экономических обстоятельств.

Учитывая вышесказанное, можно говорить о том, что профессиональная социализация содержит регулирующее влияние на самоорганизацию молодежи в измерениях «приземления» и «достижения полезности».

Первое означает, что через самоорганизацию возникает чувство профессионального реализма, в рамках самореализации молодежь менее болезненно расстается с иллюзиями по поводу гарантированности новомодных профессий. Включается механизм «коллективной терапии», обмена опытом неудач и ошибок и выработки консолидированной позиции здорового скептицизма.

Второе связано с тем, что в нынешней ситуации молодежь осознает, что профессия является не только способом жить комфортно, получать высокие доходы и обеспечивать свое будущее, но и определяется возвратом к общественному смыслу профессионализма, к тому, что профессия является маркером престижа личности, что на групповом уровне потенциалом самоорганизации обладают представители профессий, которые являются «модными» и привлекательными, так как раскрывают самостоятельность личности, ее культурные и интеллектуальные горизонты, социальную отзывчивость.

Респонсивность молодежи в процессе профессиональной социализации является результатом понимания общественной полезности профессии, реального вклада молодежи в развитие экономики и социальной сферы общества, что звучит несколько абстрактно в условиях прагматизации профессиональной сферы, но является перспективным при неизбежности перехода от господства «менеджмента» к профессиям, требующим организационной и технологической квалификации. Можно говорить о том, что формирующаяся самоорганизация в контексте профессиональной социализации молодежи, направлена на переход к профессиональному выбору как способу жизненных инвестиций и накоплений, а желаемые способности участвовать в производстве и руководстве в процессе будущей профессиональной деятельности, по существу, являются развитием человеческого капитала личности.

Важно учитывать, что, несмотря на привнесение в жизнь российской молодежи кризисных явлений и роста социальной неопределенности, неуверенности в будущем, самоорганизация молодежи, как способность на основе консолидированной позиции действовать автономно и ответственно, позволяет отказаться от парадигмы «мгновенного успеха» в результате

самополагания, опоры исключительно на собственные силы. Это влечет за собой оптимальную модель поведения молодежи в процессе профессиональной социализации, независимо от того, является ли приобщение к профессии «бесплатным» или имеет определенное ценовое измерение. Совпадение позиций молодежи происходит в результате осознания того, что профессиональная социализация имеет не потребительское, а инвестиционное значение, что «жертвуя временем», затрачивая усилия, тем самым, закладывается фундамент будущих профес-

сиональных способностей и желаемой стабильной социально-профессиональной карьеры. В конечном счете, российская молодежь постепенно избавляется от иллюзий по поводу рыночных чудес, внезапного обогащения, счастливого случая или спекулятивных операций.

Важным становится и то, что в самоорганизации заложена перспектива «детеневициации» российской экономики, перехода ее на вариант легитимных практик и оказания реального воздействия на молодежную политику государства.

Литература:

1. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики : монография / Ю.А. Зубок, О.Н. Безрукова [и др.]. Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. 500 с.
2. Зубок Ю.А. Социальная регуляция в условиях неопределенности / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М. : Academia, 2008. 272 с.
3. Иванов С.Ю. Работающая молодежь и профсоюзы: формы взаимодействия и повышения социальной активности / С.Ю. Иванов, А.А. Шамин // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып. 3 (787). 2017. С. 172–182.
4. Константиновский Д.Л. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие / Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко. М. : ЦСП и М., 2014. 548 с.
5. Минчук О.В. Профессионализм как ценностная категория студенческой молодежи / О.В. Минчук, М.П. Костина // Молодой ученый. 2016. № 21 (125). С. 783–786.
6. Российское общество и вызовы времени. Кн. 4 / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М. : «Весь Мир», 2016. 400 с.
7. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., Гардарики, 2001. 398 с.
8. Чупров В.И. Молодежь в обществе риска. 2-е изд. / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс. М. : Наука, 2003. 232 с.

Literature:

1. Self-regulation of the life of youth: methodology and social practices : monograph / Yu.A. Zubok, O.N. Bezrukova [et al.]. Belgorod : Epicenter LLC, 2021. 500 p.
2. Zubok Yu.A. Social regulation in conditions of uncertainty / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov // Theoretical and applied problems in the study of youth. M. : Academia, 2008. 272 p.
3. Ivanov S.Yu. Working youth and trade unions: forms of interaction and increase of social activity / S.Yu. Ivanov, A.A. Shamin // Herald of the MGLU. Social sciences. Iss. 3 (787). 2017. P. 172–182.
4. Konstantinovskiy D.L. Youth of Russia at the turn of the XX-XXI centuries: education, labor, social well-being / D.L. Konstantinovskiy, E.D. Voznesenskaya, G.A. Cherednichenko. M. : CSP and M, 2014. 548 p.
5. Minchuk O.V. Professionalism as a value category of student youth / O.V. Minchuk, M.P. Kostina // Young scientist. 2016. № 21(125). P. 783–786.
6. Russian society and challenges of the time. Book 4 / Ed. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova. M. : «The Whole World», 2016. 400 p.
7. Toshchenko J.T. Paradoxical man. M. : Gardariki, 2001. 398 p.
8. Chuprov V.I. Youth in a risk society. 2nd ed. / V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok, K. Williams. M. : Nauka, 2003. 232 p.

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Самыгин Петр Сергеевич

доктор социологических наук,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
samygin78@yandex.ru

Манучарян Артур Константинович

кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры
истории России факультета истории,
социологии и международных отношений,
Кубанский государственный университет
antrop@mail.ru

**СОДЕЙСТВИЕ ЗДОРОВОМУ
ОБРАЗУ ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ
КАК ВЕДУЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ
ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация. В статье анализируются перспективы содействия здоровому образу жизни, выступающему в настоящее время в качестве основного направления государственной молодежной политики в современной России. К числу основных направлений данной политики относятся разработка и реализация мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни у детей и молодежи, повышение эффективности преподавания основ здорового образа жизни и создание условий, обеспечивающих возможность вести рассматриваемый образ жизни, систематически заниматься физической культурой и спортом и ряд других задач. Авторы отмечают, что усилия государства должны быть направлены на поддержку массового спорта, которая, наряду со строительством новых и реконструкцией старых спортивных объектов и сооружений, должна включать в себя деятельность, направленную на удешевление предоставляемых населению спортивно-оздоровительных услуг.

Valery V. Kasyanov

Doctor of Sociology,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department of Russian History,
Faculty of History, Sociology
and International Relations,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Petr S. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Rostov State University of Economics (РИНХ)
samygin78@yandex.ru

Artur K. Manucharyan

Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer of the Department
of History of Russia, Faculty of History,
Sociology and International Relations,
Kuban State University
antrop@mail.ru

**PROMOTING A HEALTHY LIFESTYLE
OF YOUNG PEOPLE AS A LEADING
DIRECTION OF STATE YOUTH POLICY
IN MODERN RUSSIA**

Annotation. The article analyzes the prospects for promoting a healthy lifestyle, which currently acts as the main direction of state youth policy in modern Russia. The main directions of this policy include the development and implementation of measures aimed at the formation of a healthy lifestyle among children and young people, improving the effectiveness of teaching the basics of a healthy lifestyle and creating conditions that provide the opportunity to lead the lifestyle in question, systematically engage in physical culture and sports, and a number of other tasks. The authors note that the state's efforts should be aimed at supporting mass sports, which, along with the construction of new and reconstruction of old sports facilities and structures, should include activities aimed at reducing the cost of sports and wellness services provided to the population.

Ключевые слова: общество, молодежь, учащаяся молодежь, молодежная политика, национальная безопасность, здоровье, здоровый образ жизни, спорт, массовый спорт, физическая культура, досуг, рекреация.

Keywords: society, youth, students, youth policy, national security, health, healthy lifestyle, sports, mass sports, physical culture, leisure, recreation.

Реалии современного общества, связанные с рядом негативных явлений, включающих двигательную гиподинамию, психоэмоциональное перенапряжение, злоупотребление лекарственными препаратами в комплексе с высоким уровнем загрязнения окружающей среды, оказывают отрицательное воздействие на состояние здоровья различных групп населения, и, в том числе, молодежи. Среди представителей указанной социально-демографической группы также широкое распространение получили вредные привычки, включающие курение, употребление алкоголя и наркотических препаратов, которые также крайне отрицательно влияют на состояние здоровья представителей молодого поколения. Отсюда, проистекает авторский интерес к анализу перспективных путей и способов укрепления здоровья молодежи, от характеристик которой зависит будущее развитие любого общества, его благополучие.

Укрепление здоровья соответствует интересам национальной безопасности любого государства, что актуально и для Российской Федерации [1, с. 60]. По этой причине, федеральный закон «О государственной молодежной политике» относит действие здоровью образу жизни молодежи к числу основных направлений политики государства, направленной на представителей молодежи [2].

Анализ официальных статистических данных, отражающих состояние здоровья представителей молодого поколения современного российского общества, свидетельствует об ухудшении объективных показателей здоровья молодых людей, которое происходит по мере их взросления. Данные тенденции актуальны и в отношении отечественного студенчества, которое в специальной литературе традиционно рассматривалось в качестве одной из наиболее благополучных в отношении здоровья групп молодежи. Современная статистика, однако, вступает в противоречие с этими традиционными представлениями: так, в настоящее время в студенческой среде широкое распространение получили различные хронические, инфекционные заболевания и другие патологии здоровья. Специальное исследование, проведенное учеными, представляющими университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, показало, что высокий уровень здоровья характерен для очень небольшого числа российских студентов – 1,8 % обучающихся, средний уровень – у 7,7 %, низкий – 21,5 %, очень низкий – у 69 % [3, с. 65]. Аналогичные результаты представлены в отчетах Министерства здравоохранения РФ. В соответствии с ними, в частности, только 15 % учащихся российских вузов имеют первую группу здоровья, у 50 % имеются те или иные функциональные отклонения, а 35–

40 % – различные хронические заболевания. При этом состояние здоровья у студентов в период их обучения в соответствующих учебных заведениях ухудшается, что находит проявление в росте числа обучающихся, характеризующихся неудовлетворительным состоянием здоровья [4].

Выше мы уже писали о такой актуальной для современного общества проблеме, как двигательная гиподинамия: в случае с молодежью, она усугубляется процессами цифровизации образовательного процесса, который проявляется в частичном или полном переходе на дистанционные форматы обучения, росте виртуальной активности молодежи, связанной с увеличением времени, которое представители рассматриваемой социально-демографической группы проводят в Интернете, общением в социальных сетях, компьютерными играми и т.д.

Некоторые специалисты констатируют отрицательные тенденции, связанные с нарастанием у молодых людей негативных эмоций в комплексе с фактическим отсутствием физической нагрузки, которая необходима для поддержания и укрепления здоровья и работоспособности представителей молодежи, что сопровождается ростом учебной нагрузки учащейся молодежи, неправильным питанием и другими факторами, влияющими на объективные показатели здоровья. Данные тенденции значительно отягощаются субъективным отношением молодых людей к своему здоровью, которое характеризуется как практически полным отсутствием соответствующих валеологических знаний, так и отсутствием установок на совершение действий, способных укрепить здоровье и связанных с ведением здорового образа жизни, который включает, в том числе, занятия физической культурой и спортом.

Материалы социологических опросов свидетельствуют о том, что значительная часть представителей учащейся молодежи достаточно пассивно или даже негативно относятся к обязательным для них занятиям по физической культуре. Так, большая часть студентов вузов посещают эти занятия преимущественно для того, чтобы получить зачет, а не с целью укрепления здоровья, совершенствования своих двигательных навыков, умений и т.д. Данные социологических опросов, проведенных в некоторых российских вузах, показывают, что значительная часть студентов, которая проходит обучение в соответствующих учебных заведениях, стремятся пропускать рассматриваемые занятия, несмотря на обязательность их посещения. Больше половины (58,1 %) предпочитают всячески уклоняться от проводимых в рамках вузов мероприятий физкультурно-спортивного характера, в том числе, соревнований, спортивных праздников, фестивалей и т.д. [5, с. 66–

67]. Применительно к нашему исследованию, важное значение приобретает то обстоятельство, что значительная часть молодежи относится к собственному здоровью как к ценности инструментального, а не терминального характера. Иными словами, здоровье не рассматривается большей частью представителей молодежи в качестве такой ценности, которая предусматривает исключение или сокращение действия поведенческих факторов риска, к числу которых относятся употребление табака, вредное потребление алкоголя, нерациональное питание, отсутствие физической активности и т.д. Многие молодые люди, по выражению А.Г. Грецова, относятся к своему здоровью как к «разменной монете, расходовать которую можно по своему усмотрению» (отсюда и представление о здоровье как о таком состоянии, «когда ничего не болит» и потому можно делать все, что захочется) [6, с. 35].

В сознании большинства представителей молодежи преобладает достаточно узкая трактовка понятия «здоровый образ жизни», системные представления о нем практически отсутствуют, что, в свою очередь, сопровождается отсутствием устойчивой мотивации к регулярным и систематическим физкультурно-спортивным занятиям, а также другой деятельности, направленной на поддержание и укрепление здоровья и включающей оптимальный двигательный режим, рациональное питание, распорядок дня и другие составляющие здорового образа жизни [6, с. 36]. Как показывают эмпирические данные, даже высокий уровень компетенций в вопросах, связанных со здоровьем, который характерен для части молодежи, может не сопровождаться соответствующим поведением, отличающимся фактическим отсутствием реальных действий, направленных на поддержание и укрепление здоровья, заботу о нем стороны молодых людей. Несмотря на то, что многие представители молодежи выделяют здоровье в качестве одной из приоритетных для себя ценностей, которая является значимой в плане самореализации в различных сферах жизнедеятельности, конкретный образ жизни зачастую отличается несоответствием той приверженности ценностям здоровья, которую декларирует значительная часть российской молодежи. Как отмечается в специальных исследованиях, несмотря на убежденность ряда молодых людей о том, что их жизнедеятельность в целом соответствует принципам здорового образа жизни, в реальности их поведение не включает традиционные составляющие ЗОЖ, в том числе, регулярную физическую рекреацию и двигательную активность, правильный режим питания и т.д. [7, с. 18].

При этом часть молодежи рассматривает в качестве эффективных средств, оказывающих позитивное воздействие на человеческий организм, пассивный отдых и нетрадиционную медицину, что оказывает воздействие на характер проведения свободного времени значительного числа молодых людей, в структуре которого практически отсутствует физическая, двигательная активность. Здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что оздоровительный эффект от спортивно-оздоровительной деятельности может

быть достигнут только в том случае, если последняя будет осуществляться на регулярной и систематической основе. В этом случае, данная деятельность может оказывать устойчивое позитивное воздействие на показатели здоровья молодых людей; при этом физическая активность должна обязательно сопровождаться правильным питанием, соблюдением режима дня, обязательным отказом от вредных привычек, что в комплексе и образует здоровый образ жизни. Как показывает практика, значительная часть молодежи проявляет неготовность к регулярным и систематическим усилиям, необходимым для ведения ЗОЖ, а ориентируются скорее на однократные действия, достижение сиюминутного результата.

Таким образом, присущие молодежи потребности в поддержании и укреплении здоровья входят в противоречие с теми конкретными действиями, которые они совершают в реальной действительности: как отмечает О.В. Ларина, представители молодежи явно недооценивают роль здоровья и здорового образа жизни для своей будущей жизнедеятельности [8]. Подобные установки присущи даже студентам высших учебных заведений, в сознании значительной части которых отсутствуют системные представления о здоровье и различных его составляющих, а также ярко выраженный интерес к физкультурно-спортивным занятиям. На данном обстоятельстве акцентирует внимание Е.П. Пчелкина, автор диссертации, посвященной ценностным установкам молодежи, направленным на здоровье: здесь имеются противоречия на когнитивном и поведенческом уровнях, связанные с рассогласованием между представлениями о высокой значимости здоровья и низким уровнем готовности к совершению действий, связанных с его сохранением и заботой о нем [9, с. 11]. Чем старше становятся молодые люди, тем ниже оказывается уровень их физической, двигательной активности при одновременном увеличении доли пассивных форм проведения свободного времени. К этому добавляются и другие особенности жизнедеятельности молодежи, оказывающие негативное воздействие на состояние их здоровья: речь идет о вредных привычках, имеющих достаточно высокий уровень распространения в молодежной среде: так, алкоголь, к примеру, регулярно употребляют не менее 35–40 % студентов и представителей других групп молодежи [9, с. 12].

В сложившейся ситуации важное значение приобретает государственная молодежная политика в части, касающейся содействия здоровому образу жизни представителей отечественной молодежи. В утвержденной приказом Министерства здравоохранения РФ от 15 января 2020 г. «Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года» выделяется в качестве основополагающей цели формирование органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления среды, способствующей ведению здорового образа жизни, посредством разработки и реализации региональных и муниципальных программ общественного здоровья. Указанная Стратегия также предусматривает реализацию таких задач, как:

- разработка и реализация мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни у детей и молодежи;
- повышение эффективности преподавания основ здорового образа жизни и профилактики неинфекционных заболеваний в рамках школьной программы;
- создание условий, обеспечивающих возможность вести здоровый образ жизни, систематически заниматься физической культурой и спортом и ряд других задач [10].

Необходимо отметить, что аналогичные задачи, связанные с вовлечением молодежи в регулярные и систематические физкультурно-спортивные занятия, отражены в государственной программе Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта, вступившей в силу с 01 января 2022 г., где, в числе основных проблем выделяется недостаточно высокий уровень вовлеченности ряда категорий населения в систематические занятия физической культурой и спортом, низкий уровень здоровья молодежи, недостаточность спортивной инфраструктуры. К числу ключевых вызовов для физической культуры и массового спорта разработчиками рассматриваемой Программы были отнесены:

- «увеличение числа граждан, нуждающихся в оздоровлении средствами физической культуры и спорта, в том числе вследствие перенесенных заболеваний, вызванных новой коронавирусной инфекцией (COVID-19);
- возросшие требования к уровню физической подготовленности допризывной молодежи как фактору обеспечения боеготовности вооруженных сил;
- наличие региональных диспропорций в обеспеченности населения физкультурно-спортивной инфраструктурой;
- недостаточная ресурсная обеспеченность сферы физической культуры и спорта, в том числе системы профессионального образования;
- сокращение реально располагаемых доходов, экономия граждан на занятиях физической культурой и спортом» [11].

С учетом данных обстоятельств, программа «Развитие физической культуры и спорта» предусматривает создание для всех категорий и групп

Литература:

1. *Самыгин С.И.* Спорт и здоровье российской молодежи в аспекте национальной безопасности / С.И. Самыгин, П.С. Самыгин, А.В. Верещагина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 7.
2. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL : www.zakonrf.info (дата обращения 03.07.2022).

населения и, в том числе, детей и молодежи условий для занятий физической культурой и массовым спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта. К задачам государственного управления в рассматриваемой области отнесены, соответственно:

- создание условий для привлечения граждан к систематическим занятиям физической культурой и спортом;
- создание эффективной системы физического воспитания различных категорий и групп населения;
- повышение доступности спортивной инфраструктуры для всех категорий и групп населения [11].

На наш взгляд, государство в настоящее время должно осуществлять поддержку, в первую очередь, массового спорта, который имеет ярко выраженный оздоровительный эффект. Поддержка массового спорта, наряду со строительством новых и реконструкцией старых спортивных объектов и сооружений, должна включать в себя деятельность, направленную на удешевление спортивно-оздоровительных услуг, которые предоставляются населению в целом и молодежи в частности. Молодежь, равно как и другие социально уязвимые группы населения, должна иметь равные возможности для того, чтобы заниматься в свое свободное время спортом и физкультурой с целью поддержания и укрепления здоровья, повышения уровня работоспособности. Политика, направленная на вовлечение молодежи в систематические физкультурно-спортивные занятия, не может исчерпываться только деятельностью, связанной со строительством различных спортивных сооружений: большое значение имеет формирование устойчивых установок молодых людей на занятия спортом и физкультурой с целью укрепления собственного здоровья, пропаганда других составляющих здорового образа жизни. По этой причине акцент в политике, направленной на содействие здоровому образу жизни молодежи, должен быть сделан на деятельности современных средств массовой информации (Интернета), призванных влиять на сознание молодых людей, распространяя представления о значимости физкультурно-спортивной деятельности, поддержания оптимального двигательного режима, распорядка дня, рационального питания как неотъемлемых компонентов ЗОЖ.

Literature:

1. *Samygin S.I.* Sport and health of Russian youth in the aspect of national security / S.I. Samygin, P.S. Samygin, A.V. Vereshchagina // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. № 7.
2. Federal Law № 489-FZ of 30.12.2020 «On Youth Policy in the Russian Federation». URL : www.zakonrf.info (date of appeal 3.07.2022).

3. Павлов В.И. Здоровый образ жизни студенческой молодежи / В.И. Павлов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта, 2011. № 3.
4. Здравоохранение в России – 2021. Федеральная служба государственной статистики. URL : www.rosstat.gov.ru (дата обращения 04.07.2021).
5. Рахматов А.И. Физкультурно-спортивные мероприятия в вузе / А.И. Рахматов // Образование и воспитание. 2020. № 3 (29).
6. Грецов А.Г. Методика пропаганды ценностей здорового образа жизни: как разговаривать с молодежью о физической культуре / А.Г. Грецов // Физическая культура, спорт и туризм. Интеграционные процессы науки и практики. Сборник статей по материалам VII международной научно-практической конференции, 27–30 апреля 2015 г. Орел : Госуниверситет-УНПК, 2015.
7. Ионова О.В. Физкультурно-оздоровительная деятельность в структуре досуга студенческой молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук, Пенза, 2018.
8. Ларина О.В. Формирование мотивационно-ценностного отношения к здоровому образу жизни у студенческой молодежи. URL : www.sgu.ru (дата обращения 04.07.2022).
9. Пчелкина Е.П. Ценностные предпочтения студенческой молодежи в отношении здоровья : автореферат дис. ... канд. социол. наук, М., 2012.
10. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 15.01.2020 г. № 8 «Об утверждении Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года». URL : www.trbzdrav.ru (дата обращения 05.07.2022).
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.09.2021 № 1661 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации». URL : www.publication.pravo.gov.ru (дата обращения 06.07.2022).
3. Pavlov V.I. Healthy lifestyle of students / V.I. Pavlov // Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University, 2011. № 3.
4. Healthcare in Russia – 2021. Federal State Statistics Service. URL : www.rosstat.gov.ru (date of the application 04.07.2021).
5. Rakhmatov A.I. Physical culture and sports events at the university / A.I. Rakhmatov // Education and upbringing. 2020. № 3(29).
6. Gretsov A.G. Methods of promoting the values of a healthy lifestyle: how to talk to young people about physical culture / A.G. Gretsov // Physical culture, sport and tourism. Integration processes of science and practice: A collection of articles based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference, April 27–30, 2015. Orel : State University-UNPK, 2015.
7. Ionova O.V. Physical culture and recreation activities in the structure of leisure of student youth : abstract of the dis. ... of the candidate of sociological sciences, Penza, 2018.
8. Larina O.V. Formation of motivational and value attitude to a healthy lifestyle among students. URL : www.sgu.ru (date of the application 04.07.2022).
9. Pchelkina E.P. Value preferences of students in relation to health : abstract of the dis. ... of the candidate of sociological sciences, M., 2012.
10. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation № 8 dated 15.01.2020 «On approval of the Strategy for the formation of a healthy lifestyle of the population, prevention and control of non-communicable diseases for the period up to 2025». URL : www.trbzdrav.ru (date of the application 05.07.2022).
11. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1661 of 30.09.2021 «On Approval of the State Program of the Russian Federation «Development of Physical Culture and Sports» and on Invalidation of Certain Acts and Certain Provisions of Certain Acts of the Government of the Russian Federation». URL : www.publication.pravo.gov.ru (date of the application 06.07.2022).

Кузнецова Анастасия Алексеевна
аспирантка кафедры государственного
и муниципального управления,
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
nastia2197@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ СТРАНЫ

Аннотация. Национальные проекты в разных странах мира, а также – в Российской Федерации, связаны с усовершенствованием технологий, улучшением качества жизни людей, созданием безопасной и экологически привлекательной среды. В статье обозначено понятие «национальный проект», а также, обозначены нормативно-правовые документы регулирующие данную тему. Помимо этого, автором статьи рассмотрены периоды развития национальных проектов с 2002 по 2016 годы, а также – проведен анализ исполнения национальных проектов, выявлены слабые стороны. Рассмотрены вопросы причин невыполнения национальных проектов в Российской Федерации.

Ключевые слова: национальные проекты, Федеральные целевые программы, «системы ручного управления», показатели программ.

Национальные проекты в разных странах мира, а также – в Российской Федерации, связаны с усовершенствованием технологий, улучшением качества жизни людей, созданием безопасной и экологически привлекательной среды. Национальные проекты в Российской Федерации были разработаны и запущены в реализацию начиная с 2019 года. Срок исполнения национальных проектов был смещен с 2024 на 2030 год, а мероприятия пополнились мерами из общенационального плана восстановления экономики после пандемии. Национальные проекты в Российской Федерации разработаны по трём направлениям: «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост». Финансирование национальных проектов осуществляется за счет федерального бюджета, бюджета субъектов Российской Федерации, внебюджетных источников и государственных внебюджетных фондов [1].

В международной практике под национальными проектами понимаются комплексные программы, имеющие общенациональную значимость и требующие масштабных вливаний государственных средств: развитие космоса, атомной и гидроэнергетики, вывод целых отраслей как, например, здравоохранения на новый уровень, в последнее

Anastasia A. Kuznetsova
Postgraduate Student of the Department
of State and Municipal Administration,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
nastia2197@mail.ru

NATIONAL PROJECTS AS A TOOL FOR IMPLEMENTING THE COUNTRY'S STRATEGIC GOALS

Annotation. National projects in different countries of the world, as well as in the Russian Federation, are associated with improving technologies, improving the quality of life of people, creating a safe and environmentally attractive environment. The article denotes the concept of a national project, as well as identifies the regulatory documents regulating this topic. The periods of development of national projects from 2002 to 2016 are also considered. An analysis of the implementation of national projects has been carried out, weaknesses have been identified. The issues of reasons for non-implementation of national projects in the Russian Federation are considered.

Keywords: national projects, Federal target programs, «manual control systems», program indicators.

время – развитие искусственного интеллекта и других стратегически важных направлений, в которых на начальной стадии невозможно обеспечить 100 % частное финансирование.

Постановлением Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» определено понятие «национальный проект». «Национальный проект» – это проект (программа), направленный на достижение национальных целей и их целевых показателей, определенных Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», и обеспечивающий достижение общественно значимых результатов и их показателей, а также задач, не являющихся общественно значимыми результатами, и их показателей по поручению и (или) указанию Президента Российской Федерации, по поручению Правительства Российской Федерации, Председателя Правительства Российской Федерации, по решению Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (далее – Совет), президиума Совета. Анализируя и обобщая определения сущности понятия «национальные проекты», сформулированные в

нормативных документах, представляется возможным дополнить его, определяя «национальный проект» как инструмент социально-экономического развития государства, призванный вывести приоритетные отрасли на новый уровень развития.

В период развития Российской Федерации после распада Советского Союза государство постоянно пыталось найти оптимальные формы осуществления инвестиций в масштабные проекты и привлечения к ним частных инвесторов:

- с 2002 года начали готовиться Федеральные целевые программы (далее – ФЦП);
- в 2005 году было объявлено о запуске четырех приоритетных национальных проектов «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», «Развитие агропромышленного комплекса», «Здоровье» и «Образование»;
- в 2010 года ФЦП были преобразованы в государственные программы, в том числе по причине невыполнения многих из целевых показателей ФЦП;
- в 2012 года было подписано 11 «майских» указов Президента России, нацеленных на приоритетные сферы развития государства и определяющие целевые показатели, которые требовалось достигнуть к 2018 году или 2020 году;
- в 2016 году произошла реорганизация в области управления стратегическими проектами в виде создания Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам, Департамента проектной деятельности Аппарата правительства Российской Федерации и упразднения двух других консультативных органов. Сформированный перечень из 11 основных направлений стратегического развития Российской Федерации на период до 2018 года и до 2025 года послужил основой для подготовки 29 приоритетных проектов. Ряд ранее принятых государственных программ также был переведен на проектное управление.

Анализ исполнения описанных выше национальных проектов свидетельствует о том, что независимо от формата, в котором они готовились, и от организационных структур, созданных для управления этими программами, целевые показатели, установленные в них, зачастую не достигались или достигались с большими задержками по срокам [2]:

- национальный проект «Развитие АПК» по всем трем направлениям оказался не выполнен и преобразован в Государственную программу развития сельского хозяйства;
- рост ежегодного объема жилищного строительства в Российской Федерации до 80 млн кв. м. в год был достигнут только в 2014 году, а не в 2010 году;
- продолжительность жизни по итогам 2018 года составила 72,84 года при целевом показателе 74 года;

- доля продукции высокотехнологических и наукоемких отраслей в ВВП должна была составить 30 % в 2018 году, а оказалась равна 21,7 % в 2017 году.

- численность высокопроизводительных рабочих мест в 2020 году должна была составить 25 млн, а в 2017 году составляла только 17,6 млн.

Учитывая предшествующий анализ, следует также отметить положительный вклад национальных проектов в социально-экономическое развитие страны и повышение ее обороноспособности:

- многократно выросла доля современных образцов вооружений и техники в российской армии;
- превышен целевой показатель доли российских научных публикаций в международных научных журналах;
- по итогам 2018 года Российская Федерация заняла 31 место в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса (в 2012 году она была на 120 месте), что можно назвать успешным, несмотря на то, что целевой показатель был – 20 место [3];
- уровень оснащения образовательных учреждений и учреждений здравоохранения, социальной поддержки населения в этих сферах также наблюдается положительная динамика.

Исполнение национальных проектов и государственных программ является исключительно важным с точки зрения повышения эффективности государственного управления и показывает, что по многим направлениям по-прежнему существует большой потенциал, для примера, можно рассмотреть национальные проекты «Экология» и «Цифровая экономика Российской Федерации». По итогам 2019 года указанные национальные проекты значительно отставали по уровню исполнения, на сегодняшний день ситуация стабилизируется, но по-прежнему остается потенциал к развитию.

Анализируя национальные проекты как инструмент реализации национальных целей, целесообразно рассмотреть невыполнение национальных проектов Российской Федерации. Для начала необходимо выделить системноуправленческие проблемы. Переход системы государственного управления с планового механизма на рыночную модель носил спонтанный характер, изменения осуществлялись стихийным образом. Сложившаяся система управления требует периодического вмешательства высшего руководства страны, поэтому для успешной реализации национальных проектов требуется понимание того, как этот институт должен взаимодействовать с другими уже сложившимися институтами управления, как его «встроить» в имеющиеся управленческие связи.

Следующая причина, которую хотелось бы отметить – низкое качество планирования при формировании системы показателей программ и

проектов. Говоря о данной причине невыполнения национальных проектов, можно сказать, что она носит методологический характер и при наличии системного подхода легко исправима. К.Я. Серковой было проведено исследование касательно данной темы [4], в котором достаточно полно описываются все составляющие проблемы и даются предложения по их решению.

Рассматривая данный вопрос, следует обратить внимание на причину мотивации. Под данной причиной понимается мотивация бизнеса. В связи с этим, важную роль в успехе осуществления национальных проектов играет мотивация бизнеса как неотъемлемого и одного из ключевых участников, которая, в свою очередь, зависит от инвестиционной привлекательности национальных проектов и государственных программ. Следует отметить, что низкая инвестиционная привлекательность, как страны, так и государственных инвестиционных проектов, носит глубокий и стратегический характер. Это – те вопросы, которые детально обсуждались на Петербургском международном экономическом форуме (далее – Форум), а также – во время других саммитов. Важно отметить, что Форум 2021 года стал самым масштабным в мире деловым событием очного формата после вынужденного перерыва из-за пандемии коронавируса. Форум состоялся в традиционном формате с использованием современных цифровых технологий. В Форуме приняли участие Президент Российской Федерации Владимир Путин, мировые лидеры, руководители крупных российских и иностранных компаний и банков, ведущие эксперты из числа представителей науки, средств массовой информации и бизнес-сообщества.

Литература:

1. Национальные проекты России. URL : xn--80aaparmemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/ (дата обращения 13.05.2022).
2. История нацпроектов в России. URL : <https://tass.ru/info/6101471> (дата обращения 13.05.2022).
3. Всемирный банк Doing Business. URL : <https://russian.doingbusiness.org/ru/rankings> (дата обращения 21.05.2022).
4. Серкова К.Я. Проблемы реализации государственных программ и пути их решения / К.Я. Серкова // Journal of Economy and entrepreneurship. 2016. № 12. Ч. 4.

Проблемы, влияющие на развитие предпринимательства, включают в себя высокий уровень коррупции, низкий уровень предпринимательской активности, недостаточный уровень лидерства и командного подхода к реализации проектов. Для решения первой проблемы необходимо внедрение более жесткого законодательства по борьбе с коррупцией и его систематичное применение. А для развития предпринимательства нужно проводить системную работу, связанную с воспитанием нового поколения граждан, которые бы стремились стать предпринимателями и не боялись брать на себя ответственность за принимаемые решения.

В завершении хотелось бы сделать вывод о том, что проведенный анализ успешности национальных проектов в России показывает, что, несмотря на позитивный вклад в развитие экономики, существует огромный потенциал для повышения успешности осуществления стратегически важных для государства инициатив. Как показывает история России и зарубежных стран, немаловажную роль в этом должен играть бизнес. Для его привлечения должны быть созданы определенные условия, которые делают участие в таких проектах выгодным и безопасным. Чтобы повысить инвестиционную привлекательность национальных проектов и программ, государству необходимо решать следующие задачи: повысить качество принимаемых нормативно-правовых актов, кардинально улучшить судебную систему, повысить качество подготовки проектов, снизить негативное влияние государства и оптимизировать государственную поддержку, развивать предпринимательство и повысить уровень финансового суверенитета страны.

Literature:

1. National projects of Russia URL : xn--80aaparmemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/ (date of the application 13.05.2022).
2. History of national projects in Russia. URL : <https://tass.ru/info/6101471> (date of the application 13.05.2022).
3. World Bank Doing Business. URL : <https://russian.doingbusiness.org/ru/rankings> (date of the application 21.05.2022).
4. Serkova K.Ya. Problems of implementation of state programs and ways to solve them / K.Ya. Serkova // Journal of Economy and entrepreneurship. 2016. № 12. Part 4.

Логиновских Ульяна Евгеньевна
аспирантка,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт управления
ulyaet@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РАМКАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО И СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДОВ

Аннотация. Стереотипы женственности и мужественности не просто формируют людей – они часто предписывают людям в зависимости от их пола определенные психологические качества, нормы поведения, род занятий, профессии и многое другое. В статье рассмотрены методологические подходы к изучению гендерных отношений. На основе обзора работ западных ученых – Т. Парсонса и Э. Игли предлагается анализ специфики изучения феномена гендерной стереотипизации в межличностных отношениях. Гендерные стереотипы рассмотрены и охарактеризованы в рамках социокультурного подхода Т. Парсонса и теории социальных ролей Э. Игли.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, гендерные роли, социокультурный подход, теория социальных ролей, структурно-функциональный подход.

Стереотипы женственности и мужественности не просто формируют людей – они часто предписывают людям в зависимости от их пола определенные психологические качества, нормы поведения, род занятий, профессии и многое другое. Основное свойство стереотипов заключается в том, что они влияют на принятие решения, скрывая логику процесса от внешнего наблюдателя. Как писал У. Липпман: «Вместо того, чтобы сначала увидеть, а потом определить, мы сначала определяем, а потом видим» [3, с. 21]. Иными словами, механизм воздействия стереотипов заключается в том, что мы замечаем только то, что ранее сформулировано для нас нашей культурой. А она (культура), предлагала нам различные образы женщин, которые становились доминирующими в определенный период.

Гендерные стереотипы рассматриваются в рамках гендерных отношений. Существует целая совокупность подходов при изучении вопроса гендерных отношений. В рамках данной статьи рассмотрим некоторые из них: структурно-функциональный и социокультурный (теория социальных ролей Э. Игли) подходы.

Uliana E. Loginovskikh
Graduate Student,
Russian Academy of Folk
Economy and Public Service under
the President of the Russian Federation,
Ural Institute of Management
ulyaet@mail.ru

GENDER STEREOTYPES IN SOCIO-CULTURAL AND STRUCTURAL-FUNCTIONAL APPROACHES

Annotation. Stereotypes of femininity and masculinity do not just shape people – they often prescribe to people, depending on their gender, certain psychological qualities, norms of behavior, occupation, profession and much more. The article considers methodological approaches to the study of gender relations. Based on the review of the works of Western scientists – T. Parsons and E. Eagli – the analysis of specificity of the study of the phenomenon of gender stereotyping in interpersonal relations is offered. Gender stereotypes are considered and characterized within the framework of T. Parsons' sociocultural approach and E. Eagli's theory of social roles.

Keywords: gender stereotypes, gender roles, sociocultural approach, social role theory, structural-functional approach.

Структурно-функциональный подход к изучению гендерных стереотипов. В рамках структурного функционализма общество представляет собой систему из множества частей, таким образом, гендер регулирует многочисленные социальные связи. Представитель структурного функционализма Т. Парсонс определяет гендер как «комплементарный набор ролей, способствующий объединению общества, объединяющих мужчин и женщин в семье для выполнения различных важных задач. На женщин ложится основная ответственность за управление домашним хозяйством и воспитанием детей. Мужчины же играют в обществе роль рабочей силы, связывая семью и большой мир» [4, с. 94]. Т. Парсонс уделяет большое внимание рассмотрению гендерных ролей. Т. Парсонс считается основоположником, так называемой, теории мужских и женских ролей.

По его мнению, понятие «роль» трактовалось как нечто, связанное с ожиданиями общества в отношении женщин и мужчин, т.е., с нормами, определяющими женское и мужское поведение. Одной из важнейших задач личности в процессе социализации было принятие соответствующих

женских или мужских ролей. Эпизодические отклонения воспринимались обществом как результат несостоятельности ранней личности. Примером является гомосексуальность.

Роли женщины и мужчины противоречивы, но дополняют друг друга. Вся концепция гендерных ролей с точки зрения структурного функционализма несет в себе имплицитный посыл о том, что все социальные усилия изменить определение мужественности и женственности бесполезны, поскольку гендерные роли являются продуктом природы.

Т. Парсонс также занимался семьей и ее разделением в контексте производственных социальных отношений. Парсонс ввел дихотомию инструментального и экспрессивного лидерства. Теория мужских и женских ролей предполагает, что женщины должны ориентироваться на экспрессивные черты, а мужчины должны ориентироваться на инструментальные черты.

Инструментальность характеризуется рациональностью, доминированием, независимостью и нацеленностью на успешное выполнение задач. Экспрессивные черты, напротив, характеризуются ориентацией на межличностные отношения и семью. Они связаны со стремлением заботиться о других, с пониманием и чуткостью к окружающим. Другими словами, экспрессивность включает в себя черты, имеющие социально-эмоциональный характер. Наоборот, инструментальность опирается на свойства, связанные с решением конкретной задачи.

Существенным вкладом подхода Парсонса к мужским и женским ролям стало выявление и описание так называемого ролевого конфликта. Согласно Парсонсу, ролевой конфликт возникает, когда к женщинам, живущим в индустриальном обществе, предъявляются два противоречивых требования. С одной стороны, женщины должны уделять особое внимание уходу за семьей, быть в роли матери. С другой стороны, существует ориентация общества на универсалистские ценности, где женщина такой же активный участник рынка труда. По словам Т. Парсонса, необходимо обеспечить возможность равных условий для обоих полов для развития и применения своих навыков на практике. [4, с. 56].

Гендерные стереотипы в рамках теории социальных ролей Элис Игли. Теория социальных ролей Элис Игли разрабатывается известной американской исследовательницей с 1987 г. Суть концепции такова: чтобы быть принятыми обществом, мужчины и женщины должны вести себя конгруэнтно своей гендерной роли, т.е.,

Литература:

1. *Гуревич П.С.* «Стереотип» / П.С. Гуревич // Современная западная социология. Словарь. М.: 1990. С. 215.
2. *Игли Элис Х.* «Доказательства социальной ролевой теории содержания стереотипов:

совокупности стереотипных ожиданий, которые общество предъявляет данному индивиду как представителю определенного пола. Одни личностные черты и характеристики поведения являются приемлемыми для мужчин, другие – для женщин. Эта теория очень популярна.

Модель социальных ожиданий предполагает, что у людей существуют имплицитные (подразумеваемые) теории по отношению к представителям разного пола. Эти теории создаются на основе здравого смысла и жизненного опыта. Наивные испытуемые знают, какими должны быть мужчины и женщины. Так складываются гендерные стереотипы (перечень предписаний и ожиданий) отдельно для мужчин и для женщин. Человек старается вести себя так, чтобы соответствовать этим ожиданиям. Эти ожидания побуждают мужчин и женщин соответствовать им.

Согласно теории соответствия ролей, ожидания социальной группы продиктовано двумя различными типами норм: «описательные нормы», которые описывают атрибуты группы, и «запретительные или предписывающие нормы», диктуют идеальные характеристики группы. По отношению к мужчинам и женщинам, описательные нормы следующие: женщина ассоциируется с большей чувствительностью, с возможностью воспитывать детей, а мужчина обладает чертами доминирующего, конкурентоспособного [2, с. 5].

Теория социальных ролей Элис Игли объясняет и различия в поведении лидеров. Гендерная роль требует, чтобы человек вел себя в соответствии с гендерными стереотипами. С другой стороны, роль лидера также предъявляет свои требования к индивиду. И поскольку, согласно стереотипам, эта роль является маскулинной, женщины-лидеры будут испытывать конфликт между гендерной и лидерской ролями. Негативные предубеждения против женщин лидеров могут вызывать у них снижение самооценки, неуверенность в себе и, соответственно, ухудшение продуктивности работы. И хотя компетентные женщины способны преодолеть эти сложности, мужчины получают преимущество при сравнении их с женщинами в роли лидера, так как подобных барьеров для них не существует.

Исходя из вышеизложенного, хочется подчеркнуть, что основная специфика изучения гендерных стереотипов в социологии заключается в том, что акцентируется внимание на роли стереотипов в межличностном, групповом и институциональном взаимодействии мужчин и женщин, на способах и средствах влияния стереотипов на общество, на методах преодоления или изменения стереотипов.

Literature:

1. *Gurevich P.S.* «Stereotype» // Modern Western Sociology. Dictionary. M. : 1990. P. 215
2. *Eagly Alice H.* «Evidence for Social Role Theory of Stereotype Content: Group Role Observations

наблюдения за ролями групп формируют стереотипы» / Э.Х. Игли // Журнал психологии личности и социальной психологии. 2014. № 107(3). С. 371–392.

3. *Липпман У.* Общественное мнение / У. Липпман; Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004.

4. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / Т. Парсонс; Пер. с англ. М. : Академический проект, 2018. 435 с.

5. *Стрельник Е.* Гендерное неравенство: теоретико-методологические подходы к интерпретации / Е. Стрельник // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 4.

6. *Шибанова Л.А.* Стереотип маскулинности в массовом сознании российского общества / Л.А. Шибанова // Женщина в российском обществе. 2017. № 2.

Form Stereotypes» / A.H. Eagli // Journal of Personality and Social Psychology. 2014. № 107(3). P. 371–392.

3. *Lippman W.* Public opinion / W. Lippman; Translated from English by T.V. Barchunova. M. : Institute of Public Opinion Foundation, 2004.

4. *Parsons T.* On the Structure of Social Action / T. Parsons; Translated from English. M. : Academic Project, 2018. 435 p.

5. *Strelnik E.* Gender Inequality: Theoretical and Methodological Approaches to Interpretation / E. Strelnik // Sociology: Theory, Methods, and Marketing. 2005. № 4.

6. *Shibanova L.A.* Stereotype of masculinity in the mass consciousness of Russian society / L.A. Shibanova // Woman in Russian society. 2017. № 2.

Невский Сергей Александрович
Заслуженный сотрудник органов
внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор,
заместитель начальника
по научной работе,
начальник научно-исследовательского
центра № 1,
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России
nevskiy40@mail.ru

Черкасов Роман Владимирович
кандидат юридических наук,
начальник 2 отдела
научно-исследовательского центра № 1,
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России
cherkasov_roman@list.ru

Яковлев Олег Владимирович
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник 3 отдела
научно-исследовательского центра № 1,
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России
dos-bee@yandex.ru

ОЦЕНКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИМИ СЛУЖБАМИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье представлены результаты оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации независимыми социологическими службами и организациями на протяжении 2016–2021 гг. Эмпирической основой при подготовке статьи стали результаты социологических исследований российских социологическими служб в субъектах Российской Федерации о деятельности органов внутренних дел, а также, результаты исследований международных социологических организаций о деятельности правоохранительных органов. По результатам анализа социологической информации в статье представлены основные параметры и тенденции оценок работы подразделений российской полиции, особенности восприятия населением различных аспектов деятельности подразделений органов внутренних дел, тренд изменения отношения граждан к сотрудникам полиции. Статья предназначена для сотрудников практических подразделений органов внутренних дел, в том числе, подразделений информации и связям с общественностью; для обучающихся и профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России.

Sergey A. Nevsky
Honored Employee of the Internal
Affairs Bodies of the Russian Federation,
Doctor of Law,
Professor,
Deputy Chief
on Scientific Work,
Head of Research Center № 1,
All-Russian Research Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
nevskiy40@mail.ru

Roman V. Cherkasov
Candidate of Legal Sciences,
Head of Department 2
Research Center № 1,
All-Russian Research Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
cherkasov_roman@list.ru

Oleg V. Yakovlev
Candidate of Sociological Sciences,
Leading Researcher of the 3rd Department
of the Research Center № 1,
All-Russian Research Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
dos-bee@yandex.ru

ASSESSMENT BY SOCIOLOGICAL SERVICES OF THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article presents the results of the assessment of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation by independent sociological services and organizations during 2016–2021. The empirical basis for the preparation of the article was the results of sociological research by Russian sociological services in the subjects of the Russian Federation on the activities of internal affairs bodies, as well as the results of research by international sociological organizations on the activities of law enforcement agencies. Based on the results of the analysis of sociological information, the article presents the main parameters and trends of assessments of the work of the Russian police units, the peculiarities of the population's perception of various aspects of the activities of internal affairs units, the trend of changing the attitude of citizens to police officers. The article is intended for employees of practical departments of internal affairs bodies, including information and public relations departments; for students and faculty of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ключевые слова: диагностика общественных настроений, эффективность мер контроля над криминальной ситуацией и обеспечением общественного порядка, мониторинг общественного мнения о работе органов внутренних дел, тенденции в структуре оценок населением работы органов внутренних дел, потенциал доверия полиции, ретроспективный анализ изменения баланса положительных и отрицательных оценок работы полиции, позитивные и негативные эмоциональные оценки ассоциаций, связанных с образом полицейского.

Keywords: diagnostics of public sentiment, the effectiveness of measures to control the criminal situation and ensure public order, monitoring of public opinion about the work of internal affairs bodies, trends in the structure of public assessments of the work of internal affairs bodies, the potential of police confidence, retrospective analysis of changes in the balance of positive and negative assessments of police work, positive and negative emotional assessments of associations associated with the image of a policeman.

Введение. Отношение населения Российской Федерации не только к системе здравоохранения, социального обеспечения и экономического развития, но и к правоохранительной системе, в том числе, к деятельности органов внутренних дел являются индикатором социальной стабильности в обществе и эффективности государственного управления. В этой связи, важным фактором информационного обеспечения системы диагностики общественных настроений, выработки мер контроля над общественно-политической ситуацией и обеспечения ее стабильности остается мониторинг общественного мнения о работе органов внутренних дел.

Информация об отношении граждан к деятельности органов внутренних дел формируется под воздействием совокупности различных факторов, включая опыт личного общения с сотрудниками полиции в повседневной жизни, наблюдение за их работой, комментарии и оценки представителей медиасообщества и блогосферы в сети Интернет, освещающие различные аспекты деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

В целях изучения мнения населения о работе полиции, проведён анализ результатов исследований, размещённых в средствах массовой информации российскими социологическими исследовательскими центрами: Всероссийский центр изучения общественного мнения ОАО «ВЦИОМ», «Левада-центр»*, Международной исследовательской компании Ipsos Group (Ipsos), сервиса SuperJob.

Методы. При изучении социологической информации по результатам исследований по вопросам оценки деятельности полиции авторами использована методологическая процедура сравнительного анализа, ориентированного на его количественные и качественные составляющие.

Результаты. В соответствии с опубликованными в 2021 г. результатами исследовательского проекта ОАО «ВЦИОМ» «Работа полиции: оценки россиян»,* сотрудникам российской полиции доверяли 57 % респондентов, в том числе 15 % объявили о полном доверии (табл. 1) [1].

Таблица 1

Динамика изменения доверия населения сотрудникам полиции, (в %).

Показатель	Годы										
	2009	2010	2012	2013	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Полностью доверяю	6	3	3	7	14	14	17	15	13	15	15
Скорее доверяю	32	29	32	39	32	33	50	42	41	43	42
Положительная оценка	38	31	33	46	46	47	67	57	54	58	57
Определенно не доверяю	18	21	21	11	23	24	20	21	18	16	16
Скорее не доверяю	35	37	40	34	23	23	7	14	21	19	19
Отрицательная оценка	53	58	61	45	46	47	27	35	39	35	35
Разность положительных и отрицательных оценок	-25	-27	-28	1	0	0	40	22	26	23	22

Не доверяли полиции более трети (35 %) опрошенных, в их числе 16 % определенно не доверяли органам внутренних дел.

Необходимо отметить две тенденции в структуре оценок населением работы органов внутренних

дел. Так, при одновременном росте с 2009 г. по 2021 г. составляющих положительной оценки работы полиции, доля граждан, полностью не доверяющих полиции в диапазоне от 16 % до 21 %, сформировала стабильно устойчивое «ядро». С

* «Левада-Центр» внесен Минюстом РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

* Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 29 октября 2021 г. В опросе принимали участие 1,6 тысяч россиян в возрасте от 18 лет. Метод

опроса – телефонное интервью, по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных телефонов. Для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 % (дата обращения 15.11.2021).

учетом роста уровня доверия полиции за указанный период, суммарные положительные значения показателя доверия полиции формируются за счет изменения соотношения доли тех, кто «скорее доверяет» и «скорее не доверяет». Иными словами, потенциал доверия полиции формируется, главным образом, среди части населения, постепенно корректирующих свою оценку со «скорее не доверяю» на «скорее доверяю».

Ретроспективный анализ изменения баланса положительных и отрицательных оценок доверия полиции свидетельствует о наличии двух временных трендов (см. табл. 1, строку «Разность положительных и отрицательных оценок»). Так, с 2009 г. по 2016 г. наблюдалось постепенное снижение соотношения положительных и отрицательных оценок до состояния их равновесия: от «-25» до «0». В 2017 г. наблюдался пик положительной оценки доверия населения органам внутренних дел – «+40». С 2018 г. по 2021 г. фиксируется стабилизация положительного баланса оценок доверия в среднем на уровне «+23».

По данным ОАО «ВЦИОМ», в 2021 г. наибольший уровень доверия населения службам и подразделениям полиции отмечается в отношении работы: участковых уполномоченных полиции (63 %), сотрудников дежурной части (63 %), сотрудников полиции на объектах транспорта (59 %), сотрудников патрульно-постовой службы (58 %), сотрудников уголовного розыска (58 %), сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних (56 %), сотрудников ГИБДД (55 %).

В наименьшей мере в 2021 г., из представленных в опросном листе ОАО «ВЦИОМ) подразделений

органов внутренних дел, граждане доверяют сотрудникам подразделений по контролю за оборотом наркотиков (45 %) и по вопросам миграции (44 %).

Несмотря на то, что более половины опрошенных, в целом, выказывают доверие большинству служб и подразделений полиции, в 2021 г. наблюдается стабилизация значения данного показателя на уровне средних оценок за период с 2017 г. по 2020 г.

В 2021 г. положительно оценивали работу полиции по месту их проживания более трети (37 %) россиян (рост с 14 % в 2009 г. до 41 % в 2020 г. с последующим незначительным снижением на 4 % в 2021 г.). Оценивают на уровне «средне/удовлетворительно» 38 % участников опроса, негативной оценки придерживается 13 % опрошенных (табл. 2).

Индекс оценки работы полиции в 2021 г. составляет 52 процентных пункта и находится на уровне среднего значения за период измерений (Индекс оценок работы полиции отражает оценку граждан работы полиции по месту проживания. Чем выше значение индекса, тем выше оценка работы полиции. Индекс строится на основе вопроса: «Как Вы в целом оцениваете работу полиции в Вашем регионе?» путем суммирования ответов. При этом ответу «очень хорошо» присваивается коэффициент 1, ответу «хорошо» коэффициент 0,75, ответу «средне» коэффициент 0,5, ответу «плохо» коэффициент 0,25, ответу «очень плохо» коэффициент 0. Индекс измеряется в пунктах и может принимать значение от 0 до 100. Индекс доверия сотрудникам полиции региона показывает, как россияне доверяют полиции в своем регионе).

Таблица 2

Вопрос: «Как Вы оцениваете работу полиции по месту Вашего проживания?» (в %)

Варианты ответов	2009 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Очень хорошо	1	4	5	5
Хорошо	13	32	36	32
Сумма положительных значений	14	36	41	37
Средне	50	47	41	38
Плохо	21	9	9	9
Очень плохо	6	4	5	4
Сумма отрицательных значений	27	13	14	13
Индекс оценки работы полиции	41	54	55	52

По данным исследования ОАО «ВЦИОМ», в сознании граждан Российской Федерации сформирован скорее положительный, чем отрицательный образ современного полицейского. В ходе сравнения позитивных и негативных ассоциаций, связанных с образом полицейского, в 2021 г. большинство респондентов выбрали преимущественно положительные характеристики: опрятный (81 %), храбрый (59 %), сильный и крепкий

(59 %), вежливый и воспитанный (59 %), дружелюбный (56 %), работающий (56 %), порядочный (56 %), готовый помочь (56 %), грамотный и компетентный (55 %), справедливый (52 %).

Исследовательская группа «Левада-Центр».

В октябре 2021 г. служба социологического мониторинга «Левада-центра»* опубликовала

* «Левада-Центр» внесен Минюстом РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Опрос был проведен 23–29 сентября 2021 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1634 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных

пунктах, 50 субъектах РФ. Исследование проводилось на дому у респондента методом личного интервью. Распределение ответов приводится в % от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов.

результаты исследования общественного мнения в России по вопросу доверия силовым структурам и институтам власти, в том числе полиции [3]. В соответствии с результатами проведенного опроса, доля россиян, чувствующих себя под защитой закона, сократилась с 2018 г. на 4 % и составляет в текущем 2021 г. 36 % (рис. 1).

Доля тех, кто не чувствует себя под защитой закона (58 %), увеличивалась в течение последних

5 лет и достигла значений, зафиксированных в 2010 г.

По данным исследовательской группы, в меньшей степени ощущали себя под защитой закона россияне в возрасте 18–24 лет (32 %) и 25–39 лет (31 %). Больше других – респонденты 55 лет и старше (44 %).

Чувствуете ли вы себя лично под защитой закона?

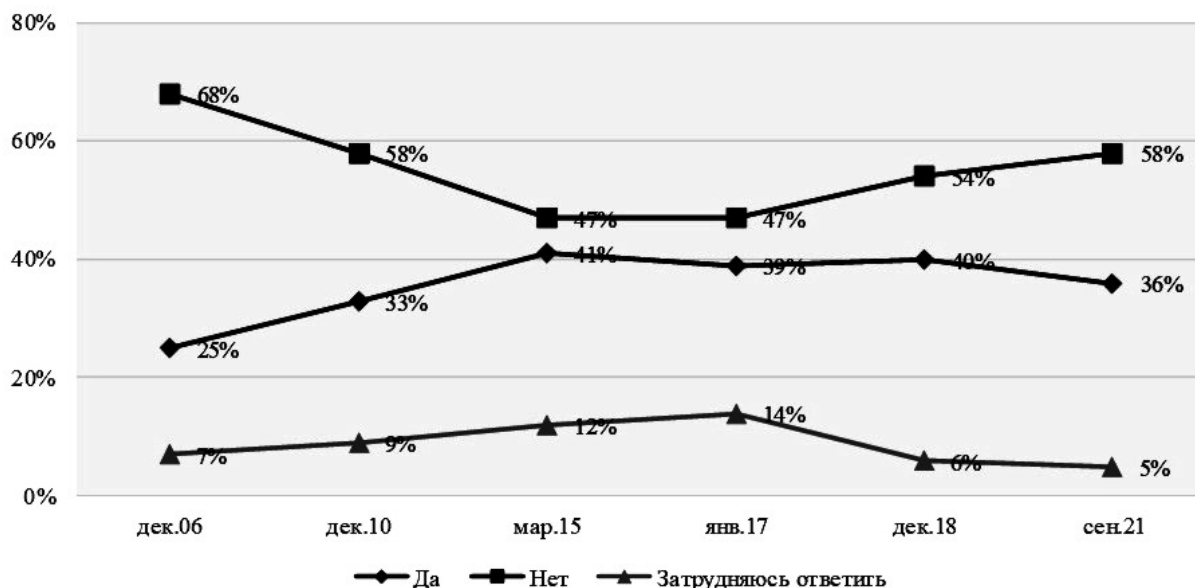

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов об ощущении себя под защитой закона с 2006 по 2021 год (в %)

В качестве причин, вследствие которых, принявшими участие в опросе, не чувствовали себя под защитой закона, указывалось: «Законы вольно трактуются теми, кто находится у власти» – 49 %, «законы писаны не для всех» – 42 %, «из-за коррупции невозможно рассчитывать на честное рассмотрение дела в суде» – 39 % опрошенных. На вопрос: «На что, по Вашему мнению, направлены усилия российских правоохранительных органов?» наиболее популярной точкой зрения в ответах респондентов являлось утверждение, что «они работают на обеспечение интересов власти». В отношении спецслужб данной позиции придерживалось 44 % респондентов, в отношении Генеральной прокуратуры – 41 %, полиции – 38 %. Только треть респондентов считало, что усилия правоохранительных органов направлены именно на обеспечение безопасности населения.

Международная исследовательская компания Ipsos Group (Ipsos). Согласно результатам, полученным международной исследовательской

компанией Ipsos Group (Ipsos)* в период с 2018 г. по 2021 г, зафиксированы, в целом, незначительные изменения показателя доверия граждан мировых государств по отношению к органам правопорядка (полиции) [2]. Уровень доверия к полиции вырос с 38 % в 2019 г. до 40 % в 2021 г.

Россия, как свидетельствуют результаты опроса компании Ipsos Group, по уровню доверия граждан к полиции в 2021 г. находилась на 12 месте среди 28 участвовавших в исследовании стран (рис. 2)

В ходе опроса на территории Российской Федерации 29 % опрошенных ответили, что доверяют полиции, на пятом месте – по недоверию (38 % – не доверяют). В среднем, в мире общее доверие граждан к полиции по данным компании Ipsos Group составило 37 % (на 8 % больше, чем уровень доверия в России), уровень недоверия – 29 % (на 9 % меньше, чем в России).

* Ipsos Group – международная исследовательская компания, которая была основана в 1975 г. Дидье Трюшо с штаб-квартирой компании в Париже. Компания

имеет офисы в 89 странах, в которых работает 17987 человек.

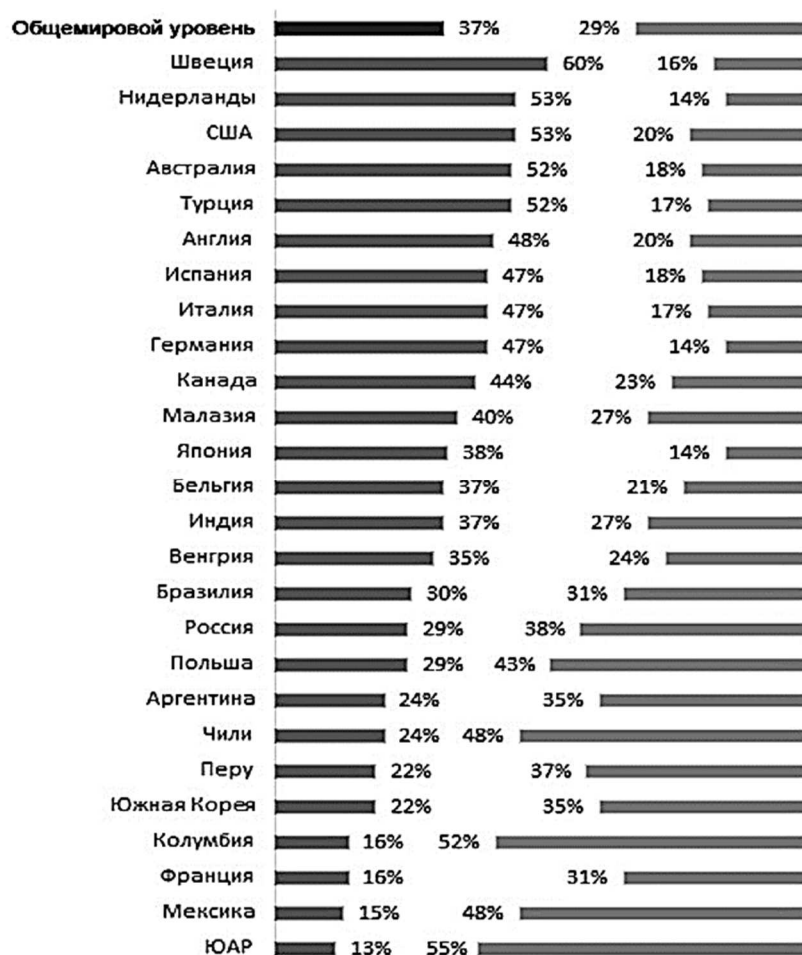

Рисунок 2 – Доверие и недоверие к полиции граждан из 26 опрошенных стран, включая Россию

Исследовательский центр портала Superjob.ru*

Согласно данным исследовательского центра российского коммерческого портала Superjob.ru (февраль 2021 г.),* половина опрошенных респондентов доверяла или скорее доверяла деятельности правоохранительных органов.

Анализ социологической информации по социально-демографическим характеристикам показал, что среди женщин уровень доверия сотрудникам полиции выше (59 %), чем среди мужчин (43 %). Аналогично, молодежь в большей степени доверяла полиции (52 % опрошенных до 35 лет) против 49 % среди респондентов старше 45 лет) (табл. 3).

Таблица 3

Вопрос: «Доверяете ли вы работникам правоохранительных органов?» (в %)

Вариант ответа	В целом	Пол		Возраст, лет		
		муж	жен	до 34	35–44	45 и старше
Однозначно, да	12	11	13	15	11	9
Скорее, да	38	32	46	37	39	40
Скорее, нет	31	31	31	30	32	31
Однозначно, нет	19	26	10	18	18	20

В соответствии с опубликованными компанией SuperJob данными социологического исследования [4], при встрече с сотрудником полиции в вечернее время чувствовали себя в безопасности

лишь 35 % россиян, у 42 % подобные контакты вызывали тревогу и беспокойство, 23 % затруднились ответить на предложенный вопрос.

* Исследовательский центр российского коммерческого портала Superjob.ru на регулярной основе проводит социологические опросы, маркетинговые исследования, обзоры зарплат специалистов рынка труда; специализируется на проведении социологических опросов общественного мнения экономически активного населения России, а также на проведении экспертных

интервью среди специалистов различных сфер деятельности.

* Опрос экономически активного населения России старше 18 лет проведен 25–26 февраля 2021 г. в 400 населенных пунктах всех округов Российской Федерации. Размер выборки: 1600 респондентов.

Представляют интерес результаты исследовательского центра портала Superjob.ru, характеризующие эмоциональные оценки со стороны российского населения сотрудникам полиции (табл. 4). Согласно приведенным данным, среди граждан доминируют, как правило, негативные эмоции по отношению к сотрудникам полицейским. Среди лидирующих чувств негативного характера, высказанных принявшими участие в опросе

мужчинами – недоверие (32 %) и неприязнь (13 %). Среди положительных эмоций – уважение (24 %) и благодарность (16 %), которые, напротив, преобладали в ответах респондентов женского пола. Каждый пятый опрошенный затруднился выразить свои чувства к сотрудникам полиции, а 16 % респондентов заявили, что к сотрудникам органов внутренних дел относятся индифферентно.

Таблица 4

Вопрос: «Какие чувства, в первую очередь, Вы испытываете к людям, которые работают полицейскими?», в % (у респондентов была возможность выбрать 1 или 2 варианта ответа)

Вариант ответа	В целом	Пол		Возраст, лет		
		муж	жен	до 34	35–44	45 и старше
Безразличие	16	19	12	17	18	13
Уважение	24	20	30	24	23	26
Недоверие	32	37	25	32	32	32
Неприязнь	13	16	10	15	11	15
Благодарность	16	12	21	18	14	16
Зависть	0	0	0	1	0	0
Восхищение	2	1	3	3	2	1
Раздражение	7	9	4	8	6	8
Другое	5	5	5	6	5	3
Затрудняюсь ответить	20	17	24	17	22	21

При проведении сравнительного анализа результатов исследований общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел, проведенных российскими социологическими службами за период с 2020 г. по 2021 г., наибольшая положительная оценка по показателю доверия полиции зафиксирована ВЦИОМ (58 % в 2020 г. и 57 % в 2021 г.).

доверяют полиции, оценки ФСО России в 2020 и 2021 г., в целом, существенно не изменились и оставались на уровне 45 %.

Результаты исследования «Левада-Центра» среди указанной группы социологических центров, проводивших в 2021 г. измерения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел на федеральном уровне, фиксируют наименьшее значение показателя доверия – 36 % (табл. 5).

По данным опроса исследовательского центра портала Superjob.ru в 2021 г. – 50 % населения

Таблица 5

Доверие полиции в обеспечении личной и имущественной безопасности граждан, (в %)

	Левада-Центр»	Портал Superjob.ru	ВЦИОМ		ФСО России	
	2020	2021	2020	2021	2020	2021
Доверяю	36	50	58	57	45	45
Не доверяю	21	50	35	35	41	41

Данные мониторинга общественного мнения о деятельности органов внутренних дел ФСО России и ВЦИОМ, осуществляющих на постоянной основе ежегодные измерения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел, свидетельствуют о наличии, начиная с 2016 г., общего тренда роста доверия полиции (табл. 6).

Рост данного показателя обусловлен не только повышением эффективности функционирования всей правоохранительной системы Российской Федерации, но и реализацией активной информационной политики формирования позитивного общественного мнения о деятельности полиции.

Таблица 6

Динамика изменения доверия населения сотрудникам полиции, (в %)

Показатель	Годы					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
ВЦИОМ						
Положительная оценка	47	67	57	54	58	57
Отрицательная оценка	47	27	35	39	35	35
ФСО России						
Положительная оценка	39,0	38,3	39,4	41,9	44,9	45,4
Отрицательная оценка	43,0	45,5	42,2	42,2	41,2	40,5

Кроме того, по мере увеличения информационного присутствия органов внутренних дел в СМИ и сети Интернет, акценты при оценке работы полиции все более смещаются с восприятия общего состояния преступности на основе статистических данных в сторону субъективной оценки населением уровня безопасности и характера взаимодействия с сотрудниками полиции.

Заключение. Анализ результатов мониторинга изучения социологическими службами деятельности органов внутренних дел Российской Федерации позволяет сделать следующие выводы.

Ведущий российский социологический центр ВЦИОМ представляет наиболее позитивную картину оценки населением работы полиции по сравнению с исследовательским порталом SuperJob, «Левада-центром» и Международной исследовательской компанией Ipsos Group (Ipsos), разместивших результаты своих исследований в открытом доступе.

Низкий уровень оценок работы российской полиции по результатам исследований последних

Литература:

1. Медиа-ресурс «ВЦИОМ». URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-policeiskii-2021> (дата обращения 25.11.2021).
2. Медиа-ресурс «ИНОСМИ» URL : <https://inosmi.ru/20211012/250687249.html> (дата обращения 25.10.2021).
3. Медиа-ресурс «Левада-Центр». URL : <https://www.levada.ru/2021/10/20/zakon-i-deyatelnost-pravoohranitelnyh-organov> (дата обращения 25.10.2021).
4. Медиа-ресурс «SuperJob». URL : <https://www.superjob.ru/research/articles/112708> (дата обращения 14.11.2021).

двух социологических организаций связан, на наш взгляд, со спецификой измеряемых показателей и с определенной направленностью самих исследовательских проектов.

На фоне существенного роста показателей оценки деятельности органов внутренних дел, наблюдаемого с 2009 г. с 38 % до 57 % в 2021 г. (ВЦИОМ), очевидна их стабилизация в 2020 – 2021 гг. Схожая тенденция характерна для изменений ФСО России, хотя абсолютные значения показателей оценки работы полиции отличны от замеров ВЦИОМ.

Результаты мониторинга общественного мнения свидетельствуют, что пандемия коронавируса и вызванные в этой связи экстраординарные меры контроля над исполнением ограничительных мер по обеспечению эпидемиологической безопасности не оказали сильного «понижающего» воздействия на уровень оценки населением работы полиции, ее эффективности в защите прав и свобод граждан от преступных и иных противоправных посягательств.

Literature:

1. VTSIOM media resource. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-policeiskii-2021> (date of application 11/25/2021).
2. Media resource «INOSMI» URL : <https://inosmi.ru/20211012/250687249.html> / (date of application 10/25/2021).
3. Media resource «Levada Center». URL : <https://www.levada.ru/2021/10/20/zakon-i-deyatelnost-pravoohranitelnyh-organov> (date of application 10/25/2021).
4. Media resource «SuperJob». URL : <https://www.superjob.ru/research/articles/112708> (date of application 14.11.2021).

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

Говердовская Елена Валентиновна

доктор педагогических наук,
профессор,
заместитель директора
по последипломному
и дополнительному образованию,
заведующая кафедрой
гуманитарных наук и биоэтики,
Пятигорский
медико-фармацевтический институт,
филиал Волгоградского государственного
медицинского университета
redsov@mail.ru

Батов Алим Тимурович

магистр политологии,
председатель,
Региональный общественный совет
Федерального партийного проекта
партии «Единая Россия»
«Народный контроль»
в Ростовской области
isriu.ranera.ru

Тихонов Константин Михайлович

магистр политологии,
начальник,
Департамент администрации
г. Ростова-на-Дону
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

**РИСКОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
КОРРУПЦИИ В
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ**

Аннотация. Коррупция как системное явление является многолетним предметом исследования представителей многочисленных направлений отечественного гуманитарного знания и, тем не менее,

Alexander V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Head of the Department
of Political Science and Ethnopolitics,
South Russian Institute of Management –
branch Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Mikhail Yu. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

Elena V. Goverdovskaya

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor,
Deputy Director for Postgraduate
and Additional Education,
Head of the Department
of Humanities and Bioethics,
Pyatigorsk Medical
and Pharmaceutical Institute,
branch of Volgograd
State Medical University
redsov@mail.ru

Alim T. Batov

Master of Political Science,
Chairman,
Regional Public Council
Federal Party Project
of the United Russia Party
«People's Control» in the Rostov region
isriu.ranera.ru

Konstantin M. Tikhonov

Master of Political Science,
Head,
Department of Administration
of Rostov-on-Don
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

**RISK POTENTIAL OF CORRUPTION
IN THE SOCIO-ECONOMIC
DEVELOPMENT OF THE REGIONS**

Annotation. Corruption as a systemic phenomenon is a long-term subject of study of representatives of numerous areas of domestic humanitarian knowledge and, nevertheless, interest in it has not dried up for many

интерес к ней не иссякает на протяжении многих лет. Причиной тому, по мнению авторов данной публикации, является то обстоятельство, что, приняв системный характер в конце 1980-х гг., она продолжает оказывать травмирующее влияние на развитие российской экономики, на нравственный климат в обществе, представляя реальную угрозу национальной безопасности. Темой исследования в данной статье являются региональные аспекты коррупции, которая, по мнению авторов, является неотъемлемой частью системной коррупции в нашей стране.

Ключевые слова: коррупция, системная коррупция, национальная безопасность, коррупционные риски, рискогенный потенциал коррупции.

Современное российское общество поражено одним из хронических недугов, который определяется термином «коррупция». С учетом того обстоятельства, что темой нашего исследования является рискогенный потенциал коррупции в социальном развитии регионов, мы не будем вдаваться в анализ истории этого, безусловно, порочного явления в жизни российского общества, но, тем не менее, отметим, что оно имеет многовековую историю, которая описана достаточно подробно в многочисленных научных источниках представителями социологических, экономических, юридических и других гуманитарных наук [1; 2; 3; 4; 5].

Для того, чтобы не выйти за рамки данной публикации, мы дадим определение коррупции в ФЗ РФ «О противодействии коррупции» от 05 декабря 2008 г. № 273-ФЗ, в контексте которого, она представляет собой:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица [6].

Исходя из выше изложенного, можно, с одной стороны, отметить многогранность интерпретации коррупции в российском законодательстве, а с другой – относительную универсальность этого понятия, применимого как к представителям высших органов власти, так и к чиновникам на региональном уровне.

Применимо к цели нашего исследования, мы хотим акцентировать свое внимание на двух южных регионах России, а именно, на Краснодарском крае и Ростовской области, которые привлекли к себе пристальное внимание, начиная с 2016 года,

years. The reason for this, according to the authors of this publication, is the fact that, having adopted a systemic character in the late 1980s, it continues to have a traumatic impact on the development of the Russian economy, on the moral climate in society, posing a real threat to national security. The topic of research in this article is the regional aspects of corruption, which, according to the authors, is an integral part of systemic corruption in our country.

Keywords: corruption, systemic corruption, national security, corruption risks, risk potential of corruption.

по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, обнаруживавшей статистику уровня коррупции в субъектах РФ. На основе этих данных был составлен рейтинг самых коррумпированных регионов. Сомнительное лидерство досталось Башкортостану, где за первые три месяца 2016 г. 144 госслужащих были пойманы на мздоимстве. Второе место заняла Ростовская область, где были зафиксированы 139 фактов получения взятки, третье – у Краснодарского края – 134 случая [7], опередив по этим «показателям» Москву. Наиболее «активными», в данном случае, оказались работники полиции, медики и педагоги. Кроме того, Кубань и Дон отличились как регионы, где совершено наибольшее количество экономических преступлений [7]. Интерес представляет информация начальника ГУ МВД по Ростовской области, сообщившего, что средний размер взятки в регионе в 2015 г. составлял 74 тыс. руб., а вот посредничество в этих темных делах обходилось в 578 тыс. руб. [7].

Если обратиться к коррупционным практикам в Краснодарском крае, то этот регион привлек внимание исследователей в 2019 году, который в незыблемом рейтинге самых коррумпированных регионов занял 6 место, где, чаще всего, на взятках попадали чиновники, главы администраций, депутаты, следователи, адвокаты. В 2020 году в этом регионе было выявлено более 1 тысячи коррупционных преступлений. Из них, свыше 400 – в крупном и особо крупном размере. Большинство дел было заведено по статье «Взятничество» – на сумму более 193 млн руб. в отношении уже названных выше представителей профессий [8]. Так, зам.министра сельского хозяйства Краснодарского края К. Тертицай получил взятки в 2017 и 2018 гг. на сумму более 11 млн руб. за содействие желающим в получении грантов на развитие.

В 2019 г. на 5 лет в колонию отправился экс-мэр г. Туапсе В. Зверев за взятки в особо крупном размере за договоры об аренде земли на 49 лет с двумя местными жителями [8].

В г. Анапе на два года был осужден бывший депутат И. Илько за незаконное строительство многоквартирного дома на участке своей бабушки [8].

Кроме того, за взятки с водителей в Горячеключевском районе Краснодарского края в период с 2018 по 2020 г. на сумму более 1 млн руб. была осуждена группа сотрудников взвода ДПС ГИБДД отдела МВД по Горячему Ключу [8].

Неужели краснодарские чиновники до 2019 г. не были уличены в преступлениях коррупционного характера? Оказывается – нет. Так, по данным прокуратуры Краснодарского края, только за 2017-й год в регионе были выявлены 882 коррупционных преступления, 238 из которых были совершены в крупном и особо крупном размерах. А 32 преступления совершили лица, обладавшие специальными правовым статусом – так называемые, спецсубъекты [9]. При этом средний размер взяток составил 353,3 тыс. рублей, увеличившись за год более чем в полтора раза. А максимальный зафиксированный размер взятки составил 6,9 млн. рублей. В итоге, в регионе осудили 375 коррупционеров, 91 из которых оказались за решеткой, 98 – отделались условным сроком, а 169 чиновников были оштрафованы [9]. Всего же, в крае было выявлено более 8,3 тыс. нарушений антикоррупционного законодательства, а более 2,3 тыс. чиновников понесли дисциплинарную и административную ответственность. В судебном порядке было возмещено 310 млн рублей, полученных в результате незаконного обогащения. Более 90 чиновников, не соблюдавших антикоррупционные стандарты, лишились постов (79 из них – в связи с утратой доверия). В следственные органы было направлено 99 материалов в отношении коррупционеров, причинивших ущерб государству в размере 945 млн рублей [9]. Помимо этого, были установлены факты сокрытия более 177 должностными лицами доходов в размере 259 млн рублей, 43 земельных участка площадью порядка 269 га, 41 объекта недвижимости, 27 машин, кредитов на сумму 25 млн рублей, а также – долей участия в 11 организациях (включая зарубежные) [9].

Если же обратиться к коррупционным практикам в Ростовской области, то, как отметил глава управления по надзору за исполнением законодательства о противодействия коррупции Генеральной прокуратуры РФ В. Балдин, Ростовская область в рейтинге самых коррумпированных регионов России в 2019 г. заняла восьмое место [8]. И это «почетное место» область сохранила за собой и в 2020 г., а за девять месяцев 2021 г. правоохранители выявили в Ростовской области около 300 коррупционных преступлений. Средняя же сумма взятки, по утверждению зам.начальника управления по экономической безопасности и противодействию коррупции Т. Гайко, составила 500 тыс. руб. Но чаще всего, как он отметил, сумма «вознаграждения» были значительно выше. Наибольший интерес у недобросовестных областных чиновников вызывали бюджетные деньги, особенно – закупки для государственных и муниципальных нужд.

Еще одна сфера, подверженная коррупции в Ростовской области – социальная защита населения, в частности, деятельность медико-социальной экспертизы. Только руководитель одного из медучреждений за период времени с 2017 г. за

фальсификацию группы инвалидности без проведения соответствующей экспертизы получил взятки на сумму около 12 млн руб. [10].

Как уточнил Т. Гайко, чтобы возместить причиненный казне ущерб, за 9 месяцев 2021 г. было изъято и арестовано имущества у коррупционеров на сумму в 4,2 млрд руб. [10].

Редакцией газеты «Первое антикоррупционное СМИ» в марте 2021 г. были опрошены 50 адвокатов Ростовской области на тему коррупции в регионе. Из них 16 % заявили, что сталкиваются с признаками коррупции и другими незаконными действиями постоянно, 40 % – периодически, 4 % – редко. Отрицательный ответ дали 12 % адвокатов, воздержались – 28 %. При этом 39 % респондентов признались, что прямо сейчас имеют в производстве дела, в которых прослеживаются признаки коррупции должностных лиц и других нарушений закона, а еще у 26 % респондентов такой опыт был ранее. У 13 % опрошенных подобных проблем не возникло. Еще 22 % от ответа решили воздержаться [11].

Кроме того, журналисты ПАСМИ попытались выяснить, представители какого конкретно ведомства, по мнению адвокатов, чаще нарушают закон. Половина опрошенных на этот вопрос по разным причинам отвечать отказалась. 48 % адвокатов, согласившихся выбрать лидера по нарушениям, назвали ведомство Владимира Колокольцева (МВД РФ). Второе место в антирейтинге заняли подчиненные Игоря Краснова (Генпрокуратура РФ), набрав 28 % голосов. Немного от них отставали представители судебного корпуса – 20 % ответов [11].

Таким образом, даже достаточно поверхностный анализ состояния коррупции в Краснодарском крае и в Ростовской области за прошедшие несколько лет свидетельствуют о том, что в этих весьма благополучных по качеству и уровню жизни населения регионах России, притягательных для наших соотечественников из других субъектов Федерации и трудовых мигрантов, коррупция является широко распространенным явлением, поразившим практически все органы власти, включая правоохранительные структуры, чьей профессиональной обязанностью, в первую очередь, является борьба с ее криминальной составляющей.

На вполне логичный вопрос: Почему в этих регионах коррупция приняла столь большой масштаб?, вряд ли нам удастся найти исчерпывающий ответ по нескольким причинам:

Во-первых, нельзя ее истоки и действующие практики связывать с региональной спецификой, потому что численность населения в них многократно выросла за последние десятилетия. Так, например, в начале 1970-х гг. Краснодар с населением около 300 тыс. чел. представлял собой провинциальную региональную столицу, жизнь в которой замирала с заходом солнца. Неслучайно, Краснодар в то время называли городом студентов из-за большого количества в нем средних специальных и высших учебных заведений, и

военных пенсионеров, среди которых он пользовался большой популярностью. Но уже, спустя несколько десятилетий, а именно, в ноябре 2019 г. руководством Краснодарского края было заявлено, что численность официально зарегистрированных жителей в Краснодаре превысила 1 млн чел. А уже через два года, по результатам Общероссийской переписи населения, она достигла 1 млн 700 тыс. чел. Таким образом, коренное население Краснодара, как и Краснодарского края, в целом, оказалось «размытым», в первую очередь, за счет внутренних мигрантов.

Во-вторых, неужели Юг России стал центром притяжения криминально зараженной части населения нашей страны и трудовых мигрантов? Конечно же, нет. Вероятнее всего, помимо того, что этот регион нашей страны был исторически притягательным для той части наших сограждан, которые проживали на территориях с более суровым климатом, с низким качеством жизни, многие из них, заработав средства в регионах Крайнего Севера и Заполярья, переезжают в Краснодарский край в заботе о своем ослабленном здоровье и здоровье своих детей.

В-третьих, вряд ли, коррупция на региональном уровне могла бы получить такой размах без «питательной» среды в лице некоторых представителей органов государственной власти и части бизнеса, имеющих доступ к распоряжению государственными бюджетными средствами, благодаря чему, и создаются благоприятные условия для использования коррупционных схем по их перекачиванию не только в экономику регионов и в их социальную сферу, но и в карманы «контрагентов» от коррупции.

Вполне естественно, что такие формы коррупционной «кооперации» не возникли на ровном месте, а были простимулированы, как мы полагаем, в первую очередь, государственными и региональными элитами в годы, так называемой, перестройки, в ходе которой руководством СССР были инициированы не только процессы демократизации общества, но и его дезинтеграции, приведшие в совокупности с другими процессами, в конечном итоге, к распаду Советского Союза и глубокому системному кризису в постсоветской России. Одним из его последствий стала и масштабная коррупция, проникшая практически во все сферы жизнедеятельности и структуры российского общества, которая на протяжении уже нескольких десятилетий наносит реальный ущерб национальной экономике страны и ее национальной безопасности, духовно, ценностно и нравственно его деформируя.

Конечно, руководство нашей страны ведет достаточно активную борьбу с этим негативным явлением, добиваясь определенных достижений, которые, к нашему глубокому сожалению, пока не принесли реальных результатов, а громкие уголовные дела, регулярно возбуждаемые следственными органами против представителей органов государственной власти, правоохранительных структур, нередко ассоциируются в массовом сознании с разделом сфер влияния между элитами или же – с неэффективностью

функционирования системы государственного управления, поэтому не случайно, подавляющее большинство публикаций по различным отраслям научного знания посвящено как анализу природы коррупции в нашей стране, так и средствам ее преодоления, и авторы данной публикации не являются исключением, полагая, в частности, что одним из эффективных способов преодоления этого социального недуга российским обществом является, например:

– исключение из Уголовного кодекса РФ «вилки» сроков наказания за коррупционные преступления как потенциального источника коррупционного сговора между участниками уголовного процесса;

– пожизненное лишение лиц, осужденных за коррупционные преступления, права работы в органах государственной власти, а также в других структурах с государственным участием [12].

Если же коснуться природы криминальной составляющей коррупции, то, нередко, ее базовой составляющей на ранних этапах формирования коррупционных отношений выступают фаворитизм и кумовство(неопотизм), когда под предлогом формирования своей «команды» руководитель подбирает ее состав именно по этим принципам, а не исходя из учета таких качеств кандидатов, как профессиональная компетентность, нравственность, патриотизм, государственность. А ведь именно этим требованиям, по нашему убеждению, должен отвечать сотрудник органов государственной власти уже на региональном уровне.

Будучи убежденными в том, что борьба с коррупцией в нашей стране – процесс длительный, требующий комплексного решения этой проблемы, мы полагаем необходимым возрождение духовно-нравственных и ценностных составляющих в структуре отечественного образования и воспитания через его реформирование, в частности, в направлении отказа от неолиберальной идеологической составляющей в нем.

Помимо этого, если вести речь о путях преодоления коррупции в южных регионах России, то, по нашему мнению, одним из эффективных способов борьбы с нею может стать активизация деятельности институтов гражданского общества в направлениях усиления с их стороны контроля за деятельностью региональных органов власти. Те, в свою очередь, должны обеспечить открытость и регулярную отчетность перед региональными законодателями и общественностью в своей деятельности по профилактике коррупционных преступлений и нарушений этических норм в своей деятельности

В завершение своего исследования, мы пришли к выводу о том, что снижение коррупционных рисков в деятельности региональных органов власти не является непреодолимой задачей при условии жесткого контроля за их деятельностью со стороны органов центральной власти, которая, в свою очередь, должна демонстрировать реальную заинтересованность в борьбе с коррупцией

не только в регионах, но и в своих рядах. В этот процесс необходимо включать и те структуры институтов гражданского общества, которые достигли положительных результатов в борьбе с коррупцией в других регионах России. И, конечно же, необходимо правоохранительным органам включиться в этот процесс, очищая свои ряды от

Литература:

1. *Богданов И.Я.* Коррупция в России: социально-экономические и правовые аспекты. М., 2001. 240 с.
2. *Бондаренко С.В.* Коррупцированные общества. Ростов н/Д., 2002. 320 с.
3. Российская модернизация и коррупция / П.А. Сельцовский [и др.]. М., 2011. 464 с.
4. *Алексеев С.В.* Коррупция. Социологический анализ. Шахты, 2008. 271 с.
5. *Воронцов С.А.* Основы противодействия коррупции / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков, А.В. Буров. Ростов-н/Д., 2016. 256 с.
6. Федеральный закон РФ «О противодействии коррупции» (в ред. Федеральных законов от 11.07.2011, от 06.03.2022, от 01.04.2022. № 90-ФЗ).
7. *Грищенко Н.* Борзыми щенками. Российская газета – Экономика Юга России. 21.06. 2016. № 7001(133).
8. *Авдеева А.* 6 место из 10: почему Краснодарский край оказался в рейтинге самых коррупцированных регионов России? URL : [//ug.tsagrad.tv>articles... is... krasnodarsy... reiting](http://ug.tsagrad.tv/articles...is...krasnodarsy...reiting). 26.03.2021.
9. VIP-зачистка. Как на Кубани борются с коррупцией. URL : [//https://news.rambler.ru/other/39423721/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink/news.rambler.ru](https://news.rambler.ru/other/39423721/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink/news.rambler.ru). 22.03.2018
10. *Бровкина М.* Названа сумма ущерба от коррупционных преступлений в Ростовской области / М. Бровкина // Российская газета-Экономика Юга России. 2021. № 277(8628).
11. Провал и надежда на ФСБ: коррупция в Ростовской области глазами адвокатов. Более половины защитников в регионе сталкиваются с нарушениями правоохранителей. 2021. URL : pasmi.ru
12. *Попов М.Ю.* Деструктивные факторы формирования и функционирования региональных элит в постсоветской России / М.Ю. Попов // Круглый стол «Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций». Ростов н/Д., 04 июня 2021 г. Ростов-н/Д., 2021.

нечистоплотных сотрудников. Также, необходимо к этому процессу подключить образовательные структуры всех уровней, религиозные организации и, конечно же, СМИ для пропаганды идеалов нравственности и духовности в повседневной жизни наших соотечественников.

Literature:

1. *Bogdanov I.Ya.* Corruption in Russia: socio-economic and legal aspects. M., 2001. 240 p.
2. *Bondarenko S.V.* Corrupt societies. Rostov-n/D., 2002. 320 p.
3. Russian modernization and corruption / P.A. Seltsovsky [et al.]. M., 2011. 464 p.
4. *Alekseev S.V.* Corruption. Sociological analysis. Shakhty, 2008. 271 p.
5. *Vorontsov S.A.* Fundamentals of Counteraction to Corruption / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov, A.V. Burov. Rostov-on/D.. 2016. 256 p.
6. Federal Law of the Russian Federation «On Combating Corruption» (as amended by Federal Laws of 11.07.2011, of 06.03.2022, of 01.04.2022. № 90-FZ).
7. *Grishchenko N.* Borzým puppies. Rossiyskaya Gazeta – Economy of the South of Russia. 21.06. 2016. № 7001(133).
8. *Avdeeva A.* 6 place out of 10: why krasnodar region was in the rating of the most corrupt regions of Russia? URL : [//ug.tsagrad.tv>articles... is... krasnodarsy... reiting](http://ug.tsagrad.tv/articles...is...krasnodarsy...reiting). 26.03.2021.
9. VIP sweep. How the Kuban fights corruption. URL : [//https://news.rambler.ru/other/39423721/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink/news.rambler.ru](https://news.rambler.ru/other/39423721/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink/news.rambler.ru). 22.03. 2018
10. *Brovkina M.* Named the amount of damage from corruption crimes in the Rostov region / M. Brovkina // Rossiyskaya gazeta-Ekonomika Yuga Rossii. 2021. № 277(8628).
11. Failure and hope for the FSB: corruption in the Rostov region through the eyes of lawyers. More than half of the defenders in the region face violations of law enforcement officers. 2021. URL : pasmi.ru
12. *Popov M.Y.* Destructive factors of formation and functioning of regional elites in post-soviet Russia / M.Y. Popov // Round table «Geopolitical, socio-cultural, elitological aspects of the formation, degradation and revival of imperial intentions». Rostov-on/D., June 04, 2021 Rostov-on/D., 2021.

Тринадцатко Ольга Алексеевна

старший преподаватель
кафедры педагогики,
Тихоокеанский
государственный университет
olga.demidko@yandex.ru

**Анализ социальной
функции леса
на примере Хабаровского края**

Аннотация. В условиях постоянно развивающегося общества вырабатывается и получает свое развитие ситуация, которая характеризуется взаимоотношением общества и природы. На характер данного взаимодействия постоянно влияют множество факторов, например, уровень экономического развития, достижения в области научных исследований, направленность государственной политики, уровень образования и т.п. Лесная отрасль, являясь ярким примером такого взаимодействия, выполняет три основные функции: экономическую, экологическую, социальную. Каждая из функций важна, но, в совокупности, они являются неотъемлемым компонентом нормальной жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: лес, общество, функции леса, социальная сфера, лесная отрасль, лесной план.

В Лесном плане Хабаровского края на 2019–2028 годы [1] отмечается, что леса выполняют исключительные средообразующие, водоохранные, санитарно-гигиенические, оздоровительные, климаторегулирующие и иные полезные функции, которые обеспечивают, в первую очередь, сохранение благоприятной окружающей среды, условий жизни общества, биологического разнообразия природных экосистем.

Основами государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденными распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 сентября 2013 г. № 1724-р «Об утверждении Основ государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года» [2], установлены следующие цели по развитию лесного комплекса:

- 1) в экономической сфере – эффективное управление лесным сектором экономики и увеличение валового внутреннего продукта в лесном секторе на основе рыночного спроса;
- 2) в экологической сфере – благоприятная окружающая среда для населения и сохранение биосферной роли лесов России;

Olga A. Trinadtsatko

Senior Lecturer,
Department of Pedagogy,
Pacific National University
olga.demidko@yandex.ru

**ANALYSIS OF THE SOCIAL FUNCTION
OF THE FOREST ON THE EXAMPLE
OF THE KHABAROVSK TERRITORY**

Annotation. In the conditions of a constantly developing society, a situation is being developed and is being developed, which is characterized by the relationship between society and nature. The nature of this interaction is constantly influenced by many factors, for example, the level of economic development, achievements in the field of scientific research, the orientation of state policy, the level of education, etc. The forest industry, being a vivid example of such interaction, performs three main functions: economic, environmental, social. Each of the functions is important, but together they are an integral component of the normal functioning of society.

Keywords: forest, society, forest functions, social sphere, forest industry, forest plan.

3) в социальной сфере – рост уровня жизни населения, связанных с лесом, и устойчивое социально-экономическое развитие лесных территорий.

Все три функции – экологическая, экономическая и социальная должны выступать в единстве для создания лучшей жизнедеятельности населения.

Цель данной статьи: провести анализ социальной функции леса различных авторов, систематизировать и выделить социальные функции леса, применительно к Хабаровскому краю

Анализ социальной функции леса находит свое отражение в трудах многих ученых: А.И. Гагарин [3], Т.А. Лебедева [3], В.В. Печаткин [4], Е.А. Маргарян [5], М.К. Ражапбаев [6], В.А. Соколов [7], Е.В. Горяева [7], О.П. Втюрина [7], Н.А. Моисеев [8], Х.А. Бахед [9], Д.К. Кан [10], Я.В. Ким [10] и др.

А.И. Гагарин [3], Т.А. Лебедева [3] в 2010 г., анализируя лесные ресурсы и средоформирующие функции лесов, приходят к выводу о том, что леса призваны удовлетворять материальных потребностей людей. Социальные же функции леса являются одним из условий удовлетворения духовных потребностей общества. К особенностям социальных функций лесов относится то, что они реализуются при конкретном социальном заказе. К

таким функциям относятся оздоровительная, рекреационная, воспитательно-образовательная, эстетическая, а также, роль леса по сохранению традиционного природопользования. Лес, в значительной степени, способствует экологическому воспитанию общества, бережному отношению к лесным ресурсам.

В.В. Печаткин [4] в 2013 г. отмечал, что социальная роль лесов связана с тем, что лесные экосистемы – это часть той культурно-исторической среды, под влиянием которой вырабатываются обычаи и культура целых народов. Лес – это источник работы, и материального благополучия значительной части населения. Также, автор отмечал, что и в наши дни в общественном сознании преобладает убеждение: лес – это источник воспроизводимых природных ресурсов: поставщик древесины, дров и других лесоматериалов.

Е.А. Маргарян [5] в 2015 г. в своем исследовании отмечал, что лес играет в жизни человечества важнейшую роль. С одной стороны, лес, являясь одной из главных составляющих частей окружающей среды человека, влияет на климат, наличие чистой воды, чистого воздуха, защищает сельскохозяйственные земли, обеспечивает места для комфортного проживания и отдыха людей, сохраняет разнообразие живой природы. С другой стороны, лес – это источник множества материальных ресурсов, без которых человечество не может обойтись: древесина для строительства, производства бумаги и мебели, дров, пищевые и лекарственные растения.

М.К. Ражапбаев [6] в 2016 г. выделил леса как важнейшую составную часть биосферы, оказывающие влияние на разнообразные отрасли народного хозяйства, снабжая их древесиной, пищевыми продуктами, лекарственным сырьем и другой разнообразной продукцией. Леса используются как сенокосные, пастбищные, и охотничьи угодья. Леса также имеют большое средоохранное и социальное значение. Они сохраняют водность рек, защищают горные склоны от оползней и селевых потоков. Зеленые насаждения помогают решать проблемы водной и ветровой эрозии почв, способствуют повышению урожайности сельскохозяйственных культур, служат местом отдыха населения.

В.А. Соколов [7], Е.В. Горяева [7], О.П. Втюрина [7] в 2019 г. определяют, что лесной сектор состоит из пяти основных взаимосвязанных блоков:

- 1) лесное хозяйство, обеспечивающее рациональное использование, охрану, защиту и воспроизводство лесов;
- 2) лесопромышленный комплекс;
- 3) промысловое использование лесов;
- 4) сельскохозяйственное использование лесных земель;
- 5) биосферное использование лесов.

Главная цель реорганизации системы управления лесным хозяйством в России заключается:

– в обеспечении сохранности лесов для будущих поколений в условиях глобальных изменений;

– в повышении экономической эффективности лесного комплекса;

– в рациональном использовании и воспроизводстве лесных ресурсов и всех экосистемных полезностей.

Н.А. Моисеев [8] в 2019 г. отмечал, что леса предоставляют для общества не только многочисленные материальные, но и духовные блага, а также, экологически чистую среду для жизни и массового отдыха населения. Леса являются важнейшей составляющей частью экологически устойчивого и продуктивного ландшафта, создают комфортную среду для обитания людей и всего животного царства.

Х.А. Бахед [9] в 2020 г. отмечал, что леса выполняют защитные функции: водоохранные, средоохранительные, почвозащитные. В свою очередь, эти функции интегрируются в средообразующие, которые и выражают основное содержание экосистемных услуг леса (многосторонних полезностей леса).

Д.К. Кан [10], Я.В. Ким [10] в 2021 г. в своем исследовании определяли, что в пределах лесохозяйственной части создаются охотничьи хозяйства, строятся санатории, профилактории и спортивные базы промышленных предприятий, создаются садоводческие и дачные кооперативы. В наиболее отдаленных лесах, на сегодняшний день, перспективно строительство кемпингов, мотелей, рыбацких и охотничьих домиков, баз отдыха. По функциональным особенностям выделяют в лесах пять видов рекреационной деятельности: лечебный, оздоровительный, утилитарный (имеющий практическое назначение или направленный на достижение практических целей, извлечение материальной пользы), спортивный и познавательный.

Таким образом, на основе проведенного исследования социальной функции леса, автор данной статьи приходит к следующим выводам:

1. Лес – это место отдыха у жителей городов, а также направление для развития экотуризма.
2. Нахождение человека в лесу полезно в целях сохранения и восстановления здоровья.
3. Развитие лесной промышленности и разумная эксплуатация лесных запасов стимулирует появление новых рабочих мест, позволяя увеличить доходы человека и состояние жизни в целом, где очень остро стоит проблема безработицы и востребована любая оплачиваемая работа.
4. Экотуризм и экскурсии в лес развивают и совершенствуют экологическое воспитание, образование, а также экологическую культуру посредством посещения природных памятников, исторических и археологических объектов.
5. Лес – это источник разнообразных ресурсов, важных для человека (древесина, грибы, ягоды,

лекарственные растения и т.д.), а также – охотничьи угодья, пастбища, сенокосы.

6. Использование лесов для осуществления научно-исследовательской деятельности включает в себя осуществление экспериментальной или теоретической деятельности, направленной на получение новых знаний о лесе, проведение прикладных научных исследований, направленных преимущественно на применение этих знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов.

7. Использование древесины для строительства жилых домов, хозяйственных и промышленных сооружений, внутренней отделки, мебели и др.

8. Леса имеют исключительно большое значение в деле обороны страны.

9. Лес является неотъемлемой частью сохранения культурно-исторической среды коренных малых народностей.

10. Лес является природным фильтром, очищающий окружающую среду от негативных результатов человеческой деятельности.

На основании вышеприведённого анализа, автором данного исследования систематизированы и выделены социальные функции леса, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Социальные функции леса

№	Социальная функция	Услуги (полезности) функции	Эффект
1.	Здоровьесберегающая	1. Места отдыха населения; 2. Экотуризм; 3. Заготовка ягод, лекарственных растений	1. Улучшение физического и психоэмоционального здоровья людей; 2. Очищение окружающей среды от негативных результатов человеческой деятельности
2.	Защитная	1. Водоохранная, средозащитная, почвозащитная; 2. Противозвучная	1. Защита земельного фонда от эрозии; 2. Увеличение урожая; 3. охрана водных источников; 4. защита биологического разнообразия живой природы; 5. защита горных склонов от оползней и селевых потоков
3	Потребительская	1. Источник разнообразных воспроизводимых природных ресурсов; 2. Влияние на различные отрасли народного хозяйства; 3. Пастбищные, сенокосные и охотничьи угодья; 4. Новые рабочие места	1. Повышение уровня и качества жизни населения; 2. Удовлетворение материальных потребностей людей; 3. Решение проблемы безработицы
4	Научно-исследовательская	1. Леса, как база для научных исследований; 2. Осуществление экспериментальной деятельности	1. Получение новых знаний о системе леса; 2. Решение конкретных задач в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов
5	Культурная	1. Лес, как часть культурно-исторической среды 2. Экскурсии (заповедники, исторические места, природные памятники и т.п.); 3. Сохранение культурно-исторического наследия коренных малых народов	1. Удовлетворения духовных потребностей людей; 2. Экологическое воспитание и просвещение; 3. Повышение экологической культуры и экологического сознания
6	Оборонная	Проведение военных учений	Получение знаний, умений и навыков использования леса при возможном проведении военных действий

Таким образом, социальная функция лесов многообразна и важна также и на территории Хабаровского края, что подтверждается статистическим анализом данных.

В таблице 2 на основании Лесного плана Хабаровского края на 2019–2028 годы № 5 от 31.01.2019 г. [1] приведена динамика распределения площади лесов и состава лесов в Хабаровском крае по целевому назначению с учетом социального фактора.

Леса выполняют исключительные средообразующие, водоохранные, санитарно-гигиенические,

оздоровительные, климаторегулирующие и иные полезные функции, обеспечивающие, в первую очередь, сохранение благоприятной окружающей среды, условий жизни населения, биологического разнообразия природных экосистем.

В таблице 3 на основе статистических данных Лесного плана Хабаровского края на 2019–2028 годы № 5 от 31.01.2019 г. [1] приведены потенциальные объемы пищевых лесных ресурсов и лекарственных растений, заготавливаемых населением.

Таблица 2

Динамика распределения площади лесов и состава лесов в Хабаровском крае по целевому назначению с учетом социального фактора

Функция леса	Площадь (га)	% от общей лесной площади
Защитные полосы лесов, расположенные вдоль железнодорожных путей общего пользования, федеральных автомобильных дорог общего пользования, автомобильных дорог общего пользования	177,9	0,28
Лесные зоны, лесопарковые зоны	256,7	0,3
Леса, расположенные в зонах округов санитарной (горно-санитарной) охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов	141,1	0,02
Орехово-промысловые зоны	269,3	0,4

Таблица 3

Количественная характеристика пищевых лесных ресурсов и лекарственных растений Хабаровского края, заготавливаемых населением

Недревесные ресурсы леса	Общая площадь, тыс. га.	Биологический урожай, тыс. тонн	Производственный фонд угодий, тыс. га	Производственный урожай, тыс. тонн	Потенциальная продуктивность, тыс. тонн
Ягоды	2640	63	750	17	9,1
Орехи	5940	72	860	14	4,7
Лекарственные растения	5170	45	1820	20	1,0
Съедобные растения	560	11	200	5	1,5
Грибы	4730	84	1000	18	3,7

Таким образом, как показывают приведенные данные, заготовка и переработка недревесных лесных ресурсов играет важную роль и влияет на возможность повышения качества жизни населения, в том числе, уровня дохода, состояния здоровья, трудовую занятость (самозанятость).

Согласно постановлению Правительства Хабаровского края от 26.06.2012 г. № 211-пр (в ред. постановления Правительства Хабаровского края от 27.03.2019 № 116-пр) О государственной программе Хабаровского края «Развитие внутреннего и въездного туризма в Хабаровском крае» [2], среди природоориентированных видов туризма ведущую роль играет рекреационное (использование лесов в целях организации отдыха населения, восстановления и улучшения здоровья людей) лесопользование. Непосредственно для рекреационных целей в Хабаровском крае находится в аренде 35 лесных участков площадью 134,6 га.

Как отмечается в Лесном плане Хабаровского края на 2019–2028 годы № 5 от 31.01.2019 г. [1], потенциал лесного фонда содержит виды деятельности в сфере охотничьего хозяйства и оценивается в 42113,8 тыс. га. Основу охотничьего хозяйства составляют охотничьи ресурсы, сохранение и организация рационального использования которых, имеет первостепенное значение. К

охотничьим ресурсам в Хабаровском крае относятся 33 вида млекопитающих и 55 видов птиц.

Леса Хабаровского края могут использоваться также и для ведения сельского хозяйства (сенокосения, выращивания сельскохозяйственных культур и иной сельскохозяйственной деятельности).

Леса Хабаровского края являются объектом для проведения научно-исследовательской и образовательной деятельности, которая проводится на основании действующего законодательства, в рамках федеральных и региональных заказов в области лесного хозяйства и образования, согласно собственных планов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, образовательных программ.

Согласно статистическим данным Лесного плана Хабаровского края на 2019–2028 годы № 5 от 31.01.2019 г. [1], в настоящее время 7 участков лесного фонда Хабаровского края переданы в постоянное (бессрочное) пользование для осуществления научно-исследовательской деятельности, образовательной деятельности на общей площади 49119,2 га. Основные сведения по этим участкам представлены в таблице 4.

Таблица 4

Использование лесов для осуществления научно-исследовательской и образовательной деятельности

Лесничество	Наименование лесопользователя	Площадь, га
Аванское	Вяземский лесхоз-техникум имени Н.В. Усенко	8817,3
Бикинское	Институт водных и экологических проблем дальневосточного отделения Российской академии наук	0,5
Хабаровское	Объединенная дирекция государственных природных заповедников и национальных парков Хабаровского края	1,0
Хабаровское	Зоосад «Приамурский» им. В.П. Сысоева	1,9
Хехцирское	ДальНИИЛХ	20796,9
Хорское	Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б.М. Житкова	582,6
Хорское	ДальНИИЛХ	18919,0

Согласно данным Министерства промышленности и торговли Хабаровского края [11], лесопромышленный комплекс занимает важнейшее место в экономике Хабаровского края, тем самым, повышая социальный статус как края, в целом,

так и отдельных его территорий, деятельность которых непосредственно связана с лесохозяйственной деятельностью. Показатели работы лесопромышленного комплекса Хабаровского края представлены в таблице 5.

Таблица 5

Показатели работы лесопромышленного комплекса Хабаровского края

Наименование	Ед. изм	2017	2018	2019	2020	8 месяцев 2021
Древесина необработанная	тыс. куб. м	6592,8	6307,3	6227,4	5369,5	3267,6
Пиломатериалы	тыс. куб. м	983,3	1061,8	1236,1	1004,2	754,6
Топливные гранулы (пеллеты)	тыс. куб. м	121,5	65,2	99,7	158,2	140,5
Шпон лущенный	тыс. куб. м	201,8	218,5	218,3	151,6	127,8
Объем отгруженной продукции	млн руб.	37355	41024	35733,7	42339,0	31970,4
Инвестиции	млн руб.	4126,8	3718,8	2722,5	775,9	428,5
Налоговые платежи в бюджет края	млн руб.	1162,4	1248,9	1212,65	1168,9	987,3

Таким образом, на современном этапе развития общества, ведение лесного хозяйства должно базироваться на принципах устойчивого

управления лесами, а также – на сохранении экологической и социальной функций лесов.

Литература:

1. Постановление губернатора Хабаровского края от 31.01.2019 г. № 5 «Об утверждении лесного плана Хабаровского края на 2019–2028 годы». URL : http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2700201902_050001 (дата обращения 17.07.2022).

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 сентября 2013 г. № 1724-р «Об утверждении Основ государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года». URL : <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-26092013-n-1724-r/> (дата обращения 17.07.2022).

3. Гагарин А.И. Оценка социальных функций лесных ландшафтов Сибири и Урала / А.И. Гагарин, Т.А. Лебедева // Вестник СГУГиТ (Сибирского государственного университета геосистем и технологий). 2010. № 1(12). С. 161–173. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17658639> (дата обращения 24.06.2022).

4. Печаткин В.В. Методологические и прикладные вопросы эколого-экономической оценки лесного потенциала регионов России / В.В. Печаткин // Дайджест-финансы. 2013. № 3(219). С. 29–34. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18873191> (дата обращения 24.06.2022).

5. Маргарян Е.А. Роль леса в жизни человека / Е.А. Маргарян // Молодежный вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. 2015. № 1(13). С. 171–176. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25114122> (дата обращения 17.07.2022).

6. Ражапбаев М.К. Категории защитности как инструмент экономической оценки экологической составляющей лесов / М.К. Ражапбаев // Universum: химия и биология. 2016. № 4(22). С. 6. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25797047> (дата обращения 23.06.2022).

Literature:

1. Resolution of the Governor of the Khabarovsk Territory dated 31.01.2019 № 5 «On approval of the Khabarovsk Territory Forest Plan for 2019–2028». URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2700201902050001> (date of application 17.07.2022).

2. Decree of the Government of the Russian Federation № 1724-r dated September 26, 2013 «On approval of the Fundamentals of State Policy in the Field of use, protection, protection and reproduction of forests in the Russian Federation for the period up to 2030». URL : <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-26092013-n-1724-r/> (date of application 17.07.2022).

3. Gagarin A.I. Assessment of social functions of forest landscapes of Siberia and the Urals / A.I. Gagarin, T.A. Lebedeva // Bulletin of SGUGiT (Siberian State University of Geosystems and Technologies). 2010. № 1(12). P. 161–173. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17658639> (date of application 06/24/2022).

4. Pechatkin V.V. Methodological and applied issues of ecological and economic assessment of the forest potential of the regions of Russia / V.V. Pechatkin // Digest-finance. 2013. № 3(219). P. 29–34. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18873191> (date of application 06/24/2022).

5. Margaryan E.A. The role of the forest in human life / E.A. Margaryan // Youth Bulletin of the Ufa State Aviation Technical University. 2015. № 1(13). P. 171–176. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25114122> (date of application 07/17/2022).

6. Razhabyayev M.K. Protection categories as a tool for economic assessment of the ecological component of forests / M.K. Razhabyayev // Universum: chemistry and biology. 2016. № 4(22). P. 6. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25797047> (date of application 06/23/2022).

7. Соколов В.А. О стратегии развития лесного комплекса России / В.А. Соколов, Е.В. Горяева, О.П. Втюрина // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2019. №1. С. 223–230. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41228984> (дата обращения 15.07.2022).

8. Моисеев Н.А. Роль лесов в создании экологически комфортной среды обитания и меры для ее реализации / Н.А. Моисеев // Известия вузов. Лесной журнал. 2019. № 5(371). С. 203–207. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41227622> (дата обращения 23.06.2022).

9. Бахед Х.А. Защитные функции лесов: содержание и структурная характеристика / Х.А. Бахед // Труды БГТУ. Серия 1: Лесное хозяйство, природопользование и переработка возобновляемых ресурсов. 2020. № 1(228). URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42400214> (дата обращения 23.06.2022).

10. Кан Д.К. Природные леса, их экологическая значимость и рекреационное использование / Д.К. Кан, Я.В. Ким; Отв. ред. А.Ю. Алексеенко // Интенсификация использования и воспроизводства лесов Сибири и дальнего Востока: материалы Всерос. науч. конф. Хабаровск : Изд-во ФБУ «ДальНИИЛХ». 2021. 320 с. URL : <https://www.bio-soil.ru/files/publications/00018876.pdf> (дата обращения 17.07.2022).

11. Официальный сайт Министерства промышленности и торговли Хабаровского края. URL : <https://minprom.khabkrai.ru> (дата обращения 17.07.2022).

7. Sokolov V.A. On the development strategy of the Russian forest complex / V.A. Sokolov, E.V. Goryaeva, O.P. Vtyurina // Interexpo Geo-Siberia. 2019. № 1. P. 223–230. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41228984> (date of application 15.07.2022).

8. Moiseev N.A. The role of forests in creating an ecologically comfortable habitat and measures for its implementation / N.A. Moiseev // Izvestiya vuzov. Forest magazine. 2019. № 5 (371). pp. 203-207. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41227622> (date of application 06/23/2022).

9. Bahed Haidar Aziz Protective functions of forests: content and structural characteristics // Works of BSTU. Series 1: Forestry, nature management and processing of renewable resources. 2020. № 1(228). URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42400214> (date of application 06/23/2022).

10. Kang D.K. Natural forests, their ecological significance and recreational use / D.K. Kang, Ya.V. Kim; Ed. by A.Y. Alekseenko // Intensification of the use and reproduction of forests in Siberia and the Far East: materials of the All-Russian Scientific Conference. Khabarovsk : Publishing house of the FBU «Dalniilh». 2021. 320 p. URL : <https://www.bio-soil.ru/files/publications/00018876.pdf> (date of application 17.07.2022).

11. Official website of the Ministry of Industry and Trade of the Khabarovsk Territory. URL : <https://minprom.khabkrai.ru> (date of application 17.07.2022).

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна

доктор юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой теории
и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
Gyulnaz_2000@mail.ru

Кутепова Анастасия Михайловна

студентка 1 курса юридического
факультета имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
Gyulnaz_2000@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РАБОТЕ
АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ:
ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ
ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ VS ПРАВО
НА ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ**

Аннотация. В данной статье исследуется проблема пределов реализации права человека на жизнь и здоровье, с одной стороны, и права на неприкосновенность частной жизни, с другой стороны, в работе аварийно-спасательных служб. Когда возникают ситуации, в которых человек самостоятельно не может принять решение или озвучить свое решение, именно должностные лица структурных подразделений МЧС России, опираясь на действующее российское законодательство, вынуждены отдавать приоритет одному естественному праву человека перед другим. Целью статьи является анализ сферы правового регулирования деятельности аварийно-спасательных служб в процессе обеспечения безопасности населения и права на жизнь и здоровье отдельного человека. Авторами рассматриваются возможности совершенствования правового регулирования реализации прав человека при проведении поисково-спасательных работ.

Ключевые слова: право на жизнь и здоровье, неприкосновенность частной жизни, естественные права человека, аварийно-спасательная служба, поисково-спасательные работы, информационные технологии.

Деятельность аварийно-спасательных служб напрямую связана с обеспечением прав и свобод человека и гражданина. В первую очередь, это касается таких конституционных прав и свобод, как право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 7, 41 Конституции РФ), право на достойную жизнь (ст. 7 Конституции РФ), право на

Gyulnaz E. Adygezalova

Doctor of Law,
Associate Professor,
Head of the Department of Theory
and History of State and Law,
Kuban State University
Gyulnaz_2000@mail.ru

Anastasia M. Kutepova

1st year Student of Law
Faculty named after A.A. Khmyrova,
Kuban State University
Gyulnaz_2000@mail.ru

**THE PROBLEM OF LEGAL REGULATION
OF ENSURING HUMAN RIGHTS IN THE
WORK OF EMERGENCY SERVICES:
THE RIGHT TO PRIVACY VS THE RIGHT
TO LIFE AND HEALTH**

Annotation. The problem of the limits of the realization of the human right to life and health, on the one hand, and the right to privacy, on the other hand, in the work of emergency services is being investigated. When situations arise in which a person cannot make a decision on his own or voice his decision, it is the officials of the structural divisions of the Russian Emergencies Ministry, relying on the current Russian legislation, who are forced to give priority to one natural human right over another. The purpose of the article is to analyze the sphere of legal regulation of the activities of emergency rescue services in the process of ensuring the safety of the population and the right to life and health of an individual. The authors consider the possibilities of improving the legal regulation of the implementation of human rights during search and rescue operations.

Keywords: right to life and health, privacy, natural human rights, rescue service, search and rescue operations, information technology.

жизнь (ст. 20 Конституции РФ); но не меньшее значение имеют такого рода службы и для реализации прав на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), на свободное передвижение (ст. 27 Конституции РФ), право на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституция РФ) и др.

Структурные подразделения Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) предназначены для проведения аварийно-спасательных и других неотложных работ, которые представляют собой совокупность первоочередных работ, заключающихся в спасении и оказании помощи людям, в локализации и подавлении очагов поражающих воздействий, предотвращении возникновения вторичных поражающих факторов, защите и спасении материальных и культурных ценностей, восстановлении минимально необходимого жизнеобеспечения. При этом необходимо отметить особую роль МЧС России в выполнении работ, направленных на восстановление экономики и социальной сферы в разного рода конфликтах, на решение широкого спектра вопросов, связанных с доставкой гуманитарной помощи населению в зоны конфликта и эвакуацией людей из такой зоны.

Таким образом, МЧС России выполняет социально-значимую роль для поддержания правопорядка в российском обществе, для обеспечения социального государства, наделённого суверенитетом.

В процессе выполнения аварийно-спасательных работ неизбежно возникает вопрос о пределах осуществления прав и свобод. В качестве примера можно привести ситуации, когда необходимо получить информацию о местоположении потерявшихся людей, в том числе, пропавших в природной среде.

Потерявшихся, заблудившихся людей можно разделить на две группы: на тех, кто имеет возможность самостоятельно сообщить о случившемся в специальные службы, и на тех, кто такой возможности не имеет, а сигнал о помощи подают очевидцы, знакомые, родственники. Звонок поступает либо в единую дежурную диспетчерскую службу (далее – ЕДДС) по номеру 112, либо в службу пожарной охраны по номеру 101. Как в первом, так и во втором случае такие звонки перенаправляют в аварийно-спасательные отряды, откуда выезжает дежурная смена для осуществления поисково-спасательных работ. Бывают редкие случаи, когда звонок поступает сразу в аварийно-спасательные службы. Пока спасатели добираются до района, в котором потерялся человек, оперативный дежурный этого же отряда собирает данные о потерявшемся. Это - имя, фамилия, отчество, пол, возраст, состояние здоровья, последнее местонахождение и так далее. Зачастую теряются дети, пожилые люди, а также - люди с психическими и физическими заболеваниями, которым особенно тяжело в непривычной для них обстановке.

Для проведения поисково-спасательных работ необходимы человеческие и материальные ресурсы, позволяющие сократить время осмотра больших площадей на местности. В современном информационном мире существуют технологии, позволяющие решить эту проблему, ведь почти у каждого современного человека есть телефон, при помощи которого можно оперативно

определить местоположение устройства и тем самым самого пострадавшего. Большая часть потерявшихся в виду разных причин (отсутствие сети, неумение пользоваться программами местоположения, отсутствие заряда батареи, поломка или устаревшая модель телефона) не могут самостоятельно передать данные о своем положении оперативным дежурным спасательных служб или дозвониться в службу 112, что значительно осложняет поиски и увеличивает временные показатели их обнаружения. В результате, люди подвергаются опасностям со стороны диких животных, погодных условий, а также, различным психологическим воздействиям; большую роль в подобных ситуациях играет отсутствие пищи и воды, что может привести к ухудшению здоровья потерпевшего и даже к летальному исходу.

Обратимся к реальным ситуациям из практики одного из поисково-спасательных отрядов Краснодарского края. Из одного из населенных пунктов Краснодарского края мужчина выехал в лесной массив на квадроцикле в неизвестном направлении и пропал. Опросы очевидцев и родственников не дали объективной информации о маршруте движения. В итоге, поисковые работы с участием спасателей, волонтеров, охотников, сотрудников полиции, казачества продолжались около двух недель. Сначала был найден квадроцикл, рядом с которым находился мобильный телефон. Труп мужчины был обнаружен в нескольких сотнях метров от места трагедии. В результате установления обстоятельств произошедшего был сделан вывод о том, что пострадавший, будучи травмированным в результате падения, был жив еще несколько дней. При наличии информации о местоположении телефона и соответственно пострадавшего, поиски сократились бы до нескольких часов (как было в аналогичных случаях), что сохранило бы жизнь мужчине.

Похожий случай произошел в лесном массиве этой же местности. Мотоциклист при передвижении по лесной дороге на горном мотоцикле не справился с управлением и в результате аварии получил перелом ключицы и сотрясение мозга. Он смог самостоятельно дозвониться в ЕДДС и сообщить координаты своего местоположения. Спустя полтора часа после звонка он был обнаружен спасателями и передан для оказания скорой медицинской помощи.

Проанализировав статистику одного из поисково-спасательных подразделений Краснодарского края за несколько лет работы, можно сделать вывод о том, что в отсутствие информации о местоположении пострадавшего среднее время его обнаружения составляет 8 часов. При наличии координат о местоположении это время сокращается до 2 часов, что существенно повышает вероятность сохранения жизни и здоровья пострадавших. Ситуации, когда пострадавшие не могут предоставить координаты своего местоположения ввиду различных причин, требуют разрешения. Эффективным способом решения этой проблемы может стать оперативное получение данной информации от сотовых операторов связи. Однако действующее российское законодательство не предоставляет такой возможности. Так, с

20 июля 2016 г. Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ введён п. 1.1 статьи 64 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», согласно которому, «операторы связи обязаны предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, указанную информацию, информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи и иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач, в случаях, установленных федеральными законами» [2]. Указанные в правовой норме органы напрямую не задействованы в поисково-спасательных операциях.

Согласно ст. 6 Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О безопасности», координацию деятельности по обеспечению безопасности осуществляют Президент Российской Федерации и формируемый, и возглавляемый им Совет Безопасности, а также, в пределах своей компетенции, Правительство Российской Федерации, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления. Верховный Суд РФ в определении от 29.08.2018 № 308-КГ18-8447 по делу № А53-18685/2017 отметил, что Федеральная служба судебных приставов, равно как и судебные приставы-исполнители, не относятся к числу таких органов (должностных лиц). Аварийно-спасательные службы, непосредственно занимающиеся поиском людей, прямо не относятся к органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечивающим безопасность Российской Федерации. В то же время, нельзя не принимать во внимание широкую норму статьи 6 закона «О безопасности», а также то, что МЧС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, а также, по надзору и контролю в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах, а также, тот факт, что подразделения МЧС, как правило, привлекаются для обеспечения безопасности граждан в вооруженных конфликтах. Несмотря на это, на практике аварийно-спасательные службы не относятся к числу органов, которым операторы связи обязаны предоставлять информацию.

Часть 4 статьи 4 Федерального закона от 30.12.2020 № 488-ФЗ «Об обеспечении вызова экстренных оперативных служб по единому номеру «112» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепляет, что система-112 обеспечивает отображение местонахождения абонентского устройства или датчика, установленного на контролируемом стационарном или подвижном объекте, с которых осуществлен вызов по единому номеру «112» [3]. Но указанный федеральный закон позволяет решить только часть проблемы по

установлению местоположения нуждающегося в помощи лица, так как не охватывает случаи, когда информация о потерявшемся поступает через ЕДДС не от самого пострадавшего.

Не так давно, ООО «Интеллектуальный код» разработало всероссийское мобильное приложение «Система-112», которое позволяет в одно нажатие сообщить определенным службам о происшествии и отправить свое местоположение. Создание такого приложения опять же не решает все возникающие проблемы, ведь исходя из статистических данных, можно сделать вывод, что есть категории граждан (пожилые люди, дети, люди с психическими и физическими отклонениями), которые самостоятельно не смогут воспользоваться данной услугой. К тому же, мобильный телефон может разрядиться или прийти в негодность в экстремальных условиях.

Были случаи, когда по просьбе родственников якобы потерявшихся людей сотовыми операторами предоставлялась информация об их местоположении, что, в последующем, приводило к конфликтным ситуациям и к предъявлению претензий к компаниям связи и их работникам, нарушающим конституционное право на неприкосновенность частной жизни, закрепленное в статье 23 Конституции Российской Федерации.

«Право на неприкосновенность частной жизни занимает одно из ведущих мест в числе личных конституционных прав и, вместе с другими естественными правами, составляет основу конституционного статуса личности» [6]. Конституционный суд в своем определении от 28 июня 2012 г. № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» разъяснил, что в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит не противоправный характер [4]. Соответственно, такая информация может быть передана третьим лицам только с согласия ее обладателя, об этом как раз говорит часть 1 статьи 24 Конституции РФ: «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» [1].

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 02.10.2003 № 345-О, информацией, составляющей охраняемую Конституцией и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи (детализация переговоров), а для доступа к указанным сведениям органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо получение судебного решения.

Таким образом, как отметил Верховный Суд РФ, ограничение конституционного права на тайну связи допускается только на основании судебного акта и исключительно при осуществлении органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, своих функций [5].

Согласно статье 2 Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Одним из таких прав является право на жизнь, закрепленное в части 1 статьи 20 Конституции Российской Федерации. Содержание базового права на жизнь предполагает, в первую очередь, непосредственно действующий запрет на произвольное лишение жизни государством и любыми другими субъектами, но, наряду с таким запретом, оно включает в себя проведение государственной политики, направленной на обеспечение безопасности каждого человека [9]. Но, например, в случае, когда пожилой человек с разряженным телефоном в холодное время года теряется в лесном массиве, а сотовые операторы не вправе предоставить данные о его местоположении, получается, что приоритет отдается защите права человека на неприкосновенность частной жизни в ущерб его праву на жизнь и здоровье.

В обозначенных нами чрезвычайных ситуациях, когда сам человек не может предоставить информацию о своём местоположении или дать согласие на ее получение, и законодатель, и суды в своих правовых позициях не признают права аварийно-спасательных служб на ограничения конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни с целью обеспечения права человека на жизнь и здоровье.

Таким образом, возникает вопрос об оптимальном соотношении мер правового регулирования, обеспечивающих и право человека на жизнь и

здоровье, и право на неприкосновенность частной жизни.

Обозначенная проблема конфликта права на жизнь и здоровье и права на неприкосновенность частной жизни – это лишь частный случай борьбы за баланс интересов, которые признаются и защищаются государством, о которых в своё время рассуждали Р. Иеринг и Р. Паунд [7; 8]. Решением указанной проблемы может стать изменение законодательства путем внесения в него изменений по упрощению процедуры получения доступа к информации в случаях, когда существует угроза жизни человека. Так как и пострадавший, и его родственники, и поисково-спасательные службы заинтересованы в оказании оперативной помощи и сохранении жизни и здоровья, требуется наличие правовых оснований для распространения операторами сотовой связи конфиденциальной информации в отдельных случаях. Однако стоит учесть, что это, в свою очередь, потребует принятия мер для определения ответственных лиц, которые будут обеспечивать сбор и систематизацию информации, осуществляя контроль за правомерностью запроса к операторам связи, контроль за процессом реализации данного запроса и передачей информации работникам поисково-спасательной службы, а также, для правового регулирования ответственности в случаях злоупотребления предоставленными полномочиями с целью вторжения в частную жизнь.

Такое изменение правового регулирования (либо путем принятия новых правовых норм, либо путем формирования правовой позиции высших судов РФ) защитит самое ценное, что есть у человека – его жизнь и здоровье, а также существенно снизит потребность в человеческих и материальных ресурсах при проведении поисково-спасательных работ, обеспечит оперативность реагирования на чрезвычайные ситуации и происшествия на других участках.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // СПС «Консультант-Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/document/cons_doc_LAW_28399
2. О связи: Федеральный закон от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224
3. Об обеспечении вызова экстренных оперативных служб по единому номеру «112» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 488-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372650

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation of 1993 (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 № 6-FKZ, of December 30, 2008 № 7-FKZ, of February 5, 2014 № 2-FKZ, dated July 21, 2014 № 11-FKZ, dated March 14, 2020 № 1-FKZ) // SPS ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/document/cons_doc_LAW_28399
2. On Communications: Federal Law № 126-FZ of July 07, 2003 (as amended on December 30, 2021) // ConsultantPlus SPS. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224
3. On ensuring the call of emergency operational services by a single number «112» and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of December 30, 2020 № 488-FZ // ConsultantPlus SPS. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372650

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 1253-О // СПС «Консультант-Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133029

5. Определение Верховного Суда РФ от 29.08.2018 № 308-КГ18-8447 по делу № А53-18685/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

6. *Аберхаев Э.Р.* Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблемы реализации / Э.Р. Аберхаев // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. Т. 2. № 1. С. 90–94.

7. *Адыгезалова Г.Э.* Правовая концепция американской социологической юриспруденции XX века: Роско Паунд, Толкотт Парсонс И Гарри Бредемейер : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Дону, 2004. 26 с.

8. *Адыгезалова Г.Э.* Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017. 52 с.

9. *Амельчаков О.И.* Право на жизнь: к вопросу о сущности понятия / О.И. Амельчаков // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 2(44).

4. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Suprun Mikhail Nikolaevich about the violation of his constitutional rights by Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 28, 2012 № 1253-O // ConsultantPlus ATP. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133029

5. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of August 29, 2018 № 308-KG18-8447 in case № А53-18685/2017 // SPS Consultant-Plus.

6. *Aberkhaev E.R.* The right to privacy: legal characteristics and implementation problems / E.R. Aberkhaev // Actual problems of economics and law. 2008. Vol. 2. № 1. P. 90–94.

7. *Adygezalova G.E.* The legal concept of American sociological jurisprudence of the XX century: Roscoe Pound, Talcott Parsons and Harry Bredemeyer : abstract dis. ... cand. of legal sciences. Rostov-on/D., 2004. 26 p.

8. *Adygezalova G.E.* Sociological jurisprudence of the United States in the 20th century: the formation of a doctrine, the development and improvement of the rule of law : abstract dis. ... doctor of jurisprudence. Krasnodar, 2017. 52 p.

9. *Amelchakov O.I.* The right to life: to the question of the essence of the concept / O.I. Amelchakov // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2(44).

Балаклеец Ирина Ивановна

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой теории
и истории государства и права,
Балтийский федеральный университет
имени И. Канта
merkulowa73@mail.ru

Соловьева Ольга Александровна

магистр юриспруденции,
старший преподаватель,
Московский
финансово-юридический университет
sololal@yandex.ru

**О РОЛИ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ
В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ**

Аннотация. В последние годы в правовой литературе наметился особый интерес к правотворческой технике, что вызвано проблемами качества законодательного материала. В статье рассматривается юридическая терминология как основной элемент текстуального выражения нормативных предписаний, анализируются требования, предъявляемые к юридической терминологии, раскрываются отдельные проблемы её использования и совершенствования в российском законодательстве. Делается вывод о практической и теоретической значимости научных изысканий в сфере нормографии, как формирующейся отрасли научного знания.

Ключевые слова: юридическая техника, юридическая терминология, нормотворчество, нормативный акт, язык закона.

В последние годы в правовой литературе наметился особый интерес к правотворческой технике, что вызвано проблемами качества законодательного материала. В числе приёмов юридической техники, применяемых при разработке содержания и структуры правовых предписаний государства, особое место занимает юридическая терминология, представляющая собой относительно малоизученный феномен правовой теории. Благодаря юридическим терминам, явления и процессы обретают свою правовую природу в различных источниках; с их помощью нормативно-правовые предписания органов публичной власти получают официальное выражение. Вместе с тем, в отечественной правовой науке ведётся полемика в отношении ключевых теоретических характеристик терминологического инструментария в правотворчестве:

Irina I. Balakleetc

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head Department of Theory
and History of State and Law,
Baltic Federal University
named after I. Kant
merkulowa73@mail.ru

Olga A. Soloveva

Master of Jurisprudence,
Senior Lecturer,
Moscow Finance and Law University
sololal@yandex.ru

**ON THE ROLE OF LEGAL
TERMINOLOGY IN RULEMAKING**

Annotation. In recent years, there has been a special interest in the legal literature in the law-making technique, which is caused by the problems of the quality of the legislative material. The article considers legal terminology as the main element of the textual expression of normative prescriptions, analyzes the requirements for legal terminology, and reveals certain problems of its use and improvement in Russian legislation. The conclusion is made about the practical and theoretical significance of scientific research in the field of normography, as an emerging branch of scientific knowledge.

Keywords: legal technique, legal terminology, rulemaking, normative act, language of law.

- идут поиски единой трактовки юридического термина;
- дискутируются свойства и критерии классификации юридических терминов;
- анализируются пути их образования.

Терминологические проблемы современных законодательных и иных правовых актов негативно сказываются на их качестве и актуализируют юридико-техническую тематику.

Анализ научной и учебной литературы позволяет выделить целый ряд требований, предъявляемых к юридической терминологии [6, с. 302–307]. Одним из важных критериев является однозначность (единство) применения терминов в одном и том же нормативно-правовом акте. Однако данное требование не абсолютно, вследствие таких

особенностей русского языка, как полисемия, омонимия, синонимия. По мнению Д. Милославской, одним из недостатков юридической терминологии является «двойное или более обозначение одного и того же понятия» [4].

Наиболее часто в тексте нормативного акта встречается полисемия (многозначность слова, наличие двух и более значений). Свидетельством использования полисемических свойств слов в правотворчестве являются такие понятия, как «акт», «арбитр», «лицо», «оборот», «орган», «перевод» и др. Обилие слов с переносным значением негативно сказывается на точности выражения юридических норм, вызывает трудности в их понимании и толковании, поэтому в нормотворческой практике минимизировано употребление многозначных слов и сочетаний, а их использование сопровождается соответствующей смысловой привязкой («нормативный акт», «правомерный акт», «акт приемки»).

При построении текста нормативного акта используется внешне похожий на полисемию языковой приём – омонимия. Разграничение указанных понятий в терминологической системе языка права сопровождается различными научными подходами, обобщение которых в одноименной работе проводит О.В. Барабаш [2]. В.А. Толстик отмечает, что при омонимии сталкиваются совершенно различные слова, совпадающие в звучании и написании, но не имеющие ничего общего в семантике [5, с. 303]. В качестве примера автор приводит «брак» как «супружество» (от исконного русского слова «брати») и «брак» как «испорченная продукция» (от немецкого – «ломать»). Подобный механизм прослеживается в лексемах «рейд» (от английского – «набег»), например: рейд сотрудников дорожно-транспортной полиции и рейд (от голландского – «водное пространство в гавани»), например: рейд для погрузки, разгрузки и якорной стоянки судов в мореплавании.

Использование следующего лексического средства нормотворческой техники – синонимии (взаимозаменяемость слов и словосочетаний) – допустимо строго в силу законодательных установлений: Российская Федерация – Россия, законодательный – представительный, выбор гражданства – оптация и др. Правилom законотворческой деятельности является минимизация синонимов, что представляется важным для обеспечения точности и ясности содержания законодательного текста с целью его последующего единообразного понимания и применения.

Еще одним требованием законодательного стиля является общепризнанность юридической терминологии. Ввиду большого многообразия терминологии, в юридической литературе встречаем множество классификаций данного феномена по различным критериям и их критический анализ [6]. В контексте требований общепризнанности акцентируем внимание на общеупотребительной и специальной терминологии. По подсчетам ученых, до 80 % текста юридических документов составляют понятные и простые общеизвестные термины [6], что вполне оправдано. При этом, на наш

взгляд, не следует сводить общепризнанность к примитивизму и просторечию, что находит воплощение, например, в ряде законов субъектов Российской Федерации об административной ответственности посредством закрепления терминов «бытовое дебоширство», «допотопная оснастка» и др.

Появление новых отраслей науки и расширение сферы правового регулирования насыщает текст нормативного акта специальной не юридической терминологией, которая, несомненно, должна употребляться в том значении, которое закрепляет за ней соответствующая отрасль знаний. С целью обеспечения доступности и определенности правового регулирования, специализированным понятиям должны даваться определения в тексте нормативного акта. В дискуссиях о целесообразности специальной терминологии придерживаемся позиции, что посредством ее разумного использования обеспечивается соотношение краткости и ясности нормативных правовых актов с их точностью и полнотой.

Юридический язык динамичен и развивается вместе с обществом, однако, одним из главных требований к юридической терминологии является признак ее устойчивости, обеспечивающий стабильность и преемственность в науке, законодательстве и практике. В современном юридическом языке продолжают жить архаизмы и иоризмы, в то же время, в российском законодательстве нашли закрепление многие иностранные юридические конструкции, что обусловило постановку проблемы разумности и обоснованности заимствований из иностранного правового опыта. Явно избыточным представляется применение иностранных терминов в гражданском законодательстве России.

В последние десятилетие «о чистоте русского языка» ведутся дискуссии на федеральном и региональном уровнях, в Государственной Думе неоднократно инициировались соответствующие законопроекты. Мировоззренческий конфликт с Западом ускорил законодательное урегулирование использования англицизмов в русском языке. Полностью избежать употребления иноязычной терминологии в современных условиях интернационализации права невозможно, поскольку в русском языке может отсутствовать обозначение какого-либо нового правового явления. К тому же, существует большое число иноязычных терминов, ставших общепонятными. На наш взгляд, к этому вопросу необходимо подходить разумно и взвешенно, избегать чрезмерного использования иностранной терминологии, если есть соответствующие синонимы в русском языке. Например, крайне не оправданным представляется закрепление в наименовании статьи 15 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» термина «гильотина» (термин введен в употребление в 1792 г. во время Великой французской революции), ведь смысл текста упомянутой статьи предельно ясен: отмена целого ряда устаревших правовых актов. Избыточные заимствования представляют собой угрозу для национально-культурной самобытности. Данное положение

находит отражение в мировой практике. Показательным в этом отношении является опыт той же Франции, где сформировано законодательство, поддерживающее национальные языковые традиции и запрещающие чрезмерное употребление англицизмов (закон Ба-Лорьоля 1975 г., закон Леотара 1986 г., закон Тубона 1994 г. и др.). [2].

Юридическая терминология представляет собой крайне важный элемент правотворческой техники, она лежит в основе официального языка закона, при помощи которого осуществляется нормотворчество. В настоящее время, юридическая нормография превращается в самостоятельную отрасль научного знания, имеющую методологическое и прикладное значение [4]. В ряде вузов читаются курсы, направленные на повышение

Литература:

1. *Барабаш О.В.* Разграничение омонимии и полисемии юридических терминов / О.В. Барабаш // Rhema. Рема. 2015. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-omonimii-i-polisemii-yuridicheskikh-terminov> (дата обращения 14.07.2022).
2. *Гулинов Д.Ю.* Избыточные заимствования в контексте языковой политики Франции / Д.Ю. Гулинов // Фундаментальные исследования. 2014. № 9. Ч. 10. URL : <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35322> (дата обращения 10.07.2022).
3. *Милославская Д.* Юридические термины и их интерпретация. URL : https://old.relga.ru/n27/rus27_1.htm (дата обращения 10.07.2022).
4. Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для бакалавриата и магистратуры / Ю.Г. Арзамасов [и др.]; Под ред. Ю.Г. Арзамасова. М. : Издательство Юрайт, 2019. 460 с.
5. *Толстик В.А.* Требования, предъявляемые к юридической терминологии: формально-логическое и социально-культурное обоснование / В.А. Толстик // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 302–307.
6. *Толстик В.А.* Проблемы классификации юридической терминологии / В.А. Толстик // Russian Journal of Economics and Law. 2013. № 2(26). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-klassifikatsii-yuridicheskoy-terminologii> (дата обращения 14.07.2022).

нормотворческой квалификации студентов и подготовку будущих юристов к практической правотворческой деятельности (МГЮА, Академия управления МВД России, Академия национального образования, БФУ им. И. Канта и др.), академическое сообщество широко обсуждает проблемы стратегии и методики преподавания юридической техники в высшей школе.

Дальнейшее совершенствование научных подходов в использовании юридической терминологии в современном российском законодательстве представляется неотъемлемой частью многоаспектного исследования процессов формирования и применения современного юридического языка, что обусловлено потребностями теории и практики правотворчества.

Literature:

1. *Barabash O.V.* Differentiation of homonymy and polysemy of legal terms / O.V. Barabash // Rhema. Rema. 2015. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-omonimii-i-polisemii-yuridicheskikh-terminov> (date of application 07/14/2022)
2. *Gulinov D.Y.* Excessive borrowings in the context of the language policy of France / D.Y. Gulinov // Fundamental research. 2014. № 9. Part 10. URL : <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35322> (date of application 10.07.2022).
3. *Miloslavskaya D.* Legal terms and their interpretation. URL : https://old.relga.ru/n27/rus27_1.htm (date of application 10.07.2022).
4. Normography: theory and technology of norm-making : textbook for undergraduate and graduate studies / Yu.G. Arzamasov [et al.]; Edited by Y.G. Arzamasov. M. : Yurayt Publishing House, 2019. 460 p.
5. *Tolstik V.A.* Requirements for legal terminology: formal-logical and socio-cultural justification / V.A. Tolstik // Legal technique. 2016. № 10. P. 302–307.
6. *Tolstik V.A.* Problems of classification of legal terminology / V.A. Tolstik // Russian Journal of Economics and Law. 2013. № 2(26). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-klassifikatsii-yuridicheskoy-terminologii> (date of application 07/14/2022).

Баранов Александр Валентинович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры общетеоретических
правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского университета правосудия
lasta1971@mail.ru

ПОЗИТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ПРАВОПОНИМАНИЮ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории и современному состоянию юридического позитивизма как ключевой концепции правопонимания с древних времен до настоящего времени. Автором проведен критический анализ ключевых положений, выработанных представителями позитивизма. Рассмотрен вопрос, связанный с действием права в условиях цифровой реальности, и сделан общий вывод о трудностях в развитии идей правового позитивизма в связи с развитием диспозитивного метода правового регулирования.

Ключевые слова: юридический позитивизм, правопонимание, механизм правового регулирования, цифровизация, цифровые технологии, пределы властных полномочий, императивный и диспозитивный методы правового регулирования.

Истоки учения о позитивном праве зародились в древности в трудах китайских легистов (IV в. до н.э.), а сам термин «позитивизм» был введен в научный оборот латинским грамматистом Авлом Геллием (II в. н.э.), который перевел греческий термин *thusei* (установленное по обдуманному решению) как *positivus* [8, с. 39]. В дальнейшем, учение получило развитие в XVIII–XIX вв. в трудах таких ученых, как И. Бентам, Д. Остин и многих других.

Философия позитивизма оказала и продолжает оказывать значительное влияние на процесс правопонимания, создавая в единых рамках различные подходы. Как указывает В.Д. Зорькин «... в рамках позитивистской теории права второй половины XIX – начала XX в. сложились два направления: первое – юридический позитивизм или аналитическая юриспруденция...; второе – социологический позитивизм – непосредственный предшественник буржуазной социологии права XX в.» [3, с. 14]. В.В. Лапаева выделяет три типа позитивистского правопонимания: легистский, социологический и психологический [5, с. 38–81].

Alexander V. Baranov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of General
Theoretical Legal Discipline Department,
North Caucasus
of Russian University of Justice
lasta1971@mail.ru

A POSITIVIST APPROACH TO THE UNDERSTANDING OF LAW: HISTORY AND CURRENT STATE IN THE CONDITIONS OF DIGITAL REALITY

Annotation. The article is devoted to the study of the history and current state of legal positivism as a key concept of legal understanding from ancient times to the present. A critical analysis of the key provisions developed by representatives of positivism is given. The issue related to the operation of law in the conditions of digital reality is considered, and a general conclusion is made about the difficulty of developing the ideas of legal positivism in connection with the development of the dispositive method of legal regulation.

Keywords: legal positivism, legal understanding, mechanism of legal regulation, digitalization, digital technologies, limits of authority, imperative and dispositive methods of legal regulation.

Несмотря на различные подходы к типам позитивистского правопонимания, все они имеют общие черты:

- 1) право – система правил, исходящих от государства;
- 2) право и закон отождествляются, потому что неотделимы друг от друга;
- 3) сущность права – властное веление, принуждение, основанное на силе государства (в этом смысле позитивное право иногда называют правом победителя);
- 4) полный отказ от естественных прав, не указанных в законе и т.д.

Важность юридического позитивизма подчеркнул П.С. Шуринов: ««Юридический позитивизм» всегда претендовал на мировоззренческое значение в области правосознания и юриспруденции. Его главными особенностями являются формализм, догматическая «истинность», признание непротиворечивости факта «букве закона»» [10, с. 331].

На сегодняшний день, безусловно, правовой позитивизм является ключевой научной правовой доктриной. Вместе с тем, все чаще раздаются голоса, критикующие данный тип правопонимания. Так, В.Н. Синюковым, Т.В. Синюковой в монографии, посвященной проблемам обновления юридической науки в России утверждается: «По мнению немецких юристов К. Цвайгерта и Х. Кётца, правовая наука, в целом, в настоящее время является большой наукой. Источником этой болезни является традиционный нерелефлирующий и самоуверенный догматизм, в целом, позитивистская школа юриспруденции» [6, с. 93]. И далее, там же: «Долгое время в отечественной теории права и государства формулирование общего понятия «право» было монополией юридического позитивизма, его важнейшего направления – нормативной школы в ее наиболее жестком варианте (государство – центристский подход). В результате сложился строгий, чисто внешний, формальный, обязательно-принудительный образ права. Это исказило природу, сущность и миссию права, затенило положительные стороны самой нормативной теории» [6, с. 183–184].

Следует отметить, что правовой позитивизм подвергается критике не только юристами, но и философами. Например, А. Абдуллин видит в позитивистской теории серьезные логико-методологические нарушения. В частности, он пишет: «А как сегодня мы понимаем юридические законы? Например, считается, что под таким «законом» понимается любой нормативно-правовой акт, действующий в рамках правовой системы» и при этом тут же добавляется, что «Закон является основным источником права». Если «закон» предполагает наличие некой «правовой системы», с чем трудно не согласиться, то несуразность второго утверждения, претендующего на онтологию права, очевидна. Нужно иметь особый ум, чем, несомненно, обладают некоторые юристы, чтобы одновременно утверждать:

- а) закон основан на праве;
- б) закон является источником права;
- в) закон и есть право» [1, с. 27–28].

Из выше сказанного очевидно, что критика идей позитивизма носит многогранный характер, но ключевой является проблема превышения пределов властных полномочий, тирании в праве, которая возникла в глубокой древности. Еще Ксенофонт рассказывал о вопросе Алкивиада, заданном Периклу: «Так, если и тиран захватит власть в государстве и предпишет гражданам, что нужно делать, и это закон?» [4, с. 17].

Литература:

1. *Абдуллин А.* Юридический позитивизм и правовая онтология. Спор философа с юристами. Уфа : Drugoe reshenie, 2018. 50 с.
2. *Залоило М.В.* Национальный порядок России в условиях цифровизации / М.В. Залоило, Д.А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. Вып. 2.

Данной проблемой занимались великие умы прошлого и современности, но особо остро она встала после создания тоталитарных государств в середине прошлого века в Европе. Известный немецкий позитивист Густав Радбух «полностью пересмотрел свою философскую позицию позитивиста и открыто заявил, что система «правосудия» нацистской Германии, основанная на подерживаемых персонально им позитивистских принципах, оказалась преступной» [1, с. 11].

И действительно, во время проведения Нюрнбергского процесса на вопрос судей о чинимых зверствах, подсудимые практически в унисон отвечали: «Мы только выполняли приказ». А приказ власти, по мнению «отца» юридического позитивизма Дж. Остина, это и есть право.

В настоящее время происходит серьезная трансформация идей правопонимания, связанная, прежде всего, с внедрением цифровых технологий, формирующих новую цифровую реальность практически во всех сферах общественной жизни. Как указывают Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор «Цифровые технологии способны менять образ права, влиять на его регулятивный потенциал и эффективность...» [7, с. 89].

Развитие цифровых технологий, в итоге, изменяет не только образ права, но и сферу правового регулирования, поскольку виртуальную реальность достаточно сложно регулировать с помощью императивного метода правового регулирования. Следовательно, диспозитивный метод правового регулирования в таких условиях будет иметь приоритетное значение, распространять свое регулирующее воздействие на отношения, возникающие в цифровом пространстве. Возрастание его роли приведет к оптимизации соотношения частного и публичного права, повышение значения частного права, что обязательно найдет отражение в действующем законодательстве. Также, как указывают М.В. Залоило и Д.А. Пашенцев, в условиях цифровизации «процессуальное право займет доминирующее положение по отношению к праву материальному» [2, с. 206].

Таким образом, расширение правового регулирования цифровой действительности с помощью диспозитивного метода приведет к существенной коррекции идей и взглядов представителей различных школ юридического позитивизма, поскольку в новых условиях ключевыми субъектами права становятся человек и общество, а государство при создании и реализации нормативных правовых актов будет подстраиваться под новые юридические реалии.

Literature:

1. *Abdullin A.* Legal positivism and legal ontology. The philosopher's dispute with lawyers. Ufa : Drugoe reshenie, 2018. 50 p.
2. *Zaloilo M.V.* The national order of Russia in the conditions of digitalization / M.V. Zaloilo, D.A. Pashentsev // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2019. Vol. 10. Iss. 2.

3. *Зорькин В.Д.* Позитивистская теория права в России. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. 270 с.
4. *Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе. М. : Наука, 1993. 381 с.
5. *Лапаева В.В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М. : Российская академия правосудия, 2012. 579 с.
6. Проблема обновления юридической науки в России : монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов [и др.]; Пред. ред. совета Т.Я. Хабриева // Теория государства и права в науке, образовании, практике. М. : Юриспруденция, 2016. 476 с.
7. *Хабриева Т.Я.* Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. 2018. № 1.
8. *Хайек Ф.А.* Право, законодательство и свобода. М. : ИРИСЭН, 2006. 648 с.
9. *Шкуринов П.С.* Позитивизм в России XIX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 416 с.
3. *Zorkin V.D.* Positivist Theory of Law in Russia. M. : Moscow Publishing House. un-ta, 1978. 270 p.
4. *Xenophon.* Memoirs of Socrates. M. : Nauka, 1993. 381 p.
5. *Lapaeva V.V.* Types of legal understanding: legal theory and practice. M. : Russian Academy of Justice, 2012. 579 p.
6. *Sinyukov V.N.* The problem of updating legal science in Russia : monograph / V.N. Sinyukov, T.V. Sinyukova // Theory of state and law in science, education, practice. M. : Jurisprudence, 2016. 476 p.
7. *Khabrieva T.Ya.* Law in the conditions of digital reality / T.Ya. Khabrieva, N.N. Chernogor // Journal of Russian Law. 2018. № 1.
8. *Hayek F.A.* Law, legislation and freedom. M. : IRISEN, 2006. 648 p.
9. *Shkurinov P.S.* Positivism in Russia of the XIX century. M. : Moscow Publishing House. un-ta, 1980. 416 p.

Басенко Иван Михайлович

кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
ivan_basenko@mail.ru

**ПОНЯТИЕ «МЕТОНИМИЯ»
В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКЕ**

Аннотация. Для придания образности, метафоричности своим высказываниям, юристы часто прибегают к различным стилистическим приемам. В настоящей статье рассмотрен один из самых распространенных стилистических приемов, метонимия, который, помимо непосредственно юридического дискурса, также широко применяется и во многих документах, в частности, в заверенных переводах документации с или на иностранные языки. В данной работе сфокусировано внимание на видах юридических терминов, на классификации метонимии и особенностях перевода терминов-метонимов юридической направленности с английского языка на русский.

Ключевые слова: метонимия, английский язык, юридический дискурс, термины-метонимы, перевод.

На сегодняшний день перевод различного рода текстов с английского языка на русский может вызывать определенные трудности. В большей степени это касается узконаправленных текстов, к примеру, из области юриспруденции (одной из наиболее актуальных областей деятельности).

Одной из проблем может являться перевод текстов юридического дискурса посредством метонимического перевода. Так, в рамках данной статьи объектом исследования выступит юридический дискурс, а предметом – метонимия (термины-метонимы) в текстах данного вида.

Под метонимическим переносом понимается способ семантической деривации, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или единичный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию [1]. Основопологающим в описании метонимии является деление ее на языковую, стандартную, регулярную и образную [2].

Ivan M. Basenko

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch
of the Russian State University of Justice
ivan_basenko@mail.ru

**THE CONCEPT OF «METONYMY»
IN LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

Annotation. To make their statements figurative, metaphorical, lawyers often resort to various stylistic techniques. This article discusses one of the most common stylistic techniques, metonymy, which, in addition to the legal discourse itself, is also widely used in many documents, in particular, in certified translations of documentation from or into foreign languages. In this paper, attention is focused on the types of legal terms, on the classification of metonymy and the peculiarities of the translation of legal-oriented metonyms from English into Russian.

Keywords: metonymy, English, legal discourse, metonymic terms, translation.

Наличие в текстах метонимии может способствовать повышению его выразительности и метафоричности. В юридическом же дискурсе можно отметить, что роль терминов-метонимов достаточно высока. Использование метонимии в юридических текстах может обосновываться определенными устоявшимися лингвистическими оборотами, либо прочими причинами, различающимися в зависимости от рассматриваемой языковой ситуации, текста и т.д.

Основная проблема, существующая при переводе английских текстов из области юриспруденции, заключается в расхождении между русским и английским [3] с точки зрения лексики, грамматики и прочих разделов языка. Зачастую при переводе терминов-метонимов переводчики, лингвисты и прочие специалисты затрудняются не только в поиске подходящего эквивалента в языке перевода, но и в определении первоначального значения употребленного в тексте метонима.

Метонимия может встречаться в различных юридических текстах:

- в нормативных актах;
- в актах правоприменения;
- в договорах;
- в заявлениях;
- в жалобах и прочих документах.

Кроме того, термины-метонимы могут встречаться также и в устной речи юристов (к примеру, во время выступления в суде).

В рамках данного исследования целесообразно обратиться к классификации юридических терминов. В целом, они делятся на три основные группы:

1. Общеупотребительные термины. Они могут быть использованы не только в юридических ситуациях, но и в обычной жизни, таким образом, понятны для большей части людей (например, «закон»).

2. Специально-юридические термины. Подобные термины обладают особым правовым содержанием. Ими обозначаются определенные юридические понятия (например, «исковое заявление»).

3. Специально-технические юридические термины. Они отражают отдельную область специальных знаний (например, медицинскую, область техники безопасности и другие, которые могут быть связаны с юридической сферой).

Исследование классификации юридической терминологии позволяет выбрать адекватный вариант именования явления при переводе профессионально ориентированных текстов [4].

При выполнении перевода правовых документов особое внимание должно уделяться лексической безэквивалентности, так как во всех языках существуют слова и устойчивые словосочетания иностранного языка, не имеющие более или некоторых подобных явления [3].

Часто используемыми в юридическом дискурсе английского языка метонимиями можно назвать следующие слова и выражения:

- Public – общественность;
- Entity (legal entity) – юридическое лицо;
- Crime – преступление.

В ходе рассмотрения примеров перевода отрывков юридических текстов на английском языке, содержащих в себе метонимию, был выделен ряд особенностей, касаемых метонимов. Во-первых, используются разные виды метонимов:

1. Первый вид – замещение большого количества людей определенным словом: названием организации, города, страны, общим термином. Иногда выражается с помощью особого вида метонимии – синекдохи.

Примеры, демонстрирующие данный вид метонимии:

- *The public condemned this decision – Общественность осудила данное решение.* В этом случае, под общественностью понимается определенная группа людей (жители города, района).

- *BMW withdrew the claim – БМВ отозвали иск.* Под «БМВ» понимаются сотрудники компании, либо ее руководство, а не здание организации или торговая марка.

- *The UN has expressed its concerns – ООН высказала свои опасения.* Под «ООН» в данном случае понимаются руководители (представители) стран-членов ООН.

- *The audience listened to the statement – Аудитория выслушала заявление.* В предложении нет уточнения (аудитория слушателей, участников и т.д.), но понимается под ней именно группа лиц, находящаяся в помещении.

2. Второй вид – замещение определенного человека (группы лиц) специальным юридическим термином в ходе юридических ситуаций.

Примеры:

- *The defendant spoke in court – Ответчик выступил в суде.* Обычно такие выражения встречаются после обозначения лиц-участников процесса. Ответчиком называют определенного человека, который был привлечен в качестве предполагаемого нарушителя прав истца.

- *The court found him not guilty – Суд признал его невиновным.* «Суд» в данном случае – это судья или присяжные (в зависимости от ситуации).

Существуют и иные виды метонимии, например:

- *Any crime must be punished – Любое преступление должно наказываться.* В данном случае подразумевается, что, наказывается не само преступление, а человек, совершивший его (преступник).

Можно отметить, что в некоторых случаях английский текст в изначальном формате не имеет метонимии, в то время как при переводе данный прием может быть использован, например:

- *Representatives of the White House made explanations – Белый дом выступил с разъяснениями.* Слово «representatives» – «представители» было опущено, поскольку смысл остается понятным и без него. В ходе данного лингвистического процесса при переводе появился прием метонимии.

В большинстве случаев, случаи метонимии могут не восприниматься как отклонение от нормы или особый стилистический прием. Многие примеры метонимии являются устойчивыми выражениями, как в профессиональной, так и в обывденной речи английского или русского языка, поэтому активно используются в юридических текстах, а также при переводе.

Однако встречаются также лингвистические случаи, в ходе которых перевод метонимии может вызвать затруднения. Они связаны с переводом отдельных отрывков юридических текстов без учета основного контекста. В таких ситуациях переводчику может быть затруднительно подобрать эквивалентный перевод без ознакомления с изначальным источником перефразирования, переноса или иносказания.

Литература:

1. *Арутюнова Н.Д.* Лингвистический энциклопедический словарь / Н.Д. Арутюнова; Гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. *Звада О.В.* К вопросу о специфике юридических текстов / О.В. Звада // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. № 2. С. 22–31.
3. *Мамедова Н.В.* Особенности перевода метонимии в текстах юридического / Н.В. Мамедова, Н.К. Яшина // Материалы XIV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум».
4. *Скибина В.И.* Когнитивно-прагматический аспект метонимов в дискурсе англоязычных СМИ / Валентина Ивановна Скибина // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2018 г.). СПб. : Свое издательство, 2018. С. 37–40.

Таким образом, прием метонимии часто используется в англоязычном юридическом дискурсе. В ходе перевода юридических текстов целесообразно обратиться к классификации видов терминов, используемых в дискурсе, что поможет наиболее эффективно подобрать эквивалент. Кроме того, следует обращать внимание на вид метонимов. Определив первоначальное и основное значение, переводчику легче будет подобрать верный перевод для термина-метонима.

Literature:

1. *Arutyunova N.D.* Linguistic encyclopedic dictionary / N.D. Arutyunova; Ed. V.N. Yartseva. M. : Sov. Encyclopedia, 1990. P. 136–137.
2. *Zvada O.V.* On the question of the specifics of legal texts / O.V. Zvada // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University. 2019. № 2. P. 22–31.
3. *Mamedova N.V.* Features of metonymy translation in the texts of legal discourse / N.V. Mamedova, N.K. Yashina // Materials of the XIV International Student Scientific Conference «Student Scientific Forum».
4. *Skibina V.I.* Cognitive-pragmatic aspect of metonyms in the discourse of English-language media / V.I. Skibina // Philology and linguistics: problems and prospects: Materials of the III International Scientific Conference (St. Petersburg, November, 2018). SPb. : Its publishing house, 2018. P. 37–40.

Борисова Анна Анатольевна
кандидат педагогических наук,
доцент,
заведующая кафедрой гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Политехнический институт (филиал)
Донского государственного технического
университета в г. Таганроге
banet06021979@mail.ru

Хомутова Екатерина Александровна
студентка,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного
технического университета
banet06021979@mail.ru

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В последние годы не только в доктрине уголовного права, но и в правоприменительной практике все отчетливее проявляется тенденция к расширению границ общего понятия хищения и включения в данную нормативную дефиницию новых явлений, которые до этого не были известны, но с момента появления которых возникает насущная потребность не только в их адекватном позитивном регулировании, но и в публичной охране. В данной статье авторы рассматривают позицию, согласно которой, изменение признаков предмета преступления влечет и сущностное изменение способа действия при хищении с конечным выходом на субъективную составляющую, при этом ставится вопрос: Действительно ли сегодня уголовное право охраняет только отношения собственности в системе имущественных правоотношений и гражданского оборота материальных и нематериальных благ?

Ключевые слова: хищение, преступления против собственности, имущество, право собственности, имущественные правоотношения.

В последние годы не только в доктрине уголовного права, но и в правоприменительной практике все отчетливее проявляется тенденция к расширению границ общего понятия «хищение» и включения в данную нормативную дефиницию новых явлений, которые до этого не были известны, но с момента их появления возникает насущная потребность не только в их адекватном позитивном регулировании, но и в публичной

Anna A. Borisova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Humanities
and Natural Sciences,
Polytechnic Institute (branch)
Don State Technical
University in Taganrog
banet06021979@mail.ru

Ekaterina A. Khomutova
Student,
Institute of Service
and Entrepreneurship (branch)
Don State Technical University
banet06021979@mail.ru

PROPERTY RIGHTS AS A SUBJECT OF THEFT IN CRIMES AGAINST PROPERTY: STATEMENT OF THE PROBLEM

Annotation. In recent years, not only in the doctrine of criminal law, but also in law enforcement practice, the tendency to expand the boundaries of the general concept of theft and the inclusion in this normative definition of new phenomena that were not previously known, but from the moment of their appearance there is an urgent need not only for their adequate positive regulation, but also in public security. In this article, the authors consider the position according to which a change in the characteristics of the subject of the crime entails an essential change in the mode of action during theft with a final exit to the subjective component, while the question: Is raised whether today criminal law protects only property relations in the system of property relations and civil turnover of tangible and intangible goods?

Keywords: embezzlement, crimes against property, property, property rights, property relations.

охране. Это касается не только проблемы установления хищения и ухода от вещественной основы предмета преступного посягательства (за счет включения имущественных, обязательственных, информационных прав, а также не телесных благ), но и расширения границ самого способа действия при хищении, смещения акцента уголовно-правовой охраны с вещных на обязательственные правоотношения.

Охрана отношений собственности требовала адекватных мер реагирования и постоянно ставила вопрос о выборе надлежащих средств правового обоснования применения разработанных ранее конструкций. Для отечественной правовой системы это было характерно как в дореволюционный период, так и в советское время. Однако в постсоветскую эпоху данная проблема обрела новое очертание, поскольку в институт преступлений против собственности постарались привнести экономические конструкции рыночной экономики с делением правоотношений на вещные и обязательственные, необходимостью дифференциации обманных способов имущественных посягательств, а также уголовно-правовой охраны гражданского оборота в целом средствами преступлений против собственности. В связи с этим, появляются обоснованные сомнения в оптимальности избранного пути и необходимости трансформации института преступлений против собственности под новые нужды правоприменительной практики.

Институционализация концепции имущественных преступлений ставит вопрос об отказе от устаревшего советского теоретического наследия о преступлениях против собственности и создании новой, современной уголовно-правовой доктрины охраны вещных и обязательственных прав. Это связывается с тем, что советская концепция хищения чужого имущества была рассчитана на решение совсем иных институциональных и социальных задач, чем современная, поэтому старые доктринальные конструкции не могут быть универсальны и должны быть подвергнуты ревизии. Подобного рода вопрос можно разобрать и на примере имущественных прав, которые до недавнего времени относились не к имуществу как предмету хищения, а к праву на имущество. Однако в связи с принятием ряда постановлений высшей судебной инстанцией, мы фактически приравнивали имущественные права к понятию «имущество», которое включает в себя, теперь уже, самый большой спектр имущественных прав.

Это стало возможным, благодаря тому, что, как указано в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», безналичные, электронные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги являются имуществом и составляют именно этот предметный признак хищения. Поскольку безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, будучи разновидностями имущественных прав, как это прямо указано в ст. 128 ГК РФ, являются имуществом в уголовно-правовом смысле, следовательно, и иные имущественные права, а равно цифровые права, должны также быть отнесены к предмету хищения и рассматриваться именно в контексте имущества как предмета преступного посягательства. Причем, речь в данном случае должна идти о любых имущественных правах (вещных, обязательственных, корпоративных, исключительных, цифровых).

Безусловно, могут быть и исключения в этой части. Если мы признаем одни имущественные

права предметом хищения, то почему тогда не должны признавать другие? Каков критерий этого действия? Вопрос вполне правомерен и обоснован. Но пока механизмы соответствующих правоприменительных и законодательных решений не просматриваются, что и порождает определенные сложности, так как имущественные права в своей основе неоднородны.

Например, за незаконные действия с корпоративными правами сегодня уголовный закон предусматривает самостоятельную уголовную ответственность (ст. 185, 185.1 УК РФ), т.е., речь не идет в этом случае о хищении чужого имущества. То же самое можно сказать о преступлениях, связанных с криминальным банкротством (ст. 195–197 УК РФ), где фактически ущерб причиняется не отношениям в сфере экономической деятельности (экономической несостоятельности), а имущественным интересам кредиторов, и фактически от них скрывается имущество, совершаются незаконные сделки с имущественной массой должника, неправомерным образом удовлетворяются требования одних кредиторов перед другими и т.д. [2, с. 130].

Здесь, в большинстве случаев, предмет преступления составляют те же имущественные права, однако, в иной вариации, поскольку должник совершает изначально незаконные действия пока еще со своим имуществом, но права требования, на которые имеют иные лица. То есть, имущество должника, потенциально, в будущем должно принадлежать совсем иным лицам. Только лишь по этой причине такие действия не признаются хищением, хотя, порой, грань между мошенничеством и преднамеренным банкротством, фиктивным банкротством и иными действиями, связанными с неправомерным банкротством, весьма условна.

В продолжение темы можно приводить примеры с преступным посягательством на цифровые права, виртуальную собственность, криптовалюту и т.д. Практика квалификации подобных случаев как хищения указывает на то, что физический (материальный) признак предмета хищения канул в лету, телесность больше не является обязательной компонентой признака имущества. Однако здесь и возникает один из самых принципиальных вопросов: Все ли нетелесные блага сегодня следует признавать предметом хищения, даже если они обладают стоимостью и являются чужими по отношению к иным лицам?

Когда мы говорим о цифровых правах, то, по сути своей, они являются закрепителями уже существующих прав, отражают не содержание, а форму. Иначе говоря, цифровые права (будь то обязательственные или иные) не представляют собой новый объект права, а являются всего лишь еще одним способом фиксации или удостоверения имущественных прав [1, с. 297]. Буквально это означает, что, признавая цифровые права предметом хищения, мы тем самым признаем предметом преступления (и именно имущества) закрепители прав, но не само право, по идее, на которое и должно происходить посягательство, а не на его формальный удосто-

веритель. Ситуация эта весьма странная и имеет далеко идущие последствия.

Для наглядности в логике своих рассуждений приведем простой пример. Если сегодня с помощью цифровых прав можно закрепить особым образом любые права, то именно этот факт будет удостоверять цифровое право. Получается, что с помощью такого цифрового права можно будет удостоверить и право аренды, и право на возмещение вреда, и даже личное неимущественное право, которое никак нельзя признать предметом хищения. Выходит, что неимущественные права не являются предметом хищения, а «оцифрованные» такие права могут составлять предмет хищения. Ситуация выглядит весьма абсурдной. В контексте изложенного, много неопределенностей возникает и в отношении игрового (виртуального) имущества, криптовалюты и иных подобных объектов (бонусные баллы различных торговых заведений, «голоса» социальных сетей).

Положения данных объектов в цивилистике порождает различные подходы к квалификации противоправных действий, связанных с посягательством на данные не телесные блага. Тем не менее, на наш взгляд, сегодня нельзя безоговорочно идти по пути признания предметом хищения любого платежного инструмента, даже если этот инструмент удостоверяет какие-либо права или ценности. Возможность нахождения объекта в электронно-цифровом виде вовсе не означает, что такой объект априори может являться предметом хищения. Поэтому, даже когда и ведется речь о признании прав предметом хищения, очевидно, что именно права должны признаваться таковыми, а не их носители.

Установления вещей и нивелирование физического (материального) признака предмета хищения вполне понятно влечет его замену, выдвигание на передний план иного признака – стоимости. Именно со стоимостью сегодня многие отождествляют предмет хищения и само понятие имущества, ибо все то, что имеет стоимостный характер, должно являться предметом хищения.

Безусловно, это так, но с той оговоркой, что речь идет об имущественных преступлениях, а не о хищении. Ведь сегодня стоимостью обладают работы, услуги, информация, интеллектуальная

Литература:

1. *Львова М.С.* Определение кражи и ее признаков в современной юридической науке / М.С. Львова, А.В. Татьяна // В сборнике: Наука и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Таганрог, 2021. С. 296–299.

2. *Спектор Л.А.* Уголовное давление на бизнес / Л.А. Спектор, П.О. Мититаниди // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 7-2. С. 130–134.

собственность и даже некоторые разновидности нематериальных благ. Означает ли, что все эти объекты должны являться предметом хищения? Как и животные, находящиеся в естественном состоянии, полезные ископаемые и т.д.? Данный ряд можно продолжать. Несомненно, лишь то, что должно проводиться разделение различных объектов гражданских прав и нельзя безоговорочно включать их в понятие «имущество», которое и выступает предметом хищения.

Рассуждая о возможных перспективах построения модели уголовного законодательства об имущественных преступлениях, можно предположить, что в существующей парадигме необходимо решить один принципиальный вопрос: Будет ли хищение ассоциироваться только с посягательством на материальные (телесные) объекты, или же его предмет должен быть расширен и включать в себя посягательства как на телесные, так и на не телесные объекты гражданских прав?

При первом подходе, означающем консервацию хищения, необходимо будет конструировать самостоятельные составы преступлений, которые устанавливали бы уголовную ответственность за посягательства на не телесные объекты и всевозможные права (имущественные, цифровые, обязательственные и т.д.).

При втором подходе следует модернизировать признаки хищения и расширить не только его предмет, но и способ деятельности, так как существующий термин объективной стороны хищения – «завладение» («изъятие», «обращение») отвечает концепции посягательства на вещь. Соответственно, вести речь необходимо о двух самостоятельных элементах хищения:

- 1) хищение – это завладение чужим имуществом;
- 2) хищение – это извлечение имущественной выгоды.

В такой ситуации целесообразно в самом уголовном законе дать определение того, что является имуществом, а на уровне доктрины предложить концептуальную модель построения имущественных преступлений.

Literature:

1. *Lvova M.S.* Definition of theft and its signs in modern legal science / M.S. Lvova, A.V. Tatyana // In the collection: Science and modernity. Materials of the All-Russian scientific and practical conference of students and young scientists. Taganrog, 2021. P. 296–299.

2. *Spector L.A.* Criminal pressure on business / L.A. Spector, P.O. Mititanidi // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. № 7-2. P. 130–134.

Власов Дмитрий Викторович
магистр Института прокуратуры,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина
11dmr@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРОМ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ВОЗБУЖДЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Аннотация. В статье проводится анализ выявленных проблем в современном законодательстве по вопросам процедуры вынесения постановления прокурора о возбуждении производства об административном правонарушении. Проведен сравнительный анализ положений ФЗ «О прокуратуре РФ» и положений действующего законодательства об административных правонарушениях. Изучена статистика вынесения постановлений прокурора о возбуждении производства об административном правонарушении. Предложены положения для внесения дополнений в ФЗ «О прокуратуре РФ» по вопросу определения структуры постановления прокурора в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: административное производство, прокурор, прокурорский надзор, постановление прокурора, полномочия прокурора, производство по делам об административных правонарушениях, возбуждение дел об административных правонарушениях.

Ключевой целью деятельности сотрудников органов прокуратуры является привлечение к ответственности соответствующих лиц в регламентированном законом порядке. Для достижения указанной цели одной из важнейших задач сотрудников органов прокуратуры является возбуждение производства по делам об административных правонарушениях. Постановление прокурора о возбуждении производства об административном правонарушении является одним из основных актов прокурорского реагирования. Указанное постановление прокурора должно соответствовать критериям, относящимся к протоколу по делу об административном правонарушении. Несмотря на то, что деятельность сотрудников органов прокуратуры по делам об административных правонарушениях законодательно регламентирована, в современном законодательстве до сих пор остаются существенные пробелы, которые необходимо устранять.

Стоит уделить особое внимание тому факту, что Кодекс Российской Федерации об администра-

Dmitry V. Vlasov
Master of the Institute
of Public Prosecutor's Office,
Moscow State Law University
named after O.E. Kutafin
11dmr@mail.ru

PROBLEMS OF REALIZATION BY THE PUBLIC PROSECUTOR OF THE POWER TO INITIAL PROCEEDINGS ON CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Annotation. The article analyzes the identified problems in modern legislation on the procedure for issuing a prosecutor's decision to initiate proceedings on an administrative offense. A comparative analysis of the provisions of the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» and the provisions of the current legislation on administrative offenses is carried out. The statistics of the issuance of decisions of the prosecutor on the initiation of proceedings on an administrative offense have been studied. The provisions for making additions to the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» on the issue of determining the structure of the prosecutor's decision in the area under consideration are proposed.

Keywords: administrative proceedings, prosecutor, prosecutor's supervision, prosecutor's resolution, prosecutor's powers, proceedings on administrative offenses, initiation of cases of administrative offenses.

тивных правонарушениях (далее – КоАП РФ) наделяет прокурора рядом полномочий, которые присущи лицу, имеющему право на возбуждение дел об административных правонарушениях. К таким полномочиям относятся:

- возбуждение производства по делу;
- принятие участия в рассмотрении дела;
- обжалование принятых решений.

Однако, исходя из положений законодательства, отчетливо видно, что прокурор ограничен в своих правах и не обладает рядом полномочий, которыми наделены лица органов административной юрисдикции. К таким полномочиям относятся:

- принятие мер по обеспечению производства;
- проведение осмотра помещений;
- изъятие вещественных доказательств и другие полномочия.

В связи с отсутствием у прокурора ряда необходимых полномочий, происходит затягивание процесса по привлечению к административной ответственности виновных лиц.

По нашему мнению, способствовать восполнению указанного пробела может реализация в полном объеме прокурором на практике полномочий, установленных статьями 22 и 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ»). Еще одним пробелом в указанной сфере является наличие противоречий в положениях КоАП РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ». Согласно КоАП РФ, прокурор обладает исключительными полномочиями возбуждать административное дело в отношении любых лиц [1]. Однако нормы ФЗ «О прокуратуре РФ» устанавливают такие полномочия только в отношении конкретных должностных лиц.

Таким образом, можно отметить наличие пробела в законодательстве относительно субъектного состава лиц, привлекаемых к административной ответственности. Обращаясь к положениям правовой доктрины, мы видим достаточно противоречивые мнения авторов по поводу указанного пробела. М.А. Макаренко и Г.П. Фатеев придерживаются позиции, согласно которой, не все субъекты находятся под надзором прокурора, например, граждане [6]. Но в теории есть исключения, и в некоторых случаях существует возможность привлечения граждан. Одни ученые предлагают включить в ФЗ «О прокуратуре РФ» положения, согласно которым наделить прокурора полномочиями по привлечению к административной ответственности не только должностных лиц, но и граждан и юридических лиц. Другие авторы считают необходимым наделить прокурора полномочиями по привлечению к ответственности индивидуальных предпринимателей наряду с должностными лицами.

На основании вышеизложенного считаем необходимым привести субъектный состав к единому стандарту и расширить круг лиц, которых прокурор может привлечь к административной ответственности согласно ФЗ «О прокуратуре РФ».

Одной из ключевых проблем в рассматриваемой сфере является отсутствие законодательно закрепленного единого наименования акта, издаваемого прокурором на стадии возбуждения производства по делу об административном правонарушении. Исходя из норм ФЗ «О прокуратуре РФ», следует, что прокурор принимает решение о возбуждении производства по делу об административном правонарушении путем издания соответствующего постановления [3]. Также, и в КоАП РФ прокурор, в случае необходимости, принимает решение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования в виде постановления, в результате чего, в одном деле может содержаться сразу несколько постановлений прокурора, что может вызвать серьезную путаницу в ходе производства по административному делу. В связи с этим, нами предлагается внести изменения в действующие положения КоАП РФ и закрепить единое наименование процессуальных

актов, издаваемых прокурором на стадии производства по делам об административных правонарушениях.

Необходимо также создать единый стандарт наименования, которым закрепить и в ФЗ «О прокуратуре» и в КоАП РФ постановление о возбуждении дела об административном правонарушении. Ряд ученых придерживаются схожего мнения, поскольку нормы ФЗ «О прокуратуре» отсылают к КоАП РФ, поэтому нами предлагается закрепить именно то понятие, которое закреплено в КоАП РФ.

Очередным пробелом в законодательстве в рамках рассматриваемой сферы является отсутствие четко регламентированной и закреплённой структуры, содержания, сроков составления и рассмотрения указанного постановления конкретно в нормах Федерального закона «О прокуратуре РФ». В целях недопущения пробелов и возникновения коллизий в нормах права, предлагается дополнить ФЗ «О прокуратуре РФ» и включить в него структуру постановления о возбуждении производства по делу об административном правонарушении.

Постановление должно состоять из четырех частей: вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной. Вводная часть постановления должна содержать информацию о дате и месте составления постановления, данные о должностном лице и другую вводную информацию. Описательная часть должна представлять собой информацию о собранных прокурором материалах в ходе проведенной прокурорской проверки. Мотивировочная часть должна состоять из изучения и анализа обстоятельств дела, а также, обоснование виновности лица и нормы права, которое подтверждают указанные обстоятельства. Резолютивная часть должна включать в себя выводы и результаты проведенной прокурорской проверки, которые состоят из указания на привлечение лица к ответственности и направления документов в соответствующий орган для принятия решения. Указанная нами структура может позволить достичь формирования единого применения средств реагирования сотрудников органов прокуратуры на выявленные нарушения законодательства в сфере административного производства.

В заключение нам хотелось бы отметить значимость постановления прокурора о производстве по делу об административном правонарушении. Официальная статистика, размещенная на сайте Генеральной прокуратуры РФ, показывает, что в 2020 году количество постановлений прокурора о привлечении к административной ответственности составляло 242374 постановления, однако, в 2021 году данный показатель составил 249629 постановлений. Данная статистика показывает, что количество постановлений прокурора по указанной категории с каждым годом растет, в связи с чем, явно видна необходимость внесения изменений в нормы законодательства.

В завершение публикации нам хотелось бы отметить необходимость внесения изменения в ФЗ «О

прокуратуре» и приведения его в соответствие с положениями действующего законодательства об административных правонарушениях. Указанные ранее изменения в современном российском законодательстве в части, касающейся деятельности прокурора по возбуждению адми-

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; 2019. № 52. Ч. 1. Ст. 7812.
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Собр. законодательства РФ. 1992. № 47. Ст. 4472.
4. Образцы документов прокурорской практики: практич. пособие / Е.А. Архипова [и др.]; Под общ. ред. А.Э. Буксмана, О.С. Капинус; Науч. ред. А.Ю. Винокуров. М. : Юрайт, 2021. 661 с.
5. *Кондратенко Ю.А.* Правовой статус прокурора в административном процессе / Ю.А. Кондратенко, Д.С. Каблов // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2020. Vol. 4. № 12-1. P. 224–228.
6. *Макаренко М.А.* Формы участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях / М.А. Макаренко, Г.П. Фатеев // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2009. № 2. P. 89–90.
7. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf>

нистративного производства, будут способствовать повышению эффективности надзорной деятельности прокурора и восстановлению нарушенных прав и законных интересов лиц, пострадавших от совершенного административного правонарушения.

Literature:

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on July 14, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. № 1. Part 1. Art. 1.
2. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated March 08, 2015 № 21-FZ (as amended on June 11, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. № 10. Art. 1391; 2019. № 52. Part I. Art. 7812.
3. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law of January 17, 1992 № 2202-1 // Collection. Russian legislation. 1992. № 47. Art. 4472.
4. Samples of documents of prosecutorial practice: a practical guide / E.A. Arkhipova [et al.]; Under the general editorship of A.E. Buksman, O.S. Kapinus; Scientific editor A.Yu. Vinokurov. M. : Yurayt, 2021. 661 p.
5. *Kondratenko J.A.* Legal status of the prosecutor in the administrative process / J.A. Kondratenko, D.S. Kablov // Bulletin of the Student Scientific Society of the Donetsk National University. 2020. Vol. 4. № 12-1. P. 224–228.
6. *Makarenko M.A.* Forms of participation of the prosecutor in the proceedings on cases of administrative offenses / M.A. Makarenko, G.P. Fateev // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 2. P. 89–90.
7. Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf>

Волик Ксения Борисовна
старший преподаватель кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
martinkb@inbox.ru

К ВОПРОСУ ДЕФИНИЦИИ ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА

Аннотация. С конца XX века российские теоретики права начали активную разработку дефиниции «правовой менталитет». Статья посвящена одной из важнейших проблем методологии современной теории государства и права. К глубокому сожалению авторов, в современной российской теории государства и права всё ещё не оформилось целостное учение о правовой ментальности, и эта статья, анализирующая определение правового менталитета, направлена на частичное восполнение этого пробела.

Ключевые слова: идея, правовой менталитет, правосознание, конструкт, ментальность, правовая жизнь, русская душа, правовое мышление, структура правового менталитета, системный подход.

С конца XX века российские теоретики права начали активную разработку дефиниции «правовой менталитет» [1, с. 717]. В.Н. Синюков подметил, что анализ правосознания в нынешней России не может обойтись без особенной категории. Эта категория отражала бы «сложную морфологию общественного и индивидуального сознания, обозначающую все – как позитивные, знаковые, так и непозитивные, образные, символические и иные феномены правовой культуры. Такой категорией выступает понятие правового менталитета...» [2, с. 180].

Считаем, что конструкт менталитета – это в значительной степени константный феномен. В силу этого, он практически мало зависит от сколь –нибудь кардинального преобразования. Он выступает как социально-психологическое конструкт. Менталитет – это фундаментально стабильные поведенческие директивы социального поведения и индивидуальной психики людей. Эти установки материализуются в жизни и практике конгломератов социальных групп и индивидов [1, с. 717]. Поэтому, силовое влияние на него для кардинальной трансформации в сжатые сроки совершенно провально. Оно может привести лишь к внешним, неосновательным видоизменениям менталитета. Однако продолжает оставаться его умение к возрождению в старом значении. Органической частью менталитета выступает правовой менталитет.

Ksenia B. Volik
Senior Lecturer of the Department
of General Theoretical Legal Disciplines,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
martinkb@inbox.ru

ON THE QUESTION OF THE DEFINITION OF THE LEGAL MENTALITY

Annotation. Since the end of the twentieth century, Russian legal theorists began to actively develop a definition of the «legal mentality». The article is devoted to one of the most important problems of the methodology of the modern theory of state and law. Unfortunately, in the modern Russian theory of state and law, a holistic doctrine of the legal mentality has not yet taken shape. And this article, analyzing the definition of legal mentality, is aimed at partially filling this gap.

Keywords: idea, legal mentality, legal consciousness, construct, mentality, legal life, Russian soul, legal thinking, structure of legal mentality, systematic approach.

К сожалению, в сегодняшней России доктрина правового менталитета не выработана надлежащим образом.

Так, Р.С. Байниязов аргументирует, что правовой менталитет является духовно-психологической основой положительного права, своего рода культурной парадигмой правовой действительности. Правосознание и правовая ментальность создают внутреннюю материю правовой жизни. Они воплощают в жизнь юридическое самопознание и правовое созерцание [3, с. 31–40].

Е.Ф. Казаков полагает, что ментальность (менталитет) – это тип мыслей, форма миро восприятия, миропонимание [4, с. 142], и на его формирование весьма существенно повлияло язычество и православное христианство [5].

В.А. Бачинин, В.П. Сальников констатируют наличие «ментальности за падного типа» и «ментальности восточного типа», формулируют их признаки [6, с. 175–176].

В.Л. Дорошенко [7, с. 136] полагает, что правовая система любого социума работает как образ жизни, как менталитет. Собственно, в границах менталитета эта система приобретает стабильность. Через менталитет происходит передача правовой культуры социума.

Люди появляются на свет, воспитываются и живут в условиях права, используют правовой язык, обладая сформировавшимся правовым сознанием. При этом они не знают, да их и не интересует определение права и правопонимание. Как раз, правовой менталитет и выступает базой для уяснения правовой культуры, правосознания и правового поведения. Собственно, в нем таится особенность устоявшегося в данном социуме отношения к праву [8, с. 25].

Вполне закономерно Н. С. Соколова свидетельствует о том, что нестандартность генезиса российского менталитета воспроизводит бесконечное метание его среди антагонистических полюсов. Здесь и тяготение то к истокам нашего прошлого, то к необычным, очень часто суррогатным рецептам нашей реальности. Это – пиетет то перед идеальной духовностью, то перед абсолютным цинизмом.

Социум колеблется меж имперской державностью и самостийностью. Обществу не чужды патернализм и развенчание авторитетов. Оно повторяет дифирамбы своему и раболепно ведёт себя перед иностранным. Общество раскачивается между патриотизмом и универсализмом, и свято полагается на необыкновенность особенного российского пути. Всё это, в сумме с прочими отрицательными причинами объективного и субъективного характера, совершенно не служило подспорьем ратификации идей свободы, законности, прав человека в российском социуме [9, с. 385].

Правовой менталитет является логической разновидностью менталитета народа. В упрощённом понимании менталитет – это характер русской души.

С точки зрения западных исследователей, русская душа им малопонятна и не логична. Загадочных черт довольно много: антиномичность [10], возвышенная духовность, задумчивость [11], мессианство [12], первенство чувственности перед логичностью [13]. Следует заметить, что в разные периоды истории обнаруживались и доминировали различные качества характера русского человека.

Честность, непосредственность, обширность души – в целом, это те позитивные свойства, что выступили негативным фактором во времена нависания серьёзных опасностей над Русью. Именно доминирование таких качеств над предприимчивостью, утилитарностью, спесивостью, характерными для западного характера, в целом отразилось на облике жизни российского социума в различные периоды времени.

Российский менталитет можно обрисовать как недостаток стратегического проекционного мышления, некое легкомыслие, вера в справедливость сформировавшееся от полагания, что пограничные народы также альтруистичны, легкомысленны и не имеют вероломных умыслов.

Категории правосознания, правового мировоззрения, правового мышления, правового

менталитета тесно переплетены, взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Но здесь следует заметить, что правовой менталитет выступает базисом для развития и выражения правосознания и тесно с ним связанных смежных категорий.

Следует различать понятия «правовой менталитет» и «правосознание»:

- правовая ментальность мыслится как глубинный слой сознания. Она отражает также и подсознательный правовой уровень;
- правовой менталитет характеризуется как консервативно – константный;
- правовой менталитет упорядочивает правосознание;
- правосознание предполагает не только лишь интеллектуальное постоянство, но и рационально – эмоциональное непостоянство [14].

Безусловно, в правовом менталитете социума сберегается этическая и культурно-историческая база национально-правовой культуры. Правовой менталитет есть духовно-психологическая фундамент позитивного права. Правосознание и правовая ментальность создают имманентную ткань юридического бытия. Они дают жизнь правовым мироощущениям. Значимую роль при этом играет и самобытный феномен – правовое подсознание. Оно создаёт духовную подструктуру, как углубленный пласт правового сознания. В этой связи, отметим, что оно не может быть познано целесообразными средствами сознания.

Системный подход позволяет определить структуру правового менталитета. В него входят:

- правовые принципы;
- правовые стандарты;
- ценностно-правовая направленность;
- правовые директивы.

Эти предписания локализуются на двух ярусах – сознательном (предрасположены к изменению) и бессознательном (малоизменяемы).

Особенности менталитета россиян проявляются в мнениях о праве. Они вырабатываются и хранятся в народном творчестве русского народа. Эти представления отображаются в привычках, обычаях и способах действовать. Это – повседневная жизнь на протяжении многих веков истории народов России. В этих мнениях учтены интересы всякого человека. Эти мнения подчинены интересам социума и государства.

Эти особенности проявляются и в национальных представлениях по отношению к государству, праву, закону, обычаям, преступлениям, наказанию, суду, семье, собственности и т.п.

Кроме того, на российский правовой менталитет оказал существенное влияние патернализм, то

есть, склонность человека жить за счет господдержки и, вместе с тем, надеяться на государство по вопросам обустройства собственной жизни, отказываясь при этом от части своих прав.

Особенностью российской правовой матрицы выступает объяснение нравственности как эмоциональной стихии сострадания, что способствовало развитию в России характерного типа правовой культуры. Его основой выступает приоритет морали и нравственности по отношению к праву.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что на правовой менталитет повлиял ряд причин, к которым надлежит причислить:

- размеры и плотность заселения территории;
- географическое местоположение;
- жёсткую природно-климатическую среду.

Сюда же следует отнести войны, многонациональность, религию, просвещение. В равной степени, к этим причинам относится и менталитет проживающих этносов. Весь этот конгломерат причин и определяет необычную историческую

Литература:

1. Большой энциклопедический словарь. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М.; СПб., 1998. С. 717.
2. *Синюков В.Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 180.
3. *Байниязов Р.С.* Правосознание и российский правовой менталитет / Р.С. Байниязов // Правоведение. 2000. № 2. С. 31–40.
4. *Казаков Е.Ф.* Душа русской культуры: к определению понятия / Е.Ф. Казаков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 45. С. 142.
5. *Бердяев А.Н.* Русская идея. URL : <https://nnov.hse.ru/data/2018/02/20/1165426589/Бердяев%20Николай.%20Русская%20идея%20-%20гouyaШЬ.ги>
6. *Бачинин В.А.* Философия права. Краткий словарь / В.А. Бачинин, В.Л. Сальников. М., 2000. С. 175–176.
7. *Дорошенко В.Л.* Что такое право? / В.Л. Дорошенко // ЭКО. Новосибирск, 2002. № 3. С. 136.
8. *Ануфриева Б.А.* Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен / Б.А. Ануфриева, Л.В. Лесная // Социально-политический журнал. 1997. № 3. С. 25.
9. *Нерсисянц В.С.* Проблемы общей теории права и государства. М., 2001. С. 385.
10. *Бердяев Н.А.* Судьба России. URL : <http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>

стею онтогенеза государственности, права, менталитета.

На основании всего вышеизложенного, мы полагаем, что правовой менталитет есть конгломерат осознанных и неосознанных психологических предписаний. Это, по сути, стремление человека мыслить, чувствовать, действовать. Это умение человека осознавать и постигать многообразные сущности конкретным способом. Человек анализирует их как позитивные так негативные черты в государственной и правовой областях.

Мы считаем, что категорию «правовой менталитет» в генезисе теории правосознания надо ценить, последовательно изучать и разрабатывать. Это, в первую очередь связано с тем, что в её отсутствие практически невозможно познание гипотетических структур юридической психологии. Нельзя понимать мировоззренческие начала правосознания гражданина и общества. Самобытие менталитета предполагает и факт существования нерациональных конструкций современного уяснения права. Постигание законодателем и правоприменителем самой сути правовой ментальности народа сделает более аргументированными принимаемые и применяемые ими акты права.

Literature:

1. A large encyclopedic dictionary. 2nd edition, revised and supplemented. M.; SPb., 1998. P. 717.
2. *Sinyukov V.N.* The Russian legal system. Introduction to general theory. Saratov, 1994. P. 180.
3. *Bayniyazov R.S.* Legal awareness and the Russian legal mentality / R.S. Bayniyazov // Jurisprudence. 2000. № 2. P. 31–40.
4. *Kazakov E.F.* The soul of Russian culture: to the definition of the concept / E.F. Kazakov // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2018. № 45. P. 142.
5. *Berdyayev A.N.* Russian idea. URL : <https://nnov.hse.ru/data/2018/02/20/1165426589/Berdyayev%20Nikolai.%20Russian%20idea%20-%20gouaSH.gi^G>
6. *Bachinin V.A.* Philosophy of law. A concise dictionary / V.A. Bachinin, V.L. Salnikov. M., 2000. P. 175–176.
7. *Doroshenko V.L.* What is law? / V.L. Doroshenko // ECO. Novosibirsk. 2002. № 3. P. 136.
8. *Anufrieva B.A.* Russian mentality as a socio-political and spiritual phenomenon / B.A. Anufrieva, L.V. Lesnaya // Sociopolitical Journal. 1997. № 3. P. 25.
9. *Nersesyants V.S.* Problems of the general theory of law and state. M., 2001. P. 385.
10. *Berdyayev N.A.* The Fate of Russia. URL : <http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>

11. *Бердяев Н.А.* Истоки русского коммунизма. URL : http://www.odinblago.ru/russk_kommunizm

12. *Орехов С.И.* Виртуальная реальность: Исследование онтологических и коммуникационных основ: дис. д-ра филос. наук. URL : <https://www.dissercat.com/content/virtualnaya-realnost-issledovanie-ontologicheskikh-i-kommunikatsionnykh-osnov>

13. *Ильин И.А.* О русской идее. URL : https://imwerden.de/pdf/iljin_o_russkoj_idee.pdf

14. Правовой менталитет как феномен, влияющий на правовую культуру личности. URL : <https://articlekz.com/article/5260>

11. *Berdyayev N.A.* The Origins of Russian Communism. URL : http://www.odinblago.ru/russk_kommunizm

12. *Orekhov S.I.* Virtual reality: A study of ontological and communication foundations: dis. Dr. philos. Sciences. URL : <https://www.dissercat.com/content/virtualnaya-realnost-issledovanie-ontologicheskikh-i-kommunikatsionnykh-osnov>

13. *Ilyin I. A.* About the Russian idea. URL : https://imwerden.de/pdf/iljin_o_russkoj_idee.pdf

14. Legal mentality as a phenomenon affecting the legal culture of the individual. URL : <https://articlekz.com/article/5260>

Гарбовская Надежда Брониславовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры
языкознания и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
garbovskii@yandex.ru

Землякова Нинель Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент,
заведующая кафедрой языкознания
и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
ukka777@yandex.ru

Вишневская Ангелина Владимировна

студентка 1 курса
юридического факультета,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
angelinavi390@yandex.ru

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОЖНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ЗАКОНА
И ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ**

Аннотация. В рамках настоящей статьи проведен анализ языка закона и юридических документов с точки зрения употребления сложных предложений. Теоретический материал изложен в сжатом и компактном виде, все положения иллюстрируются примерами из кодексов и юридических документов, указаны особенности функционирования различных видов сложных предложений. В результате проведенного исследования, авторами выявлены ошибки в правовых документах, указаны причины, по которым они возникают, а также – способы их устранения.

Ключевые слова: сложное предложение, сложное целое, придаточное предложение, синтаксическая связь, язык закона, юридические документы, кодекс, языковые нормы.

Nadezhda B. Garbovskaya

Candidate of Philological Sciences,
Assistant Professor
of linguistics and foreign languages,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
garbovskii@yandex.ru

Ninel V. Zemlyakova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Linguistics
and Foreign languages,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
ukka777@yandex.ru

Angelina V. Vishnevskaya

1st year Student
of the Faculty of Law,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
angelinavi390@yandex.ru

**LEGAL ASPECTS OF THE FUNCTIONING
OF COMPLEX SENTENCES
IN THE LANGUAGE OF LAW
AND LEGAL DOCUMENTS**

Annotation. Within the framework of this article, the analysis of the language of the law and legal documents is carried out from the point of view of the use of complex sentences. The theoretical material is presented in a concise and compact form, all provisions are illustrated with examples from codes and legal documents, the features of the functioning of various types of complex sentences are indicated. As a result of the study, the authors identified errors in legal documents, the reasons why they arise, as well as ways to eliminate them.

Keywords: complex sentence, complex whole, subordinate clause, syntactic connection, language of law, legal documents, code, language norms.

*Есть много прекрасного в жизни человеческой.
Да вот хотя бы правосудие – какое прекрасное
дело среди людей!*
Платон, древнегреческий философ

Актуальность данной проблематики заключается в том, что на жизнь общества всё большее влияние оказывает правосудие. Для того, чтобы сформулировать сложные правовые нормы с указанием причинно-следственных связей, составить грамотно текст с его направленностью на справедливость, используются сложные предложения с несколькими придаточными, бессоюзные сложные предложения, конструкции с однородными членами предложения, причастными и деепричастными оборотами.

Цель нашей работы – проанализировать особенности функционирования сложных предложений в языке закона и юридических документов.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- а) определить значение термина «сложное предложение»;
- б) выявить специфику и особенности функционирования различных видов сложных предложений в языке закона и правовых документов.

Чтобы подробнее разобраться во взаимодействии сложных предложений и языка законов стоит рассмотреть сам термин.

Впервые в лингвистической науке А.М. Пешковский ввел понятие «сложное целое». Под ним учёный понимал «сочетание предложений, соединённых союзами, союзными словами или союзными синтаксическими паузами и не разъединённых разделительными синтаксическими паузами» [6].

Сложное предложение, состоящее из двух или более частей, образует определенную смысловую целостность, которая является неразделимой.

В.А. Богородицкий писал: «...Во всяком сложном предложении его части составляют одно связанное целое, так что, будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны... Таким образом, ни та, ни другая часть сложного предложения, не являются самостоятельными, но лишь совместно образуют одно целое» [4].

Такие предложения разделяют на сложноподчиненные, сложносочиненные и бессоюзные сложные.

В языке права использование сложных предложений обосновано требованием определенной точности, самостоятельности, а также, необходимостью конкретно представить взаимосвязь обстоятельств дела.

Сложные предложения используются в текстах законов; они позволяют более детально показать все тонкости правовой и процессуальной нормы. Обратим внимание на то, что части сложноподчиненного предложения тесно связаны, и придаточное предложение составляет необходимую часть главного, которое не может существовать изолированно. При написании законов придаточные

предложения структурно и лексически необходимы для пояснения, уточнения, условия, они содержат характеристику понятия или раскрывают его признак, указывают на образ или способ действия и др.

Рассмотрим употребление сложных предложений в уголовном и гражданском законодательстве.

Мы рассмотрели и проанализировали статьи кодексов с точки зрения употребления сложных предложений и пришли к выводу о том, что в них (в кодексах) преобладают сложноподчиненные придаточные и условные, которые способствуют в полном объеме логично, точно, объективно изложить материал закона.

Уточним, придаточные определительные относятся к члену главного предложения, который выражен существительным или другой частью речи, прикрепляются они к главному с помощью союзных слов и союзов. В придаточных предложениях условных содержится указание на условие осуществления того, о чём говорится в главном предложении, прикрепляются они к главному предложению с помощью союзов если, когда и др.

Использование данных предложений обусловлено необходимостью предвидеть все последствия, неизбежно наступающие после совершения преступления, так как закон должен точно сформулировать меру наказания для лица, совершившего преступление (из Уголовного кодекса Российской Федерации (п. 2 ст. 18).

Рецидив преступлений признается опасным:

- а) при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два раза было осуждено за тяжкое преступление;
- б) при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за тяжкое или особо тяжкое преступление к реальному лишению свободы.

Правовое положение участников гражданского оборота определено в гражданском законодательстве, в нём даны основания для появления и осуществления права собственности гражданина РФ, право на владение, пользование и распоряжение имуществом, а также, запрет на лишение имущества без решения суда и т.д. Для этого нужно дать четкое определение каждого понятия, предусмотреть все возможные условия и обстоятельства возникновения правоотношений между юридическими и физическими лицами. В языке закона этому содействуют сложные предложения с придаточными определительными и условными.

Сложные предложения часто встречаются в процессуальных кодексах. Например, ГПК, АПК, УПК РФ, в которых установлен определенный порядок:

- судопроизводства в арбитражных судах РФ;

- гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции;
- уголовного судопроизводства.

Именно они определяют значимость всех обстоятельств, которые имеют значение при рассмотрении дел.

Приведём примеры из Кодексов.

Из Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

В случае, если в установленный арбитражным судом срок на депозитный счёт арбитражного суда не были внесены денежные суммы, подлежащие выплате экспертам и свидетелям, арбитражный суд вправе отклонить ходатайство о назначении экспертизы и вызове свидетелей, если дело может быть рассмотрено и решение принято на основании других представленных сторонами доказательств [1].

Из Семейного кодекса Российской Федерации (п. 2 ст. 59). *Если родители проживают раздельно и родитель, с которым проживает ребенок, желает присвоить ему свою фамилию, орган опеки и попечительства разрешает этот вопрос в зависимости от интересов ребенка и с учетом мнения другого родителя.*

Обратим внимание на то, что в текстах закона функционируют сложноподчинённые предложения с многочисленными придаточными, которые относятся к главному, кроме того, к некоторым из них есть ещё придаточные. Для того, чтобы статья закона была истолкована верно, законодатель вполне оправданно выделил придаточные части в виде подпунктов. Конечно, такое оформление сложных предложений подчёркивает официальность законодательного языка. Отметим, что и в юридических документах, например, в судебных актах, допустимо оформление сложного предложения с несколькими смысловыми центрами в виде нескольких абзацев, содержащих перечисление, либо описание, либо условие и т.д., при этом каждое слово новой строки пишется со строчной буквы.

Приведённые примеры показывают, какую роль играют сложные предложения в языке закона; грамотно построенные сложноподчинённые предложения с соподчинительной и последовательной подчинительной связью выполняют главное требование – правовые предписания должны быть изложены и сформулированы ясно, точно, строго, логично, объективно.

Сложноподчинённые и бессоюзные предложения употребляются в гражданско-правовых документах, актах предварительного следствия, протоколах судебного заседания, судебных решениях и т.д.

Из протокола судебного заседания:

Председательствующий разъяснил, что определение не подлежит обжалованию отдельно от судебного акта, которым заканчивается

рассмотрение апелляционной жалобы по существу, и объявил судебное заседание закрытым.

В завещании обязательно используется клишированное сложноподчинённое определительное предложение:

Принадлежащее мне имущество, которое ко дню моей кончины окажется мне принадлежащим, в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось, я завещаю...

Также, сложноподчинённые предложения необходимы в договорах при изложении обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон и др.

2.1 Продавец обязуется:

2.1.1 Заказать автомобиль для его изготовления на заводе-изготовителе, либо, в случае, если необходимый автомобиль уже изготовлен и находится «в пути», зарезервировать его для Покупателя.

Клишированные сложноподчинённые предложения используются нотариусом при удостоверении подписи граждан, которые совершают какие-либо сделки:

Свидетельствую подлинность подписи, которая сделана в моём присутствии.

Бессоюзные предложения функционируют в гражданско-правовых документах: *Личности сторон установлены, их дееспособность проверена.*

Особый характер синтаксической связи всегда присутствует в сложноподчинённых предложениях с придаточными изъяснительными, определительными, условными, придаточными времени и причины. Данные предложения участвуют в изложении обстоятельств дела, способствуют выражению условно-следственных отношений, содержат логическое обоснование вывода, сделанного в главном предложении, при принятии правильного решения обязательно следует представлять юридически значимые факты, описание всех преступных действий, признаков, причин, характеристики, в целом, для обоснования выводов судьи и следователя. В обвинительных актах, заключениях, приговорах, определениях эти синтаксические конструкции способствуют не только логичности, последовательности изложения, а также предопределяют мотивированность выводов, в конечном итоге позволяют вынести справедливое решение.

Подготовка юридических документов является главной частью работы сотрудников правоохранительных органов. *«Низкое качество судебных актов открывает широкую дверь для судебного объективизма и произвола» [5].*

Юридический документ представляет собой словесное произведение, которое создаётся с учётом общих закономерностей организации письменной речи, норм русского литературного языка, а также – на основе закона, особенных правил, устанавливаемых процессуальными нормами в

зависимости от специфики различных видов юрисдикций. Языковые ошибки мешают правильному пониманию существа документа, снижают уровень правовой определённости.

Чтобы грамотно составить документ, нужно умело использовать синтаксические нормы, правильно составлять сложные предложения, и что особенно важно – учитывать ошибки, которые часто встречаются в письменной речи. Одна из таких – нарушение границ сложного предложения. Невнимательное отношение к изложению материала, а также, утрата логической нити приводят к тому, что предложение становится переполненным придаточными частями и ненужной информацией. Это приводит к нарушению границ предложения, то есть, к отсутствию основных частей – подлежащего и сказуемого, потере смысла предложения, в целом.

Перегруженность информацией – вторая, часто встречающаяся ошибка. Смысл предложений с нагромождением синтаксических конструкций воспринимается с трудом, к сожалению, такие предложения встречаются в юридических документах, которые составляют судьи, прокуроры, следователи. Достаточно часто документ переполнен придаточными частями, нарушая при этом композицию документа. Рекомендуется вначале составить простое предложение, которое позволит перейти к мотивировочному разделу, в этой части будет уместно использовать сложно-подчинённые предложения. Если в документе смешаны источники доказательств и их содержание, то в таких случаях, для более чёткого восприятия предпочтительно разделить сложный текст на несколько частей, выделить и назвать источник доказательства, а каждое последующее предложение будет последовательно раскрывать его содержание.

Приведём пример сложного предложения, где неоправданно используются однотипные придаточные предложения, которые затрудняют его восприятие:

Охрана освобождается от ответственности за кражу имущества, если установлено, что охрана была лишена возможности вскрыть и осматривать объект для выяснения причин срабатывания сигнализации, если посторонние лица задержаны охраной при совершении кражи и в других случаях, если охрана докажет отсутствие своей вины.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022).

Подобные предложения должны разделяться на составные части, графически отделённые одна от другой, благодаря чему, такое деление облегчает усвоение информации, делает её наглядной и понятной.

Синтаксические конструкции смешаны – третья ошибка. Она является следствием второй ошибки. Проявляется она в грамматической несогласованности членов предложения. Чаще всего, это можно встретить в уставной речи. Также, происходит нарушение синтаксической связи начала предложения и его конца.

Употребление разнотипных частей сложного предложения – четвертая ошибка. Она происходит из-за невнимательного отношения к тексту. Проявляется она в употреблении второстепенных членов предложения в виде придаточных предложений.

Одна из придаточных частей выпадает из предложения, не подчиняется главной части, что приводит к ошибке номер пять – нарушению построения конструкций с придаточными определительными. Придаточное определительное должно стоять сразу за определяемым существительным, иначе создаётся двусмысленность, а иногда – даже комический эффект: *«Петрова нанесла локтиком несколько ударов по двери, которая не была подвергнута экспертизе на предмет определения степени опьянения».*

«Во время осмотра члены семьи в составе трёх человек находились в квартире, двери открыты, которые все плакали.»

Правильное построение предложений помогает работникам юридической сферы точно и правильно излагать материалы дела, объективно оценивать доводы сторон, формулировать собственную позицию.

Таким образом, для обеспечения правовой деятельности необходимы специальные лингвистические знания, так как понимание и толкование юридических текстов строится на законах русского языка, на нём же пишутся законы и постановления всех уровней.

Профессиональная деятельность юриста тесно связана с людьми, её содержание определяется необходимостью охраны прав граждан, обеспечения соблюдения каждым лицом правовых норм, борьбы с преступностью и противоправными действиями.

Literature:

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 № 95-FZ (as amended on December 30, 2021) (as amended and supplemented, effective from January 10, 2022).
2. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on March 25, 2022).

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.95 № 223-ФЗ (Редакция от 02.07.2021 – действует с 13.07.2021).

4. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935. С. 229.

5. *Зорькин В.Д.* Качество правосудия – это вопрос конституционный / В.Д. Зорькин // Выступление на 6-м Всероссийском съезде судей. Цит. по материалам официального сайта Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru> (дата обращения 20.04.2022).

6. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 3-е совершенно переработанное, издание. М., 1956. С. 455.

3. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 № 223-FZ (Edition dated July 2, 2021 – Valid from July 13, 2021).

4. *Bogoroditsky V.A.* General course of Russian grammar. M.; L., 1935. P. 229.

5. *Zorkin V.D.* The quality of justice is a constitutional issue / V.D. Zorkin // Speech at the 6th All-Russian Congress of Judges. Cit. based on materials from the official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://www.ksrf.ru> (date of application 20.04.2022).

6. *Peshkovsky A.M.* Russian syntax in scientific coverage. 3rd completely revised edition. M., 1956. P. 455.

Григорьев Станислав Георгиевич
доктор биологических наук,
доцент кафедры строительства дорог
и инженерной экологии,
Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет
Milena.555@mail.ru

Маркиянов Василий Валерьевич
старший преподаватель
кафедры экономики и технологии
транспортных процессов,
Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет
Milena.555@mail.ru

Петрова Анна Владимировна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры экономики и технологии
транспортных процессов,
Московский
автомобильно-дорожный
государственный технический университет
Milena.555@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация. Авторы статьи акцентируют внимание на необходимости совершенствования методов профилактики безопасности дорожного движения. Важно начать профилактическую работу еще с раннего возраста. В образовательных учреждениях необходимо уделять большое внимание формированию безопасной модели поведения детей на дороге. Профилактическую работу нужно вести со всеми участниками образовательного процесса, не только с детьми, но и с родителями, т.к. дети повторяют родительскую модель поведения. В статье представлены статистические данные по показателям состояния безопасности дорожного движения в Российской Федерации за 2016–2021 гг. Обоснована необходимость реализации образовательных программ для населения с целью формирования стереотипов безопасного поведения на улицах и дорогах. Также, представлен опыт реализации научно-образовательного проекта «Профилактика безопасности дорожного движения для школьников» на территории Чувашской Республики.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, профилактика, школьники.

Stanislav G. Grigoriev
Doctor of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Road Construction
and Environmental Engineering,
Moscow Automobile and Road
Engineering State Technical University
Milena.555@mail.ru

Vasily V. Markiyarov
Senior Lecturer
of the Department of Economics
and Technology of Transport Processes,
Moscow Automobile and Road Engineering
State Technical University
Milena.555@mail.ru

Anna V. Petrova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Economics
and Technology of Transport Processes,
Moscow Automobile and Road Engineering
State Technical University
Milena.555@mail.ru

TO THE QUESTION OF PREVENTION OF ROAD SAFETY FOR STUDENTS OF GENERAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Annotation. The authors of the article focus on the need to improve methods of road safety prevention. It is important to start preventive work from an early age. In educational institutions, it is necessary to pay great attention to the formation of a safe model of behavior for children on the road. Preventive work should be carried out with all participants in the educational process, not only with children, but also with parents. children repeat the parental pattern of behavior. The article presents statistical data on indicators of the state of road safety in the Russian Federation for 2016–2021. The necessity of implementing educational programs for the population in order to form stereotypes of safe behavior on the streets and roads is substantiated. The experience of implementing the scientific and educational project «Prevention of road safety for schoolchildren» in the territory of the Chuvash Republic is also presented.

Keywords: road safety, prevention, schoolchildren.

3 а последние десятилетия наблюдается значительный рост количества личного автотранспорта среди населения развитых стран. Рост количества автомобилей на дорогах, развитая транспортная инфраструктура приводит к тому, что одной из причин мировой озабоченности является травматизм и смертность на дороге. Проблема детского дорожно-транспортного травматизма в России находится в сфере особого внимания государства ввиду высокого уровня детского травматизма.

Представим основные статистические данные по показателям безопасности дорожного движения на территории Российской Федерации. Сравнительный анализ статистических данных показал, что в 2021 году произошло 1873223 ДТП, что по сравнению с показателями 2016 года количество ДТП сократилось на 8,7 %, также сократилось число погибших – на 22,2 % и раненых – на 22,09 %. Но по сравнению с аналогичным периодом прошлого года вырос на 9,4 %.

Согласно целевым индикаторам Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах», в 2020

году число погибших в ДТП не должно превышать 16010 человек, т.е. должно снизиться на 42,8 % относительно 2012 года (27991). Фактически, число погибших по итогам 2020 года составило 16152 человека, т.е. снизилось на 11839 человек (установлено изменение к 2012 году – 11981 чел.) или на 42,2 % относительно 2012 года. Таким образом, данный показатель федеральной целевой выполняется на 99,9 %.

По итогам 2021 года социальный риск – число погибших в ДТП на 100 тыс. населения, составил 10,86 (справочно: численность населения России на 01.01.2022 г. составляет 145478097 человека). В качестве целевого ориентира, согласно Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 гг., на 2024 год устанавливается показатель социального риска, составляющий не более 4 погибших на 100 тыс. населения.

Дети в сфере особого внимания в системе обеспечения безопасности дорожного движения. Сведения о состоянии аварийности с участием детей в возрасте до 16 лет на территории Российской Федерации представлены в таблице 1.

Таблица 1

Дорожно-транспортные происшествия и пострадавшие с участием детей, 2016–2021 гг.

Годы	ДТП		Погибло		Ранено		Тяжесть последствий
	абс	± % к АППГ	абс	± % к АППГ	абс	± % к АППГ	
2016	19269	-1,4	710	-3,7	20621	-1,5	3,3
2017	19581	1,6	713	0,4	21136	2,5	3,2
2018	19930	1,8	628	-11,9	21718	2,8	2,8
2019	19994	0,3	562	-10,5	21887	0,8	2,5
2020	16639	-16,8	522	-7,1	18184	-16,9	2,8
2021	15849	-4,7	554	6,1	17289	-4,9	3,1

В период с 2016–2021 гг. на улицах городов и дорогах нашей страны зарегистрировано 111262 ДТП с участием детей. В этих ДТП 3689 погибли и 120835 детей получили травмы различной степени тяжести, что составило 3,5 % и 10 % от общего количества погибших и раненых соответственно. Тяжесть последствий ДТП – 2,95. В 2021 году на территории страны произошло 15849 (-4,7 % к АППГ) ДТП с участием детей, в которых 554 (6,4 % к АППГ) детей погибли (если в прошлом году было понижение, то в этом году прирост) и 17289 (-4,9 % к АППГ) получили ранения различной степени тяжести.

В ходе анализа представленных данных мы выяснили, что 3958 ДТП, что составило 24,97 % от всех ДТП с участием детей, произошли по неосторожности самих детей, а в 12676 ДТП или 79,97 % случаев ДТП с участием детей зафиксировано нарушение ПДД водителями. Анализ статистики аварийности по категориям пострадавших в ДТП детей на территории нашей страны выявил наибольшее количество ДТП с пострадавшими детьми-пассажирами. По итогам 2021 года зафиксировано 7260 ДТП с пострадавшими детьми-пассажирами (-6,2 % к АППГ), что составило 45,8 % от общего числа ДТП с участием детей, в них погибли 364 (+13,8 % к АППГ) и ранены 8476 (-6,6 % к АППГ) детей-пассажиров.

В 2021 году зафиксировано 6588 ДТП с пострадавшими детьми-пешеходами (+2,6 % к АППГ), что составило 41,56 % от общего числа ДТП, в которых погибли 127 (-10,6 % к АППГ) и ранены 6679 (+2,8 % к АППГ) детей. За 2021 год было зафиксировано 799 ДТП с пострадавшими детьми-велосипедистами, что на 26,6 % меньше, чем в предыдущем году, в них погибли 17 (-15 % к АППГ) и ранены 782 (-26,9 % к АППГ) детей-велосипедистов. По итогам 2021 года зафиксировано 570 ДТП с пострадавшими детьми-водителями механических транспортных средств, что на 3,6 % меньше, чем в предыдущем году, но увеличилось число погибших в таких ДТП детей: 26 (+13,0 % к АППГ) погибших, раненых 547 (-4 % к АППГ).

Анализ проблемы детского дорожно-транспортного травматизма выявил ряд противоречий:

- возросшие требования общества к уровню организации безопасности дорожного движения детей и несоответствующий предъявляемым требованиям фактический уровень безопасности детей на автомобильных дорогах;
- стоящая перед государством задача разработки эффективной системы снижения детского дорожно-транспортного травматизма и недостаточная научно-практическая и методическая разработанность этого вопроса.

Одним из основных направлений реализации Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 гг. является изменение поведения участников дорожного движения с целью безусловного соблюдения норм и правил дорожного движения. Одной из основных задач по реализации направления, связанного с изменением поведения участников дорожного движения с целью безусловного соблюдения норм и правил дорожного движения является разработка и реализация специальных, в том числе образовательных, программ для населения с целью формирования стереотипов безопасного поведения на улицах и дорогах.

Преподавателями и студентами Волжского филиала ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)» был разработан и уже в течение последних 4-х лет реализуется научно-образовательный проект «Профилактика безопасности дорожного движения для школьников».

Проект направлен на формирование безопасной модели поведения у детей на дороге. Целевая аудитория, на которую направлен проект включает первичную целевую аудиторию (учащиеся образовательных учреждений городов и районов Чувашской Республики) и дополнительную целевую аудиторию (родители учащихся и педагоги). Формой проведения проекта мы выбрали квест.

Квест универсален и его можно подстроить под любой возраст детей. На квесте ребята сами создают паспорт безопасности своей школы, сдают тест на знание ПДД, участвуют в викторинах.

Задания в квесте представлены разнообразные. Например, собрать пазл и идентифицировать дорожный знак, а также расставить знаки в макете улично-дорожной сети. Придумать дизайн фликера. Решать задачки по физике об определении скорости движения автомобиля по длине тормозного пути и определить была ли у водителя техническая возможность предотвратить ДТП, а также самостоятельно заполнить бланк европротокола. Найти наиболее безопасный маршрут, проехать на велосипеде/самокате отрезок пути без нарушений на скорость, оказать первую медицинскую помощь и т.д. А также познакомиться с устройством автомобиля, самостоятельно найти неисправность и т.д.

Партнерами проекта выступили Волжский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»; Управление ГИБДД МВД по Чувашской Республике; Муниципальные общеобразовательные учреждения. Представим бюджет проекта в таблице 2.

Таблица 2

Бюджет проекта

№	Наименование статьи	Единица (чел., мес., шт. и т.п.)	Кол-во	Цена (руб.)	Стоимость
1	Курсы по обучению AutoCAD	чел.	2	15000	30000
Комментарий и обоснование: обученные два модератора будут на станциях помогать школьникам создавать паспорт безопасности своей школы					
2	Расходные материалы (пленка светоотражающая, бумага форматов А4, А1, цветной принтер, самокаты / велосипеды, дорожные конусы, дорожные знаки)	шт.			100000
3	Программное обеспечение AutoCAD	шт.	1	150000	150000
Комментарий и обоснование: это программное обеспечение предназначено для построения чертежей в разных формах и в высоком качестве					
Итого				280000 руб.	

Необходимо отметить, что решить проблему обеспечения безопасности на дороге лишь пропагандой невозможно. Должен быть комплексный подход, включающий ужесточение санкций за нарушение ПДД водителями, контроль за перевозкой детей не только личным, но и общественным транспортом, грамотное моделирование дорожного движения, приоритет надземных и подземных пешеходных переходов над наземными с целью развести потоки транспортный и пешеходный, учет социально-экономических, психологических и даже национальных особенностей граждан Российской Федерации.

Команда проекта видит продолжение работы, после его завершения:

- формирование культуры безопасного поведения детей на дорогах и в транспорте посредством профессионального подхода к образовательной деятельности;

- повышение правового сознания всех участников дорожного движения посредством проведения пропагандисткой работы и профилактических мероприятий по предупреждению ДТП с детьми и их родителями.

- обмен передового опыта с китайскими студентами по вопросам специфики организации дорожного движения территорий учреждений образования в дружественном Китае с целью совершенствования системы организации безопасности движения и, как следствие, уменьшение детского дорожно-транспортного травматизма в России и ее регионах.

Проект был успешно представлен на VII Российско-Китайском молодежном форуме в формате «Волга-Янцзы». Данный научный проект является частью всей системы организации безопасности дорожного движения в Чувашской Республике и Российской Федерации в целом.

Литература:

1. *Григорьев С.Г.* Особенности организации дорожного движения федеральных автомобильных дорог / С.Г. Григорьев, А.В. Петрова, В.В. Маркиянов // Наука и техника в дорожной отрасли. 2021. С. 128–130.
2. *Григорьев С.Г.* Современная общественная оценка состояния безопасности дорожного движения города Чебоксары Чувашской Республики / С.Г. Григорьев, А.В. Петрова, В.В. Маркиянов // Материалы межведомственной научно-практической конференции «Общественная безопасность в сфере дорожного движения: профессиональная подготовка и организационно-правовые инструменты». СПб., 2020. С. 93–98.
3. *Жбанова С.А.* Основные направления совершенствования дорожной безопасности в условиях обеспечения национальной безопасности государства / С.А. Жбанова // Современная наука. 2021. № 5. С. 34–37.
4. *Коновалова О.А.* О деятельности госавтоинспекции МВД России по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма: состояние, результаты, перспективы / О.А. Коновалова // Современная наука. 2021. № 3. С. 60–64.
5. *Майоров В.И.* Новая федеральная целевая программа повышения безопасности дорожного движения: целесообразность разработки / В.И. Майоров // Юридическая наука и пульмонологическая практика. 2021. № 3(57).

Literature:

1. *Grigoriev S.G.* Features of the organization of traffic on federal highways / S.G. Grigoriev, A.V. Petrova, V.V. Markiyarov // Science and technology in the road industry. 2021. P. 128–130.
2. *Grigoriev S.G.* Modern public assessment of the state of road safety in the city of Cheboksary of the Chuvash Republic / S.G. Grigoriev, A.V. Petrova, V.V. Markiyarov // Materials of the interdepartmental scientific and practical conference «Public safety in the field of road traffic: professional training and organizational and legal tools». SPb., 2020. P. 93–98.
3. *Zhbanova S.A.* The main directions of improving road safety in terms of ensuring the national security of the state / S.A. Zhbanova // Modern Science. 2021. № 5. P. 34–37.
4. *Konvalova O.A.* On the activities of the state traffic inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the prevention of children's road traffic injuries: state, results, prospects / O.A. Konvalova // Modern science. 2021. № 3. P. 60–64.
5. *Mayorov V.I.* New federal target program for improving road safety: the feasibility of development / V.I. Mayorov // Legal science and pulmonological practice. 2021. № 3(57).

Жидких Максим Алексеевич
аспирант кафедры
теории государства и права,
Саратовская государственная
юридическая академия
mxmzhdkh@mail.ru

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЛЕГИРОВАННОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

Аннотация. На различных этапах правотворчества возникает потребность толкования нормы права, для точного понимания смысла нормативно-правовых актов и происходит толкование права, в том числе, и делегированного. Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что в российской правовой науке не определены все возможности делегированного толкования. Механизмы делегированного толкования предоставляют возможность создавать определенную модель поведения, в связи с чем, применение делегированного толкования требует выявления ряда отличительных особенностей для совершенствования теоретического и практического понимания данного вида толкования. Целью статьи является выявление и анализ особенностей делегированного толкования, его преимущества и недостатки, причин возросшей степени издания актов делегированного толкования в Российской Федерации, а также проведение сравнительно-правового анализа делегированного и аутентичного толкования. В статье анализируются отличительные особенности делегированного толкования, его преимущества и недостатки, причины возросшей степени издания актов делегированного толкования, а также проводится сравнительно-правовой анализ с аутентичным толкованием.

Ключевые слова: толкование, норм права, делегированное толкование, акт толкования.

В современных условиях динамичного развития государства и общества законодательские процессы приобретают стремительный темп. Однако вместе с этим и появляются множество противоречий и проблем теоретического и практического плана, с которыми удастся справиться благодаря такому нужному элементу правореализационного процесса как толкование права. На практике не удастся применить норму права, не поняв ее содержание. Не менее важно толкование правовой квалификации и при вынесении судом решения.

В процессе правотворчества также возникает потребность толкования нормы права. В процессе создания новых нормативно-правовых актов необходимо толкование действующих предписаний для понимания их содержания.

Maxim A. Zhidkikh
Graduate Student of the Department
Theories of State and Law,
Saratov State Law Academy
mxmzhdkh@mail.ru

DISTINCTIVE FEATURES OF THE DELEGATED INTERPRETATION OF LAW

Annotation. At various stages of law-making, there is a need for interpretation of the rule of law, for an accurate understanding of the meaning of normative legal acts, and the interpretation of law, including delegated law, occurs. The relevance of this article is due to the fact that all the possibilities of delegated interpretation are not defined in Russian legal science. The mechanisms of delegated interpretation provide an opportunity to create a certain model of behavior, and therefore the use of delegated interpretation requires the identification of a number of distinctive features to improve the theoretical and practical understanding of this type of interpretation. The purpose of the article is to identify and analyze the features of delegated interpretation, its advantages and disadvantages, the reasons for the increased degree of publication of acts of delegated interpretation in the Russian Federation, as well as to conduct a comparative legal analysis of delegated and authentic interpretation. The article analyzes the distinctive features of delegated interpretation, its advantages and disadvantages, the reasons for the increased degree of publication of acts of delegated interpretation, as well as a comparative legal analysis with an authentic interpretation.

Keywords: interpretation, rules of law, delegated interpretation, act of interpretation.

Таким образом, толкование права происходит на всех этапах правового регулирования и имеет важное значение для каждой стороны правовой деятельности.

Модернизация современного мира ввиду стремительного научно-технического прогресса оказывает влияние на все аспекты жизни, включая правовую. Значительные изменения побуждают законодателя издавать множества законов за последнее время. Вследствие этого, и появляется ряд вопросов, связанных с непониманием той или иной нормы права у субъектов, на кого данные нормы направлены. Однако стоит отметить, что как в Российской Федерации, так и во всем остальном мире, не может существовать нормативно-правовой системы, в которой бы не было различных неточностей и противоречий.

Идеальная нормативно-правовая система – это своего рода «утопия», однако, каждому субъекту права необходимо стремиться к тому, чтобы уяснить смысл каждой нормы права, предотвращая ошибочные положения закона. Считаем, что необходимо признавать значительное место в правовой действительности не только законодателям, но и интерпретаторам нормативно-правовых актов, в том числе и делегированного толкования. В этом и заключается особая роль интерпретатора, чьи акты толкования оказывают значительное влияние на функционирование общества.

Одним из видов толкования, которое помогает уяснить смысл какой-либо правовой нормы, является делегированное толкование.

Так, в связи с возникшей необходимостью, вышестоящие органы или должностные лица могут направить специальное поручение, например, отдельному министерству издать акт официального толкования по необходимым вопросам понимания и реализации каких-либо правовых норм.

По своей сути, делегированное толкование представляет собой процесс издания актов теми органами, которым закон предоставляет данную компетенцию.

Среди таких органов можно выделить Конституционный Суд РФ (далее по тексту – КС РФ), Верховный Суд РФ, как высшие судебные органы.

Делегированное толкование может осуществляться и судебными органами, и прежде всего, как указано выше, Пленумом Верховным Судом РФ. Делегированное толкование в свою очередь подразделяется как на нормативное, так и на казуальное.

Особую важность имеет толкование права КС РФ. Указанная прерогатива закреплена в статье 106 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которой «толкование Конституции Российской Федерации, данное Конституционным Судом Российской Федерации, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений» [1, ст. 106].

В определенных случаях, КС РФ в процессе толкования создает судебные прецеденты, которые являются обязательными для каждого заинтересованного лица и выступает, своего рода, источником права. В нашей действующей правовой системе судебный прецедент не является официальным источником права. Хотя, стоит отметить, что в российском научном сообществе возрастает тенденция к узакониванию. Бывший председатель КС РФ М.В. Баглай во вступлении к книге А. Барака «Судейское усмотрение» пишет: «Полезно ли было бы признание у нас прецедентное судебных решений, я бы, в определенном смысле, ответил положительно. Разъяснения,

которые, в соответствии с Конституцией РФ, дает Верховный Суд РФ, безусловно, важны для обобщения судебной практики и, следовательно, для единообразного применения законов» [2, с. 13].

В.А. Сивицкий и Е.Ю. Терюкова относят акты толкования КС РФ к нормативно-правовым актам. Они указывают: «если акты Конституционного Суда РФ являются источниками конституционного права, то они становятся источниками и других отраслей права. В связи с отсутствием нормативного понятия толкования в законодательстве Российской Федерации, Конституционный Суд РФ имеет простор при реализации полномочия по толкованию Конституции РФ... При рассмотрении дел о толковании Конституции РФ Конституционный Суд РФ может предпринять действия по обеспечению надлежащей реализации положений Конституции РФ, включая нормативную конкретизацию... Нормы Конституции РФ, при толковании которых Конституционный Суд РФ фактически ввел новые правила, не предполагает конкретизацию законодателем» [3, с. 73]. Таким образом, решения КС РФ может иметь нормативную природу.

В рамках своей компетенции делегированное толкование права могут давать также органы исполнительной власти: Правительство, подчиненные ему министерства, ведомства, службы, комитеты.

Так, например, Министерство иностранных дел России дает разъяснение в пределах своей компетенции по вопросам международного права в связи с запросами органов государственной власти, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ и членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ, физических и юридических лиц [4, п. 2]. Министерство просвещения РФ имеет право «давать разъяснения юридическим и физическим лицам по вопросам, отнесенным к сфере деятельности Министерства» [5, п. 5.6].

Помимо вышеуказанных видов делегированного толкования и другие, например, акты толкования, издаваемые на основании Федерального конституционного закона.

К ним относятся:

1. Акты конституционного суда субъекта Российской Федерации, которые, в силу части 1 ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», могут создаваться субъектом Российской Федерации для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации, конституции субъекта Российской Федерации, а также, для толкования конституции субъекта Российской Федерации.

2. Акты толкования, предусмотренные федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации. С учетом постоянного

изменения действующего российского законодательства, предложить закрытый перечень актов нормативного толкования, относящихся к данной разновидности, не представляется возможным.

Довольно масштабная группа актов толкования актов основывается на базе подзаконных актов.

С учетом действующего законодательства Российской Федерации, к указанным актам можно отнести и акты Министерства финансов Российской Федерации. В нормативно-правовом акте, регламентирующем деятельность указанного министерства, сказано: «Дает территориальным органам валютного контроля официальные разъяснения относительно толкования и применения нормативных правовых актов, издаваемых министерствами, ведомствами и организациями по вопросам осуществления валютных, экспортно-импортных и иных внешнеэкономических операций».

Акты правотолкования, зачастую, базируются на нормах международного права.

Например, это акты Экономического суда СНГ. Данный орган, в силу пункта 5 Положения об Экономическом суде Содружества Независимых Государств, осуществляет толкование:

– применения положений соглашений, других актов Содружества и его институтов;

– актов законодательства бывшего Союза ССР на период взаимосогласованного их применения, в том числе о допустимости применения этих актов, как не противоречащих соглашениям и принятым на их основе иным актам Содружества.

Акты делегированного толкования отличаются значительной степенью обязательности, рассчитаны на неоднократное использование и оказывает значительное влияние на юридическую практику.

По своей форме, акты толкования могут являться предписаниями, приказами, инструкциями, разъяснениями и т.п.

Большое количество актов толкования в последнее время создается органами власти в сфере информационных технологий. Это обусловлено возросшим влиянием технологий в деятельность государства и повседневную жизнь всех граждан. Полномочия по разъяснению были предоставлены Министерству цифрового развития, связи и массовой коммуникаций Российской Федерации (далее по тексту – Минцифры России). В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 02.06.2008 года № 418 «О Министерстве цифрового развития, связи и массовой коммуникаций Российской Федерации», Минцифры России осуществляет полномочия, в том числе: «Давать государственным органам, органам местного самоуправления, юридическим и физическим лицам разъяснения по вопросам, отнесенным к сфере ведения Министерства» [6, п. 6.6].

Среди актов толкования в сфере информационного технологий можно указать, например, Письмо Минцифры России от 07 сентября 2021 г.

№ П11-2-05-200-38749 «О рассмотрении обращений субъектов предпринимательской деятельности и заинтересованных лиц в сфере информационных технологий».

В указанном письме были даны следующие разъяснения: «В части толкования отдельных понятий в сфере информационных технологий для их использования государственными органами, органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами» [7, п. 1]. Своевременная реакция министерства и дача актуального разъяснения терминологии позволяет предостеречь всех субъектов права от неправильного толкования терминов.

Обязательность актов делегированного толкования оказывает влияние на субъекты, находящиеся под юрисдикцией того органа, который дал толкование нормативно-правового акта.

Так, например, Председатель Следственного комитета издает положения и инструкции, которые носят императивный характер для сотрудников комитета.

Сам процесс делегированного правотолкования происходит в течение правоприменительного правового регулирования, а это значит, что он вызван потребностью обслуживания правоприменительной деятельности.

По нашему мнению, особенностью актов делегированного толкования является необходимость специального закрепления полномочия интерпретирующего субъекта на осуществление соответствующего толкования.

Однако сложившаяся российская практика предоставляет возможность косвенной урегулирования компетенции интерпретирующего органа, вытекающей из полномочий органа, тогда как в актах аутентичного толкования полномочие толкующего органа производно от его правотворческой функции.

Подобную позицию выдвигают Г.А. Гаджиев и Б.С. Эбзеев, исследуя природу постановления Правительства Российской Федерации, указали на то, что «возможность его отнесения к актам официального нормативного толкования, несмотря на отсутствие отдельно закрепленного полномочия Правительства издавать такие акты» [8, п. 2].

Стоит отметить, что спецификой настоящего толкования является значительное влияние органа, поручившего эту деятельность.

Однако стоит отметить, по нашему мнению, делегированное толкование является менее авторитетным, если сравнивать его с аутентичным. Помимо этого, делегированное и аутентичное толкования можно рассматривать как противоположные в связи с тем, что делегированное толкование отдалено от правотворческого первоисточника. При этом при конкуренции аутентичного и делегированного толкования приоритет будет отдаваться аутентичному. Исключением может являться разъясняющие позиции КС РФ, которые были рассмотрены выше.

Ряд ученых делегированное толкование называют второстепенным по сравнению с аутентичным ввиду того, что акт толкования права был дан тем органом, который не участвовал в разработке и утверждению определенной нормы.

Не смотря на несомненное преимущество аутентичного толкования над делегированным, с вышеуказанной позицией нельзя согласиться. Как уже мы указывали ранее, хоть имеется удаленность делегированного толкования от источника нормы, у него имеется определенный авторитет органа, издавшего ту или иную норму права. Ценность делегированного толкования заключается в том, что оно позволяет своевременно давать разъяснения интерпретирующим органом, в связи с его меньшей загруженностью по сравнению с вышестоящим органом, либо должностным лицом, которыми и было дано поручение по уяснению нормы права. Указанное предоставляет возможность в короткие сроки оградить правовую действительность от негативных последствий, а именно предупредить субъектов права от неверного истолкования нормы, а, следовательно, и противоправных действий (бездействий).

Говоря о ценности рассматриваемого толкования, необходимо также учесть то, что передача компетенций по разъяснению нормативно-правовых актов позволяет вышестоящему органу (должностному лицу) сэкономить время, продолжая осуществлять свои иные задачи и функции, тогда как за интерпретирующим органом остается вся необходимая работа по передаче смысла нормы субъектам права.

Из вышеуказанного может назревать довольно актуальный вопрос: Может ли интерпретатор применить на себя роль законодателя? Компетенция интерпретирующего органа всегда будет ограничена законом и контролем вышестоящего органа (должностного лица)? В теории, в акте толкования интерпретатор не может усомниться в норме, которую он разъясняет, но возможно определенное влияние на данную норму.

«Широта границ толкования, конечно, зависит от предусмотрительности и точности законодателя, но, как отмечают теоретики, даже при обращении к хорошо составленному, детально кодифицированному акту, нет надобности создавать двусмысленности и сложности, поскольку они всегда есть» – отмечает Е.В. Кудрявцева [9, с. 115].

Из выше указанного можно сделать вывод о том, что органам, осуществляющих делегированное толкование, так и иным органам, занимающихся данной деятельностью, необходимо официально закрепить пределы их толкования права. И этот вопрос является крайне насущным ввиду того, что в данный момент в законодательстве крайне

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447; 2021. № 27. Ч. 1. Ст. 5045.

мал процент узаконивания пределов толкования права.

Одним из таких примеров можно назвать Закон Республики Адыгеи от 09 октября 1998 года № 92 «О нормативных и иных правовых актах».

В статье 50 данного закона указано: «В процессе толкования не допускается внесение в нормативный правовой акт поправок, дополнений и конкретизирующих норм. Распространительное и ограничительное толкование допускается лишь в случае явного расхождения смысла и текста нормативного правового акта» [10, ст. 50].

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. Акты делегированного толкования могут издаваться на основании закона (акты толкования, предусмотренные Конституцией Российской Федерации) Федерального конституционного закона (постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, акты толкования, предусмотренные федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации); подзаконных актов, международных договоров (акты Экономического суда СНГ).

2. В теории стоит четко разграничивать аутентичное и делегированное толкование права. Аутентичное толкование – это всегда разъяснение смысла правовой нормы тем государственным органом, который ее издал. В переводе с греческого слова «аутентичный» означает подлинный. В свою очередь, делегированное толкование права является противоположностью аутентичного. Основой делегированного толкования выступает закон. Только закон наделяет тот или иной орган правом давать толкования актам, которые были изданы иными органами. В определенных случаях, акты делегированного правотолкования носят и нормативный характер. Нормативность выступает как элемент, необходимый для единообразия понимания и исполнения правовых норм. Вне зависимости от статуса органа, интерпретирующего акт, это правотолкование, в итоге, не может не только противоречить аутентичному, но и даже дополнять его.

3. Значимость делегированного толкования обусловлена тем, что интерпретирующий органа в короткие сроки реагирует по возникшим актуальным проблемам уяснения той или иной нормы по сравнению с вышестоящим органом, либо должностным лицом, у которых более обширные полномочия, и, следовательно, большая загруженность. Передача органу, осуществляющему делегированное толкование, позволяет существенно сэкономить время вышестоящему органу.

Literature:

1. Federal constitutional law of July 21, 1994 № 1-FKZ «On the Constitutional Court of the Russian Federation» (as amended on July 01, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 13. Art. 1447; 2021. № 27. Part 1. Art. 5045.

2. Барак А. Судейской усмотрение / А. Барак; Перевод с англ. М. : Издательство «НОРМА», 1999. С. 377.
3. Сивицкий В.А. Решения Конституционного Суда РФ как источники конституционного права РФ / В.А. Сивицкий, Е.Ю. Терюкова // Вестник Конституционного Суда. 1997. № 3. С. 73–79.
4. Приказ МИД РФ от 30 марта 2012 г. № 4236 «Об утверждении Административного регламента Министерства иностранных дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по даче разъяснений по вопросам международного права в связи с запросами физических и юридических лиц» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 28. Ст. 2880.
5. Постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 884 (ред. от 26.03.2022) «Об утверждении Положения о Министерстве просвещения Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32. Ст. 5343.
6. Постановление Правительства РФ от 02.06.2008 № 418 (ред. от 17.12.2021) «О Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 09 июня 2008 г. № 23. Ст. 2708.
7. Письмо Минцифры России от 07.09.2021 № П11-2-05-200-38749 «О рассмотрении обращений субъектов предпринимательской деятельности и заинтересованных лиц в сфере информационных технологий».
8. Особые мнения Г.А. Гаджиева и Б.С. Эбзеева к постановлению Конституционного Суда от 31.07.1995 г. № 10-П // Российская газета. 1995.
9. Кудрявцева Е.В. Указ. соч. С. 224.
10. Закон Республики Адыгеи от 09 октября 1998 года № 92 «О нормативных и иных правовых актах» // «Ведомости Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея». 1998. № 35.
2. Barak A. Judicial discretion. Translation from English. M. : Publishing house «NORMA», 1999. P. 13.
3. Sivitsky V.A. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as sources of the constitutional law of the Russian Federation / V.A. Sivitsky, E.Yu. Teryukova // Bulletin of the Constitutional Court 1997. № 3. P. 73.
4. Order of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation of March 30, 2012 № 4236 «On approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation for the provision of a public service for providing clarifications on issues of international law in connection with requests from individuals and legal entities» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. № 28. Art. 2880.
5. Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2018 № 884 (as amended on March 26, 2022) «On approval of the Regulations on the Ministry of Education of the Russian Federation and the invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. № 32. Art. 5343.
6. Decree of the Government of the Russian Federation of June 02, 2008 № 418 (as amended on December 17, 2021) «On the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation of June 09, 2008 № 23. Art. 2708.
7. Letter of the Ministry of Digital Development of Russia № P11-2-05-200-38749 dated 07.09.2021 «On consideration of applications from business entities and interested parties in the field of information technology».
8. Dissenting opinions of G.A. Gadzhiev and B.S. Ebzeev to the decision of the Constitutional Court of July 31, 1995. № 10-P // Rossiyskaya Gazeta. 1995.
9. Kudryavtseva E.V. Specified essay. P. 115.
10. Law of the Republic of Adygea dated October 09, 1998 № 92 «On regulatory and other legal acts» // «Vedomosti of the State Council – Hase of the Republic of Adygea». 1998. № 35.

Кириченко Дмитрий Павлович
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
dimonpk@mail.ru

САНКЦИИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ В УК РФ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Предметом исследования, осуществленного в рамках настоящей статьи, выступают санкции за преступления против здоровья, установленные в УК РФ. Автором рассмотрены некоторые теоретические и правоприменительные аспекты последних. На основе проведенного анализа, обзора существующих теоретических позиций им произведена классификация и характеристика соответствующих санкций. Посредством обобщения данных судебной статистики выявлены некоторые изъяны в построении санкций за преступления против здоровья и определены направления оптимизации этого процесса.

Ключевые слова: причинение вреда здоровью, уголовная ответственность, уголовное наказание, основное наказание, дополнительное наказание, санкция уголовно-правовой нормы, построение санкции уголовно-правовой нормы, классификация санкций.

Не вызывает сомнений, что проведение любого научного изыскания в юридической науке невозможно без использования тех или иных научных методов. Как справедливо декларируют ученые, одним из важнейших методов научного познания является метод классификации, так как без обобщения и упорядочения исследуемых объектов, их сортировки по определенным признакам невозможно обойтись ни в одной научной отрасли, ни в одном научном междисциплинарном исследовании [1]. Таким образом, задавшись целью познания сущностных характеристик санкций за преступления против здоровья, мы полагаем необходимым использование всех доступных методов научного познания, в том числе и метода классификации.

В уголовно-правовой доктрине сформировались различные подходы к систематизации уголовно-правовых санкций. Отметим, что и на сегодняшний день в литературе этот вопрос остается достаточно дискуссионным. Однако неперенным условием проведения анализа санкций за преступления против здоровья, предусмотренных в

Dmitry P. Kirichenko
Postgraduate Student of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
dimonpk@mail.ru

SANCTIONS FOR CRIMES AGAINST PERSONAL HEALTH IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: SOME THEORETICAL AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS

Annotation. The subject of the study carried out within the framework of this article is sanctions for crimes against person health established in the Criminal Code of the Russian Federation. The author considers some theoretical and law enforcement aspects of the latter. Based on the analysis, review of existing theoretical positions, the author has made a classification and characterization of the relevant sanctions. Separately, by generalization of judicial statistics some flaws in the construction of the sanctions for crimes against person health were identified and the directions for optimizing this process are determined.

Keywords: causing damages to the health of the person, criminal responsibility, criminal penalty, the main punishment, additional punishment, sanction of criminal law norm, construction of sanctions of the criminal law norm, classification of sanctions.

действующем уголовном законе, является избрание той или иной существующей в науке уголовного права концепции.

Так, следует отметить классификацию, предложенную В.П. Коняхиным и О.А. Ругиной, систематизирующих санкции по трем основаниям.

Во-первых, по степени определенности они различают абсолютно-определенные и относительно-определенные санкции.

Во-вторых, по количеству основных видов наказаний выделяют простые и альтернативные санкции.

В-третьих, по наличию, наряду с основным, дополнительных видов наказания различают санкции только с основными видами наказания и кумулятивные санкции [2].

Упомянутая концепция получила развитие в работе В.В. Чепурова [3]. В частности, им высказан тезис о систематизации уголовно-правовых санкций не по одному единственному критерию, а по

различным для этого основаниям, закладываемым в основу классификации.

Будучи солидарными с названными позициями, предлагаем следующую классификацию санкций.

По количеству основных наказаний, регламентированных в санкции, обосновано выделять единичную и альтернативную. Так, первая характеризуется закреплением в санкции исключительно одного основного наказания. Последняя же, напротив, содержит в себе не одно, а два или более вида наказания, из которых правоприменителю необходимо выбрать одно.

По видовому составу наказаний, отраженных в названной части нормы, принято выделять простые и кумулятивные. В простых санкциях закреплены только основные виды наказания. В то же время, кумулятивные санкции предусматривают наряду с основным наказанием дополнительное. Отметим, что последние дифференцируются на кумулятивные с обязательным применением дополнительного наказания и кумулятивные с факультативным применением дополнительного наказания.

По конкретизации пределов (сроков или размеров) наказаний, регламентированных в санкции, выделяются *абсолютно-определенные*, *относительно-определенные* и *смешанные*. Так, в первых законодателем указан конкретный вид и размер наказания, что существенно ограничивает возможности суда в отношении индивидуализации последнего. В относительно-определенной санкции законодатель определяет вид наказания и допустимые границы его применения (размеры). Смешанная санкция представляет собой санкцию, в которой одни наказания имеют разрывы между пределами наказания, а другие точно определены в уголовном законе (в частности, смертная казнь, пожизненное лишение свободы).

После краткого экскурса в уголовно-правовую доктрину, избрав, по нашему мнению, оптимальную концепцию в части классификации уголовно-правовых санкций, приступим к характеристике таковых, установленных за преступления против здоровья личности, предусмотренных в действующем отечественном уголовном законе.

На сегодняшний день УК РФ 1996 г. включает в себя 17 преступлений, основным непосредственным объектом которых является здоровье личности (34 состава преступления и 34 санкции соответственно).

Для начала обратим внимание, что по характеру конкретизации пределов наказаний все санкции за преступления против здоровья личности – относительно-определенные. В них законодателем указываются виды наказаний и их верхние пределы. Исключением из этого правила является санкция, установленная за квалифицированный вид истязания (ч. 2 ст. 117 УК РФ), в которой закреплен как нижний, так максимальный предел лишения свободы.

В зависимости от видов наказаний, предусмотренных в санкции, 23 из 34 санкций за преступления против здоровья (67,65 %) – простые (в них регламентированы исключительно основные виды наказаний); остальные 11 (32,35 %) являются кумулятивными, в них наряду с основными наказаниями установлены и дополнительные. К последним причисляются ограничение свободы (ч. 2–4 ст. 111 УК РФ) и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 2 ст. 118, ч. 2 ст. 119, ч. 1–2 ст. 120, ч. 3–4 ст. 122, ч. 3 ст. 123, ч. 2 ст. 124 УК РФ). Примечательно, что всем указанным кумулятивным санкциям свойственно факультативное применение дополнительного наказания. Единственное исключение – это альтернативная санкция ч. 4 ст. 122 УК РФ, в которой лишение свободы должно применяться вместе с обязательным дополнительным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Тем самым законодатель подчеркивает весьма высокую общественную опасность данного преступного деяния («Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей»). Тем не менее, отметим, что данной санкции присуща и некоторая двойственная природа, так как в случае назначения иного отраженного в санкции наказания (принудительные работы) судья по своему усмотрению может применить или не применить указанное дополнительное наказание. Такой подход представляется не совсем логичным. Следовательно, наличие в санкции ч. 4 ст. 122 УК РФ указанного феномена позволяет сделать вывод о дифференциации кумулятивных санкций не только на санкции с *обязательным* или с *факультативным* применением дополнительного наказания, но и на *смешанные*.

В зависимости от числа основных наказаний, содержащихся в санкциях, 24 из 34 санкций (70,29 %) свойственна альтернативность (судам предоставляется право выбора того или иного основного вида наказания, установленного в санкции); 10 санкций (29,41 %) являются единичными и предусматривают указание только на одно основное наказание.

В силу взаимосвязи санкций и наказаний, вызывает научный интерес и общая характеристика последних. Санкции за преступления против здоровья личности, закрепленные в УК РФ, в свою очередь, включают в себя практически весь спектр основных видов наказаний, указанных в ст. 44 УК РФ: штраф; обязательные работы; исправительные работы; ограничение свободы; принудительные работы; арест; лишение свободы. Как мы полагаем, такой подход девальвирует ценность человеческого здоровья, поэтому считаем целесообразным использование законодателем одного или нескольких основных наказаний, виды которых должны зависеть от уровня общественной опасности посягательства. Это позволит ограничить достаточно широкое судебное усмотрение, а также сформировать единообразную правоприменительную практику. Так, назначение безальтернативного дополнительного наказания

в виде штрафа наряду с лишением свободы по-служит вспомогательной превентивной мерой, направленной на предотвращение соответствующих преступлений.

В 28 санкциях (34 состава) фигурирует наказание в виде лишения свободы (82,35 %); ограничение свободы – в 13 (38,24 %); исправительные работы – в 12 (35,29 %); обязательные работы – в 10 (29,41 %); штраф – в 9 (26,47 %).

Существенным недостатком действующей системы уголовного наказания, по нашему мнению, является то, что в 18 санкциях установлено наказание в виде принудительных работ, что составляет 52,94 % от их общего количества (34), а в 12 (35,29 %) – арест. Следовательно, более чем в 88 % санкций (34) содержатся наказания, которые применяются на практике крайне редко либо вообще не применяются. Более того, совместно оба этих наказания закреплены в 7 санкциях (20,59 %), что еще более сужает возможности правоприменителя.

Исходя из анализа правоприменительной практики назначения наказаний за преступления против здоровья личности, можно заключить, что как никогда остро встает вопрос как дифференциации, так и индивидуализации уголовной ответственности. Так, за период с 2018 г. по 2021 г. за все преступления против здоровья личности осуждено 246812 лиц [4]. Большая часть приговоров (57,46 %) содержит назначение лишения свободы либо на определенный срок (31,1 %), при этом условное осуждение применяется в 26,36 % случаев. Далее следует наказание в виде обязательных работ, которое назначалось 22,26 % осужденным. Замыкает тройку «лидеров» по частоте применения ограничение свободы (12,6 %).

Литература:

1. *Понкин И.В.* Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 249–259.
2. Российское уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / Под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 79.
3. *Чепуров В.В.* Построение санкций за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: законодательный и теоретический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2015. С. 95–97.
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018, 2019, 2020, 2021 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 06.06.2022).

Таким образом, введенное в уголовный закон наказание в качестве альтернативы лишению свободы не попало даже в тройку наиболее часто используемых. Более того, принудительные работы, как и арест, относятся к категории практически неиспользуемых наказаний. Так, первое занимает предпоследнее место и фигурировало в 227 приговорах (0,09 %), в то время, как арест применялся лишь трижды (0,001 %). Более того, с каждым годом процент их назначения падает. Если в 2018 г. он был равен 0,12 %, то в 2021 г. – уже 0,08 %, что свидетельствует об отсутствии необходимой инфраструктуры для их отбывания и о переполненности существующих исправительных центров. Следовательно, принудительные работы, введенные в качестве альтернативы лишению свободы, даже и «эрац-лишением» свободы назвать невозможно.

В целом, подводя итоги, заключим, что система санкций за преступления против здоровья личности, предусмотренная в действующем уголовном законе России, далека от совершенства. Существуют такие преступления, для которых лишение свободы по сути является единственно возможным для применения наказанием, несмотря на альтернативность санкции. Это, согласно статистике, не устраивает судей, которые любыми доступными средствами стремятся гуманизировать чрезмерно суровые санкции. К таким средствам относится применение условного осуждения, назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Причем при избрании срока лишения свободы судебные органы используют достаточно щадящий подход.

Literature:

1. *Ponkin I.V.* Classification as a method of scientific research, in particular in legal science / I.V. Ponkin, A.I. Redkina // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2017. № 37. P. 249–259.
2. Russian criminal law. General part : textbook for universities / Edited by V.P. Konyakhin, M.L. Prokhorova. M., 2014. P. 79.
3. *Chepurov V.V.* Building sanctions for crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual: legislative and theoretical aspects : dis. ... cand. jurid. sciences. Stavropol, 2015. P. 95–97.
4. Summary statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates for 2018, 2019, 2020, 2021. // Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <http://cdep.ru/index.php?id=79> (date of the application 06.06.2022).

Киселева Алла Васильевна

кандидат юридических наук,
доцент,
кафедра финансового права,
Южный федеральный университет
daffi-rostov@yandex.ru

Жукова Анастасия Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры правового обеспечения
деятельности органов власти,
Северо-Кавказский институт-филиал
Российской академии, народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
ms.zhukova@gmail.com

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ
К РЕСУВЕРЕНИЗАЦИИ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация. Для России, интегрировавшей в процессы мировой глобализации, где главным трендом стало обеспечение индивидуальных и групповых прав граждан, очень важно выстроить эффективную систему взаимодействия общества и государства, где ключевым компонентом будет являться демократизация всех сфер жизнедеятельности общества. На современном этапе эволюции представлений о гражданском обществе огромное влияние оказали идеи А. Токвиля и Г. Гегеля о значении децентрализации и автономии в процессах государственного управления. В XX веке все более значимой стала роль негосударственной (неполитической), некоммерческой организации в общественной жизни. В настоящее время на эти организации возложена особая роль по интеграции интересов граждан, их обобщению и представлению в отношениях с партиями и государственными структурами, что является своего рода мериллом ресуверенизации гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, ресуверенизация, устойчивое развитие, государство, социальные отношения, теория государства и права, институты гражданского общества.

На разных этапах развития гражданского общества для него существовала одна общая идейно-методологическая ткань: представление о гражданине как о центральной ценности общественного строя, обладающей определенными интересами и неотчуждаемыми правами.

Можно предложить два определения гражданского общества.

Alla V. Kiseleva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Department of Financial Law,
Southern Federal University
daffi-rostov@yandex.ru

Anastasiya E. Zhukova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Legal Support Activities of Authorities,
North Caucasus Institute-Branch
Russian Academy, National
Economy and Public Service
at President of the Russian Federation
ms.zhukova@gmail.com

**CONCEPTUAL APPROACHES
TO THE RESOVEREIGNIZATION
OF CIVIL SOCIETY**

Annotation. For Russia, which has integrated into the processes of world globalization, where the main trend has become the provision of individual and group rights of citizens, it is very important to build an effective system of interaction between society and the state, where the key component will be the democratization of all spheres of society. At the present stage of the evolution of ideas about civil society, the ideas of A. Tocqueville and G. Hegel on the importance of decentralization and autonomy in the processes of public administration had a great influence. In the twentieth century, the role of a non-state (non-political), non-profit organization in public life has become increasingly significant. At present, these organizations have a special role in integrating the interests of citizens, generalizing and presenting them in relations with parties and state structures, which is a kind of measure of the resovereignization of civil society.

Keywords: civil society, resovereignization, sustainable development, state, social relations, theory of state and law, institutions of civil society.

В более широком, философском смысле, гражданское общество – это способ организации и управления общественной жизнью, где основной ценностью, главным субъектом функционирования и конечной целью является отдельный гражданин со своими интересами, потребностями и правами. Это восприятие характерно для всех институтов гражданского общества.

В более узком смысле, выделяя роль неправительственных организаций в процессах организации и управления общественной жизнью, гражданское общество понимается в виде неправительственных, некоммерческих организаций, фондов, ассоциаций юридических лиц, творческих союзов, благотворительных организаций, гражданских движений и других форм активности [1].

Таким образом, в условиях демократии гражданское общество представляет собой способ организации общественной жизни, характеризующийся следующими свойствами:

1) широкой сетью добровольно образуемых негосударственных структур (союзов, ассоциаций, организаций);

2) комплексной системой, включающей экономические, политические, социальные, духовные, культурные отношения. Второе определение более распространено и фигурирует в документах международных организаций («Индекс гражданского общества CIVICUS»).

Можно выделить отношения между неправительственными организациями и государством, а также – между неправительственными организациями и политическими партиями. На основе взаимоотношений неправительственных организаций и госведомств можно выделить статистическую (подконтрольную), либеральную (иногда конфликтную) и партнерскую модели.

В случае первой модели неправительственные организации иницируются преимущественно государством, их цели и формы функционирования диктуются и жестко контролируются государственными органами. Этим организациям отводится роль «пятого колеса телеги» в государственном управлении. Эта модель в большей степени характерна для обществ с тоталитарной формой правления (например, Советский Союз).

При второй, либеральной модели вмешательство государства в сферу неправительственных организаций нежелательно и сводится к минимуму. Точно

также, в большинстве случаев, снижается подотчетность неправительственных организаций перед государством. Отношения между неправительственными организациями и государством часто бывают конфликтными, они оказываются «по разные стороны баррикад» и воспринимают друг друга как нежелательных соперников [2]. Эти две модели таят в себе некоторые опасности для устойчивого развития общества с позиции сбалансированного развития социальной системы. Они могут, как тормозить и сдерживать устойчивое развитие, так и приводить к социальным потрясениям.

Наиболее предпочтительным и перспективным типом является третья – партнерская модель. Эта модель характеризуется принципами сотрудничества, взаимного контроля и взаимопроникновения. Гражданские организации более гибки в

своей деятельности, они могут выступать как противниками, критиками, так и сторонниками проводимой правительством политики, если эта политика соответствует их программам и целям. В этой модели наиболее знающие и опытные представители неправительственных организаций все больше вовлекаются в различные ведомства органов государственной власти и местного самоуправления, а представители органов государственной власти участвуют в проектах, проводимых неправительственными организациями. Модель партнерства позволяет преодолевать отчужденность, поляризацию и конфликтные ситуации в отношениях между организациями гражданского общества (ООС) и государством, способствуя тем самым эффективному диалогу и сотрудничеству. Для развития модели партнерства, помимо просветительских и пропагандистских проектов, необходимо предпринять ряд шагов:

1) повысить эффективность финансовой поддержки организаций гражданского общества (ОГО), выделяемой из местных фондов;

2) сформировать и отработать механизмы и культуру взаимодействия между государством и организациями гражданского общества.

Зачастую, большинство организаций гражданского общества осуществляют свои проекты за счет грантов иностранных и международных организаций. Гранты выделяются также из некоторых местных источников, а именно из государственного бюджета. Процесс выделения грантов организациям гражданского общества в России из государственного бюджета характеризуется отсутствием системной политики, определенных и прозрачных процедур, малой доступностью информации о реализуемых проектах и коррупционными рисками. Для эффективного решения проблемы можно было бы создать «Национальный фонд поддержки гражданского общества» (НФПГО) по примеру ряда западноевропейских стран. В результате бюджетные средства, предназначенные для ОГО в виде грантов и пожертвований, будут распределяться не по разным бюрократическим аппаратам, а аккумулироваться в ЦССНФ. Далее, Фонд обрабатывает предложения и заявки, поступившие от государственных органов и ОГО, изучает их и выявляет круг вопросов, для решения которых необходимо участие ОГО. Затем, экспертизой будет определена степень важности и срочности этих вопросов, будет установлен соответствующий коэффициент для распределения средств в год [3].

Существует целый ряд вопросов, выходящих за рамки интересов зарубежных и международных донорских организаций, но жизненно важных для российского общества. Например, вопрос оказания помощи военнослужащим и их семьям, вдовам погибших воинов, членам их семей. ОГО могут быть особенно эффективны в процессах мониторинга проектов, проводимых государственными структурами, и в борьбе с коррупцией [6].

Еще одним средством улучшения показателя финансовой устойчивости ОГО и повышения эффективности политики и проектов, проводимых

государственными органами, является формирование и развитие традиции закрепления определенных проектов в сферах социальной помощи, образования и научных исследований, а также определенного мониторинга и процедуры контроля государственных программ неправительственным организациям на конкурсной основе. Реализация этой модели социальной кооперации гарантирует снижение финансовых затрат, при этом предусматривает привлечение дополнительных человеческих, материальных и интеллектуальных ресурсов, осведомленность общественности о реализуемых проектах, определение критериев оценки качества проектов, расширение контроля за партнерской деятельностью государственных органов и ОГО [5]. Выполнение вышеописанных предложений даст возможность:

- существенно улучшить финансовое положение российских ОГО;
- поднять авторитет государственных структур;
- усилить партнерство государственных органов и ОГО и улучшить процессы взаимного контроля;
- увеличить участие ОГО в решении общественно значимых вопросов и сделать его более эффективным;
- уменьшить расходы на решение вопросов общественной важности;
- избегать контролируемых и конфликтных моделей гражданского общества, вместо этого, формируя основы для развития более эффективной модели гражданского общества - модели партнерства.

Что касается отношений между политическими партиями и ОГО, то социальная система уязвима

Литература:

1. *Гатин П.Р.* История государства и права. М. : 2021. С. 418.
2. *Эсферов С.Н.* История политических и правовых учений. Омск : «Димарк», 2018. С. 960.
3. *Гришин В.Я.* Современные концепции устойчивого развития в условиях демократизации общественных отношений / В.Я. Гришин // Социология труда. 2020. № 4. С. 144.
4. *Зубов Л.А.* Гражданское общество сквозь призму времени. Казань : «Легпринт». 2020. с. 840.
5. *Ипатов Н.Г.* Теория государства и права. М. : «Юрайн», 2020. С. 1600.
6. *Иванова С.В.* Особенности правового регулирования аудиторского финансового контроля в Российской Федерации / С.В. Иванова, А.Х. Маликова // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3(154). С. 220–221.

перед политическими конфликтами и резонансной реакцией на последние. В связанной модели ОГО преследуют цели, объединяющие граждан, представляющих различные слои и имеющих разную политико-идеологическую ориентацию. В социальной системе ОГО «расположены вертикально» к социальным и политическим слоям. Такая договоренность способствует диалогу и партнерству между различными социальными классами, примиряет политические организации и снижает конфликты, формирует соответствующую атмосферу для переговоров. Это – предпочтительная модель с позиции обеспечения целостной и безопасной социальной системы. Важно, чтобы государство проявляло заботу и внимание к формированию таких неправительственных организаций, способных содействовать сотрудничеству между различными слоями общества и преодолению социального отчуждения между ними [4]. В то же время, в научной литературе можно встретить и скептические и критические взгляды относительно гражданского общества. Так, французский философ 18 века Жан-Жак Руссо заявлял, что политико-гражданское общество основано на несправедливости, экономическом неравенстве и эксплуататорских отношениях. Современный индийский исследователь Джай Сен утверждает, что гражданское общество – это проект неокolonизации, осуществляемый глобальными элитами в преследовании своих интересов. Персидский теоретик Мохаммад Реза Никфар отмечает, что гражданское общество нельзя считать идеалом, поскольку оно не исключает нищеты, преследований и невежества [2]. Однако важно, чтобы обездоленные и преследуемые могли объединиться в гражданское общество и бороться за свои права и свободы. Наличие критических взглядов также можно считать положительным явлением для устойчивого развития, совершенствования и недопущения возможных недостатков гражданского общества.

Literature:

1. *Gatin P.R.* History of State and Law. M., 2021. P. 418.
2. *Esferov S.N.* History of political and legal doctrines. Omsk : «Dimark», 2018. P. 960.
3. *Grishin V.Ya.* Modern concepts of sustainable development in the conditions of democratization of public relations / V.Ya. Grishin // Sociology of Labor. 2020. № 4. P. 144.
4. *Zubov L.A.* Civil society through the prism of time Kazan : «Legprint», 2020. P. 840.
5. *Ipatov N.G.* Theory of state and law. M. : «Urain», 2020. P. 1600.
6. *Ivanova S.V.* Peculiarities of legal regulation of audit financial control in the Russian Federation / S.V. Ivanova, A.Kh. Malikova // Eurasian legal journal. 2021. № 3(154). P. 220–221.

Ковтун Ольга Андреевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и административного права,
Кубанский государственный университет
olqakovtyn@rambler.ru

Терещенко Наталия Дмитриевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и административного права,
Кубанский государственный университет
tereshenko23@mail.ru

**ВЫСШЕЕ ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО
СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАК ОРГАН ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в свете реформы конституционного законодательства. Актуальность исследования статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации обусловлена включением органов государственной власти субъектов Российской Федерации в единую систему публичной власти, принятием нового федерального закона, закрепляющего организационные основы региональной публичной власти. Анализ правового регулирования статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, его полномочий свидетельствует о систематизации федерального и регионального законодательства, регламентирующего общественные отношения в сфере функционирования региональной публичной власти. В статье сделан вывод о необходимости дальнейшего развития исследуемого законодательства, совершенствования правового механизма реализации полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: региональная публичная власть, глава субъекта, муниципальная власть, федеральная территория.

Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» положил начало совершенствованию правового регулирования организации государственной власти в субъектах РФ [1, с. 54]. Принятый 21 декабря 2021 года в соответствии с конституционными нормами Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [2], систематизировал правовые основы организации и функционирования региональных органов

Olga A. Kovtun

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Kuban State University
olqakovtyn@rambler.ru

Natalia D. Tereshchenko

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Kuban State University
tereshenko23@mail.ru

**THE HIGHEST OFFICIAL OF THE SUBJECT
OF THE RUSSIAN FEDERATION
AS A PUBLIC AUTHORITY**

Annotation. The article is devoted to the consideration of the status of the highest official of the subject of the Russian Federation in the light of the reform of constitutional legislation. The relevance of the study of the status of the highest official of the subject of the Russian Federation is conditioned by the inclusion of the state authorities of the subjects of the Russian Federation in a single system of public power, the adoption of a new federal law fixing the organizational foundations of regional public power. The analysis of the legal regulation of the status of the highest official of the subject of the Russian Federation, his powers testifies to the systematization of federal and regional legislation regulating public relations in the sphere of functioning of regional public authorities. The article concludes that there is a need for further development of the legislation under study, improvement of the legal mechanism for the implementation of the powers of the highest official of the subject of the Russian Federation.

Keywords: regional public authority, head of the subject, municipal authority, federal territory.

публичной власти, в том числе, касающиеся статуса высшего должностного лица субъекта РФ.

Высшее должностное лицо субъекта РФ, исходя из конституционного принципа разделения властей, входит в единую систему публичной власти в Российской Федерации и одновременно является частью системы органов публичной власти субъектов РФ [3].

Если Федеральным законом № 184-ФЗ должность высшего должностного лица субъекта РФ не была непосредственно включена в систему органов

государственной власти субъекта РФ [4], а предусматривалась отдельной диспозитивной нормой, согласно которой, «конституцией (уставом) субъекта РФ может быть установлена должность высшего должностного лица субъекта РФ», новым федеральным законом высшее должностное лицо субъекта РФ наряду с законодательным и высшим исполнительным органами субъекта РФ, а также, с иными органами государственной власти субъекта РФ, образуемыми в соответствии с конституцией (уставом) субъекта РФ, составляют систему органов государственной власти субъекта РФ.

По сравнению с ранее действующим федеральным законом № 184, новый закон уточнил положения, определяющие название высшего должностного лица субъекта РФ, которое изначально было различным в зависимости от вида субъекта РФ. Законодатель установил единое наименование должности высшего должностного лица субъекта РФ – «Глава» с дальнейшим указанием наименования субъекта РФ. Конституцией (уставом) субъекта РФ с учетом исторических, национальных и иных традиций данного региона может быть предусмотрено дополнительное наименование должности высшего должностного лица.

Рассматривая статус высшего должностного лица субъекта РФ, следует отметить, что Федеральный закон № 414-ФЗ включил высшее должностное лицо субъекта РФ наряду с высшим исполнительным органом субъекта РФ в систему исполнительных органов региона.

Высшее должностное лицо субъекта РФ:

- осуществляет руководство исполнительной властью в субъекте РФ;
- определяет систему и структуру исполнительных органов субъекта РФ в соответствии с конституцией (уставом) субъекта РФ;
- формирует высший исполнительный орган субъекта РФ и принимает решение об его отставке;
- возглавляет высший исполнительный орган субъекта РФ или назначает и освобождает от должности председателя высшего исполнительного органа субъекта РФ;
- определяет основные направления деятельности высшего исполнительного органа субъекта РФ.

Таким образом, определяя место высшего должностного лица субъекта РФ в системе региональных органов исполнительной власти, законодатель установил, что высшее должностное лицо субъекта РФ, осуществляя руководство исполнительной властью, вправе непосредственно возглавить высший исполнительный орган субъекта РФ. Кроме того, конституция (устав) субъекта РФ могут предусматривать возможность учреждения должности председателя высшего исполнительного органа субъекта РФ, который назначается высшим должностным лицом субъекта РФ.

На наш взгляд, заслуживает внимания позиция Е.В. Александровой которая считает, что необходимо поддержать положения Закона № 414 о включении высшего должностного лица субъекта РФ в число обязательных в системе органов публичной власти субъекта РФ, но при этом целесообразнее и логичнее было бы оставить положения о нем в главе об органах исполнительной власти [5, с. 16–23].

По-новому определен срок полномочий высшего должностного лица субъекта РФ. Ранее устанавливалось, что высшее должностное лицо субъекта РФ может избираться на срок не более пяти лет, а уже конкретный срок определялся конституцией (уставом) субъекта РФ. Принятый федеральный закон установил, что высшее должностное лицо субъекта РФ избирается на пять лет. Одновременно установлено, что срок исполнения полномочий рассматриваемого должностного лица исчисляется со дня принесения им присяги и прекращается с истечением срока его пребывания в должности с момента принесения присяги вновь избранным высшим должностным лицом субъекта РФ.

Если ранее высшее должностное лицо субъекта РФ не могло замещать указанную должность более двух сроков подряд, то новое законодательство не предусматривает количество сроков, на которые он может избираться, что существенно изменяет его положение.

Следует также обратить внимание на увеличение срока с двух до пяти лет, в течение которого гражданин, замещавший должность высшего должностного лица субъекта РФ и отрешенный от этой должности главой государства, не может быть выдвинут кандидатом на данную должность.

В федеральном законе № 414-ФЗ полномочия высшего должностного лица субъекта РФ определены с учетом официального включения органов местного самоуправления в систему публичной власти, возложением на региональные органы публичной власти функции содействия развитию местного самоуправления на территории соответствующего субъекта РФ.

Таким образом, функции и полномочия высшего должностного лица субъекта РФ определены с учетом официального включения органов местного самоуправления в систему публичной власти, возложением на региональные органы публичной власти обязанности содействия развитию местного самоуправления на соответствующей территории.

Федеральным законом № 414-ФЗ усилен контроль со стороны высшего должностного лица субъекта РФ за деятельностью глав муниципального образования, глав местной администрации, предусмотрено применение к ним мер юридического воздействия.

Высшее должностное лицо субъекта РФ вправе вынести предупреждение, объявить выговор главе муниципального образования, главе местной администрации, отрешить их от должности,

обратиться в представительный орган муниципального образования с инициативой об удалении главы муниципального образования в отставку. Основаниями является неисполнение или ненадлежащее исполнение ими обязанностей по обеспечению осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления, а также в случае систематического не достижения показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Ответственность главы муниципального образования и главы местной администрации перед государством, виды санкций, основания и порядок их применения определяются также федеральным законом об общих принципах организации местного самоуправления [6]. Как нам представляется, в условиях реформы законодательства о местном самоуправлении вопросы юридической ответственности органов местного самоуправления должны быть согласованы, исключено дублирование, систематизированы санкции, конкретизирован порядок их применения.

Конституционное закрепление публичной власти предполагает не только системное объединение ее разных уровней, но и расширение форм осуществления.

Федеральный закон № 414-ФЗ, закрепляя принцип согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, предусматривает возможность установления особенностей осуществления публичной власти и взаимодействия органов публичной власти на федеральных территориях. Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус», определяя порядок формирования Совета федеральной территории «Сириус» как представительного органа власти, предусматривает назначение одного члена

Литература:

1. Ковтун О.А. Проблемы совершенствования правовых основ организации и функционирования органов государственной власти субъектов Российской Федерации / О.А. Ковтун, Н.Д. Терещенко // Очерки новейшей камералистики. 2021. № 1.
2. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070
3. О Государственном Совете РФ: Федеральный закон от 08.12.2020 г., № 394-ФЗ. URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012080064>
4. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ. URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102062162>

Совета высшим должностным лицом (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти) Краснодарского края [7].

В целях обеспечения системности и последовательности правового регулирования, нам представляется целесообразным установить механизм реализации рассматриваемого полномочия высшего должностного лица в федеральном законе № 414-ФЗ. На наш взгляд, следует определить круг субъектов, который может предлагать высшему должностному лицу кандидатуры в представительный орган федеральной территории, процедуру назначения, вид акта, которым оформляется назначение.

Вопрос об ответственности высшего должностного лица субъекта РФ, основаниях и порядке применения мер юридической ответственности постоянно исследуется в науке конституционного права [8]. Актуальным он остается и в настоящее время. Например, система санкций, которая может быть применена к высшему должностному лицу субъекта РФ, дополнена выговором, который наряду с предупреждением вправе вынести Президент РФ за ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей, в том числе, по осуществлению переданных полномочий Российской Федерации.

Законодателем также расширены основания для отрешения главой государства высшего должностного лица субъекта РФ от должности. Теперь, руководитель региона может быть отстранен от должности Президентом РФ в связи с утратой доверия по любым основаниям или в связи с выражением ему недоверия региональным законодательным органом.

Таким образом, процесс совершенствования правовых основ организации и функционирования органов государственной власти субъектов РФ включает, в том числе и развитие статуса высшего должностного лица субъекта РФ.

Literature:

1. Kovtun O.A. Problems of improving the legal foundations of the organization and functioning of public authorities of the subjects of the Russian Federation / O.A. Kovtun, N.D. Tereshchenko // Essays of the newest cameralistics. 2021. № 1.
2. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070
3. On the State Council of the Russian Federation: Federal Law of 08.12.2020, № 394-FZ. URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012080064>
4. On the general principles of the Organization of legislative (representative) and Executive bodies of state Power of the Subjects of the Russian Federation: Federal Law № 184-FZ of 06.10.1999. URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102062162>

5. *Александрова Е.В.* Организация публичной власти в субъектах Российской Федерации: реформирование или совершенствование? / Е.В. Александрова // Пролог: журнал о праве. 2021. № 4.

6. Об общих принципах организации местного самоуправления: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571

7. URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012220082>

8. *Ковтун О.А.* Конституционно-правовая ответственность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта РФ: вопросы теории и практики / О.А. Ковтун, Н.Д. Терещенко // Юридический вестник Кубанского Государственного Университета. 2018. № 4; *Полянский В.В.* Конституционная ответственность в свете задач гармонизации публичной власти в федеративном государстве / В.В. Полянский; Под ред. проф. С.А. Авакьяна // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. М., 2001.

5. *Alexandrova E.V.* Organization of public power in the subjects of the Russian Federation: reform or improvement? / E.V. Alexandrova // Prologue: Journal of Law. 2021. № 4.

6. On the general principles of the organization of local self-government: Federal Law № 131-FZ of 06.10.2003. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571

7. URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012220082>

8. *Kovtun O.A.* Constitutional and legal responsibility of the highest official (head of the supreme executive body of state power) of the subject of the Russian Federation: questions of theory and practice / O.A. Kovtun, N.D. Tereshchenko // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2018. № 4; *Polyansky V.V.* Constitutional responsibility in the light of the tasks of harmonization of public power in a federal state / V.V. Polyansky; Ed. by Prof. S.A. Avakyan // Constitutional and legal responsibility: problems of Russia, experience of foreign countries. M., 2001.

Крюков Антон Владимирович
старший преподаватель
кафедры уголовного права,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
krukovanton293@gmail.com

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 210 УК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы квалификации различных преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ – «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участия в нём (ней)». Автор исследует само понятие преступного сообщества (преступной организации), вопросы квалификации данного преступления и категории данного преступления по степени тяжести. В статье приводятся наиболее распространённые в настоящее время формы преступлений, подпадающих под признаки ст. 210 УК РФ, такие как незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ с использованием телекоммуникационной сети Интернет. Кроме того, в статье изложено мнение автора по поводу методов борьбы с подобными преступлениями, а также профилактика таких преступлений.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, преступное сообщество (преступная организация), незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ, мошенничество, вина, законность, справедливость.

В документе секретариата ООН, подготовленном в период проведения в 1990 года конгресса ООН по проблемам предупреждения преступности и обращения с правонарушителями, отмечалось, что единой формулировкой все виды организованной преступности определить нельзя [1].

С этим утверждением согласен также Комитет экспертов по уголовному праву и криминологическим аспектам организованной преступности Европейского комитета по проблемам преступности [2]. Такое отсутствие понимания того, что же является организованной преступностью, усложняет возможность борьбы с данным видом преступности на уровне мирового сообщества.

В российском же уголовном праве, согласно ст. 35 УК РФ, основой квалификации различных преступных групп является уровень их организации.

Anton V. Kryukov
Senior Lecturer
of the Department of Criminal Law,
Saint Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
krukovanton293@gmail.com

PRACTICAL ISSUES OF CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES ON CRIMES PROVIDED FOR BY ARTICLE 210 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article discusses the issues of qualification of various crimes under Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation – «Organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (her)». The author explores the very concept of a criminal community (criminal organization), the issues of the qualification of this crime and the category of this crime by severity. The article presents the most common forms of crimes currently falling under the signs of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation, such as the illegal sale of narcotic drugs and psychotropic substances using the Internet telecommunications network. In addition, the article presents the author's opinion on the methods of combating such crimes, as well as the prevention of such crimes.

Keywords: qualification of crimes, criminal liability, criminal community (criminal organization), illegal sale of narcotic drugs and psychotropic substances, fraud, guilt, legality, justice.

Первый уровень здесь – группа лиц, то есть участие в совершении преступления двух или более исполнителей при отсутствии между ними какой – либо предварительной договоренности о совершении преступления. Следующий уровень – группа лиц по предварительному сговору, то есть двое и более лиц, предварительного договорившихся о совершении определенного преступления. Часть 3 указанной статьи УК РФ описывает третий уровень самоорганизации преступной группы – организованную группу, которая предполагает наличие внутригрупповой иерархии и распределение преступных ролей между участниками группы при совершении преступления.

Лица, непосредственно совершающие преступления – исполнители, подчиняются организаторам, осуществляющим подбор и подготовку исполнителей, обеспечение средствами совершения преступления, планированием и

организацией совершения преступлений и осуществляющие контроль за совершением преступлений. При распределении задач между исполнителями преступления эффективность их деятельности, безусловно, повышается, поскольку улучшаются их навыки при выполнении определённой роли в совершении преступления и, кроме того, сужается их круг общения с иными участниками преступного сообщества, что значительно повышает конспирацию преступного объединения.

Как следует из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 г. № 12 « О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нём (ней)», преступное сообщество (преступная организация) может осуществлять свою преступную деятельность либо в форме структурированной организованной группы, либо в форме объединения организованных групп, действующих под единым руководством. При этом закон не устанавливает каких – либо различий между понятиями «преступное сообщество» и «преступная организация» [3, с. 198].

По смыслу УК РФ, преступное сообщество (преступная организация) может осуществлять свою преступную деятельность в форме структурированной организованной группы или в форме объединения организованных групп, действующих под единым руководством. Угрозой безопасности здесь выступает организованная преступная деятельность. Уровень организованности и масштабов такой деятельности прямо пропорционален уровню угрозы, которую представляет такая деятельность для общества в целом, а не только для отдельных граждан, ставших жертвами преступлений [4, с. 426].

Структурированная организованная группа – группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений (частей, звеньев), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий. Подобную группу характеризуют единое руководство, взаимодействие различных подразделений в целях реализации общих преступных намерений, распределение между ними функций в выполнении преступных действий, наличие специализации в выполнении тех или иных действий.

Таким образом, чем выше уровень внутренней организации преступной структуры, тем большую общественную опасность она представляет, и, соответственно, тем более строгое наказание влечёт участие в подобной структуре.

В отличие от банды создание преступного сообщества (преступной организации) не преследует цели нападения на граждан или организации [5, с. 621]. Однако в то же время огромная общественная опасность преступных сообществ или преступных организаций очевидна. Чаще всего, по крайней мере применительно к российской преступности, преступные сообщества осуществляют мошенничества в крупном и особо крупном

размерах, торговлю наркотиками и психотропными веществами, отмыwanie денежных средств, добытых преступным путем, оборот поддельных денег и иные преступления, связанные с получением значительных доходов.

Пожалуй, наиболее распространённой формой деятельности преступного сообщества (преступной организации) в Российской Федерации сейчас является сбыт наркотических средств и психотропных веществ с применением телекоммуникационной сети Интернет. Это преступление по своему исполнению является достаточно сложным и требует высокой степени организации и скоординированности действий большого количества различных лиц.

Например, приговором Боровичского районного суда проживающая в Великом Новгороде М. признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ, а также в совершении преступлений, предусмотренных 1 ст. 228 УК РФ и ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «г» ч. 4, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ (незаконное хранение наркотических средств в значительном размере, покушение на незаконный сбыт наркотических средств, совершенный с использованием электронных и информационно-коммуникационных сетей, организованной группой в значительном, крупном и особо крупном размерах).

Судом установлено, что с декабря 2018 года по февраль 2019 года М., являясь участником преступного сообщества, созданного неустановленным лицом, извлекла из закладок в Новгородском и Боровичском районах наркотики массой 2,5 кг, которые расфасовала на дозы и хранила до изъятия сотрудниками полиции [6].

В данном случае приговором суда установлено участие лица в преступном сообществе, организованном с целью осуществления сбыта наркотических средств. М. является участницей преступного сообщества (преступной организации), которая по указанию оператора преступного сообщества, с целью дополнительной конспирации, извлекала из ранее сделанных закладок наркотики и хранила их до поступления распоряжения о помещении их в новые закладки. При этом масса хранившихся ей наркотических средств относит данное преступление к категории тяжких или особо тяжких.

Характерно, что при совершении подобных преступлений закладчику неизвестны и оператор, то есть лицо, которое отдаёт распоряжения о месте, времени, размере и характере закладок наркотиков, и иные закладчики, и лица, которые данные наркотики приобретают. В общем-то скорее всего именно данное обстоятельство, то есть максимальный уровень конспирации, и определяет широкое распространение такой преступной деятельности. Все указания закладчику от оператора поступают с засекреченного номера в виде SMS-сообщений или сообщений в различных социальных сетях. Так же поступает и оплата за его деятельность.

В заключение полагаем необходимым еще раз упомянуть о том, что различные проявления деятельности преступных сообществ (преступных организаций), конечной целью которых является получение дохода в крупном и особо крупном размере, с учётом бурного экономического развития нашей страны, будут неизбежно множиться и проявляться в различных, иногда самых необычных,

Литература:

1. Материалы Восьмого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана, Куба, 27.08. – 07.09.1990 г. URL : https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/8th_Congress_1990/009_ACONF.144.7_Effective_National_and_International_Action_against_Organized_Crime_and_Terrorist_Criminal_Activities_R.pdf (дата обращения 06.07.2022).
2. Понятие и структура организованной преступности. Организованная преступность за рубежом. Понимание организованной преступности за рубежом. URL : https://studme.org/409631/pravo/ponyatie_struktura_organizovannoy_prestupnosti (дата обращения 06.07.2022).
3. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: вопросы применения уголовного законодательства / Сост. А.Г. Хлебушкин. 4-е изд. М. : Проспект, 2019. 464 с.
4. Уголовное прав. Особенная часть : учебник / Под общ. ред. С.А. Денисова, Л.В. Готчиной, А.Г. Хлебушкина. Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб. : ООО «Р-КОПИ», 2020. 832 с.
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник/под ред. А.И. Рарога. 9-е изд., пераб и доп. М. : Проспект, 2018. 896 с. С. 621.
6. Сайт прокуратуры Новгородской области. URL : https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_53/mass-media/news/archive?item=51359727 (дата обращения 21.09.2021).

формах. Борьба с подобными проявлениями требует соответствующей законодательной базы, гибко реагирующей на вновь возникающие течения и тенденция преступной деятельности, а также постоянных обобщения и анализа практики следственных и судебных органов по уголовным делам соответствующих категорий.

Literature:

1. Materials of the Eighth UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders. Havana, Cuba, 27.08. – 07.09.1990. URL : https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/8th_Congress_1990/009_ACONF.144.7_Effective_National_and_International_Action_against_Organized_Crime_and_Terrorist_Criminal_Activities_R.pdf (date of the application 06.07.2022)
2. The concept and structure of organized crime. Organized crime abroad. Understanding organized crime abroad. URL : https://studme.org/409631/pravo/ponyatie_struktura_organizovannoy_prestupnosti (date of the application 06.07.2022)
3. Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases: issues of application of criminal legislation/comp. A.G. Khlebushkin. 4th ed. M. : Prospect, 2019. 464 p.
4. Criminal law. Special part : textbook / under the general editorship of S.A. Denisov, L.V. Gotchina, A.G. Khlebushkin. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. SPb. : LLC «R-KOPI», 2020. 832 p.
5. Criminal law of Russia. Parts General and Special : textbook / Edited by A.I. Rarog. 9th ed., perab and add. M. : Prospect, 2018. 896 p .
6. Website of the Prosecutor's Office of the Novgorod region. URL : https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_53/mass-media/news/archive?item=51359727 (date of the application 21.09.2021).

Некоз Аркадий Сергеевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия
89832494011@mail.ru

Arkady S. Nekoz
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor.
Department of Criminal law,
East Siberian branch
Russian State University of Justice
89832494011@mail.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСТАВЛЕНИЕ В ОПАСНОСТИ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

CRIMINAL LIABILITY FOR LEAVING IN DANGER: LAW ENFORCEMENT ISSUES

Аннотация. Необходимость наличия в тексте уголовного закона положения об ответственности за оставление в опасности не вызывает сомнения. Автором рассматривается проблематика установления уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 125 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). На основе диалектического и общенаучного методов автор формулирует некоторые предложения по совершенствованию правоприменительной практики в указанной сфере уголовно-правового регулирования.

Annotation. The need for a provision in the text of the criminal law on liability for leaving in danger is beyond doubt. The author examines the problem of establishing criminal responsibility for a crime under Art. 125 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the Criminal Code of the Russian Federation). Based on dialectical and general scientific methods, the author formulates some proposals for improving law enforcement practice in this area of criminal law regulation.

Ключевые слова: опасность, квалификация, причинение смерти по неосторожности, судебная практика, наказание, квалифицирующие признаки.

Keywords: danger, qualification, causing death by negligence, judicial practice, punishment, qualifying signs.

Необходимость наличия в тексте уголовного закона положения об ответственности за оставление в опасности не вызывает сомнения. Совершенно прав А.С. Горелик, который отмечал: «Установление уголовной ответственности за оставление в опасности подчёркивает, что такого рода поступок является не только аморальным, но и заслуживает отрицательной оценки и со стороны социалистического государства, что имеет важное воспитательное значение» [1].

Несмотря на указанную очевидность, все же в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда при квалификации и судебном разбирательстве возникают спорные моменты по установлению наличия или отсутствия в действиях лица искомого состава преступления.

Обратимся немного к данным официальной статистики [2]:

Таблица № 1

Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 125 УК РФ

Кол-во лиц	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
	123	141	120	105	146	131	104	125	111	87	79

Представленные данные демонстрируют тенденцию к снижению количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности, но при этом в судебной практике продолжают сохраняться случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности за данное преступление. Примером может служить позиция Президиума Красноярского краевого суда по делу Т.М. Суняйкиной [3]. Согласно обстоятельствам дела, указанная гражданка оставила в течение получаса малолетнего сына в машине, который был извлечен из автомобиля сотрудниками полиции и прохожими, после

того, как начал кричать. Отменяя решения нижестоящих судов и прекращая производство по п. 2 ч. 2 ст. 24 УПК РФ, суд указал особенно, что факт оставления должен носить характер реальной опасности, а не предполагаемую угрозу для жизни и здоровья малолетнего. Также, суд указал на необходимость учета всех обстоятельств дела, включая и отношение виновного лица к совершаемым действиям, которые в рассматриваемом случае не носили ни характера небрежности, ни характера легкомыслия.

Известный интерес представляет позиция Президиума Вологодского областного суда по делу М.А. Романовой [4]. Согласно обстоятельствам дела, гражданка оставила недееспособную мать в квартире и отправилась в отпуск. Суд, отменяя состоявшиеся решения нижестоящих судов, особенно подчеркнул, что следует обращать внимание на фигуру самого потерпевшего по делу и фактические обстоятельства дела: хотя мать и была признана недееспособной, но могла себя обслуживать, передвигаться, готовить еду и принимать лекарства. Также, на период отпуск дочь попросила соседку приглядывать за матерью, оставив денежные средства, продукты и контактные данные.

В судебной практике встречаются ситуации, когда ст. 125 УК РФ вменяется излишне в совокупности с иными статьями. Так, Президиум Верховного суда Республики Башкортостан отметил: «Если опасное для жизни или здоровья состояние потерпевшего явилось результатом умышленных действий (бездействия), за которые уголовным законом установлена самостоятельная ответственность, дополнительная квалификация содеянного по ст. 125 УК РФ исключается» [5].

Также, примером избыточной квалификации может служить дело, ставшее предметом рассмотрения Верховного суда Российской Федерации.

Литература:

1. Горелик А.С. Уголовная ответственность за оставление в опасности : автореф. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук / А.С. Горелик; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Ленинград, 1964. 19 с.
2. Судебная статистика. Форма № 10.1. URL : <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения 06.06.2022).
3. Постановление № 44У-256/2019 4У-2048/2019 от 15 октября 2019 г. по делу № 1-17/2019/71. URL : <https://sudact.ru> (дата обращения 06.06.2022).
4. Постановление № 44У-68/2019 4У-300/2019 от 28 октября 2019 г. по делу № 1-14/2019. URL : <https://sudact.ru> (дата обращения 06.06.2022).
5. Постановление № 44У-88/2018 4У-712/2018 от 23 мая 2018 г. по делу № 44У-88/2018. URL : <https://sudact.ru> (дата обращения 06.06.2022).
6. Определение коллеги по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации по делу № 56-Д04-33 от 01.07.2004. URL : <https://vsrf.ru/> (дата обращения 06.06.2022).
7. Уголовный кодекс: Практический комментарий: с дополнениями и изменениями по 01 июня 1925 г. / Под ред. проф. М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина; Комментарии: проф. М.Н. Гернета, М.М. Гродзинского, А.А. Жижиленко [и др.]. М. : Издательство «Право и Жизнь», 1925. 460 с.
8. *Могилевский Л.* Может ли умышленное бездействие быть квалифицировано как умышленное убийство? / Л. Могилевский // Вестник Советской Юстиции. Харьков, 1925. № 2. С. 72.

Гражданин П. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 111 УК РФ и ч. 1 ст. 125 УК РФ. Исключая из фабулы обвинения указание на ч. 1 ст. 125 УК РФ, он указал также на тот факт, что гр. П сам поставил потерпевшего для жизни и здоровье состояние, но произошло это вследствие совершения умышленного преступления [6].

Как нам представляется, изучение представленных материалов судебной практики позволяет выдвинуть тезис о необходимости учета объективных и субъективных обстоятельства каждого преступления в ходе судебного разбирательства, а равно учитывать общие положения доктрины уголовного закона в части правил квалификации о недопустимости её избыточности.

В завершение стоит также обратить внимание на конструкцию рассматриваемой нами статьи, которая нам представляется не безупречной, т.к., фактически, она смешивает два совершенно различных по набору признака (читай – механику) действия лица. Отсюда, мы полагаем правильным вернуться к опыту прошлого [7; 8] и предусмотреть в ст. 125 две части, что позволило бы обеспечить соблюдение принципа справедливости привлечения к уголовной ответственности и соблюдения прав потерпевших по уголовному делу.

Literature:

1. *Gorelik A.S.* Criminal liability for leaving in danger : abstract for the degree of candidate of legal sciences / A.S. Gorelik; Leningrad State University named after A.A. Zhdanov. Leningrad, 1964. 19 p.
2. Judicial statistics. Form № 10.1. URL : <http://www.cdep.ru/?id=79> (date of the application 06/06/2022).
3. Decree № 44U-256/2019 4U-2048/2019 dated October 15, 2019 in case № 1-17/2019/71. URL : <https://sudact.ru> (date of the application 06/06/2022).
4. Decree № 44U-68/2019 4U-300/2019 dated October 28, 2019 in case № 1-14/2019. URL : <https://sudact.ru/> (date of the application 06/06/2022).
5. Decree № 44U-88/2018 4U-712/2018 dated May 23, 2018 in case No. 44U-88/2018. URL : <https://sudact.ru/> (date of the application 06/06/2022).
6. Determination of a colleague in criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation in case № 56-D04-33 of 07/01/2004. URL : <https://vsrf.ru/> (date of the application 06/06/2022).
7. Criminal Code: Practical commentary: with additions and changes until June 01, 1925 / Edited by professors M.N. Gernet and A.N. Trainina; Comments: professors M.N. Gernet, M.M. Grodzinsky, A.A. Zhizhilenko [et al.]. M. : Publishing house «Law and Life», 1925. 460 p.
8. *Mogilevsky L.* Can deliberate inaction be qualified as a deliberate murder? / L. Mogilevsky // Bulletin of Soviet Justice. Kharkov, 1925. № 2 (January 15). P. 72.

Олифиренко Екатерина Павловна

кандидат политических наук,
доцент кафедры
уголовного права и процесса,
Северо-Кавказская
государственная академия, г. Черкесск
anna-54@bk.ru

Ekaterina P. Olifirenko

Candidate of Political Sciences,
Assistant Professor
of Criminal Law and Process,
North Caucasian
State Academy, Cherkessk
anna-54@bk.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОКУРАТУРЫ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
(НА ПРИМЕРЕ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ
РЕСПУБЛИКИ)**

**CURRENT DIRECTIONS
OF THE PROSECUTOR'S OFFICE'S
SUPERVISION OVER
THE IMPLEMENTATION OF FEDERAL
LEGISLATION IN THE FIELD
OF ENSURING THE RIGHTS
OF MINORS (ON THE EXAMPLE
OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC)**

Аннотация. В статье рассматривается ряд актуальных проблем, характеризующих деятельность органов прокуратуры при осуществлении прокурорского надзора в вопросах защиты прав и законных интересов несовершеннолетних лиц. На примере конкретного региона автором рассмотрены примеры из практики прокурорского реагирования на установленные нарушения указанной группы населения в различных сферах жизни и деятельности. Статья содержит практические сведения о правозащитной деятельности органов прокуратуры Карачаево-Черкесской республики. Автором приведены результаты применения актов прокурорского реагирования и даны конкретные рекомендации о расширении полномочий и надзорных функции прокуратуры в данной сфере.

Annotation. The article deals with a number of topical issues characterizing the activities of the prosecutor's office in the exercise of prosecutorial supervision in matters of protection of the rights and legitimate interests of minors. On the example of a specific region, the author considers examples from the practice of prosecutorial response to established violations of the specified population group in various spheres of life and activity. The article contains practical information about the human rights activities of the Prosecutor's Office of the Karachay-Cherkess Republic. The author presents the results of the application of acts of prosecutorial response and gives specific recommendations on expanding the powers and supervisory functions of the prosecutor's office in this area.

Ключевые слова: прокуратура, несовершеннолетние, прокурорский надзор, защита прав, законодательство, акты прокурорского реагирования, нарушения прав.

Keywords: prosecutor's office, minors, prosecutorial, supervision, protection of rights, legislation, acts of prosecutorial response, violations of rights.

Одной из важнейших задач государства является защита прав и законных интересов несовершеннолетних лиц. Обеспечение единства прав и обязанностей, ответственности должностных лиц и граждан за нарушение прав детей, создание условий для их охраны и защиты – основные постулаты государственной политики [1, с.19]. Специфика государственного регулирования данного направления обусловлена отсутствием возможностей у несовершеннолетних самостоятельно осуществлять действия по защите своих прав и свобод от различного рода посягательств, поэтому они в большей степени нуждаются в правовой защите [2, с. 74]. В настоящее время на международном и национальном уровнях сложилось и совершенствуется обширная

система правовых мер ювенальной защиты. Так, в настоящее время поддержка и защита несовершеннолетних детей и молодежи осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, российскими законами, ведомственными нормативными актами [3, с. 6]. Определяющее значение в организации правового обеспечения государственной политики по защите прав несовершеннолетних лиц выполняют следующие нормативные акты:

№ 159-ФЗ от 21.12.1996 (ред. от 17.02.2021) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»;

- № 124 – ФЗ от 24.07.1998 (ред. от 11.06. 2021) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»;
- № 120 – ФЗ от 24.06.1999 (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»;
- № 256 – ФЗ от 29.12.2006 (ред. от 30.04.2022) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»;
- № 48 – ФЗ от 24.04.2008 (ред. от 30.04.2021) «Об опеке и попечительстве»;
- № 436 – ФЗ от 29.12.2010 (ред. от 01.07. 2021) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»;
- № 273 – ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 11.06.2022) «Об образовании в Российской Федерации»;
- № 744 от 13.12.2021 приказ Генпрокуратуры России «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов».

Таким образом, законодатель обеспечил закрепление приоритета интересов и благосостояния детей во всех сферах жизни общества и государства. Во исполнение стоящих перед государством задач по обеспечению благополучного и защищенного детства значительная роль отводится органам прокуратуры.

Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних представляет собой отдельный вектор деятельности прокуратуры, призванный обеспечить реальное исполнение законодательства об охране прав и законных интересов несовершеннолетних, пресечение и предупреждение преступности детей [4, с. 19]. Ежегодно прокурорами выявляется свыше 650 тысяч нарушений в сфере прав и законных интересов несовершеннолетних (2018 год – 654376; 2019 год – 673323; 2020 год – 688049) [5]. В прошедшем 2021 году пресечено 760 тысяч нарушений законов, имело место восстановление прав 103 тысяч несовершеннолетних и 35 тысяч семей. Многочисленные нарушения пресечены при назначении и выплате ежемесячного пособия на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет [6].

Рассмотрим проблематику деятельности органов прокуратуры в данной сфере на примере территориальных прокуратур Карачаево-Черкесской республике. По итогам работы в данной сфере, органами прокуратуры за период с января начала 2021 года по настоящее время выявлено свыше 5,5 тыс. нарушений закона; внесено более 2 тысяч актов прокурорского реагирования; привлечены к дисциплинарной и административной ответственности по 1,2 тысяч должностных лиц; предостережены о недопустимости нарушений закона 419 лиц; на основании результатов прокурорских проверок возбуждено 11 уголовных дел; увеличилось выделение денежных средств из республиканского бюджета на приобретение жилья детям-сиротам с 52,5 млн руб. (2020 г.) до

64,5 млн руб. (2021 г.); в суды направлено 33 исковых заявления об обяывании предоставления жилого помещения; к настоящему времени рассмотрено и удовлетворено 30 [7].

Осуществляя надзорные мероприятия по основным направлениям прокурорской деятельности в сфере охраны прав несовершеннолетних, прокуроры субъектов, приравненные к ним военные и транспортные прокуроры, прокуроры городов и районов, а также, другие территориальные, военные и иные специализированные прокуроры в пределах своей компетенции обязаны осуществлять следующие полномочия [8]:

1. Организацию и проведение систематических проверок за исполнением законодательства об охране здоровья и жизни несовершеннолетних:
 - оказание медицинской помощи и обеспечении лекарственными средствами;
 - принятие исчерпывающих мер по защите прав детей с инвалидностью и ОВЗ.

Так, органами прокуратуры Карачаево-Черкесской республики на систематической основе проводятся проверки исполнения законов в обозначенной сфере, причем в зоне особого контроля прокуроров находятся проблемы, возникающие при реализации прав детьми-инвалидами. Так, по результатам проведения прокурорских проверок в 2021 году было вынесено 3 протеста, внесено 32 представления, возбуждено 23 дела об административных правонарушениях, выявлено 117 нарушений закона, объявлено 1 предупреждение, направлено 1 исковое заявление, в стадии рассмотрения 1 возбужденное уголовное дело [7].

2. Осуществление надзора за исполнением законодательства по вопросам защиты несовершеннолетних лиц от воздействия информации, способной причинить вред детскому здоровью и развитию посредством проведения мониторинга в телекоммуникационной сети «Интернет» и блокировке противоправного контента. В целях пресечения подобных ситуаций в отчетном периоде прокуратурой КЧР было направлено в суды 225 административных исковых заявления, удовлетворено 151 заявление, остальные находятся на рассмотрении [7].

3. Проведение прокуратурами территориальных образований республики плановых проверок соблюдения требований законодательства по вопросам организации пожарной безопасности в период летнего отдыха несовершеннолетних лиц. Так, сотрудниками соответствующих прокуратур в плановом режиме регулярно осуществляются визиты в детские лагеря с круглосуточным пребыванием, в ходе которых отдыхающим разъясняются правила поведения на воде, в общественных местах и на проезжей части [7].

4. Проведение сотрудниками прокуратуры надзорных мероприятий, направленных на соблюдение законодательства в сфере организации физической культуры, оздоровления и спорта несовершеннолетних лиц. Так, по итогам

прокурорских проверок в регионе в 2021 году направлено 1 исковое заявление в суд, принесен 1 протест на незаконный правовой акт и 12 представлений об устранении нарушений, выявлено 52 нарушения закона [7].

5. Усиление внимания к выполнению надзорных полномочий в части соблюдения прав несовершеннолетних на получение образования, в том числе получаемого в специальных учебных учреждениях. В частности, в отчетном 2021 году прокурорами республики проведена следующая работа:

– пресечены факты ненадлежащего обеспечения учебниками обучающихся, неиспользования в образовательном процессе материально-технического оборудования, приобретенного в рамках национального проекта «Образование»;

– зафиксированы ситуации истребования у абитуриентов в организациях СПО, не предусмотренных законодательством документов; выявлены образовательные учреждения, на официальных сайтах которых отсутствовала необходимая для абитуриентов информация;

– установлены нарушения закона при создании приемных комиссий в образовательных организациях и др. [7].

6. Концентрация особого внимания на обеспечении законности режима имущественных сделок несовершеннолетнего и организации действенного надзора за соблюдением жилищных и иных имущественных прав несовершеннолетних, а также проведение проверок в территориальных органах Федеральной службы судебных приставов на предмет полноты мер по принудительному взысканию алиментов, пособий, пенсий в пользу несовершеннолетних [9, с. 12]. Так, в отчетном периоде благодаря прокурорскому вмешательству в данном направлении было выявлено более 100 нарушений законов, в целях их устранения в суды предъявлено 34 исковых заявления о предоставлении жилья гражданам указанной категории, внесено 5 представлений [7].

7. Осуществление надзорных функций в отношении органов и учреждений, входящих в систему органов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних лиц [10, с. 79]. В минувшем году прокуратурой региона выявлено более 1,1 тыс. нарушений законодательства, для их устранения внесено свыше 490 актов прокурорского реагирования, к административной и дисциплинарной ответственности привлечены 230 лиц. Принятые меры по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних способствовали снижению

Литература:

1. *Ермаков А.В.* Организация прокурорского надзора в сфере защиты прав несовершеннолетних : дис.... канд. юрид. наук. М., 2007. 194 с.

преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии на 25,5 % [7].

8. Организация и проведение проверочных мероприятий в отношении подразделений по делам несовершеннолетних. Согласно практике, прокуратура сталкивается с рядом проблем, исходящих непосредственно от указанных комиссий. На первый план, как правило, выходит проблема не информирования органов прокуратуры о нарушениях, выявленных в ходе осуществления должностными лицами комиссий своих полномочий [11, с. 109].

Прокурорами Карачаево-Черкесии вскрыты факты бездействия должностных лиц комиссий по делам несовершеннолетних лиц, образовательных и учебных организаций, подразделениях органов внутренних дел; установлены факты формального подхода в ходе проведения профилактической работы с несовершеннолетними и законными представителями. Результаты работы прокуратуры республики в данном направлении в отчетном 2021 году можно обозначить следующим образом:

– установлено несоответствие регионального закона нормам федерального законодательства, а именно, не предусмотрено возрастное ограничение, определенное достижением возраста 21 года;

– выявлен факт необоснованного установления запрета на передачу функциональных обязанностей республиканской комиссии органам исполнительной власти республики и включение республиканской комиссии в их состав на правах структурного подразделения, а также, использование потенциала работников республиканской комиссии не по назначению;

– направлены предложения в Парламент КЧР приведении в соответствие с требованиями федерального законодательства республиканского закона «О комиссиях КЧР по делам несовершеннолетних и защите их прав». В настоящее время предложение прокурора находится на рассмотрении [7].

Таким образом, проведенный анализ деятельности прокуратуры на примере конкретного региона в сфере осуществления проверок исполнения законодательства о несовершеннолетних, показал, что, в первую очередь, большая часть проблем связана с неэффективной организацией работы прокуратуры и деятельности надзорных органов. Результаты проведенного исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки рекомендаций научного и практического характера по совершенствованию деятельности прокуратуры в сфере прав несовершеннолетних.

Literature:

1. *Ermakov A.V.* Organization of prosecutorial supervision in the field of protection of the rights of minors: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2007. 194 p.

2. *Дадаева Ю.В.* Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних / Ю.В. Дадаева // Проблемы науки. 2019. № 7. С. 73–77.
3. *Капинус О.С.* Прокурорский надзор за исполнением законов о защите прав несовершеннолетних / О.С. Капинус // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1(81). С. 5–11.
4. *Дудин Н.П.* Деятельность прокуратуры по защите конституционных прав и интересов несовершеннолетних : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. 108 с.
5. Результаты деятельности органов прокуратуры. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ за период с января 2018 по декабрь 2021 года. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения 26.06.2022).
6. Доклад Генерального прокурора РФ Краснова И.В. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 26.04.2022 года. Генеральная прокуратура РФ. Официальный сайт. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article> (дата обращения 26.06.2022).
7. Результаты деятельности органов прокуратуры. Новости за период с января по декабрь 2021 года. Прокуратура Карачаево-Черкесской Республики. URL : https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_09 (дата обращения 27.06.2022).
8. Приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов». Генеральная прокуратура РФ. Официальный сайт. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/documents?item=67620098>
9. *Ережипалиев Д.И.* Прокурорский надзор за соблюдением прав несовершеннолетних, пребывающих в организациях для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : пособие / Д.И. Ережипалиев // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. М., 2020. 114 с.
10. *Кожевников К.М.* Прокурорский надзор за исполнением законодательства о профилактике правонарушений несовершеннолетних / К.М. Кожевников // Инновационная экономика и право. 2016. № 3. С. 76–80.
11. *Банщикова С.Л.* Система комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в России / С.Л. Банщикова // Вестник СИБИТа, 2016. № 3 (19). С. 107–110.
2. *Dadaeva Yu.V.* Prosecutor's supervision over the execution of laws on minors / Yu.V. Dadaeva // Problems of Science. 2019. № 7. P. 73–77.
3. *Kapinus O.S.* Prosecutorial supervision over the execution of laws on the protection of the rights of minors / O.S. Kapinus // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2021. № 1(81). P. 5–11.
4. *Dudin N.P.* Activities of the Prosecutor's Office to protect the constitutional rights and interests of minors: a textbook. SPb. : St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2011. 108 p.
5. The results of the activities of the Prosecutor's office. Statistical data on the main indicators of the activity of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for the period from January 2018 to December 2021. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (date of application 26.06.2022).
6. Report of the Prosecutor General of the Russian Federation I.V. Krasnov at a meeting of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, 26.04.2022. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Official website. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article> (date of application 26.06.2022).
7. Results of the activities of the prosecutor's office. News for the period from January to December 2021. Prosecutor's Office of the Karachay-Cherkess Republic. URL : https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_09 (date of application 27.06.2022).
8. Order of the Prosecutor General's Office of Russia № 744 dated 13.12.2021 «On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on minors, observance of their rights and legitimate interests». Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Official website. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/documents?item=67620098>
9. *Yezhipaliev D.I.* Prosecutor's supervision over the observance of the rights of minors staying in organizations for orphans and children left without parental care: a manual / D.I. Yezhipaliev // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. M., 2020. 114 p.
10. *Kozhevnikov K.M.* Prosecutor's supervision over the implementation of legislation on the prevention of juvenile delinquency / K.M. Kozhevnikov // Innovative economics and law. 2016. № 3. P. 76–80.
11. *Banshchikova C.L.* The system of commissions for minors and the protection of their rights in Russia / C.L. Banshchikova // Bulletin of SIBITa, 2016. № 3 (19). P. 107–110.

Петрикина Анна Александровна

кандидат юридический наук,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
petrikinaaa.upp@mail.ru

Губко Ирина Владимировна

кандидат юридический наук,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
giv904@rambler.ru

**ПРАВОСУДНОСТЬ ПРИГОВОРА:
ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ,
СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ**

Аннотация. Уголовно-процессуальный закон устанавливает презумпцию правосудности приговора как итогового судебного акта, разрешающего уголовное дело по существу. В статье анализируется понятие «правосудность» приговора через критерии законности, обоснованности, мотивированности и справедливости. Используя комплексный подход, авторы приходят к выводу о том, что все эти составляющие в синтезированном виде определяют правовую природу итогового решения по уголовному делу, отражая в нем волю государства.

Ключевые слова: суд, правосудие, законность, обоснованность, мотивированность, справедливость, приговор.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает презумпцию правосудности приговора как итогового судебного акта, разрешающего уголовное дело по существу. Ведь, профессиональная деятельность судьи, наличие у него определенного правового статуса, полномочий предполагает знание закона, а сложившаяся система ценностей, моральных и нравственных установок – стремление к установлению справедливости в обществе. Судья, априори, не может выносить неправосудные решения, в том числе и те, которые связаны с выражением от лица государства отношения к совершенному лицом преступлению.

Многие исследователи в области уголовно-процессуального права обращались к данному вопросу, однако, однозначного подхода к пониманию данного термина до сих пор найти не удалось. По мнению К.В. Литовченко «правосудность сочетает в себе два требования - обоснованность

Anna A. Petrikina

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor
of Criminal Procedure Law,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
petrikinaaa.upp@mail.ru

Irina V. Gubko

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor
of Criminal Procedure Law,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
giv904@rambler.ru

**THE JUSTICE OF THE SENTENCE:
CONCEPT, MEANING,
MODERN UNDERSTANDING**

Annotation. The Law of Criminal Procedure establishes the presumption of the justice of the sentence as the final judicial act authorizing the criminal case on the merits. The article analyzes the concept of the justice of the sentence through the criteria of legality, validity, motivation and fairness. Using an integrated approach, the authors come to the conclusion that all these components in a synthesized form determine the legal nature of the final decision in a criminal case, reflecting the will of the state in it.

Keywords: court, justice, legality, validity, motivation, justice, sentence.

(касается вопросов факта) и законность (касается вопросов права)» [1]. Высказанная точка зрения не лишена определенных недостатков, поскольку не в полной мере отвечает ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ). Кроме того, отдельные ученые считают, что мотивированность также является очень важным требованием, предъявляемым к приговору. По мнению Г.И. Загорского, мотивированность – это такое свойство приговора, которое отражает корреляцию исследованных в судебном разбирательстве доказательств и сделанных на их основе выводов суда [2]. Правильным также стоит считать утверждение А.В. Титовой о том, что законодатель при конструировании нормы, закрепленной в ст. 297 УПК не был логичен, не включив данное понятие в текст уголовно-процессуального закона [3]. Указанная позиция также отстаивается в трудах В.О. Белоносова и Н.А. Громова [4]. В.Н. Бибило

дополняет: «мотивированность приговора является внешним выражением его обоснованности» [5].

Не отличаются последовательностью суждения, высказанные И.А. Остапенко по поводу содержания понятия «правосудность приговора». Указанный автор сначала говорит о том, что выполнение всей совокупности указанных в законе требований характеризует приговор как законный. Затем, он делает вывод о том, что «категории законности, обоснованности и справедливости приговора не могут быть отнесены к его свойствам, правильнее рассматривать их как требования, предъявляемые к приговору» [6]. Получается, что свойства правосудности приговора – это статичные ее качества, а требования имеют динамичный характер, однако это не соответствует истине, поскольку тогда постоянно нарушался бы принцип законности уголовного судопроизводства.

Отдельными исследователями предпринимались попытки дать определение неправосудного приговора. Так, В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова считают неправосудным такой приговор, который вынесен не в соответствии с обстоятельствами уголовного дела и тем самым противоречит нормам материального и (или) процессуального закона [7].

Близкой к нашей позиции представляется гипотеза И.Ф. Соловьева о том, что правосудность есть комплексная характеристика приговора суда [8].

Законодатель в ч. 2, ст. 297 УПК РФ понятие «законность» не раскрывает. Многолетние научные дискуссии по данному вопросу привели, по сути, к формированию трех позиций:

– законность приговора выражается через соответствие его нормам материального и

процессуального права и правильным их применением (О.Ю. Гай, Л.В. Головкин, Э.К. Кутуев [9, 10, 11] и др.);

– законность определяется как универсальный межотраслевой принцип, реализуемый в итоговом судебном акте по уголовному делу (В.В. Вандышев, И.А. Остапенко [6, 12] и др.);

– легитимность приговору придает ему только его законная сила (Бибило В.Н. [5] и др.).

Первая из всех вышеуказанных позиций нам представляется правильной, поскольку именно в плане определения законности конструкция ч. 2, ст. 297 УПК РФ довольно удачно позволяет включать в процесс правоприменения динамично меняющееся толкование норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Тем не менее, усовершенствовать данную статью уголовно-процессуального закона не помешало бы в плане закрепления в ней понятий «обоснованность», «мотивированность и справедливость приговора», которые в синтезе делают его правосудным.

Современные нравственные основы уголовного судопроизводства в последние годы подверглись серьезной ревизии, в том числе и понятие «справедливость приговора». Новые технологии, цифровизация привели к тенденции увеличения прозрачности деятельности суда и повышения доверия к нему населения. Как нравственная категория справедливость судебного решения всегда определяется уровнем развития общества и присущей ему социальной системой ценностей.

Подводя итоги исследования, надо отметить, что приговор представляет собой синтез законности, обоснованности, мотивированности и справедливости, отраженный в итоговом решении по уголовному делу, что отражает его правосудность.

Литература:

1. *Литовченко К.В.* Судебное решение и проблема правосудности судебного решения / К.В. Литовченко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 17. С. 321–325. URL : <http://e-koncept.ru/2016/46240.htm> (дата обращения 13.05.2022).

2. *Загорский Г.И.* Постановление приговора: проблемы теории и практики. М., 2014. С. 30.

3. *Титова А.В.* Понятие правосудности и справедливости приговора по российскому уголовному праву / А.В. Титова // Философия права. - Ростов-на/Д. : Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2009. № 5. С. 117–119.

4. *Белоносов В.О.* Приговор суда в уголовном судопроизводстве / В.О. Белоносов, Н.А. Громов // Право и политика. 2001. № 12. С. 95–103.

5. *Бибило Н.В.* Свойства судебного приговора как проявление легитимации правосудия / Н.В. Бибило // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2017. № 3. С. 75–82.

Literature:

1. *Litovchenko K.V.* Judicial decision and the problem of justice of judicial decision / K.V. Litovchenko // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2016. Vol. 17. P. 321–325. URL : <http://e-koncept.ru/2016/46240.htm> (date of the application 13.05.2022).

2. *Zagorsky G. I.* The resolution of the sentence: problems of theory and practice. M., 2014. P. 30.

3. *Titova A. V.* The concept of justice and fairness of the sentence in Russian criminal law / A.V. Titova // Philosophy of Law. Rostov-on/D. : Publishing House of Growth. jurid. in-ta of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 5. P. 117–119.

4. *Belonosov V.O.* The verdict of the court in criminal proceedings / V.O. Belonosov, N.A. Gromov // Law and Politics. 2001. № 12. P. 95–103.

5. *Bibilo N.V.* Properties of a court sentence as a manifestation of legitimation of justice / N.V. Bibilo // Journal of the Belarusian State University. Right. 2017. № 3. P. 75–82.

6. *Остапенко И.А.* Соответствие приговора суда критериям законности, обоснованности и справедливости / И.А. Остапенко // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. М. : Юрист, 2007. № 5. С. 22–25.

7. Курс российского уголовного права. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцевой, А.В. Наумовой. М., 2002. С. 889.

8. *Соловьев И.Ф.* Правосудность приговора в уголовном процессе Российской Федерации : автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж, 1992. 21 с.

9. *Гай О.Ю.* Законная сила приговора в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 49–50.

10. Курс уголовного процесса / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. С. 958.

11. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; Науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. С. 388.

12. *Вандышев В.В.* Уголовный процесс. Курс лекций. СПб., 2004. С. 625.

6. *Ostapenko I.A.* Compliance of the court verdict with the criteria of legality, validity and fairness / I.A. Ostapenko // The penal enforcement system: law, economics, management. M. : Lawyer, 2007. № 5. P. 22–25.

7. Course of Russian criminal law. The special part / Edited by V.N. Kudryavtseva, A.V. Naumova. M., 2002. P. 889.

8. Soloviev I.F. The justice of the sentence in the criminal process of the Russian Federation : abstract dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.09. Voronezh, 1992. 21 p.

9. *Guy O.Yu.* The legal force of the sentence in the criminal process : dis. ... cand. jurid. sciences. Saratov, 1999. P. 49–50.

10. Course of criminal procedure / Edited by Doctor of Law, Professor L.V. Golovko. 2nd edition, revised. M. : Statute, 2017. P. 958.

11. Criminal procedural law (Criminal procedure) : textbook for universities / Edited by prof. E.K. Kutuev; scientific ed. and an introductory speech by prof. V.P. Salnikov; 2nd ed., reprint. and additional. SPb. : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; University Foundation, 2019. P. 388.

12. *Vandyshchev V.V.* Criminal process. Course of lectures. SPb. 2004. P. 625.

Спектор Людмила Александровна

кандидат экономических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
теории государства и права,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства –
филиал Донского государственного
технического университета, г. Шахты
spektor2@yandex.ru

Малютин Александр Данилович

студент,
Институт сферы обслуживания и
предпринимательства –
филиал Донского государственного
технического университета, г. Шахты
spektor2@yandex.ru

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ:
ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ**

■ ■ ■

Аннотация. Механизмы реализации мероприятий, направленных на противодействие незаконному обороту наркотиков, могут быть эффективны при условии надлежащего качества нормативно-правовой базы, поэтому очевидна потребность устранения имеющихся недостатков, которые характеризуют действующее уголовное законодательство. В данной статье авторы анализируют ряд технико-юридических недостатков в нормах уголовного права антинаркотической направленности.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, наркотики, борьба с наркотиками, незаконный оборот наркотиков, прекурсоры.

■ ■ ■

В настоящее время институт криминальных посягательств в сфере оборота наркотиков претерпел серьезные содержательные изменения, обусловленные необходимостью актуализации нормативных установлений с целью обеспечения адекватного реагирования на новые угрозы. В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации 2021 года, достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение, в том числе, задач, направленных на выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом

Lyudmila A. Spector

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Theories of State and Law,
Institute of Service and Entrepreneurship –
branch of the Don State
Technical University, Shakhty
spektor2@yandex.ru

Alexander D. Malyutin

Student,
Institute of Service and Entrepreneurship –
branch of the Don State
Technical University, Shakhty
spektor2@yandex.ru

**CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES
IN THE FIELD OF ILLICIT TRAFFICKING OF
NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC
SUBSTANCES: MODERNIZATION ISSUES**

■ ■ ■

Annotation. Mechanisms for the implementation of measures aimed at countering drug trafficking can be effective provided that the regulatory framework is of proper quality, therefore there is a clear need to eliminate the existing shortcomings that characterize the current criminal legislation. In this article, the authors analyze a number of technical and legal shortcomings in the norms of anti-drug criminal law.

Keywords: narcotic drugs, psychotropic substances, drugs, drug control, drug trafficking, precursors.

■ ■ ■

наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Исследование предметного содержания преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ позволяют выявить острую проблему, обусловленную тем, что, криминализируя ряд общественно опасных деяний, законодатель не включил в структуру диспозиций некоторые категории предметов, незаконный оборот которых составляет уголовно-правовой институт наркопреступлений. В частности:

– статья 228.2 УК РФ «Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ» и статья 229 УК РФ «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» не определяют в качестве предмета преступления аналоги наркотических средств и психотропных веществ;

– статья 230 УК РФ «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» и статья 232 УК РФ «Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» не содержат указания на такой предмет преступления как растения либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества. Отсутствие в структуре диспозиций указанных норм ряда предметов, оборот которых регулируется ФЗ от 08 января 1998 года «О наркотических средствах и психотропных веществах», может быть обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, возможно, что законодатель не указал на аналоги наркотических средств и психотропных веществ в ст. 228.2, 229 УК РФ, а также растения и их части, содержащие наркотические средства и психотропные вещества в ст. 230, 232 УК РФ, ввиду недостаточной степени общественной опасности данных деяний применительно к указанным предметам. Однако анализ правовых основ отечественной антинаркотической политики позволяет сделать вывод об отсутствии нормативных предпосылок дифференциации степени общественной опасности незаконного оборота наркотиков в зависимости от их предметного содержания [1, с. 21]. Следовательно, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также растений и их частей, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, характеризуется одинаковой степенью общественной опасности.

Вторая причина, по которой была проявлена непоследовательность в изложении предметного содержания ст. 228.2, 229, 230 и 232 УК РФ, возможно обусловлена тем обстоятельством, что законодатель предполагал распространение действия перечисленных норм на все предметы, оборот которых регулируется Федеральным законом от 08 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», в том числе не указанных в диспозиции. Однако такая версия фактически определяет применение аналогии закона, что прямо запрещено ч. 2 ст. 3 УК РФ.

Третья причина рассматриваемой проблемы может быть выражена в технических ошибках при формулировании норм, что обусловило отсутствие единого подхода к криминализации соответствующих деяний в отношении всех предметов, определяемых общим понятием «наркотики». Независимо от того, какая из приведенных

причин является актуальной, ни одна из них не может оправдать наличия имеющихся законодательных пробелов.

В диспозиции ст. 229 УК РФ отсутствует указание на аналоги наркотических средств и психотропных веществ как на возможный предмет преступления, поэтому с учетом недопустимости аналогии закона, факты их хищения не могут подлежать уголовно-правовой оценке. Исходя из этого, при квалификации различных форм противоправного изъятия или обращения аналогов наркотических средств и психотропных веществ в пользу виновного или иных лиц, необходимо руководствоваться положениями ст. 228 УК РФ, фактически отождествляя их хищение с незаконным приобретением, что противоречит принципам и целям уголовного законодательства.

В соответствии с положениями Уголовного кодекса, необходимость квалификации хищения аналогов по ст. 228 УК РФ (по основному составу) определяет его как преступление небольшой тяжести, а квалификация хищения наркотических или психотропных веществ по ст. 229 УК РФ (по основному составу) относит соответствующее деяние к категории тяжких преступлений [2, 68]. Сложившаяся ситуация является абсолютно неприемлемой ввиду очевидного противоречия принципу справедливости. Еще одним аргументом, указывающим о необходимости включения аналогов наркотических средств и психотропных веществ в структуру ст. 229 УК РФ, является то, что хищение наркотических средств и психотропных веществ является уголовно-наказуемым независимо от размера, в то время, как необходимость применения ст. 228 УК РФ в отношении хищения аналогов требует установления признака, выраженного в их значительном размере, что также противоречит с потребностями эффективной практики уголовно-правовой охраны общественных отношений от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Следовательно, необходимо обеспечить включение всех указанных предметов в структуру диспозиций, описывающих содержание различных видов наркопреступлений.

На основании вышесказанного предлагается:

– включить в структуру диспозиции ст. 228.2 и 229 УК РФ специальный предмет преступления «аналоги наркотических средств или психотропных веществ»;

– включить в структуру диспозиции ст. 230 УК РФ специальный предмет преступления «растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества»;

– включить в структуру диспозиции ст. 232 УК РФ специальный предмет преступления «растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества».

Положения ст. 231 УК РФ устанавливают ответственность за незаконное культивирование в крупном размере растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. Уголовное законодательство имеет некорректные формулировки, которые выражены в исключении некоторых предметов, оборот которых регулируется Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах», из структуры криминального посягательства. Относительно рассматриваемой нормы ситуация является обратной потому что, степень общественной опасности прекурсоров, которые, сами по себе, не обладают психоактивным действием, и растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, характеризуется разными показателями, что свидетельствует о том, что установление одинаковой меры ответственности за аналогичные действия в отношении указанных растений и прекурсоров является нарушением принципа справедливости, который определяет, что наказание и иные меры уголовно-правового характера должны соответствовать степени общественной опасности преступления.

Данная проблема может быть решена следующим образом: учитывая тот факт, что прекурсоры сами по себе наркотиками не являются, возможно ограничиться ответственностью за незаконное культивирование растений, их содержащих, только в рамках административного законодательства посредством их исключения из числа предметов, указанных в ст. 231 УК РФ, вследствие чего, предлагается исключить из содержания указанной нормы уголовного закона термин «прекурсоры».

Следует отметить, что степень общественной опасности некоторых из составляющих ст. 228.1 УК РФ деяний не свидетельствует о необходимости их криминализации. К такому относится незаконная пересылка наркотиков, ответственность за которую установлена в ст. 228.1 УК РФ. Очевидно, что степень общественной опасности рассматриваемого деяния характеризуется гораздо меньшими показателями, чем производство или сбыт, являющиеся альтернативными деяниями состава преступления, описанного в указанной норме. На практике встречаются факты, когда

Литература:

1. Доктринальные источники уголовной политики государства: к истории вопроса их формирования / О.А. Андреева [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12-2. С. 20–22.
2. *Татьянина А.В.* Наркоситуация в России на современном этапе: проблемный анализ / А.В. Татьяна // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2021. № 2(34). С. 68–71.

лицо, чтобы не перевозить при себе наркотики, пересылает их из одного адреса на другой не в целях сбыта, а для личного потребления. Степень общественной опасности свершенного фигурантом деяния в таком случае сопоставима с аналогичными показателями преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 228 УК РФ, санкция которой предусматривает максимально строгое альтернативное наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет. Однако в соответствии с буквой закона деяние подлежит квалификации по ст. 228.1 УК РФ, которая устанавливает безальтернативную меру государственного принуждения, выраженную в лишении свободы от 4 до 8 лет. На лицо – несоблюдение принципа справедливости, обуславливающего необходимость соответствия наказания степени общественной опасности деяния.

Оправданность расположения пересылки и сбыта в рамках одной нормы может быть аргументирована только одинаковой степенью их общественной опасности, что возможно только в ситуации, когда пересылка является одним из способов сбыта. Однако, в таком случае, пересылка утрачивает свое уголовно-правовое значение, и действия виновного подлежат ответственности только за сбыт без указания на пересылку, что также вызывает сомнения в необходимости указания пересылки в структуре ст. 228.1 УК РФ. Учитывая вышеизложенное, целесообразно декриминализовать «незаконную пересылку» посредством ее исключения из структуры ст. 228.1 УК РФ. Предложенная мера не сократит возможности правового инструментария по противодействию наркопреступлениям, но исключит дисбаланс между степенью общественной опасности рассматриваемого деяния и предусмотренным за него наказанием.

Итак, для соблюдения всех принципов уголовного права, а также, обеспечения адекватного реагирования на новые угрозы в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, необходима постоянная модернизация нормативных правовых актов и устранение пробелов. Для этого следует учитывать практику применения, совершенствование способов совершения правонарушений и изучение научной литературы и публикаций.

Literature:

1. Doctrinal sources of state criminal policy: to the history of the issue of their formation / O.A. Andreeva [et al.] // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 12-2. P. 20–22.
2. *Tatyana A.V.* Drug situation in Russia at the present stage: problem analysis / A.V. Tatyana // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2021. № 2(34). P. 68–71.

Стуконог Игорь Валериевич

кандидат юридических наук,
исполняющий обязанности руководителя,
Армавирский межрайонный следственный
отдел следственного управления
Следственного комитета
Российской Федерации
по Краснодарскому краю
milena.555@mail.ru

Стуконог Анастасия Игоревна

студентка 3 курса
юридического факультета,
Кубанский государственный
аграрный университет
milena.555@mail.ru

**ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ
С ЖИВОТНЫМИ: НЕКОТОРЫЕ
ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Аннотация. Статья посвящена анализу положений действующего уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за жестокое обращение с животными. В работе исследовано развитие указанной уголовно-правовой нормы во времени, в том числе, с учетом внесенных изменений в действующую редакцию ст. 245 УК РФ. Авторами определены обязательные элементы состава названного преступления, обращено внимание на допущенные нарушения законодательной техники при формулировании отдельных положений ст. 245 УК РФ, создающие сложности в правоприменительной практике. В выводах исследования излагаются предложения, которые позволят выработать единые подходы к квалификации уголовно-наказуемых деяний, выраженных в жестокое обращение с животными.

Ключевые слова: животные, жестокое обращение, гибель и увечье животного, садистские методы, уголовная ответственность.

Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными предусмотрена ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]. Как известно, названная норма включена в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», что свидетельствует о подходе законодателя к содержанию охраняемого этой статьей уголовного закона объекта – общественных отношений, складывающихся между человеком и животным миром в сфере гуманного обращения с

Igor V. Stukonog

Candidate of Legal Sciences,
Acting Head,
Armavir Interdistrict Investigative
Department of the Investigative Committee of the Russian
Federation for the Krasnodar territory
milena.555@mail.ru

Anastasia I. Stukonog

3rd year Student
of the Faculty of Law,
Kuban State Agrarian University
milena.555@mail.ru

**ANIMAL CRUELTY:
SOME PROBLEMS OF REGULATION
OF CRIMINAL LIABILITY**

Annotation. The article is devoted to the analysis of the provisions of the current criminal legislation providing for liability for cruelty to animals. The paper examines the development of this criminal law norm over time, including taking into account the changes made to the current version of Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors identified the mandatory elements of the composition of the named crime, drew attention to the violations of legislative technique in the formulation of certain provisions of Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation, creating difficulties in law enforcement practice. The conclusions of the study set out proposals that will allow us to develop unified approaches to the qualification of criminally punishable acts expressed in animal cruelty.

Keywords: animals, cruel treatment, death and mutilation of an animal, sadistic methods, criminal liability.

животными. Таким образом, это преступление отнесено к числу посягательств на общественную нравственность. Как верно определяет А.А. Середина, «жестокость по отношению к животным, не представляющим опасности для человека, усугубляет формирование у субъектов преступления безразличия к страданиям живых существ и аккумулирует развитие правового нигилизма. Данные преступные деяния оказывают влияние на сознание как субъектов жестокого обращения с животными, так и лиц, ставших наблюдателями

подобных деяний. Общественная опасность данного преступления выражается в том, что такие деяния олицетворяют насилие как допустимое поведение, тем самым подрывают основы духовности и нравственности общества» [21].

Впервые в отечественное уголовное законодательство ответственность за жестокое обращение с животными была введена Указом Президента Верховного Совета РСФСР от 30.03.1988 г. В результате в УК РСФСР 1960 г. появилась ст. 230.1, криминализирующая жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, а равно истязание животных, совершенное лицом, к которому в течение года была применена мера административного взыскания за такие же действия [2]. Таким образом, для привлечения виновного к уголовной ответственности за данное деяние в качестве обязательного условия предусматривалось его привлечение в течение года, предшествующего преступлению, к административной ответственности за аналогичное правонарушение. Полагаем, что данное условие создавало дополнительные сложности в процессе применения названной нормы, в связи с чем в дальнейшем законодатель отказался от использования административной преюдиции.

В первоначальной редакции УК РФ в ч. 1 ст. 245 было криминализовано жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, если это деяние совершено из хулиганских или из корыстных побуждений, или с применением садистских методов, либо в присутствии малолетних [1]. Ответственность по ч. 2 статьи наступала в случае совершения преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой либо неоднократно.

Существенные изменения в названную статью были внесены Федеральным законом от 20.12.2017 г. [3], которым в содержание субъективной стороны преступления введен новый обязательный признак – «в целях причинения животному боли и (или) страданий». Кроме того, ранее имевшие статус конструктивных такие признаки, как «в присутствии малолетнего»; «с применением садистских методов», изменили его, став квалифицирующими обстоятельствами. Круг последних дополнило совершение деяния с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), а равно в отношении нескольких животных.

Разделяем позицию А.А. Середины, полагающей, что «на сегодняшний день отечественное законодательство не является завершенной, логически слаженной системой правовых норм различных отраслей и уровней, позволяющих регулировать общественные отношения в сфере ответственного обращения с животными наиболее эффективным образом» [21]. Наряду с высокой латентностью анализируемого вида преступлений, именно несовершенство уголовного закона объясняет относительно незначительное число уголовных дел, возбуждаемых в стране по ст. 245 УК РФ. Так, в 2015 г. в РФ было зарегистрировано 390 случаев жестокого обращения с животными,

в 2016 г. – 409, в 2017 г. – 491 [21]. В 2019 г. зарегистрировано 490 таких преступлений, что на 10 % больше аналогичного периода прошлого года. При этом в суды направлялось лишь каждое третье преступление [29].

О незначительном числе уголовных дел, оконченных расследованием по ст. 245 УК РФ, свидетельствует и статистика по Краснодарскому краю. Так, в 2017 г. в суд направлено 5 уголовных дел по ч. 1 ст. 245 УК РФ, в 2018 – 2 (и 1 прекращено по реабилитирующим основаниям), в 2019 г. – 5 (и 2 прекращено по реабилитирующим основаниям), в 2020 – 3 (и 1 прекращено по нереабилитирующим основаниям), в 2021 – 5 [30].

Наше общение с отдельными практическими работниками позволило сделать вывод, что не все они уделяют должное внимание вопросам выявления и расследования названных преступлений. Некоторые из них полагают, что такие деяния «второстепенны», не являются тяжкими (действительно, максимальное наказание за совершение квалифицированного жестокого обращения с животным не превышает 5 лет лишения свободы, в связи с чем деяние относится к преступлениям средней тяжести), не несут значимой общественной опасности.

Мы не разделяем такую позицию, так как рядом криминологических исследований установлено, что множество лиц, совершивших преступления против личности, будучи в несовершеннолетнем возрасте, неоднократно совершали жестокое обращение с животными. При отсутствии надлежащей юридической оценки жестокость обретает характер устойчивости, трансформируясь в черту личности, что создает почву для дальнейшего девиантного поведения [21].

Обратимся к характеристике состава жестокого обращения с животными, а также к имеющимся проблемам привлечения к уголовной ответственности за это деяние.

Предметом посягательства являются животные вне зависимости от форм собственности на них и отнесения к категории диких, домашних, содержащихся в неволе или полувольных условиях.

Состав преступления является материальным: обязательными признаками объективной стороны являются совершение деяния (жестокое обращение с животными в форме действия или бездействия), последствия (гибель или увечье), а также – причинно-следственная связь между содеянным и наступившими последствиями [11]. Жестокое обращение с животными может выражаться в систематическом избиении животных, причинении боли, страданий, нанесении увечий, ран, оставлении без пищи и воды, членовредительстве, проведении ненаучных опытов и т.п.

В настоящее время законодатель сформулировал понятие «жестокое обращение с животными», что, безусловно, будет способствовать формированию более унифицированной правоприменительной практики. Так, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 27.12.2018 г.

№ 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», под жестоким обращением с животными следует понимать обращение с животным, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе, голодом, жаждой, побоями, иными действиями), нарушение требований к содержанию животных, установленных этим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (в том числе, отказ владельца от содержания животного), причинившее вред здоровью животного, либо неоказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии [4].

Организация собачьих, петушиных и иных боев, проведение научно-исследовательских работ, тренировка и дрессировка животных, сопряженные с их мучением, также подпадают под действие ст. 245 УК РФ [6].

Преступление совершается умышленно. При этом обязательными признаками субъективной стороны являются: цель – причинение животному боли или страданий; а равно перечисленные в диспозиции статьи альтернативные мотивы – корыстные или хулиганские побуждения [7].

Названные признаки субъективной стороны преступного деяния четко ограничивают преступление, предусмотренное ст. 245 УК РФ, от правонарушений, влекущих иную ответственность (гражданско-правовую или административную [5]). Вместе с тем, на наш взгляд, именно они вызывают наибольшую сложность в процессе доказывания.

В качестве субъекта преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, может выступать только вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

Признаки квалифицированного состава (ч. 2 ст. 245 УК РФ) ранее уже названы.

Анализ как самой ст. 245 УК РФ, так и складывающейся судебно-следственной практики ее применения позволяют сделать вывод о наличии ряда требующих разрешения проблем.

Начнем с того, что в действующем российском законодательстве отсутствует закрепленное определение понятия «животное». В связи с этим учеными высказываются две противоположные точки зрения относительно того, совершение жестокого обращения с какими из них образует состав преступления.

Толковые словари русского языка трактуют животное как «живое существо, способное двигаться и чувствовать» [18, с. 2546]. К таковым существам следует относить зверей, птиц, рыб, пресмыкающихся и другие организмы, в том числе простейших (насекомых, моллюсков,

ракообразных и т.д.). При этом отдельные исследователи [8; 9; 14; 23, с. 21] к предмету преступления не относят живых существ, не являющихся высшими млекопитающими и птицами, например, земноводных (лягушки), пресмыкающихся (змеи), насекомых (жуки) и т.п. В частности, А.А. Батяев полагает, что «судебная практика не относит к животным как предмету преступления относящихся к типу хордовых рыб, земноводных (лягушек, жаб), пресмыкающихся (черепах, крокодилов, ящериц, змей). Не может рассматриваться как жестокое обращение с животными охота на них; умерщвление их без излишних мучений (для получения мяса и шкур, при охоте)» [12].

Данная группа ученых мотивирует свои выводы тем, что для посягательства на общественную нравственность боль и мучения животного должны быть очевидны при внешнем наблюдении. Такое возможно только при жестоком обращении с высшими животными.

Другие исследователи [15; 17] полагают, что под уголовно-правовой защитой должны находиться все формы живых существ, так как отсутствуют формальные основания для исключения тех или иных групп видов животных из предмета преступления, указанного в ст. 245 УК РФ. Так, В.С. Мирошниченко отмечает, что пресмыкающиеся (ящерицы, змеи и т.п.) также чувствуют боль и реагируют на нее аналогично млекопитающим и птицам. Отсюда вполне логичный вопрос: почему жестокое обращение с мышью (или другим млекопитающим) преступно, а со змеей нет? Почему общественная опасность в первом случае есть, а во втором отсутствует? Никакого логичного и аргументированного ответа здесь дать невозможно. Полагаем, по смыслу ст. 245 УК РФ основным здесь выступает не воздействие на какой-то конкретный вид животного, а наличие внешне наблюдаемых страданий живого организма. Поэтому в качестве предмета жестокого обращения с животными следует рассматривать любой организм, относящийся к царству животных [17].

Мы разделяем эту позицию и, в то же время, полагаем, что правоприменители при определении предмета рассматриваемого посягательства также могут и должны применять положения ч. 2 ст. 14 УК РФ, гласящей, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Не раскрывает законодатель и системы оценки причиненного животному вреда, критериев, на основании которых можно было бы разграничить увечье и обычный вред [25]. Однозначного понятия «увечье» не существует. С.И. Ожегов определяет увечье как нанесение ран, калечение [19, с. 809]. Встречается понятие «увечье» и как вид «тяжкого телесного повреждения» [22, с. 1387]. Р.Д. Шарапов полагает, что применительно к анализируемой норме уголовного закона под увечьем следует понимать телесное повреждение любой степени тяжести [26, с. 54].

М.А. Шабалина отмечает, что уголовное законодательство говорит о причинении вреда здоровью исключительно человека и предлагает закрепить в данных статьях понятия экстраполировать, в том числе, на вред, наносимый здоровью животных [25].

Подобное применение аналогии закона находит свое отражение и в ряде решений судов. Так, в постановлении Ленинского районного суда г. Ставрополя от 16 марта 2017 г. по делу № 10-15/2017 суд признал увечьем вред, выразившийся в тупой травме живота – повреждении органов брюшной полости (забрюшинной гематоме в области правой почки, разрыве печени) и внутрибрюшном кровотечении [27].

С учетом сказанного, мы разделяем предложение М.А. Шабалиной, полагающей возможным «провести следующую дифференциацию между «увечьем» и «вредом здоровью»: «под увечьем в рамках ст. 245 УК РФ должен пониматься тяжкий вред здоровью животного, который опасен для его жизни или влечет потерю зрения, слуха либо какого-либо органа, или полную или временную утрату органом его функций, а под причинением вреда здоровью – легкий вред здоровью животного и вред средней тяжести» [25].

Одной из наиболее сложно доказуемых при возбуждении и расследовании уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 245 УК РФ, является цель в виде *причинения животному боли и страданий*, поскольку зачастую она смешивается участниками процесса и судами с садизмом, что приводит к неправильной квалификации содеянного. Причинение боли и страданий животному является одной из целей деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 245 УК РФ, в то время, как использование садистских методов относится к квалифицирующим признакам преступления (ч. 2 ст. 245 УК РФ) [25].

В научной литературе и ранее поднимался вопрос относительно определенных трудностей, возникающих при толковании термина «страдания»: подразумеваются ли здесь только физические мучения, или животные могут испытывать также и психические и моральные страдания [24, с. 220].

Неоднозначность правоприменения наглядно иллюстрируется постановлением Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 53-АД19-9, которым потерпевшей отказано в передаче материалов дела в орган дознания для установления состава преступления по ст. 245 УК РФ, поскольку суд не увидел в действиях обвиняемого жестокого обращения с животным, несмотря на то, что обвиняемый нанес собаке потерпевшей 13 ножевых ударов, в результате которых животное скончалось [10].

Верной видится точка зрения В.Н. Китаевой, определившей, что «садистские методы жестокого обращения с животными характеризуются двумя факторами: объективным – животному причиняется особо длительная и мучительная боль и субъективным – виновному доставляет

удовольствие наблюдать мучения животного» [16, с. 571].

Близко по смыслу формулирует содержание садистских методов и Е.В. Бочаров, усматривая в нем «причинение страданий животным путем побоев, нанесения вреда их здоровью, а также истязания, в результате которых виновное лицо испытывает удовольствие от совершения жестокого обращения с животным» [13, с. 158].

Мы разделяем выводы В.С. Мирошниченко, полагающего, что «законодатель включил признак садизма при жестоком обращении с животными именно по причине того, что некоторые лица мучают животных для получения удовольствия... Поэтому совершенно обоснованно следует оценивать проявление садизма через желание получить удовольствие при наблюдении за страданиями животного. Законодатель в данном случае неудачно отобразил свою цель при формулировании нормы, закрепленной в ст. 245 УК РФ. Садизм должен быть не способом, а мотивом преступления. На этом основании полагаем, что редакцию ч. 1 ст. 245 УК РФ необходимо скорректировать, заменив термин «садистские методы» на «садистские побуждения» [17].

Считаем, что введение законодателем в ст. 245 УК РФ альтернативных обязательных признаков состава преступления – причинение животному боли и (или) страданий наряду с совершением жестокого обращения с животным без этого обстоятельства, но из корыстных или хулиганских побуждений, также не способствует формированию единого правоприменения. Полагаем, что эти мотивы находятся даже в некоем противоречии с назначением рассматриваемой уголовно-правовой нормы, заключающимся в защите общественной нравственности в сфере гуманного обращения с животными.

На допущенные нарушения законодательной техники при формулировании авторами поправок в ст. 245 УК РФ обращает внимание ряд ученых [20, с. 23, 25; 23, с. 23].

Так, судами выносятся обвинительные приговоры лицам, признанным виновными в совершении убийства животного с целью дальнейшего употребления его мяса в пищу, при этом в качестве обязательного признака состава преступления указывается корыстный мотив, вопросы причинения мучений животному не исследуются или исследуются в недостаточной мере [28].

По нашему мнению, из диспозиции ч. 1 ст. 245 УК РФ следует исключить как излишне предусмотренные альтернативные признаки состава преступления – совершение его из корыстных или хулиганских побуждений.

Кроме того, считаем необходимым внести изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ и предусмотреть возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 245 УК РФ лиц, достигших ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста.

Подводя итог сказанному, констатируем, что наличие в уголовном законе нормы об ответственности за жестокое обращение с животными является обоснованным и необходимым, однако ее редакция вызывает трудности в правоприменительной практике и требует корректировки с учетом высказанных ранее предложений. Кроме

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 20.12.2017 № 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Закон Краснодарского края от 23.07.2003 № 608-КЗ (ред. от 22.12.2021) «Об административных правонарушениях» (принят ЗС КК 17.07.2003) (с изм. и доп., вступающими в силу с 22.02.2022) (ст. 2.5 (3)). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 7-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А.И. Рарог. М. : «Проспект», 2011.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Г.А. Есакова. М. : Проспект, 2021.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Я.Е. Иванова [и др.]; Под ред. А.В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2010.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Особенная часть. Раздел IX. Т. 3 / Отв. ред. В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017.
10. Постановление Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 53-АД19-9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Байбородова Д.Д. Ответственность за жестокое обращение с животными по российскому законодательству: реальность и перспективы. URL : https://pravo.hse.ru/data/2020/06/11/1606233618/Bajborodova_Zhestokoe%20obrashchenie.pdf (дата обращения 06.06.2022).

того, с целью обобщения складывающейся судебной практики и выработки единых подходов усматривается необходимость в принятии руководящих разъяснений Пленума Верховного суда РФ по вопросам применения законодательства при рассмотрении уголовных дел означенной категории.

Literature:

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 25.03.2022). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
2. The Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR 27.10.1960). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
3. Federal Law № 412-FZ dated 20.12.2017 «On Amendments to Articles 245 and 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 150 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
4. Federal Law № 498-FZ of 27.12.2018 (as amended on 11.06.2021) «On responsible treatment of animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
5. The Law of the Krasnodar Territory of 23.07.2003 № 608-KZ (ed. of 22.12.2021) «On Administrative Offenses» (adopted by the CC CC on 17.07.2003) (with amendments and additions, effective from 22.02.2022) (Art. 2.5 (3)). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
6. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article). 7th ed., reprint. and additional / Ed. by A.I. Rarog. M. : «Prospect», 2011.
7. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) 9th ed., reprint. and add. / Edited by G.A. Esakov. M. : Prospect, 2021.
8. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / A.V. Brilliantov, G.D. Dolzhenkova, Ya.E. Ivanova, [et al.]; Ed. A.V. Brilliantova. M. : Prospect, 2010.
9. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation : in 4 vol. The special part. Section IX. Vol. 3 / Ed. V.M. Lebedev. M. : Yurayt, 2017.
10. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53-AD19-9 of 12/24/2019. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
11. *Bayborodova D.D.* Responsibility for animal cruelty under Russian legislation: reality and prospects. URL : https://pravo.hse.ru/data/2020/06/11/1606233618/Bajborodova_Zhestokoe%20obrashchenie.pdf (date of the application 06.06.2022).

12. *Батяев А.А.* Справочник собственника, или институт собственности от начала до конца. 2006. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. *Бочаров Е.В.* Объективная сторона состава жестокого обращения с животным / Е.В. Бочаров // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 8(054).
14. *Горохов Д.Б.* Проблемный результат отечественного правотворчества: законодательное установление охраны «жизни или здоровья животных и растений». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. *Краев Н.В.* Законодательство о гуманном отношении к животным / Н.В. Краев, С.И. Миньков (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2011). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. *Китаева В.Н.* Некоторые аспекты противодействия жестокому обращению с животными / В.Н. Китаева // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3.
17. *Мирошниченко В.С.* Некоторые вопросы квалификации жестокого обращения с животными (статья 245 УК РФ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 2008.
19. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1960.
20. *Семенов К.П.* Жестокое обращение с животными: некоторые проблемы квалификации преступлений / К.П. Семенов // Научный портал МВД России. 2019. № 1(45).
21. *Середина А.А.* Уголовно-правовая характеристика жестокого обращения с животными. Автореферат бакалаврской работы. Саратов. 2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Советский энциклопедический словарь. М., 1990.
23. *Танага И.В.* Вопросы совершенствования юридической ответственности за жестокое обращение с животными / И.В. Танага, Е.В. Миллеров // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 3(41).
24. *Филатова Н.Ю.* Цель в виде причинения боли и (или) страданий животному при жестоком обращении с ним / Н.Ю. Филатова // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам VIII-й Международной научно-практической конференции. СПб., 2020.
25. *Шабалина М.А.* Проблемы квалификации жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. *Batyayev A.A.* Owner's Handbook, or the institute of property from beginning to end. 2006. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
13. *Bocharov E.V.* The objective side of the composition of animal cruelty / E.V. Bocharov // Socio-economic phenomena and processes. 2013. № 8(054).
14. *Gorokhov D.B.* Problematic result of domestic law-making: legislative establishment of protection of «life or health of animals and plants». Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
15. *Kraev N.V.* Legislation on humane treatment of animals / N.V. Kraev, S.I. Minkov (Prepared for the ConsultantPlus system, 2011). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
16. *Kitaeva V.N.* Some aspects of countering cruelty to animals / V.N. Kitaeva // All-Russian Criminological Journal. 2016. Vol. 10. № 3.
17. *Miroshnichenko V.S.* Some issues of qualification of cruelty to animals (Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
18. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. Moscow, 2008.
19. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. M., 1960.
20. *Semenov K.P.* Animal cruelty: some problems of crime qualification / K.P. Semenov // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1(45).
21. *Seredina A.A.* Criminal and legal characteristics of animal cruelty. Abstract of bachelor's thesis. Saratov. 2018. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
22. Soviet Encyclopedic dictionary. M., 1990.
23. *Tanaga I.V.* Issues of improving legal responsibility for cruelty to animals / I.V. Tanaga, E.V. Millerov // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3(41).
24. *Filatova N.Yu.* The goal in the form of inflicting pain and (or) suffering to an animal during cruel treatment with it / N.Yu. Filatova // Criminal policy and law enforcement practice. Collection of articles based on the materials of the VIII-th International Scientific and Practical Conference. Spb., 2020.
25. *Shabalina M.A.* Problems of qualification of cruelty to animals (Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

26. Шаратов Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными / Р.Д. Шаратов // Юридическая наука и правоохранительная деятельность. 2019. № 1(47).

27. Постановление Ленинского районного суда г. Ставрополя от 16 марта 2017 г. по делу № 10–15/2017. URL : <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-leninskii-raionnyi-sud-g-stavropolia-stavropolskii-krai>

28. Приговор мирового судьи судебного участка № 16 Ленского района Республики Саха «Якутия» от 30.01.2008 по делу № 1–2-16/218 // РосПравосудие – судебная практика: сайт. URL : <https://rospravosudie.com>

29. Интервью начальника Управления организации дознания МВД России генерал-майор полиции Сергея Манахова. URL : <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/aktualno/opravdaniy-ne-nashlos>

30. Отчеты по форме «1-Е» за 2017, 2018, 2019, 2020 и 2021 гг. // Архив прокуратуры Краснодарского края.

26. Sharapov R.D. Criminal responsibility for cruelty to animals / R.D. Sharapov // Legal science and law enforcement. 2019. № 1(47).

27. Resolution of the Leninsky District Court of Stavropol dated March 16, 2017 in case № 10-15/2017 URL : <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-leninskii-raionnyi-sud-g-stavropolia-stavropolskii-krai>

28. The verdict of the justice of the Peace of the judicial precinct No. 16 of the Lensky district of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 30.01.2008 in case № 1-2-16/218 // Rospravudie – judicial practice: website. URL : <https://rospravosudie.com>

29. Interview of the head of the Department of the organization of the inquiry of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major General Sergei Manakhov. URL : <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/aktualno/opravdaniy-ne-nashlos>

30. Reports on the form «1-E» for 2017, 2018, 2019, 2020 and 2021 // Archive of the Prosecutor's Office of the Krasnodar Territory.

Суменков Сергей Юрьевич

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Пензенский государственный университет
sumenkov@bk.ru

Осипов Роман Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
теории государства и права,
Саратовская государственная
юридическая академия
magistr_sar@mail.ru

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются Правосознание как компонент правовой действительности. Правовая действительность является частью системной действительности, с такой позиции право следует считать системой норм и законов, а государство – системным институтом. В статье обобщаются точки зрения относительно сущности двух категорий правовая действительность и ее составного элемента – правосознания. Одно без другого существовать не может.

Ключевые слова: идеология, правовая действительность, правоприменение, правосознание, системность.

Пользуясь дедуктивным методом, начнем наше исследование с правовой действительности, постепенно переходя к одному из ее компонентов – правосознанию. Отметим, что в теории права отождествляется правовая реальность и правовая действительность, к такому мнению приходят такие авторы, как Ю.А. Жилина [1], Е.Г. Зинков [2], А.В. Петров [3] и др.

Правовой действительность рассматривают в первую очередь с точки зрения философско-правовых позиций, к примеру, ряд авторов основным вопросом правовой онтологии считают вопрос «о специфике правовой реальности и онтологической структуре права» [4, с. 215].

Характеризуя правовую действительности, выделим ее основные черты:

- онтологическая природа права;
- наличие структуры;
- правовое отношение и правосознание;

Sergey Yu. Sumenkov

Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department of State
and Legal Disciplines,
Penza State University
sumenkov@bk.ru

Roman A. Osipov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Theories of State and Law,
Saratov State
Law Academy
magistr_sar@mail.ru

LEGAL AWARENESS AS A COMPONENT OF LEGAL REALITY

Annotation. The article analyzes legal awareness as a component of legal reality. Legal reality is part of the systemic reality, from this position, law should be considered a system of norms and laws, and the state – a systemic institution. The article summarizes the points of view regarding the essence of the two categories of legal reality and its constituent element – legal awareness. One cannot exist without the other.

Keywords: ideology, legal reality, law enforcement, legal awareness, consistency.

- идеологическая составляющая;
- проявляется в форме права и его источников;
- всеобщая обязательность и нормативность источников права;
- государственная обеспеченность (гарантия государства обеспечения исполнения прав и обязанностей);
- возможность злоупотребления правом;
- наличие справедливости и пр.

Правовая действительность является частью системной действительности, с такой позиции право следует считать системой норм и законов, а государство – системным институтом.

Чаще всего, дают толкование правовой действительности в двух смыслах: широком и узком. Так, в широком смысле, под правовой действительностью О.Г. Данильян предлагает понимать общую

совокупность правовых феноменов, возникающих в общества. Узкое толкование исследуемого термина, видится данному автору, в содержании правовых отношений [5].

Неоднозначна и субъективна точка зрения С.Л. Слободнюка, в которой он выразил отрицательное служение правовой реальности, как философии, так и праву, говоря о том, что о данной правовой категории много пишут как «философы, увлекшиеся правом, так и правоведа, ступившие на путь философских чащоб» [6].

Обратимся к мнению Г.И. Иконниковой, которая в своем исследовании пишет о взаимодействии системного мира, общества и повседневной реальности, выделяя при этом три подхода в определении правовой действительности: феноменологический (на основе восприятия бытия права), системный (где правовая действительность тождественна с правовой системой) и элементный (говорит о тесном взаимодействии правовой действительности с волей и сознанием людей) [7].

Точку зрения Г.И. Иконниковой относительно системного подхода разделяют и саратовские ученые Н.И. Матузов [8] и А.В. Малько [9]. Однако следует учитывать и иное мнение о том, что понятие «правовая действительность» шире нежели правовая система; к такому умозаключению приходит П.А. Рачков [10, с. 24].

Правовым идеалом в правовой действительности должны быть нормативно-правовые ценности, отраженные в принципах различных отраслей права. Применительно к действительности, материальные ценности проявляются в законодательстве, правоприменении, правовой культуре и правосознании общества.

Идеологическая составляющая правовой действительности обусловлена категорией «правосознание населения», которое формируются за счет государственной идеологии, государственной правовой политики. По существу, правовая идеология – это структурный элемент правосознания, который включает в себя систематизированное научное выражение правовых взглядов, требований, идей общества о праве. Правовая идеология также охватывает правотворчество и правоприменение.

Правоведы сходятся в своём мнении о том, что главными отличительными чертами российского правового менталитета и правосознания являются его общинность или соборность, ему, в свою очередь, соответствуют такие понятия, как «нравственность», «религиозность», «справедливость» и «патернализм», т.е., властная трактовка права [11]. В совокупности, все перечисленные элементы способствовали появлению уникального российского менталитета и сознания. Право в национальной традиции понимается не просто как способ построения общественных отношений и их строгого регулирования, но и элемент духовной жизни, тесно связанный с моральными традициями и убеждениями российского общества. Специфика отечественного правового менталитета и правосознания предполагает, что

правоведы учитывают его в процессе построения правовой системы государства.

По нашему мнению, в условиях формирования правосознания населения роль правовой идеологии растет. Ведущая роль в данном аспекте отводится правовому воспитанию, которое представляет собой целенаправленный процесс воздействия на сознание общества и его отдельных граждан с целью формирования у них высокого уровня правосознания и правовой культуры. Правовое воспитание на уровне государства достигается путем обучения, просвещения и пропаганды среди населения. Помимо правовой идеологии в структуре правосознания выделяют еще один крупный пласт – правовую психологию. Правовая психология выражает психическое отношение к праву, и состоит из общественного интереса, мотивов деятельности, психологического уклада, чувств, эмоций, настроения и т.п. [12, с. 43]

В теории права правосознание исследовалось с различных сторон, так Н.Н. Попова дает следующее определение правосознанию – «это феномен, который основан на субъективном отражении индивидом объективно существующей и развивающейся социальной реальности». Совокупность индивидуальных правосознаний образует правосознание коллективное [13].

Л.В. Карнаушенко, отмечает, что правосознание, будучи элементом мировоззрения, отражающим область правовых норм и правовых отношений, может принимать многообразные формы и, в том числе, различаться содержательно. По этой причине, детализация форм правосознания по критерию определяющих его установок не только представляет существенный теоретический интерес, но и способствует углубленному осмыслению специфики правового поведения членов общества в зависимости от того, какие формы мировоззрения в наибольшей мере характерны для членов конкретного общества [14, с. 21].

Еще одна точка зрения принадлежит В.Н. Корневу, который объектом правосознания видит не объективную действительность, а взгляды, идеи, представления, суждения о государственно-правовых явлениях. «Правосознание – это теоретическое и эмоционально-ценностное восприятие и осознание господствующих в обществе идей о существующем или желаемом государстве, праве и правосудии, выраженное в совокупности знаний, чувств, переживаний, определяемых политическими интересами и ценностями» [15, с. 390].

В некоторых научных работах прослеживается тезис о том, что правосознание может быть либо со знаком «плюс» (положительным), либо со знаком «минус» (отрицательным), это, по нашему мнению, затрагивает его содержание и предполагает, что правосознание не может быть инертным. Любой человек при этом обладает правосознанием, классики правовой мысли отмечали: «Нет человека без правосознания... Правосознание как духовный орган, необходимый человеку, участвует так или иначе во всей его жизни даже и тогда, когда человек совершает преступление» [16, с. 224].

Таким образом, можно заключить, что высокий уровень правосознания свойственен положительному правосознанию, при это правосознание имеет возможность развиваться, правосознанием со знаком минус (отрицательным) наделен каждый человек, и только от его сознания зависит возможность трансформации.

В данной статье под правосознанием мы склонны понимать «форму общественного сознания, совокупность представлений и чувств, выражающих отношение субъекта к праву, его принципам, нормам, учреждениям и институтам» [17, с. 131].

Ю.А. Зикинов отмечает, что ценностно-нормативные целевые показатели правосознания, отражающие преемственность и закрепление социальных норм, уровень общественной легитимации традиционных ценностей российской культуры и результативности культурной политики, могут быть сгруппированы по следующим основаниям:

- источник социальной нормы (народная традиция, духовный авторитет, совесть, государство);
- существующие масштабы распространения социальной нормы (социальная группа, этнокультурная или религиозная общность, нация в целом);
- механизм действия социальной нормы (привычка, вера, законопослушность);
- контролирующая функция социальной нормы (характер санкций, поощрений);
- целостность нормативного регулирования (наличие или отсутствие диспропорций, расчлененности структурных элементов: гипотезы, собственно исполнения и мер воздействия) в освоении традиционных ценностей, взаимосвязь и взаимодополнение норм;
- функциональность нормы (осуществление главных функций разрешения, предписания и запрещения) и наличие дисфункций;
- реальность, формальность, идеальность нормы;
- прочность и глубина освоения российских ценностей и смыслов в процессе усвоения нормы (наличие обоснования, понимание ценностного основания нормы);

Литература:

1. Жилина Ю.А. Правовая реальность как философско-правовая категория: понятие и структура / Ю.А. Жилина // Молодой ученый. 2015. № 3(83). С. 640–643.
2. Зинков Е.Г. Правовая реальность и правовая действительность: понятие, категория, концепт в правовом пространстве / Е.Г. Зинков // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-realnost-i-pravovaya-deystvitelnost-ponyatie-kategoriya-kontsept-v-pravovom-prostranstve> (дата обращения 28.06.2022).

– соответствие традиционным ценностям новых норм [18].

Интересный аспект правосознания затрагивается Н.Н. Поповой, которая исследует развитие правосознания в цифровом обществе. Так, ей отмечается, что в рамках цифрового общества развивается та система ценностей, которая является базисом социального регулирования, составляет нравственный императив права. Правовые ценности, являющиеся важной составной частью правосознания, подвергаются трансформации [13]. Вслед за ними меняются критерии оценки правового поведения, что влечет за собой размытие его рамок.

В ее понимании правосознание может быть как коллективное, так и индивидуальное, данную концепцию автор подтверждает рассуждениями относительно особенностей развития правосознания в цифровом обществе выступает усиление его фрагментации. Фрагментация правосознания – процесс, связанный с дроблением единого коллективного правосознания на определенные сегменты, сохраняющие взаимосвязи, но отличающиеся по некоторым параметрам.

Таким образом, действующее право находится в области эмпирического бытия, а значит, доступно научному познанию. Более того, его надо не только и не столько принимать как фактическую реальность, но и изучать, чтобы по возможности совершенствовать.

Правосознание представляет собой важный социально-правовой феномен, элемент правовой действительности, определяющий возможность выстраивания правовых отношений в обществе на основе правовых норм. Правосознание содержит в себе, помимо совокупности сведений о существующих нормах права, также и характер отношения действующего субъекта к праву, что оказывает непосредственное влияние на форму и направленность его деятельности. Отметим, что именно этот аспект и является существенным для правового поведения, поскольку одно только знание законов не гарантирует реализацию правового поведения членов общества: известно множество примеров хорошо знающих законы преступников.

Literature:

1. Zhilina Yu.A. Legal reality as a philosophical and legal category: concept and structure / Yu.A. Zhilina // Young scientist. 2015. № 3(83). P. 640–643.
2. Zinkov E.G. Legal reality and legal reality: concept, category, concept in the legal space / E.G. Zinkov // North Caucasian Legal Bulletin. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-realnost-i-pravovaya-deystvitelnost-ponyatie-kategoriya-kontsept-v-pravovom-prostranstve> (date of the application 06/28/2022).

3. *Петров А.В.* Правовая действительность / А.В. Петров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 150–158.
4. *Куляскина И.В.* Об онтологической природе права / И.В. Куляскина // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. № 96.
5. *Данильян О.Г.* Философия права : учеб. / О.Г. Данильян, Л.Д. Байрачная; Под ред. О.Г. Данильяна. М. : Эксмо, 2005. 416 с.
6. *Слободнюк С.Л.* Правовая реальность и правосознание в методологическом дискурсе / С.Л. Слободнюк // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-realnost-i-pravosoznanie-v-metodologicheskom-diskurse> (дата обращения 28.06.2022).
7. *Иконникова Г.И.* Основы философии права: учеб. / Г.И. Иконникова, В.П. Лященко. М. : Юрайт, 2014. 359 с.
8. *Матузов Н.И.* Правовая система и правовая жизнь: методологический аспект / Н.И. Матузов; Под ред. М.И. Байтина // Вопросы теории и истории государства и права: Актуальные проблемы современного российского государства и права: Межвуз. науч. тр. Вып. 4 (13). Саратов, 2003. С. 19–25.
9. *Малько А.В.* Теория государства и права. М. : Юрист, 2004. 776 с.
10. *Рачков П.А.* Слово об общественном идеале, его понятии и ценности / П.А. Рачков // Вестник Московского университета. Сер. «Философия». 1995. № 2. С. 24–25.
11. *Азнагулова Г.М.* Правовой менталитет и правовая идеология современного российского общества / Г.М. Азнагулова // Юридическая мысль. 2014. № 4. С. 5–11.
12. *Каландаришвили З.Н.* Правовое воспитание и его актуальные проблемы в современном российском обществе / З.Н. Каландаришвили // Право и образование. 2009. № 5. С. 42–48.
13. *Попова Н.Н.* Правосознание в условиях формирования цифрового общества / Н.Н. Попова // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 2(46). С. 34–39.
14. *Карнаушенко Л.В.* Естественно-правовые и позитивно-правовые установки как элемент правосознания / Л.В. Карнаушенко // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 41. № 1. С. 20–24.
15. *Корнев В.Н.* Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в. : дис. ... д-р. юрид. наук. М., 2006. 437 с.
3. *Petrov A.V.* Legal validity / A.V. Petrov // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2015. №. 4. P. 150–158.
4. *Kulyaskina I.V.* On the ontological nature of law // Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. 2022. № 96. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ontologicheskoy-prirode-prava> (date of the application 06/28/2022).
5. *Danilyan O.G.* Philosophy of Law: studies / O.G. Danilyan, L.D. Bayrachnaya; Edited by O. G. Danilyan. M. : Eksmo Publishing House, 2005. 416 p.
6. *Slobodnyuk S.L.* Legal reality and legal consciousness in methodological discourse / S.L. Slobodnyuk // Theory and practice of social development. 2012. № 11. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-realnost-i-pravosoznanie-v-metodologicheskoy-diskurse> (date of the application 28.06.2022).
7. *Ikonnikova G.I.* Fundamentals of the Philosophy of law : textbook / G.I. Ikonnikova, V.P. Lyashenko. M. : Yurayt, 2014. 359 p.
8. *Matuzov N.I.* Legal system and legal life: methodological aspect / N.I. Matuzov; Ed. by M.I. Baytin // Questions of theory and history of state and law: Actual problems of the modern Russian state and law: Intercollegiate scientific work. Iss. 4 (13). Saratov, 2003. P. 19–25.
9. *Malko A.V.* Theory of State and law. M. : Lawyer, 2004. 776 p.
10. *Rachkov P.A.* A word about the social ideal, its concept and value / P.A. Rachkov // Bulletin of the Moscow University. Ser. «Philosophy». 1995. № 2. P. 24–25.
11. *Aznagulova G.M.* Legal mentality and legal ideology of modern Russian society / G.M. Aznagulova // Legal thought. 2014. № 4. P. 5–11.
12. *Kalandarishvili Z.N.* Legal education and its actual problems in modern Russian society / Z.N. Kalandarishvili // Law and Education. 2009. № 5. P. 42–48.
13. *Popova N.N.* Legal awareness in the conditions of the formation of a digital society / N.N. Popova // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2022. № 2(46). P. 34–39.
14. *Karnaushenko L.V.* Natural-legal and positivelegal attitudes as an element of legal consciousness / L.V. Karnaushenko // Legal Bulletin of DSU. 2022. Vol. 41. № 1. P. 20–24.
15. *Kornev V.N.* Problems of the theory of the state in the liberal legal thought of Russia in the second half of the XIX – early XX century : dis. ... d-r. jurid sciences. M., 2006. 437 p.

16. *Ильин И.А.* собрание сочинений. М., 1993. Т. 1. 398 с.

17. *Осипов Р.А.* Правовая информированность и правосознание граждан: вопросы теории : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 215 с.

18. *Закунов Ю.А.* Ценность правосознания в наследовании культурных традиций российской цивилизации / Ю.А. Закунов // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1(57). С. 243–245.

16. *Ilyin I.A.* collected works. M., 1993. Vol. 1. 398 p.

17. *Osipov R.A.* Legal awareness and legal awareness of citizens: questions of theory : dis. ... cand. of legal sciences. Saratov, 2018. 215 p.

18. *Zakunov Yu.A.* The value of legal consciousness in the inheritance of cultural traditions of the Russian civilization / Yu.A. Zakunov // Legal science and practice // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1 (57). P. 243–245.

Тростянецкая Виктория Викторовна
Краснодарский университет
МВД России
vikamvd565656@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА «ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕНАВИСТИ» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И США

Аннотация. В статье проводится сравнительная характеристика уголовно-правового законодательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, в контексте ответственности за преступления, совершаемые по мотивам ненависти. Рассматриваются основополагающие аспекты уголовных законов США с целью исследования механизма криминализации деяний и квалифицирующих признаков в рамках категории преступлений, совершаемых по мотивам ненависти. Выявляя кардинальные особенности американского уголовного законодательства, автор проводит параллель с уголовным законодательством нашей страны.

Ключевые слова: преступления ненависти, свобода слова, уголовное законодательство США, мотив ненависти, возбуждение вражды, пропаганда, криминализация, квалифицирующие признаки.

Правовой анализ противоправных деяний, нарушающих национальную безопасность, конституционный строй, права и свободы человека и гражданина, а также, унижающих его достоинство, приобретают все большую актуальность, поскольку происходит постепенное осознание высокой общественной опасности данных преступных действий. В настоящее время все большее количество подобных преступлений совершается по мотивам ненависти.

Преступления, совершаемые по вышеуказанным мотивам предполагают наличие умысла, вызванного предрассудками или предубеждениями в отношении лица или группы лиц, по каким-либо признакам, определяющим его принадлежность к социальной группе, на основании чего, данные действия несовместимы с основополагающими ценностями социума – равенство и уважение прав всех граждан.

Следует отметить, что преступления, совершаемые по мотивам ненависти, состоят из двух самостоятельных аспектов:

– действие, которое в соответствии с требованиями уголовного закона, является преступлением;

Victoria V. Trostyanetskaya
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
vikamvd565656@mail.ru

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RESPONSIBILITY FOR «HATE CRIMES» IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE USA

Annotation. The article presents a comparative characteristic of the criminal law legislation of the Russian Federation and the United States of America, in the context of responsibility for hate crimes. The fundamental aspects of US criminal laws are considered in order to study the mechanism of criminalization of acts and qualifying features within the category of hate crimes. Revealing the cardinal features of the American criminal legislation, the author draws a parallel with the criminal legislation of our country.

Keywords: hate crimes, freedom of speech, US criminal law, hate motive, incitement of hostility, propaganda, criminalization, qualifying signs.

– мотив, основанный на предрассудках или предубеждениях, который предполагает наличие субъективной стороны состава преступления [1].

Из анализа вышеуказанных компонентов, можно учесть, что первый является обязательным для признания любого противоправного деяния преступлением (за исключением преступлений, совершение которых возможно путем бездействия), второй предполагает наличие мотива, основанного на предубеждении и предрассудке, что, соответственно, и является аспектом, отличающим преступления на почве ненависти, от иной другой категории. На территории нашего государства закон не предполагает такую формулировку, как «преступления ненависти», но, по аналогии можно предположить какие нормы будут относиться к данной категории.

Так, в законодательстве Российской Федерации подобные деяния признаны экстремистскими, в соответствии с ФЗ от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2]. Уголовная ответственность предписана диспозицией ст. 282 УК РФ, за возбуждение ненависти и вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к социальной группе

[3], на основании чего, следует отметить, что противоправные действия экстремистской направленности в большей степени предопределяются субъективными признаками преступления. И следует отметить, что данная модель присуща законам США, именно в контексте квалификации преступлений, совершенных по мотивам ненависти (англ. hate crimes или bias motivated crimes). Данный вывод исходит из нескольких аспектов законодательной системы США в рамках «преступлений ненависти», которые мы изложим поочередно.

Так, спектр преступлений экстремистской направленности, выделяемых в нашем законодательстве, где главными квалифицирующими признаками являются совершение действия и мотивация преступника (национальная, расовая, социальная, идеологическая), не являются исключениями из тенденции зарубежных стран, защищающих интересы личности и ее достоинство в рамках уголовно-правового законодательства.

В законодательстве США, категория преступлений, посягающих на интересы личности, ее права и свободы, а также, основанных на предубеждение по признакам принадлежности к какой-либо социальной группе, обозначается как «преступления ненависти».

Первоначально данный термин был закреплен в 2003 году решением № 4 Маастрихтской встречи Совета Министров стран ОБСЕ, где его трактовали как собирательное название уголовно наказуемых деяний, мотивированных нетерпимостью и дискриминацией [4].

Первостепенным становлением в США уголовной ответственности за вышеуказанные преступления можно считать начало 1980-х годов, но отметим, что тогда им были присущи своеобразные квалифицирующие признаки, такие как: психологические и культурные особенности. Первое упоминание о «преступлениях ненависти» произошло в 1990-ом году, когда был утвержден «Закон о статистическом учете преступлений, связанных с ненавистью» (Hate Crime Statistics Act) [5], но следует отметить, что данный закон не предписывал ответственность за подобные деяния, а только обязывал собирать данные о тех преступлениях, которые совершены из-за расовой, религиозной и этнической принадлежности. Важным является тот факт, что учету по данному нормативно-правовому акту подлежали не только преступления, посягающие на национальную безопасность, конституционный строй, права и свободы человека, а еще и те преступления, которые посягали на имущество человека или гражданина.

На сегодняшний день преступления на почве ненависти в Соединенных штатах Америки регулируются тремя нормативными актами:

- Hate Crime Statistics Act, 1990 г.,
- Hate Crime Sentencing Enhancement Act 1994 г.,
- Campus Hate Crimes Right to Know Act 1997 г.

Следует отметить, что только Campus Hate Crimes Right to Know Act является уголовно-правовым законом, другие направлены на сбор и учет статистической информации по данной категории преступлений.

Уголовное законодательство США не является централизованным. Связано это с тем, что на территории данного государства действует 53 самостоятельных правовых систем. Каждый штат определяет свои самостоятельные законы, регулирующие данную область правовых отношений. Помимо того, что у них различные законы, также они не используют унифицированные признаки для определения «преступлений ненависти». Различаются аспекты, по которым законодатель может признать криминализацию и пенализацию того или иного противоправного деяния.

Так, например, Кодекс штата Делавэра прописывает мотив ненависти, только лишь в отягчающие обстоятельства и предполагает, что рассмотрение признаков любого состава преступления должно начинаться с оценивания наличия данного мотива. Аналогичного опыта придерживаются некоторые другие штаты, но существует еще и другая законодательная модель, сужающая круг преступлений, к которым может применяться такой квалифицирующий признак как «совершенные на почве ненависти». Уголовный закон Нью-Йорка обозначает, что для того, чтобы правоприменитель мог признать преступление, совершенное на почве ненависти, в диспозиции основной части, должна содержаться оговорка. И в самом законе соответственно приведен исчерпывающий список данной категории преступлений. И последней моделью уголовного законодательства штатов является модель наиболее близкая к построению закона в нашей стране, ввиду того, что уголовные кодексы нескольких штатов (Калифорнии, Массачусетса, Оклахомы, Теннеси, Южной Дакоты) обособили преступления совершаемые на почве ненависти и выделили их в отдельные составы преступлений, а также их диспозиции свидетельствуют о том, что норма является специальной, по отношению к иным нормам, содержащимся в уголовном законодательстве вышеуказанных штатов.

Помимо законодательной модели, различие по штатам также состоит и в квалифицирующих признаках. Одним общим является деяние, а именно, посягательство в отношении социальной группы, из-за наделения какими-либо особенностями. Практически во всех штатах имеется один общий признак – расовая принадлежность, этническое происхождение и религиозные взгляды. А далее идет расхождение:

- в 31 штате признана сексуальная ориентация;
- в 4 штатах политические предпочтения;
- в 12 штатах возраст и чаще всего предполагается именно пожилой возраст;
- в 10 штатах признан факт смены потерпевшим своего пола;

– выделяются штаты в которых признана служба в государственных органах (правоохранительная и военная служба).

Далее, американские юристы выделяют два вида законов об уголовной ответственности за преступления, совершенные по мотивам ненависти. Обосновывается это гипотезами уголовно-правовых норм, которые криминализованы по вышеуказанным признакам.

Первый вид законов предполагает отсутствие в действиях виновного прямого умысла на совершение противоправного деяния, а объясняется наличием мотива ненависти или вражды, по какому-либо признаку, которые его уже и подтолкнули на совершение данного деяния.

Второй вид законов больше схож непосредственно с нашим законодательством, поскольку предписывает совершение действий умышленно, обуславливая выбор жертвы преступления, принадлежностью к какому-либо дискриминирующему признаку.

Конкретизируя вышеизложенное, можно отметить, что законодательство Соединенных Штатов Америки с конца 20 века и по настоящее время уделяет весомое значение «преступлениям ненависти», но модели его интерпретирования основаны на определении конкретного мотива, порождающего ненависть, о чем мы и говорили в начале, на основании чего, следует отметить, что на территории данного государства под «преступлениями ненависти» признаются как насильственные преступления (*violent crimes*), связанные с посягательством на личность, так и преступления против собственности (*property crimes*).

Таким образом, учитывая собирательную характеристику понятия «*hate crime*», мы считаем, что законодатель данной страны под категорией «преступления ненависти» предполагает все преступления, которые совершаются в отношении физического лица или группы лиц, частной

собственности и самое главное мотивированны ненавистью по различным признакам, которые на данном этапе развития уголовно-правовой системы штатов направлены на унификацию.

Анализируя уголовное законодательство нашей страны и США сложно прийти к каким-либо схожим чертам, поскольку наш уголовный закон приведен в централизованный и унифицированный вид. У нас определен конкретный перечень признаков, который не меняется исходя из субъекта страны. Также, у нас есть норма, которая определяет за какие действия по мотиву ненависти или вражды наступает ответственность.

Также, отличительной особенностью является тот факт, что американский законодатель не криминализирует такие деяния, как пропаганда и возбуждение ненависти. Связано это, прежде всего с тем, что основополагающий закон страны закрепляет право свободного выражения своих мыслей и не предполагает какое-либо их ущемление в законодательной системе. Американский законодатель указывает на отсутствие социально-правовой обусловленности словесного выражения идей, взглядов и мнений, призывает к минимальному ограничению свободы слова в системе юриспруденции, когда в нашей стране, также – на основании Конституции, предполагается свобода мысли и слова, но, тем не менее, высказывания, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, являются уголовно-наказуемыми.

Основным схожим признаком законодательных моделей вышеуказанных стран стоит считать, что они признают преступления по мотивам ненависти более опасными и противоречивыми, нежели иные категории преступлений. Поскольку ненависть по определенным социальным признакам, а тем более, противоправные деяния, совершаемые на ее основании, порождают нарушение базового принципа всеобщего равенства, которые закреплен как в самих государствах, так и предписан многими международными нормативно-правовыми актами.

Литература:

1. *Глотов Д.С.* Преступление на почве ненависти: суть явления и основные проблемные аспекты правового регулирования / Д.С. Глотов // Молодой ученый. 2016. № 12(116). С. 583–586. URL : <https://moluch.ru/archive/116/31773> (дата обращения 28.06.2022).
2. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (последняя редакция). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения 15.06.2022).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022 г.). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 20.06.2022).

Literature:

1. *Glotov D.S.* Hate crime: the essence of the phenomenon and the main problematic aspects of legal regulation / D.S. Glotov // Young scientist. 2016. № 12(116). P. 583–586. URL : <https://moluch.ru/archive/116/31773> (date of application 28.06.2022).
2. Federal Law «On Countering Extremist activity» dated 07/25/2002 № 114-FZ (latest edition). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867 (date of application 15.06.2022).
3. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 25.03.2022). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of application 20.06.2022).

4. Решение № 4 Маастрихтской встречи Совета Министров стран ОБСЕ (26.04.2003г.). URL : <https://www.oscepa.org/en/documents/annual-sessions/2003> (дата обращения 20.06.2022)

5. *Антипов Д.Н.* Законы США о преступлениях на почве ненависти (Hate crime laws) как модель криминализации общественно опасных форм экстремизма / Д.Н. Антипов // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 1. С. 38.

4. Decision № 4 of the Maastricht Meeting of the OSCE Ministerial Council (26.04.2003). URL : <https://www.oscepa.org/en/documents/annual-sessions/2003> (date of application 20.06.2022).

5. *Antipov D.N.* Laws of the USA on hate crimes (Hate crime laws) as a model of criminalization of socially dangerous forms of extremism / D.N. Antipov // International criminal law and international justice. 2008. № 1. P. 38.

Уткина Татьяна Владимировна
ученый секретарь ученого совета,
Пермский институт федеральной
службы исполнения наказаний
tatyana27@yandex.ru

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ЗНАЧИМОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПОощРЕНИЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЙ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы расширения практики применения мер поощрения применительно к категории осужденных к наказаниям, не предусматривающим лишение свободы. Обращено внимание на значимость применения мер поощрения, их индивидуальные признаки и исправительный потенциал, а также нерациональное применение мер взыскания и поощрения к осужденным без изоляции от общества и необходимость законодательного закрепления новых форм позитивных стимулов.

Ключевые слова: осужденные, наказания без изоляции от общества, поощрение, взыскание, исправление.

Традиционной для наук, изучающей различные вопросы противоправного поведения личности, является взаимосвязь понятий «преступление» и «наказание». Но как показывает длительный опыт борьбы с преступностью, надеяться только на наказание или угрозу его применения, как на действенный способ, неразумно. Необходимо использовать и другие стимулы для формирования требуемых форм поведения, в том числе, позитивные.

Лишение свободы определенно формирует в среде обывателей мнение о состоявшемся правосудии и полученной осужденным лицом справедливой каре. Однако в сферу современных интересов общества и правового государства входит не только привлечение виновного к ответственности, но и обеспечение его безопасного поведения в долгосрочной перспективе. Длительный период активного применения наказаний, заключавшихся в лишении свободы, показал недостаточный уровень требуемой эффективности, что привело к пониманию необходимости использовать другие средства и способы борьбы с криминализацией и расширению практики применения альтернативных наказаний.

В качестве одной из причин изменения системы исполнения наказаний выступает и смягчение нравов во взгляде на значимость для государства

Tatiana V. Utkina
Academic Secretary of the Academic Council,
Perm Institute Federal Penitentiary
Service of Russia
tatyana27@yandex.ru

ON CERTAIN ISSUES OF THE IMPORTANCE OF THE USE OF INCENTIVE MEASURES IN THE EXECUTION OF PUNISHMENTS WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

Annotation. His article discusses the issues of expanding the practice of applying incentive measures in relation to the category of those sentenced to punishments that do not involve deprivation of liberty. Attention is drawn to the importance of the use of incentive measures, their individual characteristics and correctional potential in the execution of criminal penalties, as well as the irrational application of penalties and incentives to convicts without isolation from society and the need for legislative consolidation of new forms of positive incentives.

Keywords: convicts, punishments without isolation from society, encouragement, punishment, correction.

интересов личности. Индивид становится ценным сам по себе, независимо от принадлежности к какой-либо социальной общности, и соответственно, возможности для его достойного существования и развития должны быть обеспечены официальными институтами. Государством признается недопустимость применения уголовных наказаний, содержание которых игнорирует значимость личности, как таковой. А.А. Жижиленко отмечает, что государство, активно преследуя цель борьбы с преступностью, не может использовать для ее достижения любые средства [1, с. 59]. Приоритет устрашения виновного и обезвреживания его криминального потенциала сменяется целью извлечения пользы, изначально только в интересах государства, а позднее – и в интересах самого осужденного. Польза эта представлена в виде привития осужденному форм поведения, принятых в социуме, которых ему изначально не хватало.

Особенную актуальность это обретает в условиях исполнения наказаний без изоляции от общества. С одной стороны, совершенное лицом уголовно-наказуемое деяние дает возможность сблизиться социальные контакты и не изолировать его из привычной среды, с другой стороны – виновный продолжает находиться в привычных условиях под воздействием различных девиантных факторов, провоцирующих противо-

правное поведение. Учитывая низкий уровень правового сознания, изучение возможностей стимулирования правомерного поведения является необходимым условием функционирования правового государства. Отмечается, что препятствием к совершенствованию механизма исполнения альтернативных наказаний выступает поведение самого осужденного, от которого напрямую зависит результативность назначенных судом санкций [2, с. 3].

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года не только провозглашала увеличение численности таких лиц, но и предусматривала конкретные меры, направленные на ее достижение [3]. Принятая в последующем Концепция развития на период до 2030 года, продолжая идеи реформирования пенитенциарной системы, ставит перед собой в числе прочих цели исправления виновных посредством создания в соответствии с законодательством условий, не унижающих человеческого достоинства и формирования у осужденных уважительного отношения к обществу, труду, нормам и традициям человеческого общежития посредством совершенствования воспитательной, психологической и социальной работы [4].

В связи с этим, уголовно-исполнительное законодательство должно быть ориентировано на решение озвученных задач посредством урегулирования порядка и условий отбывания наказания и нормативного закрепления мер, повышающих эффективность применяемых средств исправления. Уголовно-исполнительный закон закрепляет необходимый набор мер воздействия, представленных рационально применяемыми средствами исправления, мерами принуждения и стимулирования правоупослушного поведения. В качестве одной из проблем эффективности назначенного наказания выделяется то обстоятельство, что в условиях расширения практики его исполнения перечень основных средств исправления остается неизменным долгое время. К основным средствам исправления отнесены: установленный порядок исполнения и отбывания наказания, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. Изменения коснулись только вопроса о замене термина «профессиональная подготовка» на «профессиональное обучение» [5]. Складывающаяся ситуация приводит к выводу о необходимости расширения возможностей различных средств исправления.

Несмотря на имеющуюся практику применения наказаний, не предусматривающих изъятия виновного из общества, традиционной является связь уголовной ответственности с удержанием лица от правомерного поведения посредством мер воздействия, основанных на страхе и угрозе ущерба имеющимся общественным отношениям. Изначально, правовыми нормами закрепляется обязанность по совершению определенных действий или воздержанию от каких-либо форм поведения. Ю.В. Савушкина обосновывает функционирование системы взысканий и поощрений задачей права, состоящей «как в сдерживании

правомерного поведения, в наказании лиц, их совершивших, так и в стимулировании правомерного поведения, в поощрении субъектов, действующих в интересах общества» [6, с. 80]. Учитывая, что поведение человека обладает признаками саморегуляции, в дальнейшем, планируемой формой поведения должно стать соблюдение осужденным требований законодательства, а также, норм морали и нравственности, принятых в обществе. Данная форма поведения является следствием свободы самовыражения и осознания индивидом своей ответственности за совершаемые поступки. А.В. Малько отмечает мудрость законодателя, отдающего предпочтение поощрениям как средству формирования природы человека во благо [7, с. 29]. Поощрение выступает движущим фактором, побуждающим к социально одобряемому поведению, В.В. Нырклов характеризует его как «вид юридического стимулирования, применяемого к субъекту за осознанное добросовестное исполнение им своих обязанностей или за достижение социально-полезного результата, превышающего обычные требования, целями которого является побуждение лица к дальнейшему правомерному поведению и совершение подобных деяний другими гражданами» [8, с. 9]. М.В. Ковалев, акцентируя внимание на важности стимулирующих мер, применяемых к осужденным, характеризует поощрение с позиций совокупности различных способов внешнего, формального выражения одобрения государством добровольно заслуженного и осознанного поведения, закрепленного в законодательстве [9, с. 12]. В целом, отмечается ценность применения мер поощрения как способа корректировки поведения индивида, поскольку позитивное стимулирование способствует формированию необходимых форм поведения посредством внутренней волевой мотивации.

Обращая внимание на взаимосвязь карательных и стимулирующих способов воздействия на поведение осужденного, стоит отметить, что меры поощрения обладают следующими признаками:

1. Основанием для применения поощрения выступает избыточное правомерное поведение субъекта, то есть исполнение своих обязанностей в объеме, значительно превышающем требуемый. То есть, юридическим основанием является не бездействие лица или возникновение причин и условий, объективно влияющих на процесс исполнения наказания (например, беременность, болезнь или инвалидность правонарушителя), а осознанная деятельность осужденного, приведшая к достижению результата в размере, большем, чем обычные, предусмотренные в складывающихся условиях, действия;
2. Позитивное поведение осужденного должно обладать признаками добровольности, контролируемой активности, и выступать следствием внутренних мотивов лица;
3. Учитывая, что правомерное поведение лица является обоюдновыгодным для осужденного и государства в лице уполномоченных органов, то его оценка должна осуществляться с использованием различных форм юридического одобрения.

Таким образом, основания и формы поощрения документально отражены в различных нормах права, обозначая монополию государства на их применение с учетом различных показателей количественной и качественной оценки. Само поощрение выражается в определенной структурируемой документально закрепленной форме;

4. Целями применения любой из форм поощрения в уголовно-исполнительном праве являются предупреждение отклоняющегося поведения осужденного, воспитание социально одобряемых свойств характера и восстановление утраченных в ходе криминализованной деятельности общественных отношений. Посредством их применения осужденному предоставляются условия для расширения возможностей для удовлетворения собственных интересов в складывающемся правовом поле;

5. В отличие от мер взыскания, поощрительные меры не несут карательной функции. В целом, они характеризуются и возможностью виновного посредством волевых решений выбирать форму предписанного улучшенного поведения, дающую возможность получения определенного блага в случае достижения поставленного результата.

В контексте рассматриваемой работы обращает на себя внимание нерациональность применения стимулирующих и принудительных мер. Возможно, законодателем поощрение к категории осужденных без изоляции от общества оценивалось с позиции избыточности, обусловленной самой спецификой назначения более «гуманной» санкции, чем лишение свободы, а также возможностью ее дальнейшего смягчения по ряду объективных причин. Исходя из всей совокупности альтернативных наказаний, действующее законодательство предусматривает возможность применения мер поощрения только к осужденным к ограничению свободы и принудительным работам. Здесь следует остановиться на том, что ранее обязанность по реализации ограничения свободы возлагалась на исправительные центры, но в 2009 году в качестве субъекта исполнения была избрана уголовно-исполнительная инспекция [10]. Можно сказать, что данные виды наказаний являются самыми строгими из всей совокупности альтернативных наказаний, а некоторыми исследователями содержание в исправительном центре оценивается с позиции схожести с колонией-поселением.

К остальным видам наказания меры поощрения не применяются, что определенно наносит ущерб рациональному применению поощрительных и карательных мер, и возможностей стимулирования правопослушного поведения. Так, привлечены к ответственности за нарушения порядка и условий отбывания наказания 102993 человек, или 35,98 % от общей массы осужденных к уголовным наказаниям, исполняемым уголовно-исполнительными инспекциями. При этом меры поощрения применялись только к 605 подучетным лицам, что составило 0,2 % от общей массы осужденных данной категории [11]. Таким образом, существует объективная необходимость в расширении практики применения мер поощрения к

лицам, не только не допускающим нарушений, но и демонстрирующими навыки устойчивого социально одобряемого поведения. Данная мера необходима с целью повышения ответственности осужденных за свое будущее, поскольку в настоящее время отмечается, что большая активность и заинтересованность в результате при исполнении таких наказаний присуща сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций, а не подучетным лицам. Снижение же контроля со стороны инспекции зачастую ведет к неисполнению осужденным стоящих перед ним обязанностей.

Следует отметить, что нежелание применять меры поощрения частично обусловлено опасениями должностных лиц в совершении подучетными лицами спонтанных проступков, нивелирующих весь наработанный результат социальной адаптации индивида. В числе таких «криминогенно опасных» видов поощрения традиционно выступают разрешения на выезд за пределы муниципального образования для проведения выходных и праздничных дней, а равно отпуска. Закономерно, что отсутствие гарантированного, юридически закрепленного поощрения влияет на эффективность процесса исправления. Выходом из складывающейся ситуации видится возможностей применения мер поощрения, не создающих таких рисков.

Следует согласиться с мнением о том, что в уголовно-исполнительном праве, как отрасли публичного права, поощрение может реализовываться как в форме материального, так и морального вознаграждения [12, с. 12]. К материальным формам поощрения стоит отнести меры, улучшающие правовой статус лица; к моральным – различные формы благодарностей. Считаем целесообразным рассмотреть вопрос о расширении практики применения мер поощрения, предусмотрев возможность применения криминально безопасных, но обладающих высоким исправительным потенциалом форм позитивного стимулирования, к числу которых можно отнести вручение ценного подарка или направление в суд представления о снижении размера денежных удержаний, снижении срока уголовного наказания или замене назначенного наказания более мягким. Возможность применения поощрительных мер должна распространяться на всю совокупность преступников, включая осужденных к штрафу, лишенных права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничению по военной службе, обязательным и исправительным работам, позитивное стимулирование в отношении которых в настоящее время не используется.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что неравномерное использование практики применения поощрений, в сравнении с мерами взыскания, не соответствует духу принципов уголовно-исполнительного права и не способствует исправлению делинквентов. Меры взыскания и поощрения призваны дополнять друг друга в части удержания от правонарушений форм поведения и стимулирования совершения социально-одобряемых поступков, но в условиях реализации уголовных санкций, не предусматривающих

лишение свободы, пропорциональность их применения нарушается.

Поощрительные меры, в отличие от мер взыскания, не обладают признаком исчерпываемости, что позволяет использовать такие их формы,

Литература:

1. *Жижиленко А.А.* Очерки по общему учению о наказании. Петербург : Academia, 1923. 108 с.

2. *Антонов Т.Г.* Непреступное уголовно-противоправное поведение осужденных и его юридические последствия : автореф...канд. юрид. наук. Томск, 2010. 23 с.

3. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 № 1772-р. Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (документ утратил силу) (дата обращения 18.05.2022).

4. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.06.2022).

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов Российской Федерации) в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: Федеральный закон от 02 июля 2013 г. № 185-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.06.2022).

6. *Савушкина Ю.В.* Поиск и использование новых методов исправительного воздействия на осужденных как элемент развития системы правовых привилегий и ограничений / Ю.В. Савушкина // Вестник Кузбасского института. 2016. № 2. С. 79–82

7. *Малько А.В.* Поощрительно-правовая система в современной России: необходимость формирования / А.В. Малько // Современное право. 2010. № 12. С. 29–32.

8. *Нырко В.В.* Поощрение и наказание как парные юридические категории : автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 33 с.

9. *Ковалев М.В.* Институты поощрения осужденных в уголовном и уголовно-исполнительном праве : автореф. ... канд. юрид. наук. Курск, 2020. 28 с.

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений уголовного кодекса Российской Федерации и уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы: Федеральный закон Российской Федерации от 27.12.2009 № 377-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.06.2022).

применение которых позволит добиться заинтересованности осужденного.

В связи с этим, необходимо обратить внимание на применение стимулирующих мер как значимое средство достижения целей наказания.

Literature:

1. *Zhizhilenko A.A.* Essays on the general doctrine of punishment. Petersburg : Academia, 1923. 108 p.

2. *Antonov T.G.* Non-criminal criminally illegal behavior of convicts and its legal consequences : author's abstract ... cand. legal Sciences. Tomsk, 2010. 23 p.

3. The concept of the development of the penitentiary system until 2020: Order of the Government of the Russian Federation of October 14, 2010 № 1772-r. SPS «ConsultantPlus» (document no longer valid) (date of application 18.05.2022)

4. The concept of development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 № 1138-r. SPS «ConsultantPlus» (date of application 03.06.2022).

5. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and invalidation of legislative acts (certain provisions of legislative acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law «On Education in the Russian Federation»: Federal Law of July 02, 2013 № 185-FZ. SPS «ConsultantPlus» (date of application 03.06.2022).

6. *Savushkina Yu.V.* Search and use of new methods of corrective influence on convicts as an element of the development of the system of legal privileges and restrictions / Yu.V. Savushkina // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2016. № 2. P. 79–82

7. *Malko A.V.* Incentive-legal system in modern Russia: the need for formation / A.V. Malko // Modern law. 2010. № 12. P. 29–32.

8. *Nyrkov V.V.* Encouragement and punishment as paired legal categories : author's abstract ... cand. jur. Sciences. Saratov, 2003. 33 p.

9. *Kovalev M.V.* Institutions for the encouragement of convicts in criminal and penitentiary law: author's abstract. ... cand. jur. sciences. Kursk, 2020, 28 p.

10. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the entry into force of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Penitentiary Code of the Russian Federation on punishment in the form of restriction of freedom: Federal Law of the Russian Federation of December 27, 2009 № 377-FZ (date of application 03.06.2022).

11. Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий УИС за 2020 год. Раздел 15 Сведения о результатах деятельности уголовно-исполнительных инспекций (документ опубликован не был).

12. *Дьяченко Е.В.* Поощрения как позитивные санкции нормы права: общетеоретический аспект : автореф. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 31 с.

11. The results of the activities of institutions, bodies and enterprises of the penal system for 2020. Section 15 Information on the results of the activities of the penitentiary inspections (the document was not published).

12. *Dyachenko E.V.* Encouragement as positive sanctions of the rule of law: general theoretical aspect : autoref. ... cand. legal sciences. Krasnodar, 2011. 31 p.

Фисенко Елена Сергеевна
аспирантка кафедры конституционного
и международного права,
Юридический институт
Северо-Кавказского
федерального университета
alena_sergeevna_fisenko@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВореАЛИЗАЦИИ СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РФ КАК ГАРАНТА КОНСТИТУЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены основы правового статуса Президента РФ как гаранта Конституции РФ. Обозначена взаимосвязь между функцией по гарантированию Конституции РФ и по обеспечению прав и свобод человека и гражданина. В исследовании рассмотрены основные полномочия Президента РФ, в наибольшей степени, раскрывающие его положение как гаранта Конституции РФ. Проанализированы некоторые проблемы определения места президентской власти в системе разделения властей, с учетом особенностей правореализации статуса Президента РФ как гаранта Конституции РФ. В работе обосновывается позиция о том, что институт Президента РФ напрямую взаимосвязан с функцией правореализации, которая направлена на гарантирование конституционных прав и свобод личности. Вторым делается вывод, что Президент РФ – это особый институт государственной власти, главное назначение которого в условиях построения демократического правового государства состоит в гарантировании Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина. Президент РФ обладает полномочиями, которые в большей или меньшей степени отражают его статус как гаранта Конституции РФ. С учетом указанного, предложено суждение о принятии специального федерального конституционного закона, который закрепил бы статус Президента РФ.

Ключевые слова: Президент РФ, Конституция РФ, права человека, гарант Конституции, глава государства.

Учреждение в 1991 г. поста Президента в России стало значимым шагом в преобразовании всего государственного устройства. Президент РФ стал фигурой, на которую возложены важнейшие государственные полномочия и функции, среди которых на первый план выдвигается гарантирование главой государства Конституции РФ и прав и свобод граждан.

Elena S. Fisenko
Postgraduate Student
of the Department of Constitutional
and International Law
Law Institute of the
North Caucasus Federal University
alena_sergeevna_fisenko@mail.ru

FEATURES OF LEGAL REALIZATION OF THE PRESIDENT STATUS IN RUSSIA AS A CONSTITUTION GUARANTOR

Annotation. The article considers the foundations of the legal status of the President of the Russian Federation as the guarantor of the Constitution of the Russian Federation. The relationship between the function of guaranteeing the Constitution of the Russian Federation and ensuring the rights and freedoms of man and citizen is indicated. The study examines the main powers of the President of the Russian Federation, which most reveal his position as the guarantor of the Constitution of the Russian Federation. Some problems of determining the place of presidential power in the system of separation of powers are analyzed, taking into account the peculiarities of the legal implementation of the status of the President of the Russian Federation as the guarantor of the Constitution of the Russian Federation. The paper substantiates the position that the institution of the President of the Russian Federation is directly interconnected with the function of law enforcement, which is aimed at guaranteeing the constitutional rights and freedoms of the individual. The author concludes that the President of the Russian Federation is a special institution of state power, the main purpose of which, in the conditions of building a democratic legal state, is to guarantee the Constitution of the Russian Federation, the rights and freedoms of man and citizen. The President of the Russian Federation has powers that, to a greater or lesser extent, reflect his status as the guarantor of the Constitution of the Russian Federation. Taking into account the above, a judgment is proposed on the adoption of a special federal constitutional law that would consolidate the status of the President of the Russian Federation.

Keywords: President of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, human rights, guarantor of the Constitution, head of state.

Провозглашение России правовым государством предопределило качественно новый подход к правам и свободам человека, а также, к отношению к ним как к высшей ценности, что также нашло свое закрепление в ст. 2 Конституции РФ [2, с. 11]. Конституционные права личности должны быть обеспечены реально действующим комплексом мер разнопланового характера

(законодательных, правоприменительных и т.д.), а также, гарантиями действительной реализации прав и свобод, поскольку лишь в таком случае государство может называться подлинно демократическим и правовым. Декларативные нормы о правах и свободах человека и гражданина должны находить выражение в жизни, на практике, таким образом преобразовываясь в реально действующие нормы.

В России права и свободы человека и гражданина обеспечиваются большим количеством институтов публичной власти, элементами гражданского общества и так далее. Несмотря на совершенствование нормативной базы, в которой отражены права и свободы человека и гражданина, а также – преобразование правоприменительной деятельности, которая своим главным концептуальным назначением должна иметь обеспечение прав человека, современное состояние российского общества в рассматриваемом вопросе не лишено изъянов.

Согласно докладу Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2021 году [10], из общего числа опрошенных граждан – 39 % указали на то, что права человека в современной России, в целом, соблюдаются; 50 % респондентов отрицательно ответили на этот вопрос (в 2020 году – 54 %). Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день среди российских граждан продолжает остро стоять вопрос обеспечения их конституционных прав.

Особое место в системе механизма обеспечения прав человека принадлежит органам публичной власти. Как отмечено в вышеуказанном докладе, результаты опроса свидетельствуют о наличии немалого количества нерешенных проблем, как в законодательстве, так и в правоприменительной практике.

Все вышеизложенное свидетельствует об актуальности и остроте вопроса обеспечения режима конституционности и гарантированности конституционных прав граждан в современной России. Обозначенная проблема обуславливает необходимость изучения правового статуса Президента как гаранта Конституции с целью определения особенностей правореализации статуса Президента РФ как гаранта Конституции.

Согласно ч. 2 ст. 80 Конституции РФ, Президент является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Указанное назначение Президента раскрывается в установленном Конституцией порядке принятия мер по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти. На самом деле, назначение Президента в качестве гаранта значительно шире, чем предусмотрено в ч. 2 ст. 80 Конституции РФ.

Функция Президента как гаранта Конституции и прав и свобод граждан выражается в нескольких основных направлениях. Неслучайно, в ч. 2 ст. 80 Конституции РФ определено статуса

Президента как гаранта Конституции осуществляется в неразрывной связи с его статусом как гаранта прав и свобод человека и гражданина. Как отмечает И.Е. Полунина, задача Президента как гаранта Конституции, помимо прочего, состоит в охране и защите конституционных положений, закрепляющих важнейшие демократические ценности современного Российского государства и общества [7, с. 11].

Как нам представляется, гарантирование Президентом Конституции и прав и свобод граждан нельзя рассматривать обособленно друг от друга, поскольку гарантирование конституционных положений неизбежно затрагивает нормы Конституции РФ об основных права и свободах граждан, которые, в свою очередь, признаются высшей ценностью в России (ст. 2 Конституции РФ). Если же права и свободы граждан – это высшая ценность, то и обеспечение режима конституционности предполагает прежде всего охрану и реализацию конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Понимание гаранта Конституции и прав и свобод граждан достаточно широкое применительно к полномочиям Президента РФ. Дело в том, что конституционные нормы находят свое отражение и развитие, конкретизацию буквально во всех нормативно-правовых актах. В связи с этим, можно выделить несколько основных направлений реализации Президентом своего статуса как гаранта Конституции и прав и свобод граждан.

Во-первых, следуя предписаниям ч. 2 ст. 80 Конституции РФ, Президент принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности. Это выражается, например, в разработке основных направлений внутренней и внешней политики государства (ч. 3 ст. 80 Конституции РФ).

Во-вторых, Президент обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. Так, согласно ч. 1 ст. 85 Конституции РФ, Президент может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между федеральными и региональными органами государственной власти. А.М. Гайдарбекова относит к полномочиям в указанной области также формирование посланий Президента Федеральному Собранию как документа программного и политико-правового характера [3, с. 8].

В сфере обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти как функции Президента, выступающего в качестве гаранта Конституции РФ, в науке поднимается и уже на протяжении многих лет обсуждается важная проблема определения места Президента РФ в системе разделения властей.

Ученые по-разному отвечают на поставленный вопрос. Например, В.С. Чепиков считает, что Президент РФ в рамках своего правового статуса главы государства и гаранта Конституции является также высшим носителем, организатором и руководителем исполнительной власти [8, с. 7].

Н.Ю. Васильева делает вывод о сформировавшейся в России новой ветви власти – президентской [2, с. 11]. Большинство современных ученых сходятся во мнении о том, что Президент РФ не входит ни в одну ветвь власти. По мнению С.М. Шахрай, Президент РФ выступает в роли политического арбитра в условиях действия принципа разделения властей, поэтому выполняет «нейтральную роль» [9, с. 122]. Справедливо замечание П.А. Матвеева, который считает, что «ассоциирование главы государства с какой-либо одной ветвью власти может нарушить баланс государственных властей, а следовательно, исказить применение самого принципа разделения властей» [6, с. 7]. Мы солидарны с указанным мнением, так как институт Президента является обособленным от ветвей власти, он осуществляет именно правореализационную функцию, выступая гарантом Конституции.

Особая роль Президента как института государственной власти и гаранта проявляется в смешанном характере его полномочий в рамках принципа разделения властей. Например, Президент РФ обладает правом издавать нормативные указы, тем самым выполняет нормотворческие функции. Также, Президент РФ в целях гарантирования Конституции РФ может выступать арбитром в споре между органами государственной власти, т.е. осуществлять некоторые судебные функции [4, с. 43].

Помимо этого, полномочия Президента как гаранта Конституции раскрываются в его обязанности обеспечивать включение в текст Конституции РФ изменений посредством официального опубликования актов, принятых в порядке ст. 136 и 137 Конституции РФ.

Важным полномочием Президента как гаранта Конституции выступает его право роспуска Государственной Думы РФ (ч. 1 ст. 109 Конституции РФ) [5, с. 31].

В соответствии с ч. 2 ст. 85 Конституции РФ, Президент РФ может приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае противоречия этих актов Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом. Данное конституционное положение также весьма наглядно иллюстрирует роль Президента как гаранта Конституции и прав и свобод граждан.

Следует также отметить, что Президент РФ, будучи персонифицированной властью в России, представляет интересы государства на международной арене, ведет переговоры с другими странами и подписывает договоры от имени Российской Федерации, а также выполняет иные внешние государственные полномочия. Президент РФ в таком случае становится ответственным за выполнение международных обязательств России, причем ответственным на конституционном уровне.

Считается, что нормативно-правовые акты Президента РФ обладают более высокой юридической силой, нежели акты Правительства РФ, поэтому основанием для отмены актов высшего исполнительного органа является их противоречие актам Президента РФ, в чем также усматривается выражение роли Президента как гаранта Конституции.

Поскольку гарантом обеспечения конституционности в России является не только Президент РФ, его полномочия следует соотносить с полномочиями важнейшего органа конституционного контроля – Конституционного Суда РФ. В п. «е» ст. 83 Конституции РФ закреплено полномочие Президента РФ по представлению Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность судей Конституционного Суда РФ. Президент РФ также может обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о соответствии нормативно-правовых актов Конституции РФ, о толковании конституционных положений (ч. 2, 5 ст. 125 Конституции РФ). Президент РФ имеет своего полномочного представителя в Конституционном Суде РФ, который, согласно п. 1 Положения о полномочном представителе, способствует осуществлению деятельности Президента РФ как гаранта Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина и представляет его интересы в Конституционном Суде РФ [1].

В свою очередь, Конституционный Суд РФ по запросу Совета Федерации дает заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления (ч. 1 ст. 93, ч. 7 ст. 125 Конституции РФ).

На основании изложенного можно констатировать, что Президент РФ – это особый институт государственной власти, главное назначение которого в условиях построения демократического правового государства состоит в гарантировании Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина. Президент РФ обладает полномочиями, которые в большей или меньшей степени отражают его статус как гаранта Конституции РФ. В любом случае, можно утверждать, что гарантированность Конституции РФ автоматически влечет за собой гарантированность прав и свобод человека, поэтому два указанных направления деятельности Президента РФ нужно рассматривать в единстве. Анализ конституционных положений показал, что важнейшая функция Президента РФ выступать в качестве гаранта Конституции представлена как в самой Конституции РФ, так и в иных правовых актах разрозненно и бессистемно. В связи с указанным, считаем, что присутствие некоторая неопределенность в статусе Президента РФ, как гаранта прав и свобод человека и гражданина, и именно поэтому существует объективная необходимость законодательного укрепления президентского статуса как гаранта гражданских прав в России. На основании изложенного, нам представляется не лишней мысль идея принятия специального федерального конституционного закона, который закрепил бы статус Президента РФ. Принятие подобного акта в последующем поспособствует укреплению

института президентства, что, в свою очередь, станет залогом единомыслия народа и главы государства, залогом доверия между ними, устойчивости развития российского общества. Кроме указанной меры, думается, что для обеспечения правореализации статуса президента РФ может

Литература:

1. Об обеспечении деятельности полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 1996 г. № 1791 // Российская газета. 1997. 09 января.
2. *Васильева Н.Ю.* Институт президентства в системе публичной власти РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
3. *Гайдарбекова А.М.* Роль Президента Российской Федерации в обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2012.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М., 2010.
5. Конституционное право : учебник для бакалавров / Отв. ред. В.И. Фадеев. М., 2017.
6. *Матвеев П.А.* Конституционное право зарубежных стран: курс лекций : учеб. пособие. М., 2016.
7. *Полунина И.Е.* Глава Российского государства как гарант Конституции Российской Федерации: теоретико-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
8. *Чепиков В.С.* Правовые основы организации системы президентской власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
9. *Шахрай С.М.* Конституционное право Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата и магистратуры. М., 2017.
10. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г. URL : <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady>

способствовать созданию нового органа власти – Совета по соблюдению и защите Конституции РФ, который будет представлять совещательно-консультативный орган власти, обеспечивающий реализацию полномочий Президента РФ как ее гаранта.

Literature:

1. On ensuring the activities of the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the Constitutional Court of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 1996 № 1791 // *Rossiyskaya Gazeta*. 1997. January 9th.
2. *Vasilyeva N. Yu.* Institute of presidency in the system of public power of the Russian Federation : author. dis. ... cand. legal sciences. M., 2012.
3. *Gaidarbekova A.M.* The role of the President of the Russian Federation in ensuring the coordinated functioning and interaction of public authorities in the Russian Federation : author. dis. ... cand. legal sciences. Makhachkala, 2012.
4. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / Ed. V.D. Zorkina, L.V. Lazarev. M., 2010.
5. Constitutional law : textbook for bachelors / Responsible ed. V.I. Fadeev. M., 2017.
6. *Matveev P.A.* Constitutional law of foreign countries: a course of lectures : textbook. M., 2016.
7. *Polunina I.E.* The head of the Russian state as a guarantor of the Constitution of the Russian Federation: theoretical and legal aspects : author. dis. ... cand. legal sciences. M., 2010.
8. *Chepikov V.S.* Legal basis for the organization of the system of presidential power in the Russian Federation : author. dis. ... cand. legal sciences. Saratov, 2003.
9. *Shakhrai S.M.* Constitutional law of the Russian Federation : textbook for academic undergraduate and graduate students. M., 2017.
10. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2021. URL : <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady>

Чич Юлия Азметовна
преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
юридического факультета
имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
juli675@yandex.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: СУБЪЕКТИВНОЕ СУЖДЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В работе проводится рассуждение о месте, роли и современном понимании криминалистического исследования цифровой информации. Автором указывается на то, что развитие информационных технологий выступает основополагающим детерминантом по изменению традиционного и устоявшегося взгляда на криминалистические учения в целом. Автором обосновывается позиция о том, что в современный период можно говорить об образовании новой отрасли криминалистики – информационной. Именно она должна стать «основным ядром» по выработке фундаментальных и прикладных учений криминалистического исследования цифровой информации. В работе проводится анализ ряда исследований, посвященных вопросам цифровой информации в криминалистике. Автором констатируется проблематика изучаемой области, которая обозначена в том, что современная теоретическая база по исследованию цифровизации с точки зрения криминалистики является разноплановой и имеет противоречивый характер.

Ключевые слова: цифровая информация, информационная криминалистика, компьютерная криминалистика, виртуальные следы, информационных доказательств.

Развитие технологий, цифровизация общественных отношений привела к модернизации и новому становлению всех сфер жизнедеятельности. Не исключением стала криминалистика, так как именно она является прикладной наукой, которая включает в себя непосредственное изучение слеодообразования, закономерности механизма совершения преступного деяния и т.д. Именно криминалистические учения и знания одни из первых приходят на помощь в расследовании и раскрытии преступлений. С учетом указанного, следует констатировать, что в современный период времени преступность, как таковая, перешла на новый уровень своего развития. Все больше преступлений совершается с применением информационных технологий, что и обуславливает необходимость рассмотрения

Yulia A. Chich
Lecturer in the Department of Theory
and the History of the State and Law
Faculty of Law named after A.A. Khmyrov,
Kuban State University
juli675@yandex.ru

FORENSIC RESEARCH OF DIGITAL INFORMATION: SUBJECTIVE JUDGMENT AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. The paper discusses revenge, the role and modern understanding of the forensic research of digital information. The author points out that the development of information technology is a fundamental determinant for changing the traditional and established view of forensic teachings in general. The author substantiates the position that in the modern period it is possible to talk about the formation of a new branch of forensic science – information. It is she who should become the «main core» for the development of fundamental and applied doctrines of forensic research of digital information. The paper analyzes a number of studies on digital information in forensics. The author states the problems of the studied area, which is indicated in the fact that the modern theoretical base for the study of digitalization from the point of view of forensics is diverse and has a contradictory character.

Keywords: digital information, information forensics, computer forensics, virtual traces, information evidence.

криминалистического исследования цифровой информации, так как она способствует предупреждению противоправных деяний с использованием электронных технологий.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2020 году на преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, как и годом ранее, пришлось одно из четырех регистрируемых преступлений. Всего в 2020 году зарегистрировано более 510,4 тыс. киберпреступлений [8]. Следует отметить, что согласно статистике, опубликованной на сайте МВД, количество онлайн-преступлений в России за шесть месяцев 2021 года увеличилось на 20,3 процент [9].

В рамках изучаемой темы, необходимо отметить, что большее свое развитие криминалистика получила именно в XX в. [3, с. 92], так как в указанный период времени укрепились фундаментальные и прикладные направления данной науки, окончательно сформировались тактика, техника и методика расследования.

В настоящее время криминалистика претерпевает существенные изменения, формируя новые подразделы с учетом особенностей расследования отдельных видов преступлений. Это обусловлено не только развитием цифровых технологий, но и появлением новых разновидностей преступных деяний, что также подтверждается систематическим изменением Уголовного кодекса Российской Федерации. Таким образом, сегодня криминалистическая наука сталкивается с новыми вызовами и угрозами, такие, как:

- изменения способов совершения преступлений, а также их сокрытие;
- использование электронных ресурсов в качестве предметов противоправных деяний;
- рост трансграничной преступности и пр.

Подобная тенденция является основополагающей детерминантой развития всей криминалистической науки. Следует сказать, что подобное развитие характеризуется в следующих направлениях: обновления имеющихся и развитие новых криминалистических технологий в целях предотвращения преступности; актуализация криминалистических знаний, а также, обновление уголовно-процессуального законодательства в части их применения.

С постоянным развитием и цифровизацией в криминалистике появились новые задачи, такие как: установление взаимного соответствия информации, имеющей место на различных электронных носителях или наличия информации с определенными характеристиками.

Согласимся с мнением М.В. Жижинной, которая считает, что криминалистика является развивающейся наукой, без четких границ своих исследований [5, с. 2]. Ведь, действительно, невозможно определить рамки и объемы криминалистических знаний, так как они постоянно обновляются, находятся в непрерывном внутреннем созерцании. В связи с этим, следует констатировать, что имеется возможность только определить направления совершенствования предмета криминалистика, а также задать вектор подобного развития.

Актуальные вопросы и проблематика криминалистического исследования компьютерной информации и средств ее обработки, представляли значительный интерес в 20 в. и продолжают вызывать интерес для ученых в веке нынешнем.

Например, в 2001 г. В.А. Мещеряковым защищена докторская диссертация, связанная с исследованием основных методик расследования преступлений в сфере компьютерной информации [6]. Ученым впервые определяются доктринальные понятия «кибернетическое

пространство», «компьютерная информация», «электронно-вычислительная машина», «модификация информации», «блокирование информации».

Представляет интерес исследования В.Б. Вехова [1], связанные с изучением криминалистической характеристики и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений с использованием средств компьютерной техники. Автором произведена попытка понимания современных ученых специфического орудия и следов преступлений, сформированных с использованием компьютерных технологий.

По смежным темам в различное время проводили исследования и других ученых, например: А.Д. Тлиш, Н.Г. Шурухнов и др. Ими изучены некоторые особенности тактике поиска, фиксации, изъятия, документирования, а также исследования компьютерной информации с точки зрения криминалистики.

Заметим, что с учетом изменением учений о слепообразовании существенно меняется подход к его пониманию. Например, в криминалистическом учении принято делить следы на две основные группы: материальные, то есть, зафиксированные путем изменения внешней среды, и идеальные – оставшиеся в памяти людей [4, с. 118]. Однако П.В. Мочагин предлагает к двум традиционным формам слепообразования добавить еще одну – виртуально-информационной и технико-компьютерной сфере [7, с. 97]. Такие следы предложено именовать виртуальными. Существуют и другие позиции в науке по поводу учений о информационных следах. Вместе с тем, следует заметить, что на сегодняшний день вопрос о дефиниции «виртуальные следы» остается нерешенным.

Следует признать, что на сегодняшний день теоретическая база по исследованию «цифровых» следов недостаточно сформирована, вместе с тем, она имеет большое значение для оценки новых следов с уголовно-правовой, криминологической и криминалистической точки зрения.

Новые виды преступлений, новые виды следов не в полной мере охвачены уже имеющимися составами преступлений в сфере компьютерной информации и информационных технологий. Отметим, что действующее законодательство уголовно-правового цикла не имеют едино сформированных терминологических понятий. В нормативной базе, регулирующей общественные отношения, существуют определенные противоречия и неточности, которые связаны с манипуляциями, которые проводятся с информацией в цифровой форме.

Думается, что одной из основных причин вышеуказанной проблемы является неэффективность всего научного осмысления криминалистический знаний по исследуемой теме в том, что новые следы до настоящего момента исследовались только в рамках существующих частных теорий. Кроме того, преградой развития единого доктринального подхода выражена в отсутствии четкого

понимания криминалистического значений цифровой информации со стороны законодателя и правоприменительных органов.

Также, необходимо заметить, что существующие теории криминалистики ориентированы исключительно на работу с традиционными следами, в контексте различных учений и подходов, не относящихся к криминалистической технике. Таким образом, данные следы больше исследовались с позиций теории доказательств, криминалистических методик и тактики, судебной экспертизы и оперативно-разыскной деятельности. Как результат новые следы у ученых описаны фрагментарно, не имеют единого и четкого определения, не имеют группировки по признакам и пр.

Необходимость в развитии рассматриваемых учений и решений обозначенных проблем также обусловлена тем, что государственные органы отождествляет документы на бумажном носителе и электронные документы. В уголовном судопроизводстве электронный документ может фигурировать как «вещественное доказательство» или как «иной документ».

С недавнего времени все больше интерес ученых направлен на вопросы изучения электронных доказательств. Например, В.Б. Вехов исследовал как проблемы работы с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства, так и особенности их фиксации [2, с. 185].

На основании вышеизложенного, мы полагаем, что одним из основополагающих направлений криминалистики должны стать вопросы исследования электронных следов в своем первоначальном виде без привязки к частным методикам. Ей

Литература:

1. *Вехов В.Б.* Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки : дис. ... д-р юрид. наук. Волгоград, 2008. 561 с.
2. *Вехов В.Б.* Компьютерное моделирование при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации : учебное пособие / В.Б. Вехов, С.А. Ковалев // *Международный журнал экспериментального образования*. 2015. № 10-2. С. 185–186.
3. *Горбунова Е.Ю.* Формирование научных основ развития криминалистического исследования цифровой информации / Е.Ю. Горбунова // В сборнике: *Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее. материалы международной научно-практической конференции*. СПб., 2020. С. 92–99.
4. *Жердев П.А.* Механизм слеодообразования при совершении преступлений в сфере компьютерной информации / П.А. Жердев, А.С. Бондарчук // В сборнике: *Актуальные проблемы науки и практики. сборник научных трудов*. Хабаровск, 2018. С. 118–121.

же должны исследоваться технические и тактические вопросы работы с электронными следами. Поэтому, исходя из потребностей современного общества, думается, что появилось новое понятие – «цифровая криминалистика», которое базируется на понимании информационных технологий.

Термин «цифровая криминалистика» является новым в рамках криминалистических учений, еще не является общепринятым в юриспруденции, не устоялся в научных кругах, но уже имеет различную синонимизацию в современных работах ученых-криминалистов. Например, подобный термин обозначается, как «электронная криминалистика», «компьютерная криминалистика» и другие.

Следует признать, что цифровая криминалистика, хоть и находится на стадии формирования, но уже имеет свой собственный предмет, а также методологию.

Подводя итог размышлению о криминалистическом исследовании цифровой информации, мы считаем, что сегодня существует острая необходимость в формировании устойчивого и самостоятельного учения. В рамках этого учения необходимы фундаментальные знания в части подраздела криминалистической тактики, такого как получение доказательственной информации на электронных носителях. Этот подраздел будет способен объединить научные положения и разработанные на их основе рекомендации по практическому проведению следственных и иных процессуальных действий, направленных на сбор доказательств на электронных носителях и их использование как доказательства в процессе расследования по уголовному делу.

Literature:

1. *Vekhov V.B.* Forensic doctrine about computer information and means of its processing : dis. ... dr. jurid. sciences. Volgograd, 2008. 561 p.
2. *Vekhov V.B.* Computer modeling in the investigation of crimes in the field of computer information : textbook / V.B. Vekhov, S.A. Kovalev // *International Journal of Experimental Education*. 2015. № 10-2. P. 185–186.
3. *Gorbunova E.Yu.* Formation of scientific foundations for the development of forensic research of digital information / E.Yu. Gorbunova // In the collection: *Forensic examination: past, present and a look into the future. materials of the international scientific-practical conference*. SPb., 2020. P. 92–99.
4. *Zherdev P.A.* The mechanism of trace formation when committing crimes in the field of computer information / P.A. Zherdev, A.S. Bondarchuk // In the collection: *Actual problems of science and practice. collection of scientific papers*. Khabarovsk, 2018. P. 118–121.

5. Жижина М.В. Предмет криминалистики: история развития и современные представления / М.В. Жижина // Эксперт-криминалист. 2011. № 2. С. 2–5.

6. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. ... д-р юрид. наук. Воронеж, 2001. 387 с.

7. Мочагин П.В. Новые формы слепообразования в криминалистике и судебной экспертизе / П.В. Мочагин // Судебная экспертиза в парадигме российской науки (к 85-летию Ю. Г. Корухова). Сб. материалов 54-х криминалист. Чтений : в 2 ч. М., Акад. управления МВД России, 2013. Ч. 2. С. 97–101.

8. Рост числа киберпреступлений в 11 раз за 5 лет, до свыше 510,4 тыс. случаев – Генпрокуратура. URL : <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE> (дата обращения 07.07.2022).

9. Статистика и аналитика – МВД России. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения 07.07.2022).

5. Zhizhina M.V. Subject of criminology: history of development and modern ideas / M.V. Zhizhina // Forensic expert. 2011. № 2. P. 2–5.

6. Meshcheryakov V.A. Fundamentals of the methodology for investigating crimes in the field of computer information : dis. ... dr. jurid. sciences. Voronezh, 2001. 387 p.

7. Mochagin P.V. New forms of trace formation in forensic science and forensic examination / P.V. Mochagin // Forensic examination in the paradigm of Russian science (to the 85th anniversary of Yu.G. Korukhov). Sat. materials of the 54th criminologist. Readings : 2 part, Acad. Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. Part 2. P. 97–101.

8. Growth in the number of cybercrimes by 11 times : in 5 years, up to over 510.4 thousand cases - the Prosecutor General's Office. URL : <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE> (date of application 07.07.2022).

9. Statistics and analytics – Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (date of application 07.07.2022).

Чулков Иван Константинович
аспирант кафедры
международного права,
Саратовская государственная
юридическая академия
ivanchul@yandex.ru

КОРРЕЛЯЦИОННАЯ ЗАВИСИМОСТЬ КОСМОСА И КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ТЕРМИНОВ КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА

Аннотация. В статье раскрывается вопрос определения и соотношения терминов «космос» и «космическое пространство», используемых в рамках фундаментальных принципов космического права и их важность при разрешении возникающих международных разногласий, как в теоретическом, так и в практическом планах. Автор отмечает важность привнесения достаточной определенности в международно-правовой статус космического пространства, а также предлагает свою точку зрения по данному вопросу.

Ключевые слова: международное право, космическое право, космос, космическое пространство, термины космического права, Договор по космосу, национальное присвоение, исследование и использование космического пространства.

В настоящее время сфера всестороннего изучения космоса уже стала одной из самых интенсивно развивающихся областей человеческой активности. С текущими темпами научно-технического прогресса комплексное освоение космического пространства и небесных тел не представляется столь отдаленной перспективой. Дистанционное зондирование Земли, телевидение, навигация, туризм — вот далеко неполный перечень видов деятельности человека, которая уже осуществляется в космическом пространстве. Однако в данной области существует лишь пять международных соглашений, регламентирующих довольно ограниченный круг тем. В этой связи, некоторые вопросы космического права так и не были урегулированы в соответствующих положениях договоров, что привело к возникновению разнообразных проблем. Одной из них является слабая проработанность терминологического аппарата в космическом праве. Достаточно сказать, что ни одно из международных соглашений, несмотря на неоднократное использование основополагающего термина «космическое пространство», не содержит его определения и количественных характеристик. Аналогичная ситуация наблюдается и в отечественном законо-

Ivan K. Chulkov
Graduate Student of the Department
International Law,
Saratov State Law Academy
ivanchul@yandex.ru

CORRELATION OF SPACE AND OUTER SPACE AS FUNDAMENTAL TERMS OF SPACE LAW

Annotation. The article reveals the definition and correlation of the terms «space» and «outer space» used in the fundamental principles of space law and their importance in resolving international disputes, both theoretically and practically. The author notes the importance of introducing sufficient certainty in the international legal status of outer space and offers his point of view on this issue.

Keywords: international law, space law, space, outer space, space law terms, Outer Space Treaty, national appropriation, exploration and use of outer space.

дательстве, например, в Законе Российской Федерации «О космической деятельности» [1].

Названное обстоятельство привело к тому, что вопрос о детерминации терминов космического права остается актуальным до сих пор. Подобная ситуация подводит многих исследователей к попыткам предоставить собственные дефиниции для терминологического аппарата космического права. При этом нередко в процессе подобного научного творчества без должного внимания остаются вопросы о существующих взаимосвязях, соотношениях и возможностях смешения определяемых терминов. По этой причине, именно аспекту соотношения, а не авторского определения двух фундаментальных терминов космического права «космос» и «космическое пространство» посвящено настоящее исследование.

В соответствии с ГОСТ 25645.103-84 «Условия физические космического пространства. Термины и определения»: «Космическое пространство – пространство за пределами атмосферы Земли» [2]. Определение космического пространства путем включения в него всего пространства,

что находится за пределами земной атмосферы, является, пожалуй, самым популярным на текущий момент. Например, аналогичные дефиниции предоставляются на сайте Государственной корпорации «Роскосмос» [3] и в учебном пособии по международному праву за авторством Н.Н. Меньшиной [4, с. 73]. В некоторых случаях, к данному признаку добавляют уточнение: «относительно пустое пространство», намекая на наличие в нем разнообразных явлений научно-технического характера [5, с. 19]. Нетрудно заметить, что основой данной дефиниции выступает неюридическое знание.

Между тем, уже из названия самого влиятельного международно-правового соглашения в космическом праве Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела [6], можно сделать вывод о том, что договаривающиеся стороны включали в космическое пространство также Луну и другие небесные тела. М. Ляхс отмечал, что небесное тело – это часть космического пространства [7, с. 51]. Можно предположить, что данный автор допускал возможность отождествления терминов «космос» и «космическое пространство». Как указано в источнике, изданном под редакцией Г.П. Жукова: «Космос» – понятие в греческом языке (*kosmos*) означает – «Вселенная» и в неюридическом смысле «представляет собой пространство, простирающееся за пределами земной атмосферы, со всеми присутствующими в нем объектами» [8, с. 53].

Таким образом, в рамках понимания значения и объема термина «космическое пространство» намечилось два пути.

Во-первых, под ним можно понимать абсолютно все, что находится за пределами земной атмосферы. В данном случае он выступает общим понятием, обозначающим все, что находится за пределами земной атмосферы.

Во-вторых, под ним можно понимать лишь пространство, в котором существуют все остальные космические явления.

В соответствии со статьей II Договора по космосу: «Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами».

Таким образом, ответ на вопрос о том, что входит в объем термина «космическое пространство» находится в прямой взаимосвязи с возможностью национального присвоения множества космических явлений непоименованных в международных соглашениях в сфере космического права. Представленная неопределенность терминологического аппарата приводит к возникновению различных споров на международной арене.

Определенную степень известности обладает Декларация первого Совещания экваториальных стран, которую также часто называют Боготской

декларацией [9]. Данный документ был подписан 03 декабря 1976 года главами делегаций из восьми стран, расположенных на экваторе, над территориями которых находится геостационарная орбита Земли. Данное соглашение являлось обращением к мировому сообществу. В нем указывалось, что, т.к. Договор по космосу не содержит определения термина «космическое пространство», то нет никакой уверенности в допустимости признания геостационарной синхронной орбиты Земли частью космического пространства.

В этой связи, экваториальные державы пришли к двум выводам.

Во-первых, они посчитали допустимой попытку признать геостационарную орбиту Земли природным ресурсом, права на который принадлежат подписавшимся государствам соразмерно частям экватора, расположенным на их суверенных территориях.

Во-вторых, они указали на необходимость разработать и закрепить в международном соглашении определение термина «космическое пространство».

Не менее, а возможно и более известными являются национальные законодательные акты США [10], Люксембурга [11] и ОАЭ [12], направленные на регулирование частной коммерческой деятельности по добыче и присваиванию природных ресурсов небесных тел. В общих чертах, позиция данных государств сводится к утверждению о том, что Договором по космосу не предусмотрен запрет на присвоение природных ресурсов, которые уже добыты из недр космического тела. Иными словами, законодатели путем выделения природных ресурсов из объема терминов «космическое пространство» и «небесное тело» обходят запрет, содержащийся в положениях статьи II Договора по космосу. Очевидно, что подобный подход провоцирует напряженность во взаимоотношениях держав, заинтересованных в освоении космического пространства.

Таким образом, с течением времени, вопрос об определении и объеме термина «космическое пространство», используемого в рамках фундаментальных принципов космического права, не просто не теряет своей актуальности, а становится все более существенным при разрешении возникающих международных разногласий, как в теоретическом, так и в практическом планах. К сожалению, искать ответ на него приходится «между строк» Договора по космосу.

«Воодушевленные великими перспективами, открывающимися перед человечеством...», «признавая общую заинтересованность всего человечества в прогрессе исследования и использования космического пространства», «исследование и использование космического пространства должны быть направлены на благо всех народов», «исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо всех стран и являются достоянием всего человечества».

Столь возвышенными идеями пронизаны тексты преамбулы и статей I–II Договора по Космосу. С учетом этого, сложно предположить, что стороны, делая воодушевленные заявления, подразумевали в данных нормах под космическим пространством лишь относительно пустое пространство между атмосферами небесных тел и сами эти небесные тела, исключая, например, внеземное вещество, внеземные ресурсы и прочие естественные явления, которые находятся в космическом пространстве. Вероятнее всего, договаривающиеся стороны, не вдаваясь в уточнение терминов, заявляли о правах человечества на космическое пространство, как на явление, вбирающее в себя все, что существует за пределами земной атмосферы. Иными словами, мы полагаем, что в данном случае, государства исходили из возможности отождествления терминов «космическое пространство» и «космос».

Косвенным подтверждением нашей позиции является мнение М. Ляхса, считавшего небесные тела частью космического пространства. Его работа была опубликована в 1964 году, т.е., еще до заключения 27 января 1967 года Договора по Космосу. На тот момент единственным формальным ориентиром в области космического права являлась резолюция 1962 (XVIII) Генеральной Ассамблеи ООН, озаглавленная как «Декларация правовых принципов деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства». Она была принята 13 декабря 1963 года и в значительной степени использована при подготовке последующего документа, в том числе в рамках заявлений, сделанных в отношении космического пространства. Названный автор разрабатывал свою концепцию почти одновременно с подготовкой первого и наиболее влиятельного источника космического права. Даже на сегодняшний день существует не так много ученых, специализирующихся на изучении данной отрасли международного права, а в тот период, когда космос лишь приоткрывался для человечества, позиция всего одного исследователя могла выражать общее мнение.

Логичным продолжением, представленного нами тезиса, можно считать и утверждение о том, что запрет присвоения, предусмотренный статьей II Договора по космосу, распространяется на все, что находится за пределами земной атмосферы. В этом случае, кажутся совершенно неуместными попытки некоторых деятелей прибегать к его узкому толкованию. Например, как это произошло при подготовке национальных законодательных актов США, Люксембурга и ОАЭ, о чем мы писали выше.

В то же время, колоссальную важность приобретает вопрос, касающийся эффекта, который оказывает данная норма Договора по Космосу на процесс освоения космического пространства. В этой связи, нам понятно желание многих ученых, не прибегая к открытой конфронтации с влиятельным и общепризнанным международно-правовым актом, найти выход из сложившейся ситуации. Тем не менее, мы полагаем, что не может подвергаться сомнению сам факт признания достоянием человечества всего космоса и, как следствие, всего того, что «порождено» космосом,

т.е., возникло по естественным причинам вне земной атмосферы.

При этом важно отметить, что наша позиция основана на предположении об использовании договаривающимися сторонами терминов «космическое пространство» и «космос» в качестве тождественных только в преамбуле и статьях I–II Договора по космосу. В других нормах прослеживается разграничение космоса и космического пространства, подразумевающего лишь относительно пустое пространство вне земной атмосферы, в котором находятся и движутся различные объекты, как искусственные, так и естественные. Особенно ясно данное разграничение можно увидеть в космических договорах, заключенных позднее.

В дополнение стоит отметить, что мы не отрицаем необходимость освоения космоса, как государствами, так и неправительственными лицами. Однако для этого необходимо либо уточнить Договор по Космосу, либо действовать в соответствии с фактом, что весь космос принадлежит всему человечеству, а значит, присвоение его ресурсов отдельными государствами или их национальными резидентами недопустимо.

При этом важно помнить, что исследование и использование космоса – это одна из самых быстро развивающихся отраслей человеческой деятельности. По этой причине нормы, принятые более полувека назад, естественным образом устаревают. Схожую позицию можно найти в трудах зарубежных авторов, которые отмечают, что нельзя однозначно ответить на вопрос: были ли многосторонние договоры в области космического права сформулированы в терминах, достаточно ясных и способных учесть исторические изменения, и что в случае отрицательного ответа, они должны быть изменены [13, с. 35]. На наш взгляд, причинами того, почему этого до сих пор не произошло с Договором по космосу, как, впрочем, и с другими соглашениями в сфере космического права, являются как растущий уровень разногласий между космическими державами, так и недовольство развивающихся стран, которые в середине прошлого века не могли конструктивно участвовать в подготовке космических договоров. Тем не менее, именно согласованное урегулирование указанной проблемы наиболее благоприятно скажется на развитии космической отрасли.

В заключение стоит сказать, что, несмотря на существование космического права относительно продолжительный период времени, в нем все еще остаются вопросы, которым уделено крайне мало внимания. Время идет, и человечество устремляется к новым вершинам, воплощая фантазии прошлого в жизнь. Добыча космических ресурсов и колонизация небесных тел – это лишь ранние шаги к превращению космической деятельности в одно из флагманских направлений функционирования человечества. В то же время, космическое право не располагает даже четким и выверенным терминологическим аппаратом и не может ответить на вопрос: «Что такое космическое пространство и что в него входит?». Продолжая топтаться на месте, мы рискуем в будущем погрузить столь перспективную область человеческой активности во тьму беззакония.

Литература:

1. Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // Российская газета 1993. № 186; 2021. № 133.
2. ГОСТ 25645.103-84 «Условия физические космического пространства. Термины и определения» (с Изменением № 1). М. : Издательство стандартов, 1984.
3. Словарь космических терминов // Сайт Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос». URL : <https://www.roscosmos.ru/dictionary/224> (дата обращения 11.11.2021).
4. *Меньшенина Н.Н.* Международное право : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2022. 101 с.
5. *Киченина В.С.* Правовое понятие небесного тела как основной категории международного космического права / В.С. Кичичева // Международное публичное и частное право. 2016. № 2. С. 19–21.
6. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (заключена в г. Москве, Вашингтоне, Лондоне 27 января 1967 г.) // Ведомости ВС СССР. 1967. № 44. Ст. 588.
7. *Lachs M.* The international law of Other Space. Leiden : Sijthof, 1972. 196 p.
8. Международное космическое право : учебник для вузов / Г.П. Жуков [и др.]; Под ред. Г.П. Жукова, А.Х. Абашидзе. 2-е изд., стер. М. : Юрайт, 2021. 528 с.
9. Bogotá Declaration: First Meeting of Equatorial Countries (signed 03 December 1976). URL : <https://bogotadeclaration.wordpress.com/declaration-of-1976> (date of application 12.03.2022).
10. Pub. L. 114-90 «Commercial Space Launch Competitiveness Act of 2015», § 401, 51 U. S.C. §10101 note (2019), under which Title IV of this Act (51 U. S.C. § 51301–51303) (2019) could be cited as «Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015» // Website CONGRESS.GOV. URL : <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262> (date of application 20.10.2021).
11. Loi du 20 juillet 2017 sur L'exploration et L'utilisation des ressources de L'espace // Website Gouvernement.lu. URL : <http://Legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo> (date of application 20.10.2021).
12. United Arab Emirates Federal Law no. (12) of 2019 on the Regulation of the Space Sector // Website UAE Space Agency. URL : <https://space.gov.ae/Documents/PublicationPDFFiles/2030-National-Strategy-Summary-EN.pdf> (date of application 20.10.2021).

Literature:

1. Law of RF from August 20, 1993 № 5663-1 «On Space Activity» (in edition from June 11, 2021) // Rossiyskaya Gazeta 1993. № 186; 2021. № 133.
2. GOST 25645.103-84 «Physical Space Conditions. Terms and definitions» (with Amendment № 1). М. : Standard Publishers, 1984.
3. Dictionary of space terms // Site of State Corporation on Space Activities «Roskosmos». URL : <https://www.roscosmos.ru/dictionary/224> (date of application 11.11.2021).
4. *Menshenina N.N.* International law : textbook for universities. М. : Yurite, 2022. 101 с.
5. *Kichenina V.S.* Legal concept of a celestial body as the main category of international space law / V.S. Kinicheva // International public and private law. 2016. № 2. P. 19–21.
6. Treaty on Principles of Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies (concluded in Moscow, Washington, London, January 27, 1967) // Vedomosti VS USSR. 1967. № 44. Art. 588.
7. *Lachs M.* The international law of Other Space. Leiden : Sijthof, 1972. 196 p.
8. International space law: textbook for universities / G.P. Zhukov [et al.]; Ed. by G.P. Zhukov, A.Kh. Abashidze. 2-nd ed. М. : Yurite, 2021. 528 с.
9. Bogotá Declaration: First Meeting of Equatorial Countries (signed 03 December 1976). URL : <https://bogotadeclaration.wordpress.com/declaration-of-1976> (date of application 12.03.2022).
10. Pub. L. 114-90 «Commercial Space Launch Competitiveness Act of 2015», § 401, 51 U. S.C. §10101 note (2019), under which Title IV of this Act (51 U. S.C. § 51301–51303) (2019) could be cited as «Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015» // Website CONGRESS.GOV. URL : <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262> (date of application 20.10.2021).
11. Loi du 20 juillet 2017 sur L'exploration et L'utilisation des ressources de L'espace // Website Gouvernement.lu. URL : <http://Legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo> (date of application 20.10.2021).
12. United Arab Emirates Federal Law no. (12) of 2019 on the Regulation of the Space Sector // Website UAE Space Agency. URL : <https://space.gov.ae/Documents/PublicationPDFFiles/2030-National-Strategy-Summary-EN.pdf> (date of application 20.10.2021).

13. *Francis L. Space law: a treatise* / L. Francis, P. Larsen. 2nd edition. Abingdon. New-York : Routledge, 2018. 531 p.

13. *Francis L. Space law: a treatise* / L. Francis, P. Larsen. 2nd edition. Abingdon. New-York : Routledge, 2018. 531 p

Шавловская Виктория Валерьевна
аспирантка кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТОРГОВЛЮ ОРГАНАМИ, ТКАНЯМИ И КЛЕТКАМИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. В статье проводится компаративистский анализ норм, регламентирующих уголовную ответственность за торговлю органами, тканями и клетками и связанные с ними криминальные коммерческие манипуляции. Рассматриваются положения национального уголовного права в данной сфере с позиций их международно-правовых основ. Сравнительно-правовое исследование проводится на основе краткого анализа российского уголовного и иного законодательства в контексте его соотношения с нормами зарубежных источников права, посвященных вопросам торговли органами, тканями и клетками. Отдельный блок работы отведен общему анализу положений международного права. Проводится исследование нормативных предписаний уголовных законов государств, входивших в состав бывшего СССР. Проанализированы положения ряда уголовного законодательства стран Дальнего зарубежья. Сформулирован вывод о наличии в УК РФ скрытой криминализации торговли органами и тканями при отсутствии положений о наказуемости торговли клетками. В заключение статьи подведены итоги работы и формулируется ряд предложений по рецепции некоторых положений зарубежного права и решению определенных научных задач.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное законодательство, компаративистское исследование, торговля, орган человека, ткань человека, клетка человека.

В основе архитектоники действующего УК РФ лежит его разделение на Общую и Особенную части. Такой подход позволяет соблюсти общеправовой принцип «от общего к частному», выдерживать необходимое взаимодействие структурных компонентов системы, обеспечивать их корреляцию. Это, конечно, в первую очередь обеспечивают принципы, сформулированные в уголовном законе в статьях 3–7. Одним из приоритетных в масштабе всего уголовного права является принцип гуманизма. Он

Victoria V. Shavlovskaya
Postgraduate Student of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

RESPONSIBILITY FOR ORGAN, TISSUE AND CELL TRADE: FOREIGN VIEW

Annotation. The article conducts a comparative analysis of the norms governing criminal liability for trade in organs, tissues and cells and related criminal commercial manipulations. The provisions of national criminal law in this area are considered from the standpoint of their international legal framework. A comparative legal study is carried out from the standpoint of a brief analysis of Russian criminal and other legislation in the context of its relationship with the norms of foreign sources of law devoted to the trade in organs, tissues and cells. A separate block of work is devoted to a general analysis of the provisions of international law. A comparative legal study is carried out from the standpoint of a brief analysis of Russian criminal and other legislation in the context of its relationship with the norms of foreign sources of law devoted to the trade in organs, tissues and cells. A separate block of work is devoted to a general analysis of the provisions of international law. Further, studies of the regulatory regulations of the criminal laws of the states that were part of the former USSR are carried out. Then the provisions of a number of criminal laws of the Far Abroad countries were analyzed. The conclusion was formulated on the presence in the Criminal Code of the Russian Federation of a hidden criminalization of organ and tissue trafficking, in the absence of provisions on the punishability of cell trafficking. In the end, the author sums up other results of the work and formulates a number of proposals for the reception of certain provisions of foreign law and the solution of certain scientific problems.

Keywords: Criminal liability, criminal law, comparative research, trade, human body, human tissue, human cell.

направлен на то, чтобы, как сказано в ст. 7 УК РФ, обеспечить безопасность человека, его жизнь, права и свободы, в том числе и телесную неприкосновенность.

Человечество столкнулось, причем, достаточно недавно, с совершенно новой угрозой. История цивилизации показывает, что развитие науки способствует не только прогрессу общества, но также, к сожалению, порождению и развитию социально-негативных явлений, в том числе

преступности. Показательный пример того – достижения трансплантологии, породившей и «оборотную сторону медали» – развитие нелегального рынка донорских органов и тканей (далее – ДОТ). Всего около 10 % операций по трансплантации в мире совершаются незаконно [1]. В международных документах, коих принято достаточно в рассматриваемой сфере [2; 3; 4; 5] отмечается, что развитие трансплантологии – бесценное достижение науки, однако, настает время для детальной ревизии того нормативного материала, который призван противостоять незаконным формам использования ДОТ.

В действующем УК РФ есть давний пробел, который лежит как бы на поверхности. Речь идет об отсутствии уголовной ответственности за торговлю органами, тканями и клетками человеческого организма. На актуальность данной проблемы указывает ряд авторов [6; 7]. Необходимость криминализации торговли органами и (или) тканями прямо предусмотрена таким нормативным актом, как Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1 (в ред. 08.12.2020 г.) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [8]. Однако в настоящее время, отечественный уголовный закон лишь фрагментарно предусматривает нормы, направленные на борьбу с определенными формами преступных деяний, связанных с незаконным использованием ДОТ. О торговле клетками законодатель вообще умалчивает. УК РФ не содержит специальных норм об ответственности за совершение торговых или иных сходных с ними операций по отношению к ДОТ. Законодатель лишь наметил общие контуры противодействия незаконному обороту последних, введя составы убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в целях использования органов или тканей, принуждения к изъятию таковых для трансплантации, торговли людьми в целях изъятия органов или тканей у потерпевшего.

Эксперименты в области трансплантологии начались на заре XX в., однако процесс использования их результатов в медицинской практике активно развивается после Второй мировой войны. Примерно в этот период времени и начинают складываться предпосылки для формирования «черного рынка» ДОТ. Универсальные нормы, устанавливающие общий запрет на торговые операции в отношении человеческих органов и тканей, присутствуют в законодательстве большого числа государств, включая и нашу страну. Вместе с тем где-то они вообще легальны (к примеру, в Иране [9]). Как же подходит зарубежный законодатель к проблеме торговли органами, тканями и клетками? Логика подсказывает, что начать анализ следует с законов стран бывшего СССР.

Нормы об ответственности за незаконную торговлю органами или тканями человека содержатся в УК Казахстана (ст. 116) [10]. Однако здесь закон не дает подробного описания состава данного преступления, отдавая этот вопрос на откуп науке и практике. Более подробно вопросы торговли органами или тканями человека отражены в ст. 137 УК Азербайджана [11]. Здесь регламентирована ответственность за куплю-продажу органов или тканей человека и предусмотрена

специальная цель преступления – их трансплантация. Непосредственно о торговых операциях с ДОТ говорится в ст. 137.1 УК. Следует обратить внимание на то, что норма указывает на незаконность совершения указанных операций. Видимо, это является излишним, в противном случае следует предположить, что существует и законная торговля ДОТ. В УК Грузии в 2006 г. был введен состав торговли органами человека (ст. 135.1) [12]. Норма не носит описательного характера, однако включает такие квалифицированные виды, как совершение преступления неоднократно и организованной группой. Следует отметить суровость санкций: уже за основной вид деяния предусмотрено наказание до 9 лет лишения свободы. В то же время, ст. 158 УК Республики Молдова 2002 г. [13] весьма подробно регламентирует уголовную ответственность за торговлю органами. Прежде всего, число предметов преступления увеличено за счет включения в их число также и клеток, а равно частей органов. Объективная сторона предполагает не только продажу или покупку предмета, но также хищение, незаконное использование, хранение, владение, передачу, получение, импорт, экспорт, транспортировку таковых. Содержится широкий перечень квалифицированных и особо квалифицированных видов данного преступления.

Стоит указать на одну интересную проблему. Законодательство многих стран бывшего СССР (Россия, Беларусь и др.) предусматривает ответственность за торговлю людьми с целью последующего использования органов и (или) тканей для целей трансплантации. С нашей точки зрения, это является ничем иным, как скрытой торговлей органами. Действительно, в настоящее время подобные действия являются квалифицированными видами торговли людьми. Но данный вид специфичен и выделяется на фоне других форм human trafficking. Конечной целью виновного (виновных), по сути, является использование органов и (или) тканей человека, что также имеет место при торговле ДОТ. Данная проблема нуждается в дальнейшем анализе. Нами видится необходимость не только введения состава коммерческих манипуляций с органами, тканями и клетками в УК РФ, но и включения в соответствующую статью в качестве квалифицированного состава торговлю людьми в целях использования органов, тканей или клеток потерпевшего. Однако, исходя из того, что УК РФ содержит запрет на торговлю людьми с целью изъятия органов или тканей, можно прийти к выводу о том, что законодатель, хоть и частично, но осуществил криминализацию торговли органами. Как бы цинично это не звучало, но для покупателя далеко не всегда имеет значение, в каком виде ему будут доставлены органы, ткани. Потерпевший выступает своего рода средством доставки «товара».

Далее, обратимся к праву стран Дальнего зарубежья. Так, уголовные наказания за торговлю органами и тканями, в тех или иных формах, предусмотрены законодательством Франции, Англии, ФРГ, Бельгии, Польши, Турции, Китая и ряда других государств. Рассмотрим некоторые из соответствующих актов более подробно. Уголовная ответственность за торговлю органами

установлена УК ФРГ (параграф 5, п. 15 УК) на основе Закона ФРГ «О донорстве, заборе и пересадке органов и тканей» от 05.11.1997 г. (параграф 18 Закона о трансплантологии) [14]. Ряд зарубежных авторов, в частности У. Шрот, оценивают положения данного нормативного документа критически [15], указывая на то, что данный закон не решает проблемы защиты прав доноров, в частности, создания дополнительных гарантий их защиты. В немецкой науке присутствует практическое общее мнение о том, что коммерческое использование ДОТ подлежит более реальной наказуемости. В ином же случае, стоит учитывать, что правом разрешен коммерческий обмен крови в определенных местах. Это порождает дополнительные сложности в установлении наказуемости торговли тканями. Кроме того, проект федерального закона ФРГ по воспрещению торговли органами был отклонен немецким парламентом по причине того, что в нем была установлена наказуемость только торговли теми органами, которые изъяты у живых, а парламентарии настаивали на том, чтобы законом была запрещена и торговля органами умерших реципиентов. Проект предусматривал запрет на торговлю человеческими органами, частями органов и тканями, предназначенным для лечебных целей. В то же время не было запрета на торговые манипуляции для изъятия, последующей консервации и др., предназначенные для целей врачевания, но не для пересадки. Иными словами, такая сделка не является коммерческой [16].

В УК КНР 1979 г. (ред. 1997 г.) в ст. 234 предусмотрена ответственность за организацию продажи человеческих органов. Примечательно, что речь идет именно об организационных действиях, впрочем, сам факт совершения продажи органа в узком смысле также можно отнести к деятельности непосредственного продавца; с точки зрения отечественного уголовного закона, действия организатора (при отсутствии одновременного соисполнительства) не предполагают купли-продажи или иных действий, направленных на непосредственную реализацию объективной стороны [17]. С недавнего времени торговля органами запрещена и Гражданским кодексом КНР.

В Швейцарии принят и действует Союзный закон «О трансплантации органов, тканей и клеток» от 08 октября 2004 года [18]. Глава 2 закона

Литература:

1. Shimazono Y. The state of the international organ trade: a provisional picture based on integration of available information / Y. Shimazono // Bulletin of the World Health Organization. 2007. № 85(12). P. 955–962.
2. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов: утв. на 63-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в мае 2010 г., резолюция WHA 63.22. URL : <http://docplayer.ru/27562914-Rukovodyashchie-principy-voz-po-transplantacii-chelovecheskih-kletok-tkaney-i-organov-1.html>

устанавливает запрет на торговлю органами, тканями и клетками, однако уголовно-правовой основы для обеспечения реализации этого запрета нет.

Итак, проведенные исследования позволяют сформулировать ряд основных выводов. Законодательство как Ближнего, так и Дальнего зарубежья в большей части содержат нормы, предусматривающие запрет на торговлю органами, тканями и клетками человека. Это касается и иных коммерческих манипуляций с ДОТ, близких к торговым. Ряд законодательств (в том числе и УК РФ) ограничиваются простой констатацией уголовной наказуемости торговли ДОТ, однако конкретных составов не предусматривают. Вторая группа стран криминализует в своих уголовных законах уже вполне определенные деяния. Здесь можно выделить те правовые предписания, которые носят простой характер, и нормы, имеющие описательный вид. Первые ограничиваются указанием на торговлю ДОТ как основной состав, не раскрывая его содержание, вторые дают описание его признаков. Первые превалируют. Некоторые законы предусматривают наказание за торговлю клетками. Считаем эту практику верной, клетки человека нельзя в полной мере отнести к органам или тканям.

В результате анализа можно прийти к выводу о том, что торговля людьми в целях использования ДОТ относится к скрытому виду торговли ДОТ (скрытая криминализация). Следовательно, это преступление следует рассматривать не в структуре торговли людьми, а в структуре торговли ДОТ, причем в качестве квалифицирующего признака. Эта рекомендация адресована и отечественному законодателю. Предлагаем следующую редакцию ст. 127.3 УК РФ:

«Торговля органами, тканями и клетками человека:

1. Купля-продажа, а равно, совершение иных незаконных действий, имеющих целью извлечение прибыли, в отношении органов, тканей или клеток человека, наказываются...
2. Купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, в целях изъятия у потерпевшего органов, тканей или клеток, наказываются...».

Literature:

1. Shimazono Y. The state of the international organ trade: a provisional picture based on integration of available information / Y. Shimazono // Bulletin of the World Health Organization, 2007. № 85(12). P. 955–962.
2. WHO Guidelines on Transplantation of Human Cells, Tissues and Organs: approved at the 63rd session of the World Health Assembly in May 2010, resolution WHA 63.22. URL : <http://docplayer.ru/27562914-Rukovodyashchie-principy-voz-po-transplantacii-chelovecheskih-kletok-tkaney-i-organov-1.html>

3. Стамбульская декларация о торговле органами и трансплантационном туризме от 02.05.2008 (в ред. 2018 г.). URL : <http://docplayer.ru/114654841-Stambulskaya-deklaraciya-o-torgovle-organami-i-transplantacionnom-turizme-redakciya-2018-goda.html>
4. Европейская конвенция о борьбе с торговлей человеческими органами от 25.03.2015 // ИПС «ГАРАНТ». URL : <https://base.garant.ru/71221344>
5. Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ о борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека от 25.11.2005 г. URL : <https://docs.cntd.ru/document/902047004>
6. *Епанчина М.П.* Зарубежное законодательство о трансплантации человеческих органов и тканей (на примере Германии, Швейцарии и Аргентины) / М.П. Епанчина // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2012. № 5.
7. *Третьякова, Е.С.* Проблемы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека в международном и национальном праве / Е.С. Третьякова, Я.Д. Атаманюк // Новый юридический вестник. 2020. № 7(21). С. 64–65.
8. О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1 (в ред. 08.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4692
9. *Боровых Я.Ф.* Торговля человеческими органами / Я.Ф. Боровых // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 17. С. 147–150.
10. Уголовный кодекс Республики Казахстан 2014 г. (по сост. на 02.03.2022 г.). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения 01.06.2022).
11. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики 1999 г. (по сост. на 26.04.2022 г.). URL : http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения 02.06.2022).
12. Уголовный кодекс Грузии 1999 г. (в ред. от 22.11.2021 г.). URL : <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=236> (дата обращения 17.06.2022).
13. Уголовный кодекс Республики Молдова 2002 г. (по сост. на 31.03.2022 г.). URL : http://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения 15.06.2022).
14. Gesetz über die Spende, Entnahme und Übertragung von Organen und Geweben (Transplantationsgesetz – TPG) von 05.11.1997. URL : <http://www.gesetze-im-internet.de/tpg/BJNR263100997.html>
15. *Schroth U.* Die strafrechtlichen Grenzen der Lebendspende / U. Schroth // Medizinstrafrecht. 2. Aufl. Richard Boorberg Verlag. 2001.
16. *Жалинская-Рерихт А.А.* Закон ФРГ о трансплантации органов 1997 г.: конституционные и
3. Istanbul Declaration on Organ Trade and Transplant Tourism dated 02.05.2008 (as amended in 2018). URL : <http://docplayer.ru/114654841-Stambulskaya-deklaraciya-o-torgovle-organami-i-transplantacionnom-turizme-redakciya-2018-goda.html>
4. European Convention for the Suppression of Trafficking in Human Organs of 25.03.2015 // IPS «GARANT». URL : <https://base.garant.ru/71221344>
5. Agreement on cooperation of the CIS member States on combating trafficking in human beings, organs and human tissues dated 25.11.2005 URL : <https://docs.cntd.ru/document/902047004>
6. *Epanchina M.P.* Foreign legislation on transplantation of human organs and tissues (on the example of Germany, Switzerland and Argentina) // Bulletin of the RUDN. The series «Legal Sciences». 2012. № 5.
7. *Tretyakova E.S.* Problems of legal regulation of transplantation of human organs and tissues in international and national law / E.S. Tretyakova, Ya.D. Atamanyuk // New Legal Bulletin. 2020. № 7(21). P. 64–65.
8. On transplantation of human organs and (or) tissues: The Law of the Russian Federation from 22.12.1992, № 4180-1 (as amended on 08.12.2020) // SPS «ConsultantPlus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4692
9. *Borovykh Ya.F.* Trade in human organs / Ya.F. Borovykh // Fundamental and applied research: problems and results. 2015. № 17. P. 147–150.
10. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan 2014 (according to comp. on 02.03.2022). URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (date of application 01.06.2022).
11. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan 1999 (according to comp. on 04/26/2022). URL : http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (date of application 02.06.2022).
12. The Criminal Code of Georgia of 1999 (as amended. from 11/22/2021). URL : <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=236> (date of application 17.06.2022).
13. Criminal Code of the Republic of Moldova 2002 (as of 31.03.2022). URL : http://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (date of application 15.06.2022).
14. Gesetz über die Spende, Entnahme und Übertragung von Organen und Geweben (Transplantationsgesetz – TPG) von 05.11.1997. URL : <http://www.gesetze-im-internet.de/tpg/BJNR263100997.html>
15. *Schroth U.* Die strafrechtlichen Grenzen der Lebendspende / U. Schroth // Medizinstrafrecht. 2. Aufl. Richard Boorberg Verlag. 2001.
16. *Zhalinskaya-Roerich A.A.* The German Law on Organ transplantation of 1997: constitutional and

уголовно-правовые следствия / А.А. Жалинская-Рерихт // Право и политика. 2001. № 7.

17. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики 1997 г. URL : <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения 15.06.2022).

18. О трансплантации органов, тканей и клеток: Союзный закон Швейцарии от 08.10.2004 г. URL : <http://www.admin.ch/ch/f/rs/8/810.21.fr.pdf> (дата обращения 12.06.2022).

criminal-legal consequences / A.A. Zhalinskaya-Rerich // Law and politics. 2001. № 7.

17. Criminal Code of the People's Republic of China 1997. URL : <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (date of application 15.06.2022).

18. On organ, tissue and cell transplantation: Swiss Federal Law of 08.10.2004. URL : <http://www.admin.ch/ch/f/rs/8/810.21.fr.pdf> (date of application 12.06.2022).

Шапортов Дмитрий Александрович
магистрант
Международно-правового института,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина
dima_shaportov@mail.ru

Последующая иностранная незаконность (правило «Ralli Bros») как институт английского права

Аннотация. В XXI веке мир столкнулся со множеством государственных ограничений. В связи с этим, и ввиду популярности выбора английского права в качестве применимого к международным договорам исследование такой категории права Англии, как последующая иностранная незаконность (правило «Ralli Bros»), является актуальным. Данная статья посвящена исследованию содержания данного института и определению его правовой природы. В работе анализируется квалификация последующей иностранной незаконности, как нормы материального права, коллизионного права и как формы выражения международной вежливости, составляющей часть английского публичного порядка. Автор приходит к выводу, что правило «Ralli Bros» является коллизионной нормой английского международного частного права.

Ключевые слова: последующая иностранная незаконность, правило «Ralli Bros», английское право, фрустрация, публичный порядок, международная вежливость.

Ключевое значение для развития всей доктрины последующей иностранной незаконности договора (англ. «supervening foreign illegality») имеет прецедент *Ralli Bros v Compania Naviera Sota y Aznar* [1].

В данном деле, поставщик «Ralli Bros» должен был поставить джут покупателю «Godo & Co.» Для перевозки товара поставщик заключил договор фрахтования судна с испанской судоходной компанией (фрахтовщик) «Compañia Naviera Sota y Aznar». Размер фрахта составлял 50 фунтов стерлингов за тонну груза, перевозимого из Индии в Испанию. По условиям договора фрахтования 50 % фрахтовщик получает в Лондоне по предоплате от продавца и 50 % после доставки груза от покупателя «Godo & Co.». Корабль отплыл и первый платёж был осуществлён надлежащим образом.

В середине рейса был издан испанский королевский указ, который установил максимальную стоимость фрахта за ввозимый в Испанию джут на

Dmitry A. Shaportov
Undergraduate
International Legal Institute,
Moscow State Legal
University named after O.E. Kutafina
dima_shaportov@mail.ru

SUPERVENING FOREIGN ILLEGALITY («RALLI BROS» RULE) AS AN INSTITUTION OF ENGLISH LAW

Annotation. In the 21st century, the world is faced many governmental restrictions. In this regard, and because of the popularity of choosing English law as applicable to international contracts, the analysis of such a category of English law as supervening foreign illegality (the «Ralli Bros» rule) is relevant. This article is devoted to the studying of the content of this institution and the determination of its legal nature. The paper analyses the qualification of supervening foreign illegality as a norm of substantive law, as a norm of conflict of laws and as a form of international comity, which is a part of the English public order. The author concludes that the «Ralli Bros» rule is a conflict of law rule of English private international law.

Keywords: supervening foreign illegality, «Ralli Bros» rule, English law, frustration, public policy, international comity.

уровне 875 песет за тонну, что было существенно меньше согласованной сторонами суммы. Когда товар прибыл в Испанию, покупатель «Godo & Co.» отказался производить оплату в размере, согласованном в договоре, ввиду установленного запрета на такие расчёты. Фрахтовщик «Compañia Naviera Sota y Aznar» отказался осуществлять разгрузку и обратился в суд в Англии с иском к продавцу (фрахтователю) о взыскании оставшейся суммы фрахта.

Первым делом суд определил английское право в качестве применимого к договору фрахтования. Затем, в ответ на аргумент истца о том, что обязательство по осуществлению второй части платежа может быть осуществлено в Англии, где нет ценовых ограничений; суд указал на то, что фрахтовщик сам является испанской компанией и ему запрещено получать фрахт за доставку джута в Испанию в таком размере в любом государстве. Более того, договор содержит прямое обязательство произвести расчёты (наличными или векселями) на территории Испании.

Суд согласился с утверждением фрахтовщика о том, что фрахтователь несёт ответственность в случае невыполнения своего денежного обязательства покупателем. Однако он разъяснил, что бездействие со стороны покупателя оправдывается правом Испании, запрещающим подобные расчёты, а это влияет, в том числе, и на ответственность самого фрахтователя перед фрахтовщиком.

Основным выводом, к которому пришёл суд в данном деле, по нашему мнению, является суждение о том, что Англия не должна способствовать или санкционировать нарушение законов других независимых государств [1, 304]. В итоге, было принято решение об отказе в удовлетворении требования фрахтовщика о взыскании договорной стоимости фрахта в части превышающей установленные в Испании нормативы.

Таким образом, данное дело стало основным прецедентом по вопросу о значении иностранного права для применения доктрины о последующей иностранной незаконности. В правовой системе Англии появилось новое правило о том, что последующая иностранная незаконность договора по праву места исполнения освобождает стороны от исполнения данного соглашения, даже если оно остаётся законным по применимому к нему английскому праву (далее – «правило «Ralli Bros»»).

Тем не менее, споры о последующем толковании данного судебного решения не прекращаются до сих пор. Наиболее существенный для настоящего исследования вопрос состоит в том: К какой из доктрин английского права относится данное правило?

Существует три подхода, которые будут представлены ниже.

На сегодняшний день доминирующая позиция состоит в квалификации правила «Ralli Bros» в качестве составной части национальной английской материально-правовой доктрины фрустрации [2; 3; 4]. В этом случае, оно должно применяться только тогда, когда применимым правом является материальное право Англии. Если же применимым правом будет право иной страны, то при рассмотрении дела суд будет использовать материальные нормы другого государства.

Здесь нужно обратить внимание на то, что правило «Ralli Bros» состоит в регулировании порядка применения преобладающих императивных положений (англ. «overriding mandatory provisions») [5, p. 1459], и в этой части оно имеет большое сходство с нормой п. 3 ст. 9 Регламента Рим I [6], которая до сих пор действует в Англии, несмотря на Brexit [7]. Пункт 3 ст. 9 Регламента Рим I закрепляет, что суд вправе придавать действие преобладающим императивным положениям права страны, где возникающие на основании договора обязательства должны быть или были исполнены, в той мере, в какой эти положения делают исполнение договора незаконным. Данный регламент является источником международного частного права (далее – «МЧП»),

содержащим коллизионные нормы, среди которых, в частности, и п. 3 ст. 9 [8]. В этой связи, возникает вопрос: Как, по сути, тождественные нормы могут относиться к разным видам правовых норм: одна – к материальным, вторая – к коллизионным?

Этот вопрос исследовался в деле Dana Gas PJSC v Dana Gas Sukuk Limited [9]. В данном споре резидент острова Джерси «Dana Gas Sukuk Limited» и резидент ОАЭ «Dana Gas PJSC» заключили соглашение о создании совместного предприятия (подчинённое праву ОАЭ) и соглашение о его купле-продаже (подчинённое праву Англии), по которому ответчик получил право, при определённых обстоятельствах, обязать истца выкупить свою долю в таком совместном предприятии. В дальнейшем, компания «Dana Gas PJSC» посчитала соглашение о купле-продаже предприятия несправедливым и решила его оспорить. Истец, в частности, заявил, что данный договор несовместим с правовым запретом получения компенсации за использование денежных средств, действующим в ОАЭ, а потому он может обеспечиваться принудительной силой, согласно правилу «Ralli Bros» и п. 3 ст. 9 Регламента Рим I.

После установления обстоятельств дела суд разъяснил, что правило «Ralli Bros» действует только, когда английское право является применимым к договору. В связи с этим, данное правило лучше всего понимать, как принцип английского внутреннего права, который является похожим, но не идентичным принципу МЧП, закреплённому в п. 3 ст. 9 Регламента Рим I и применяющимся независимо от права, применимого к договору. Эти правовые принципы применимы только в том случае, если обязательства стороны договора должны быть исполнены в ОАЭ, однако, в рассматриваемом случае обязанность истца по выкупу предприятия осуществляется путём перечисления денежных средств на согласованный в договоре счёт продавца, открытый в «Deutsche Bank» в Англии, а не в ОАЭ. В итоге, суд постановил, что в данном деле, правила последующей иностранной незаконности не подлежат применению и отказал в удовлетворении исковых требований.

В то же время, существует и другая позиция, которая не пользуется такой сильной поддержкой среди юристов и не имеет столь значительного подтверждения в судебной практике. Данная позиция состоит в том, что правило «Ralli Bros» является частью МЧП Англии (англ. «conflict of laws») [10, p. 898]. В этом случае нормы, составляющие правило «Ralli Bros», являются не материальными, а коллизионными и будут применяться даже в том случае, если применимым правом не является право Англии.

Представленное толкование подвергается критике в связи с вопросом о соотношении правила «Ralli Bros» с п. 3 ст. 9 Регламента Рим I. Если рассматривать принцип, закреплённый в прецеденте Ralli Bros v Compañia Naviera Sota y Aznar [1], как принцип МЧП, то он должен был утратить силу сразу после вступления в силу Регламента Рим I. Тем не менее, даже после этого, суды по-

прежнему выносили решения со ссылкой на данный прецедент и квалифицировали правило «Ralli Bros», как коллизионный принцип. Например, в п. 99 судебного решения по делу *Deutsche Bank AG v Unitech Global Ltd.* [11] суд указал, что такой хорошо известный принцип английского коллизионного права, как правило «Ralli Bros», не нуждается даже в обсуждении.

Наконец, третий подход, основанный также на теории МЧП, состоит в том, что правило «Ralli Bros» является не просто принципом МЧП, а принципом международной вежливости и составляет часть английского публичного порядка. Следовательно, суд будет вправе отказаться от придания договору исковой силы со ссылкой на свой публичный порядок (ст. 21 Регламента Рим I). То есть, суд должен воздерживаться от действий, которые он имел бы право предпринять на своей собственной территории, из уважения к территориальному суверенитету другого государства. Причём, Уильям Дэй [2, р. 82] подчёркивает, что, в данном случае, речь не идёт о применении данного правила только при установлении взаимности.

Делом, в котором суд подошёл максимально близко к толкованию правила «Ralli Bros» в соответствии с третьим подходом, является дело *Banco San Juan Internacional Inc v Petroleos De Venezuela SA* [12]. В данном споре, государственная нефтяная компания Венесуэлы взяла кредит у пуэрториканского банка и обязалась возвращать долг платежами на счёт кредитора в США. В дальнейшем, производить платежи по кредиту было невозможно без специального разрешения ввиду введения США санкций в отношении Венесуэлы. Банк обратился в суд. Защита должника строилась на невозможности получения специального разрешения и перечисления денежных средств в США. Должник требовал отказать в удовлетворении исковых требований со ссылкой на п. 3 ст. 9 Регламента Рим I и правило «Ralli Bros» (как на правило международной вежливости (англ. «comity»)).

В части соотношения данных принципов суд в п. 120 своего решения отметил, что правило «Ralli Bros» «покрывает очень похожую сферу», что и п. 3 ст. 9 Регламента Рим I; но разница состоит в том, что п. 3 ст. 9 Регламента Рим I применяется дискреционно по усмотрению суда, а правило «Ralli Bros» действует всегда при наличии к тому оснований. При этом в случае наличия возможности применения обоих принципов, суд отдаёт предпочтение правилу «Ralli Bros», так как, по его мнению, п. 3 ст. 9 Регламента Рим I возможно будет применяться в случаях, когда соответствующий суд не будет иметь эквивалентной национальной правовой нормы, но английский суд такую норму имеет.

Обратим внимание на то, что в данном деле указано, что именно суд должен иметь такую норму, а не правовая система. То есть, акцент делается на право суда, а не на право, применимое к договору. Следовательно, можно сказать, что данный прецедент поддерживает третью точку зрения о том, что правило «Ralli Bros» является не просто

принципом МЧП, но и составляет часть публичного порядка Англии, который имеет большую юридическую силу, чем какие-либо правовые предписания. В связи с этим, согласно данному теоретическому подходу, любой суд, вынося решение по вопросу о совершении незаконного акта в иностранном государстве, должен исходить из принципа международной вежливости независимо от того, в каком применимом источнике права он закреплён: национальном прецеденте (как в Англии), законе или международном договоре.

Несмотря на то, что, в итоге, суд удовлетворил требования истца, так как пришёл к выводу о том, что ни п. 3 ст. 9 Регламента Рим I, ни правило «Ralli Bros» в данном споре не применяются в связи с тем, что должник не смог доказать, что получение лицензии на банковский перевод для него было невозможным (не представлен отказ уполномоченного органа США), а также, потому что не исчерпаны альтернативные пути перечисления денежных средств (открытие счёта в других иностранных банках); представленное толкование имеет существенное значение для развития доктрины последующей иностранной незаконности и правила «Ralli Bros» как элемента английского публичного порядка.

По нашему мнению, из представленных трёх точек зрения, наиболее правильной является второй коллизионно-правовой подход.

Далее, будут изложены сперва причины неверности материально-правового подхода, а затем - недостатки теории, основанной на публичном порядке.

Во-первых, отнесение доктрины последующей иностранной незаконности к одному из составляющих элементов доктрины фрустрации неправильно потому, что они предписывают различные последствия для договорных отношений. В том же деле *Banco San Juan Internacional Inc v Petroleos De Venezuela SA* [2020] EWHC 2937 (Comm) в п. 77 судебного акта суд разъяснил, что результатом действия правила «Ralli Bros» может быть:

- 1) недействительность договора и невозможность его принудительного исполнения;
- 2) приостановка исполнения обязательства, если это обязательство по оплате («invalid and unenforceable, or suspended in the case of a payment obligation») [12].

Такое толкование доктрины в современном судебном акте XXI-го века имеет значение, так как суд ещё раз подчеркнул, что рассматриваемая доктрина связана с доктриной последующей незаконности договора (как самостоятельным институтом): одинаковое последствие в виде приостановления исполнения договора.

Следует обратить внимание на то, что приостановка исполнения договора по сути тождественна термину «временная фрустрация» (англ. «temporary frustration»), который прямо был признан несуществующим в деле *Bank of New-York Mellon*

(International) Limited v Cine-UK Limited [13]. В свою очередь, признание договора недействительным и лишение его исковой силы, как последствие последующей иностранной незаконности, не прекращает договор в том смысле, который придаётся прекращению договора в доктрине фрустрации, в которой речь идёт о том, чтобы «положить конец договору» (англ. «to bring it to an end» [14, 692]) или «прекратить» его (англ. «terminate» [15, p. 302]). Разница состоит в том, что категория «недействительность» более гибкая и может применяться в данном контексте к отдельным частям соглашения. Так, в деле *Ralli Bros v Compañía Naviera Sota y Aznar* [1] суд не «расторг договор» и «не положил ему конец»; вместо этого, суд признал недействительным лишь положение договора об уплате цены, которая превышала установленные законом ограничения и удовлетворил требования фрахтователя в части разрешённой законом суммы фрахта. На это различие между двумя доктринами также обращают внимание английские юристы [16].

Таким образом, ни одно из признанных последствий доктрины последующей иностранной незаконности не свойственно фрустрации.

Во-вторых, при исследовании доктрины последующей незаконности как элемента (презюпции) фрустрации, суды в своих рассуждениях используют категории, свойственные, как раз, для фрустрации, а в делах, связанных с правилом «Ralli Bros», эти категории вообще не исследуются.

Например, в деле *Andrew Millar & Co v Taylor & Co Ltd.* [17] (исследовалась фрустрация) судьи анализировали «невозможность» исполнения обязательства ввиду введения Англией эмбарго. Данная категория всегда была тесно связана с доктриной фрустрации. После введения в английскую доктрину фрустрации теста радикального изменения исполнения [18, p. 729] – англ. «radically different test» – суды при установлении наличия фрустрации ввиду последующей незаконности договора, например, в связи с ковидными ограничениями, исследуют и применяют именно данный тест [13]. В то же время, ни в одном из рассмотренных дел, в которых исследовалась возможность применения правила «Ralli Bros», не упоминается тест радикального изменения исполнения. Суды всегда применяли данное предписание как самостоятельное правило без ссылок на какие-либо устоявшиеся подходы к доктрине фрустрации.

Литература:

1. *Ralli Bros v Compañía Naviera Sota y Aznar* [1920] 2 K.B. 287. // Online legal research service «Westlaw».
2. *William Day. Contracts, illegality and comity: Ralli Bros revisited / William Day // Cambridge Law Journal. 2020. № 79(1). P. 64–90.*
3. *Charles Proctor. Public Policy and Payment Obligations. // Journal of International Banking and Financial Law. 1997. № 12(9). P. 427–436.*

В-третьих, в английской правовой доктрине существует небесспорное мнение о том, что правило «Ralli Bros» можно также применять в отношении договоров, которые являются незаконными с момента заключения [2, p. 76]. При этом к фрустрирующему событию сложился единый подход, который находит отражение чуть ли не в каждом деле о фрустрации, и состоит в том, что такое событие должно быть именно последующим (англ. «supervening event»), а не существовать в момент заключения сделки.

В-четвёртых, правило «Ralli Bros» не может быть формой выражения принципа международной вежливости и составлять один из элементов публичного порядка Англии, так как данное правило носит двойственный характер. Защищая основы суверенного государственного устройства, правило «Ralli Bros» одновременно допускает их нарушение, когда ситуация выходит за пределы, установленные в прецеденте. Другими словами, нормы, реализующие международную вежливость, не могут предписывать выносить заведомо неисполнимые решения, противоречащие закону государств, в которых производятся подготовительные действия для исполнения договора, а правило «Ralli Bros» это допускает [11]. Вынесение решений, осуждающих должника за соблюдение принятых после заключения договора правовых норм своей страны, не может признаваться элементом публичного порядка, базирующимся на международной вежливости.

Таким образом, правило «Ralli Bros» не является составной частью доктрины фрустрации. Две эти правовые категории применяются в разных случаях и влекут разные последствия. Доктрина фрустрации состоит из материальных норм права, которые применяются только тогда, когда применяется право Англии. Правило «Ralli Bros», в свою очередь, представляет собой классический коллизийный принцип МЧП, который применяется независимо от того, каким правом регулируется договор. Конечно, правильнее было бы признать, что нормы Регламента Рим I (в настоящее время это уже нормы английского закона) превалируют над нормами английского общего права и заменяют их в случае совпадения предмета регулирования, но английская судебная система упорно отрицает данный подход, что необходимо учитывать при выборе компетентного правопорядка.

Literature:

1. *Ralli Bros v Compañía Naviera Sota y Aznar* [1920] 2 K.B. 287. // Online legal research service «Westlaw».
2. *William Day. Contracts, illegality and comity: Ralli Bros revisited / William Day // Cambridge Law Journal. 2020. № 79(1). P. 64–90.*
3. *Charles Proctor. Public Policy and Payment Obligations. // Journal of International Banking and Financial Law. 1997. № 12(9). P. 427–436.*

4. Gregory Mitchell QC, Christopher Bond. The Effect of Foreign Illegality on English Law Contracts. // Journal of International Banking and Financial Law. 2010. № 25(9). P. 531–533.

5. Coffey E. Cutting off the EU to Spite Its Face?: How to Promulgate the UK's Contractual Choice of Law Rules to Ensure Stability Post-Brexit / E. Coffey // Boston College Law Review. 61. 2020. P. 1447–1489.

6. Regulation (EC) № 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // Website of Publications Office of the European Union. URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32008R0593&qid=1649855259136> (date of application 13.04.2022).

7. The Law Applicable to Contractual Obligations and Non-Contractual Obligations (Amendment etc.) (EU Exit) Regulations 2019. // Website of the UK National Archives. URL : <https://www.legislation.gov.uk/ukdsi/2019/9780111180785/contents> (date of application 19.06.2022).

8. Mühlbauer K. Berücksichtigung der ausländischen Eingriffsnormen im Art. 9 Rom I-VO. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor iuris (Dr. iur.) im Fach Rechtswissenschaften / K. Mühlbauer // Webseite der Humboldt Universität zu Berlin von. 11 Dezember 2019. 371 p. URL : https://edoc.hu-berlin.de/bitstream/handle/18452/23698/dissertation_muehlbauer_kristina.pdf?sequence=3&isAllowed=y (date of application 19.07.2022).

9. Dana Gas PJSC v Dana Gas Sukuk Limited EWHC 2928 // Online legal research service «Westlaw». 2017.

10. Lipstein K. Inherent Limitations in Statutes and the Conflict of Laws / K. Lipstein // International and Comparative Law Quarterly. 1977. № 26(4). P. 884–902.

11. Deutsche Bank AG v Unitech Global Ltd. [2013] EWHC 2793 (Comm). // Online legal research service «Westlaw».

12. Banco San Juan Internacional Inc v Petroleos De Venezuela SA [2020] EWHC 2937 (Comm) // Online legal research service «Westlaw».

13. Bank of New York Mellon (International) Limited v Cine-UK Limited [2021] EWHC 1013 (QB) // Online legal research service «Westlaw».

14. National Carriers Ltd. v Panalpina (Northern) Ltd. [1981] A.C. 675. // Online legal research service «Westlaw».

15. James B. Fraser & Co. v Denny, Mott & Dickson. [1943] S.C. 293. / B. James // Online legal research service «Westlaw».

16. Sanctions Again – and also Penalties. // Website of international law firm Watson Farley & Williams LLP. URL: <https://www.wfw.com/articles/sanctions-again-and-also-penalties/> (date of application 09.04.2022).

4. Gregory Mitchell QC, Christopher Bond. The Effect of Foreign Illegality on English Law Contracts. // Journal of International Banking and Financial Law. 2010. № 25(9). P. 531–533.

5. Coffey E. Cutting off the EU to Spite Its Face?: How to Promulgate the UK's Contractual Choice of Law Rules to Ensure Stability Post-Brexit / E. Coffey // Boston College Law Review. 61. 2020. P. 1447–1489.

6. Regulation (EC) № 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // Website of Publications Office of the European Union. URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32008R0593&qid=1649855259136> (date of application 13.04.2022).

7. The Law Applicable to Contractual Obligations and Non-Contractual Obligations (Amendment etc.) (EU Exit) Regulations 2019. // Website of the UK National Archives. URL : <https://www.legislation.gov.uk/ukdsi/2019/9780111180785/contents> (date of application 19.06.2022).

8. Mühlbauer K. Berücksichtigung der ausländischen Eingriffsnormen im Art. 9 Rom I-VO. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor iuris (Dr. iur.) im Fach Rechtswissenschaften / K. Mühlbauer // Webseite der Humboldt Universität zu Berlin von. 11 Dezember 2019. 371 p. URL : https://edoc.hu-berlin.de/bitstream/handle/18452/23698/dissertation_muehlbauer_kristina.pdf?sequence=3&isAllowed=y (date of application 19.07.2022).

9. Dana Gas PJSC v Dana Gas Sukuk Limited EWHC 2928 // Online legal research service «Westlaw». 2017.

10. Lipstein K. Inherent Limitations in Statutes and the Conflict of Laws / K. Lipstein // International and Comparative Law Quarterly. 1977. № 26(4). P. 884–902.

11. Deutsche Bank AG v Unitech Global Ltd. [2013] EWHC 2793 (Comm). // Online legal research service «Westlaw».

12. Banco San Juan Internacional Inc v Petroleos De Venezuela SA [2020] EWHC 2937 (Comm) // Online legal research service «Westlaw».

13. Bank of New York Mellon (International) Limited v Cine-UK Limited [2021] EWHC 1013 (QB) // Online legal research service «Westlaw».

14. National Carriers Ltd. v Panalpina (Northern) Ltd. [1981] A.C. 675. // Online legal research service «Westlaw».

15. James B. Fraser & Co. v Denny, Mott & Dickson. [1943] S.C. 293. / B. James // Online legal research service «Westlaw».

16. Sanctions Again – and also Penalties. // Website of international law firm Watson Farley & Williams LLP. URL: <https://www.wfw.com/articles/sanctions-again-and-also-penalties/> (date of application 09.04.2022).

17. Andrew Millar & Co v Taylor & Co Ltd [1916] 1 K.B. 402. // Online legal research service «Westlaw».

18. Davis Contractors Ltd v Fareham Urban District Council [1956] A.C. 696. // Online legal research service «Westlaw».

17. Andrew Millar & Co v Taylor & Co Ltd [1916] 1 K.B. 402. // Online legal research service «Westlaw».

18. Davis Contractors Ltd v Fareham Urban District Council [1956] A.C. 696. // Online legal research service «Westlaw».

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Воронина Ксения Александровна
магистр,
Московский государственный институт,
международных отношений
(Университет),
Министерство иностранных дел
Российской Федерации
kseni-voronina@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВНЫХ СТРАТЕГИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ МАРКЕТИНГЕ С УЧЕТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СРЕДЫ МАРКЕТИНГА

Аннотация. В статье представлен эволюционный этап формирования и развития основных стратегий в международном маркетинге, автором раскрываются особенности и сущность каждой стратегии, обозначена их сфера применения. Проанализированы факторы определения стратегического видения фирмы в условиях меняющейся внешней среды. Обозначены приоритетные направления развития фирм с учетом региональных различий. Автор объясняет развитие процессов интернационализации бизнеса и подчеркивает необходимость первоочередного изучения условий среды бизнеса и, в частности, маркетинговой среды, прежде чем фирма намерена занять новые рынки. В статье раскрывается сущность международной среды маркетинга как комплексного понятия, представлены ее составные элементы. Автор поясняет факторы формирования международной среды маркетинга, а также выделяет особенности международного маркетинга в целом.

Ключевые слова: международный маркетинг, стратегия интернационализации, стратегия адаптации, стратегия стандартизации, международная среда маркетинга.

Для того, чтобы наилучшим образом выбрать стратегическое направление развития фирмы, необходимо грамотное определение основных целей, направлений деятельности компании, ее стратегических приоритетов и поиск оптимальной арены конкурентной борьбы. В основном, компания стремится решить задачи, касающиеся расширения своей деятельности, выхода на новые рынки сбыта, роста объема продаж, расширения целевого сегмента, создания новой продукции, и в целом – фирма стремится оптимизировать все действия, которые затрагивают маркетинговую деятельность. Однако, из-за страновых и региональных различий в рамках всего земного шара, важное значение имеет определение географического операционного пространства и направлений расширения деятельности

Ksenia A. Voronina
Master,
Moscow State Institute,
International Relations
(University),
Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
kseni-voronina@yandex.ru

THE EVOLUTION OF THE BASIC STRATEGIES IN INTERNATIONAL MARKETING, TAKING INTO ACCOUNT THE FEATURES OF THE INTERNATIONAL MARKETING ENVIRONMENT

Annotation. The article presents the evolutionary stage of the formation and development of the main strategies in international marketing, the author reveals the features and nature of each strategy and outlines their area of application. The factors of determining the strategic vision of a firm in a changing business environment are analyzed. Priority areas for the development of firms are outlined, taking into account regional differences. The author explains the development of business internationalization processes and emphasizes the need for a primary study of the business environment and, in particular, the marketing environment, before a firm intends to enter new markets. The article reveals the nature of the international marketing environment as a complex concept, presents its constituent elements. The author explains the factors of formation of the international marketing environment, and highlights the features of international marketing in general.

Keywords: international marketing, internationalization strategy, adaptation strategy, standardization strategy, international marketing environment.

фирмы в зависимости от этапа интернационализации бизнеса в целом [1].

Развитие процессов интернационализации бизнеса, которые ставят международную маркетинговую деятельность на первый план, определяется некоторыми важными процессами в ряде регионов мира: интеграционными процессами в рамках Европейского Союза (ЕС), устранением торговых барьеров между странами, либерализацией торговых мер со стороны Всемирной торговой организации (ВТО), развитием рыночных отношений и, тем, что на рынках развитых стран уже можно заметить стадии перенасыщения. Основные виды и стратегии международного маркетинга представлены на рисунке 1.

Рисунок 1.

Примечание: составлено автором на основе [5, с. 61].

Стратегию интернационализации в международном маркетинге можно подтвердить тем фактом, что сейчас конкретный товар может производиться не одной страной, а многими странами совместно. Из-за увеличения стран, которые так или иначе связаны с производством товара, сам товар начинает терять национальную принадлежность. Товар уже нельзя ассоциировать с конкретной страной. Товар получается интернациональным, поскольку в его производство были вложены, к примеру, научно-технические или конструкторские решения из нескольких стран. Стратегия адаптации в мультинациональном маркетинге – такой подход в маркетинге, при котором фирма, осуществляя деятельность за рубежом, принимает во внимание различия в потребностях и запросах со стороны потребителей выбранного целевого сегмента. Этот подход учитывает культурные особенности и различия в обычаях, правилах ведения торговли, построении системы сбыта каждой страны мира. Такая стратегия проводится крупными компаниями, товары которых продаются на мировом рынке.

Например, компания Procter&Gamble использует стратегию адаптации. Аромат Camay, вкусовое свойство Crest и формула текстуры Head & Shoulders отличаются в зависимости от региона. Это происходит путем адаптации товара к особенностям и требованиям со стороны потребителей конкретного рынка. Преимуществом данной стратегии является то, что в экономике называют «эффектом экономии на масштабе производства», так как данная стратегия предопределяет интерес к дальнейшему проникновению на рынки многих стран мира, что приводит к расширению рыночной доли компании в целом [5].

Стратегия стандартизации является глобальной стратегией, которая является единой по своей сути и которая применяется на рынках в зарубежных странах сегодня. Она представляет наивысший уровень оптимизации деятельности маркетинга в рамках всего мира. Согласно данной стратегии, принято считать, что определённые товары имеют как универсальные (основные), так и особые свойства, которые привлекают внимание потребителей вне зависимости от страны, в которой они живут. Её суть состоит в том, что для реализации товара применяется стандартизированная программа маркетинга. Глава компании Coca-Cola озвучил этот подход так: «Один взгляд, одно звучание, один сбыт» [5]. Теоретические аспекты, касающиеся глобального маркетинга, принадлежат профессору Гарвардского университета Т. Левитту. Он утверждает, что наступает время

полной стандартизации товара и его маркетинговой стратегии в рамках всего мира [5].

Безалкогольные напитки и продукты быстрого приготовления служат примерами эффективности глобальной стратегии. Маркетологам необходимо понимать, как работает и развивается маркетинговая деятельность в различных странах мира, ведь прежде, чем компания выходит на новые рынки, тщательное изучение условий среды и, в частности, маркетинговой среды на данном рынке является неотъемлемой частью грамотной маркетинговой политики [4].

Международная среда маркетинга – это понятие комплексное. В неё включены различные виды сред [5]:

- национальная среда маркетинга;
- маркетинговые среды отдельных стран;
- глобальная маркетинговая среда.

Рынок каждой страны отличается своими особенностями, своей динамикой развития, и, безусловно, маркетинговая среда каждой страны различна.

Развитие процесса глобализации, совершенствование информационных технологий влияют на объединение маркетинговых сред разных стран и, таким образом, формируется мировая маркетинговая среда (или международная, глобальная). Фирма в наше время представляет собой открытую систему, которая адаптируется к условиям внешней среды. Маркетинг является центральной концепцией управления внутри фирмы. Эта концепция придает важное значение процессам соотношения и взаимодействия внешней и внутренней сред фирмы. Если говорить шире, а именно в рамках мирового масштаба, такое явление и представляет собой международный маркетинг [3].

Развитие самого общества, появление новых потребностей и запросов со стороны потребителей также влияет на развитие международного маркетинга: рынок производителя перешел в рынок потребителя, поэтому производитель уже не может игнорировать или пренебрегать желаниями потребителей.

Затрагивая особенности международного маркетинга, важно отметить, что компания, осуществляющая деятельность не только в своей стране, но и за рубежом, считается международной, то есть она представляет собой сложное

организационно-экономическое образование. В международной среде, дальнейший потенциал развития фирмы определяется не только ее собственными возможностями и ресурсной базой, но и условиями внешней среды, в которой она существует. Можно заметить тот факт, что многие компании, которые изначально добивались значительного успеха на рынке внутри страны, потерпели неудачу и прекратили деятельность за рубежом, это и демонстрирует сложность международного маркетинга.

Конкуренция на международных рынках возрастает, она требует от компаний более тщательного

Литература:

1. *Абаев А.Л.* Международный маркетинг : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / А.Л. Абаев, В.А. Алексунин. М. : Издательство «Юрайт», 2016. С. 48–55.
2. *Галицкий Е.Б.* Маркетинговые исследования. Теория и практика : учебник для вузов / Е.Б. Галицкий, Е.Г. Галицкая 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2019. С. 57.
3. *Гусаров Ю.В.* Менеджмент рекламы. М. : Издательство «Экономика», 2007. С. 11.
4. *Карпова С.В.* Международный маркетинг : учебник и практикум. Издательство : Дашков и К°, 2021. С. 20–33.
5. *Ноздрева Р.Б.* Международный маркетинг : учебник. М. : Экономистъ, 2005. С. 60–68.

подхода к разработке стратегий, ведь это не национальный, а международный рынок. Это и доказывает сложность международного маркетинга. Каждое предприятие уникально, поэтому и процесс разработки стратегии для каждого предприятия индивидуален.

Современный рынок показывает нам тенденцию того, что только те фирмы, которые вовремя подстраиваются под условия, диктуемые внешней средой, в конечном итоге добиваются успеха. Маркетинг в свою очередь является фундаментальным инструментом в этих процессах [2].

Literature:

1. *Abaev A.L.* International Marketing : textbook and Workshop for Bachelor's and Master's Degrees / A.L. Abaev, V.A. Aleksunin. M. : «Yurayt» Publishing House, 2016. P. 48–55.
2. *Galitsky E.B.* Marketing research. Theory and practice : textbook for universities / E.B. Galitsky, E.G. Galitskaya. 2nd ed., revised and supplemented. M. : «Yurayt» Publishing House, 2019. P. 57.
3. *Gusarov Y.V.* Advertising management. M. : Publishing House «Economics», 2007. P. 11.
4. *Karpova S.V.* International Marketing : textbook and workshop – Publishing House: «Dashkov and K°», 2021. P. 20–33
5. *Nozdreva R.B.* International Marketing : textbook. M. : «Economist», 2005. P. 60–68.

Ивашкин Михаил Вячеславович

доктор экономических наук,
профессор Высшей школы
«Медиа, коммуникаций и сервиса»,
Тихоокеанский
государственный университет
ivashkin62@mail.ru

Червова Наталья Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент Высшей школы
«Медиа, коммуникаций и сервиса»,
Тихоокеанский
государственный университет
natashachervova@rambler.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ
ЛОГИСТИЧЕСКИХ КАНАЛОВ
ДОСТАВКИ ТОВАРОВ
РОЗНИЧНЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ**

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы формирования инновационных логистических каналов по доставке потребительских товаров розничным покупателям, в частности: самовывоз, доставка собственной или сторонней курьерской службой, выдача товаров покупателям через постаматы и продуктоматы, кроме того, проведен сравнительный анализ затрат на организацию и функционирование некоторых из рассмотренных каналов, сформулированы выводы о целесообразности и эффективности внедрения многоканальной системы для современного ритейла.

Ключевые слова: доставка товаров, инновационные каналы доставки, самовывоз, доставка курьером, технология «click&collect», постамат, продуктомат, потребительские товары, ритейл, интернет-магазин.

Стремительному развитию новых форм интернет-торговли в России поспособствовала, как ни странно, пандемия. В изменившихся условиях, розничные торговые предприятия, имеющие собственные сайты или хотя бы страницу своего магазина в социальных сетях и маркетплейсах, с налаженными каналами доставки товаров потребителям, оказались в более выигрышном положении, чем те, у кого этого не было. Магазины, сумевшие в короткие сроки перевести торговлю в онлайн-формат с услугой доставки или самовывоза, выжили и даже показали рост объемов реализации, те, кто проигнорировал вызов времени и ситуации, не захотел осваивать новые технологии или посчитал их слишком затратными – закрылись, не сумев адаптироваться под новые вызовы внешней среды.

Mikhail V. Ivashkin

Doctor of Economics,
Professor of the Higher School of Media,
Communications and Service,
Pacific State University
ivashkin62@mail.ru

Natalya V. Chervova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
of the Higher School of «Media,
Communications and Service»,
Pacific State University
natashachervova@rambler.ru

**FORMATION OF INNOVATIVE LOGISTICS
CHANNELS FOR THE DELIVERY
OF GOODS TO RETAIL CUSTOMERS**

Annotation. The article deals with topical issues of the formation of innovative logistics channels for the delivery of consumer goods to retail customers, in particular: self-delivery, delivery by own or third-party courier service, delivery of goods to buyers through parcel terminals and product terminals, in addition, a comparative analysis of the costs for the organization and operation of some of the considered channels was carried out, conclusions were made about the feasibility and effectiveness of the introduction of a multi-channel system for modern retail.

Keywords: delivery of goods, innovative delivery channels, self-delivery, delivery by courier, «click&collect» technology, post office, product kiosk, consumer goods, retail, online store.

Если бы не случилась пандемия, то эволюция розничной торговли в России все равно бы происходила, но более медленно, пандемия лишь ускорила этот процесс, совершив революционный прорыв в развитии новых технологий.

Доля продаж через Интернет в общем объеме оборота розничной торговли по данным Росстата составила в среднем по России в 2019 г. – 2,0 %, 2020 г. – 3,9 %, а в 2021 г. уже – 5,1 %, причем максимальное значение наблюдалось в Центральном Федеральном округе (соответственно 3,2 %; 6,1 %, 7,0 %), в г. Москва – 4,3 %; 9,2 %, 9,3 %), а минимальное – в Северо-Кавказском Федеральном округе – 0,3 %; 0,5 %, 0,9 %. Очевидно, что по сравнению с допандемийным периодом показатель увеличился почти в 2,5 раза [2].

Статистика утверждает, что на конец 2021 г. 49 % россиян регулярно совершали покупки как в офлайн-магазине, так и в интернете, а 4 % покупали товары только через Интернет. Доля респондентов, которые хотя бы раз в течение года приобретали товары в онлайн-магазине, выросла с 87 % в 2019 г. до 97 % в 2021 г., 43 % россиян стали чаще совершать покупки через Интернет с целью экономии времени, причем в среднем на 10 % больше совершают покупки те, кто работает в дистанционном формате. В 2020 г. около 57 %, а в 2021 г. более 64 % респондентов беспокоились за сохранность своих данных в Интернет.

Услугами доставки товаров и готовой еды в 2019 г. пользовались 38 % населения, в 2020 г. – 58 %, а в 2021 г. – 65 %. [3] Причем, после снятия ограничений, значительная часть покупателей продолжают заказывать товары через интернет и пользоваться услугами доставки или самовывоза, тем самым изменив свое потребительское поведение, оценив удобство данного формата. В этой связи, необходимо отметить, что для покупателей важны не только ассортимент реализуемых товаров и уровень цен, но также и возможность выбора наиболее подходящих каналов доставки товаров.

К наиболее востребованным сегодня логистическим каналам, по которым покупатель может получить, заказанный товар относятся [1; 4]:

- 1) доставка курьером – доставка товаров, заказанных через сеть Интернет сторонней или собственной курьерской службой магазина, с возможностью предварительного расчета за покупку онлайн или непосредственно при получении товара наличными, а также через мобильный терминал.
- 2) самовывоз – предполагает, что покупатель самостоятельно забирает скомплектованный в «darkstore» заказ (магазин-склад, в котором происходит сборка онлайн-заказов), в оговоренный

период времени, с применением технологии «click&collect». Данная технология предполагает, что покупатель может забрать скомплектованный онлайн-заказ, размещенный в специальном оборудовании в удобно расположенной офлайн-точке продаж, с возможностью выбора удобной формы расчета за товары и оформления возврата при необходимости. В качестве такой офлайн-точки продаж может выступать обычный пункт выдачи заказов с обслуживанием кассиром-оператором или автоматизированный пункт выдачи товаров (автоматизированы процессы хранения, расчета, выдачи и возврата товара)

Автоматизированный пункт предполагает, что клиент может самостоятельно получить заказ по коду из смс в удобное для него время (в течение оговоренного срока), в ближайшем удобном для него месте через:

- постамат (для непродовольственных товаров);
- продуктомат (для продовольственных товаров, требующих особого температурного режима хранения).

На рисунках 1 и 2 представлены традиционная и оптимизированная схемы распределения товаров для магазинов, реализующих потребительские товары и осуществляющих работув офлайн и онлайн форматах.

Каждый из указанных логистических каналов распределения и доставки товаров имеет свои особенности, преимущества и недостатки.

Курьерская доставка достаточно популярна, особенно среди мало мобильных клиентов, поскольку в ожидании курьера можно провести несколько часов.

Рисунок 1 – Традиционная система распределения товаров розничного торгового предприятия, использующего онлайн и офлайн формат

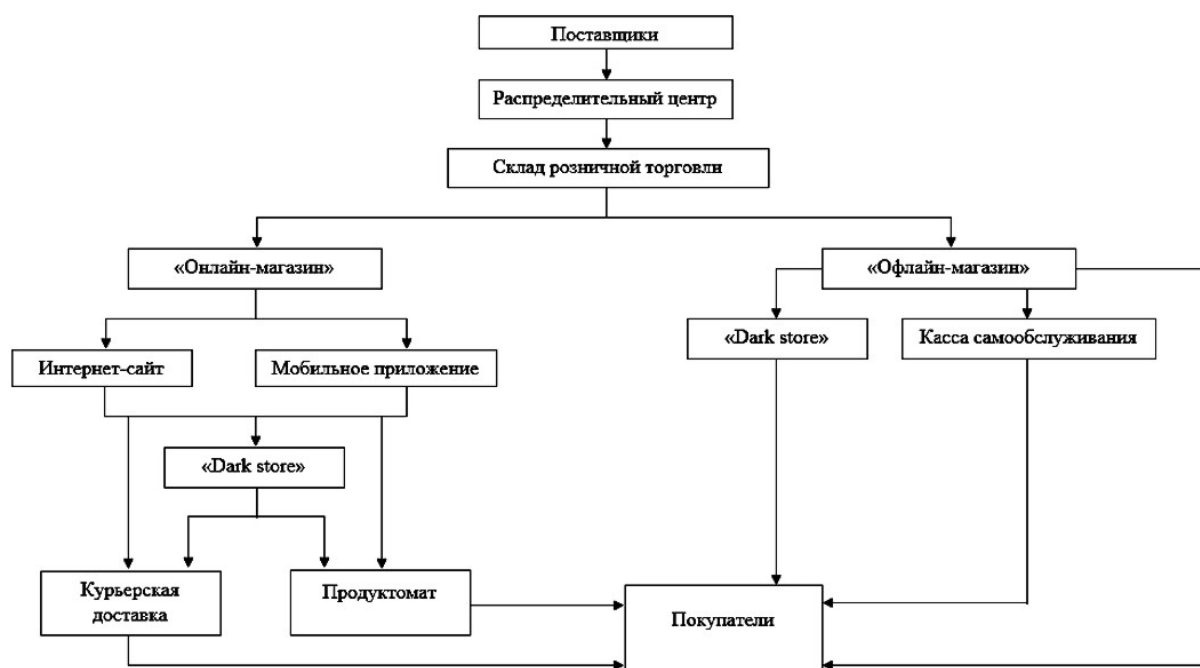

Рисунок 2 – Оптимизированная система распределения товаров

На этом фоне, применение технологии «click&collect», а особенно ее автоматизированного варианта – постомат (продуктомат) имеет ряд существенных достоинств.

Во-первых, преимущества для клиентов: они могут самостоятельно распоряжаться временем, когда забрать заказ, выбирают пункт автоматической выдачи в соответствии со своим маршрутом и графиком перемещения по городу.

Во-вторых, снижается стоимость доставки и упрощается логистика, за счет того, что значительно сокращается число маршрутов доставки. А, следовательно, нужно меньше транспортных

средств, водителей, курьеров и затрат на бензин, а также нужен меньший штат специалистов логистической службы, составляющих и обслуживающих маршруты.

Вместе с тем, необходимо отметить, что заказанные продукты возможно оплатить на сайте или в момент получения только картой банка, т.к. при возврате товара деньги автоматически возвращаются на карту. При этом для решения спорных ситуаций, касающихся в т.ч. процедуры возврата, продуктомат оборудуется видеонаблюдением.

В таблице 1 проведены сравнительные затраты на доставку товаров курьером и в продуктомат.

Таблица 1

Затраты на доставку

Статья затрат	Доставка товаров в продуктомат	Доставка товаров на дом курьером
	Значение показателя	
Затраты на ГСМ, руб.	85857	8311411
Фонд оплаты труда водителей-курьеров и страховые взносы, руб.	2730000	9282000
Затраты на ТО автомобиля, руб.	144000	734400
Прочие затраты, руб.	87874	439371
Итого, руб.	3047731	18767182
Экономия затрат, руб.	15719451	

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что потребительское поведение постоянно меняется, покупателям необходим не только выбор самих товаров, но и удобных альтернативных способов их получения. Практика показывает, что наличие альтернативных каналов повышает количество онлайн-заказов и лояльность потребителей к магазину.

При этом у каждого из каналов доставки есть свои особенности, достоинства и недостатки, поэтому

задача торгового предприятия не концентрироваться на одном канале доставки, а предлагать покупателям возможность выбора. Кроме того, каналы товародвижения должны быть гибкими, способными адаптироваться к актуальным требованиям рынка и предпочтениями клиентов, а все решения нужно принимать на основе предварительного детального изучения мнений потребителей и оценки экономической эффективности проекта.

Литература:

1. *Ивашкин М.В.* Перспективные форматы розничных торговых предприятий и их роль в развитии потребительского рынка / М.В. Ивашкин, В.А. Синюков // Вестник ТОГУ. № 2(45). 2017. С. 153–160.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Технологическое развитие отраслей экономики. Торговля. Росстат. URL : <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 12.07.2022).
3. Ритейлер. Ежедневные коммуникации. Статьи. URL : <https://retailer.ru/cards> (дата обращения 12.07.2022).
4. *Червова Н.В.* Технологии и инновации в ритейле в период пандемии / Н.В. Червова, Д.И. Беседина; Под ред. А. Е. Зубарева, Е.А. Карловской, М.В. Ивашкина // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий: материалы МНПК. Хабаровск, 2022. С. 319–322.

Literature:

1. *Ivashkin M.V.* Promising formats of retail trade enterprises and their role in the development of the consumer market / M.V. Ivashkin, V.A. Sinyukov // Bulletin of the TOGU. 2017. № 2(45). P. 153–160.
2. Official website of the Federal State Statistics Service. Technological development of economic sectors. Trading. Rosstat. URL : <https://rosstat.gov.ru> (date of application 12.07.2022).
3. Retailer. Daily communications. Articles. URL : <https://retailer.ru/cards> (date of application 12.07.2022).
4. *Chervova N.V.* Technologies and innovations in retail during the pandemic / N.V. Chervova, D.I. Besedina; Ed. by A.E. Zubarev, E.A. Karlovskaya, M.V. Ivashkin // Modern problems of economic development of enterprises, industries, complexes, territories: materials of MNPC. Khabarovsk : TOGU Publishing House, 2022. P. 319–322.

Лукашук Виталий Игоревич
доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры государственного
и корпоративного управления,
Академия маркетинга
и социально-информационных технологий
luka81@list.ru

Vitalii I. Lukashchuk
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
The Department of State
and Corporate Management,
Academy of Marketing
and Social Information Technologies
luka81@list.ru

ОСОБЕННОСТИ МАРКЕТИНГА В ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ОТРАСЛИ

FEATURES OF MARKETING IN THE PHYSICAL CULTURE AND SPORT INDUSTRY

Аннотация. В статье показано, что особенности маркетинговых практик в физкультурно-спортивной отрасли обусловлены довольно высоким престижем данной сферы жизнедеятельности. Отмечено, что рекламная кампания является одним из основных этапов маркетинга. Проанализированы классические маркетинговые операции – сегментирование рынка, позиционирование товара и выбор целевых групп влияния в физкультурно-спортивной деятельности. Выделены основные направления маркетинга в физкультурно-спортивной отрасли: расширение связей со средствами массовой информации; проведение массовых рекламных кампаний; партнерство, сотрудничество и поиск спонсоров. Показана перспективность внедрения маркетинговых практик для развития физкультурно-спортивной отрасли.

Annotation. The article shows that the peculiarities of marketing practices in the physical culture and sports industry are due to the rather high prestige of this sphere of life. It is noted that the advertising campaign is one of the main stages of marketing. Classical marketing operations are analyzed – market segmentation, product positioning and the choice of target groups of influence in physical culture and sports activities. The main directions of marketing in the physical culture and sports industry are singled out: expansion of relations with the media; conducting mass advertising campaigns; partnership, cooperation and search for sponsors. The prospects of introducing marketing practices for the development of the physical culture and sports industry are shown.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, физкультурно-спортивная отрасль, спортивный маркетинг, сегментирование рынка, рекламная кампания, позиционирование в спорте, целевая группа, референтная группа.

Keywords: physical culture and sport, physical culture and sport industry, sports marketing, market segmentation, advertising campaign, positioning in sports, target group, reference group.

Отрасль физической культуры и спорта является важной сферой экономики многих стран мира, основой формирования здоровой нации, важным индикатором престижности страны на мировой арене [1]. Эта сфера влияет как на уровень и качество жизни граждан, так и на развитие общественного благосостояния в территориальных общинах и в государстве в целом. В отрасль привлечены значительные ресурсы: кадровые, материальные, финансовые. К ней приковано внимание соответствующих властных органов, масс-медиа, граждан и тому подобное [2]. Для комплексного решения различных задач спортивных организаций, потребителей физкультурно-спортивных услуг используются маркетинговые технологии, на базе которых строится вся существующая в современном мире система торгово-покупных взаимоотношений людей и коммерческих организаций [3].

Удовлетворение потребностей потребителей физкультурно-спортивной отрасли в различных товарах и услугах невозможно без знаний маркетинга – науки, изучающей взаимодействие спроса и предложения на рынке, а также условия, определяющие средства продвижения данных товаров и услуг на рынок к их потребителю. Вышеуказанные факторы требуют научной разработки социологических подходов, принципов и методов обеспечения маркетинговой деятельности в физкультурно-спортивной отрасли.

Следует заметить, что понятие спортивного маркетинга возникло спонтанно лишь во второй половине XX века, когда его основатель Патрик Нейли занимался поиском спонсоров для различных спортивных соревнований. До этого считалось, что поскольку физкультурно-спортивная отрасль – сфера некоммерческая, то законы рыночного продвижения товаров и услуг на нее не

распространяются. Сегодня можно констатировать, что в научной литературе имеется значительное количество публикаций, которые сформировали систему знаний о спортивном маркетинге. Спортивный маркетинг можно определить как вид предпринимательской деятельности в спорте, направленный на удовлетворение нужд и потребностей спортсменов и спортивных болельщиков с помощью рекламы, обмена и торговли спортивными товарами и услугами. Можно дать и более широкое определение спортивного маркетинга, характеризуя его как «предпринимательскую деятельность по обеспечению населения спортивными товарами, услугами и соответствующей информацией» [4, p. 67].

Информация о спортивных товарах и услугах, адресованная потребителям, является составной частью рекламы. В работах [4; 5] содержатся необходимые правила и инструкции по эффективной организации рекламы в физкультурно-спортивной деятельности. Рекламная кампания является одним из основных этапов маркетинга. Появлению рекламного сообщения в рекламной кампании должны предшествовать классические маркетинговые операции – сегментирование рынка, позиционирование товара и выбор целевых групп влияния. Сегментирование рынка, предполагающее процесс деления потребителей на группы на основе различий в нуждах, поведенческих факторах, демографических, национальных и других особенностях, довольно широко используется в зарубежном спорте. Наглядным примером точного позиционирования в спорте является вывод европейского футбола (соккера) на североамериканский спортивный рынок. Именно благодаря верному позиционированию и хорошо продуманной рекламной кампании, удалось привить соккер там, где, казалось бы, рынок командных соревнований был давно и прочно поделен между американским футболом, хоккеем, баскетболом, бейсболом и волейболом.

Важнейшим элементом маркетинговой кампании является создание уникального торгового предложения с последующим развитием его в режиме регулярной повторяемости. Недостатком физкультурно-спортивных организаций, в этом плане, является отсутствие уникальных торговых предложений при наличии уникального физкультурно-спортивного «товара». Этим, в том числе и объясняется неспособность маркетологов «продавать» за достойную цену спортивные соревнования, проходящие на региональном уровне, тренерские и спортивные кадры.

Большое значение для успеха рекламной кампании имеет время ее начала. Принято считать, что билеты на спортивные мероприятия покупаются болельщиками не ранее, чем за неделю до их начала. Отсюда, рекламную кампанию по их реализации рекомендуется начинать за 7–10 дней. Это, однако, касается только соревнований областного и республиканского масштаба. Рекламная кампания чемпионатов Европы, мира и Олимпийских игр должна начинаться за несколько месяцев, а то и лет до их открытия. В то же время, рекламная компания городского и районного масштабов должна быть более энергичной, ее

руководители обязаны учитывать специфику каналов распространения рекламной информации в данной местности. Бессмысленно рекламировать соревнования в спортивном еженедельнике, выходящем в день, когда уже невозможно изменить планы потенциального потребителя.

Для успешной реализации маркетинговых практик большую роль играют спортсмены – «звезды». Роль «звезды» в маркетинговой коммуникации проиллюстрируем на примере развития европейского футбола – соккера в США. Попытка культивировать его в стране к началу 70-х годов прошлого века выглядела абсолютно нереальной. Из 17 команд, которые образовали в 1967 году Северо-американскую лигу соккера (North American Soccer League, NASL), в 1970-м осталось только 6. При этом количество зрителей постоянно сокращалась. Положение коренным образом изменилось после того, как к играм была привлечена футбольная «звезда», бразилец Пеле, заключивший в 1975 году трехлетний контракт с владельцем команды «Нью-Йорк космос». Выделение целевой группы, которой оказалась американская молодежь, вместе с развернутой рекламной кампанией, основу которой составляло имя Пеле, привело к тому, что уже в 1977 году финал кубка Северо-американской лиги по соккеру смотрели на трибунах 80 тысяч человек. За пять последующих лет посещаемость матчей выросла в 10 раз, составив более 3,5 млн человек за сезон [5]. Во многом, благодаря «звездному» фактору, чемпионат мира по футболу 1994 года стал рекордным по посещаемости, а сборная США вошла в число сильнейших на американском континенте. Аналогичным образом действовали в Японии, где «раскрутка» европейского футбола началась с приглашения в местные клубы известных европейских и латиноамериканских игроков. В результате сегодня большинство матчей в профессиональной лиге Японии проходит при переполненных трибунах.

Кроме того, «звезды» спорта являются представителями референтной группы. Часто поклонники того или иного спортсмена хотят походить на него, что подталкивает их покупать одежду, обувь, аксессуары тех фирм, которые носит их кумир. При всей очевидности приемов, используемых в рекламе, высокий профессионализм и успешность спортивных кумиров служат для создания эффекта действительности в рекламном тексте, потому что спортсмены существуют в реальной жизни и достойно относятся к своей работе. А поскольку атлеты не являются профессиональными актерами, то предполагается, что в рекламных роликах они выступают в собственной роли. Поэтому телевизионная реклама с участием спортсменов является своего рода рекламным посланием, в котором зрителям предлагаются эталоны собственного «Я», тем самым навязывая определенный стиль жизни.

Эффективность маркетинговых практик зависит от того, насколько точно рекламист позиционировал предлагаемый продукт под конкретный вид спорта, поскольку последний имеет присущую только ему аудиторию. Во многих западных странах стали привычными коммерческие привязки

определенного рекламируемого продукта к определенному виду спорта или спортивному событию. Например, бренд «Motorola» ассоциируется с фристайлом, «Rolex» – с гольфом, «NEK» – с теннисным соревнованием «Кубок Дэвиса», сигаретные бренды – с «Формулой-1», пивные бренды – с футболом. Из года в год эти связи остаются постоянными. Учитывая тот факт, что спортивный маркетинг в западных странах начал формироваться примерно в 70-е годы XX века, можно констатировать, что привязка бренда к спорту очень эффективна, поскольку выдержала испытание временем.

По мнению авторов работы [5], организация маркетинга в физкультурно-спортивной отрасли должна базироваться на следующих основных принципах:

- физическая культура и спорт должны контролироваться спортивными организациями, а не коммерческими структурами;
- поскольку спорт представляет собой соревновательную деятельность, то важно учитывать интересы потребителя, то есть, зрителя;

Литература:

1. Лукашук В.И. Современный спорт и социальные конфликты / В.И. Лукашук // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 3. С. 185–197.
2. Лукашук В.И. Социология спорта: обзор традиционных зарубежных социологических парадигм и теорий / В.И. Лукашук // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 2. С. 49–69.
3. Лукашук В.И. Эволюция управленческих структур в индустрии спорта / В.И. Лукашук // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты : сб. научных статей 6-й международной научно-практической конференции : в 2-х томах. Курск : ЗАО «Университетская книга», 2016. Т. 1. С. 194–198.
4. Parkhouse B. Marketing for Sport Business Success. Westmark Dr: Kendall Hunt Publishing / B. Parkhouse, B. Turner, K. Miloch. 2017. 388 p.
5. Schwarz E.C. Advanced Theory and Practice in Sport Marketing / E.C. Schwarz, J.D. Hunter. Milton Park : Routledge. 2017. 380 p.

– для повышения интереса спонсоров к физкультурно-спортивной отрасли необходимо предоставлять потребителям социально-значимый продукт высокого качества.

Таким образом, маркетинговые практики в физкультурно-спортивной отрасли имеют свои особенности, обусловленные, в первую очередь, престижем данной сферы жизнедеятельности. Высокая конкурентность физкультурно-спортивной деятельности, эмоциональная зрелищность спортивных мероприятий, добровольный и творческий характер данного вида деятельности – это те основные черты, которые обуславливают особенности маркетинга в физкультурно-спортивной отрасли. Последний можно рассматривать как современную практику развития физкультурно-спортивной отрасли в рыночных условиях, благодаря следующим направлениям в деятельности физкультурно-спортивных организаций:

- расширению связей со средствами массовой информации, особенно, с телевидением;
- проведению массовых рекламных кампаний; партнерство, сотрудничество и поиск спонсоров.

Literature:

1. Lukashchuk V.I. Modern sport and the social conflicts / V.I. Lukashchuk // Sociology: theory, methods, marketing. 2010. № 3. С. 185–197.
2. Lukashchuk V.I. Sociology of sport: a review of traditional foreign paradigms and theories / V.I. Lukashchuk // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2020. Vol. 26. № 2. P. 49–69.
3. Lukashchuk V.I. Evolution of Management Structures in the Sports Industry / V.I. Lukashchuk // Strategy of Socio-economic Development of Society: Managerial, Legal, Economic Aspects: Digest of Scientific Articles of the 6th International Scientific and Practical Conference : in 2 Vol. Kursk : University Book, 2016. Vol. 1. P. 194–198.
4. Parkhouse B. Marketing for Sport Business Success. Westmark Dr: Kendall Hunt Publishing / B. Parkhouse, B. Turner, K. Miloch. 2017. 388 p.
5. Schwarz E.C. Advanced Theory and Practice in Sport Marketing / E.C. Schwarz, J.D. Hunter. Milton Park : Routledge. 2017. 380 p.

Мотовиц Татьяна Геннадьевна
кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра экономической теории
и национальной экономики,
Тихоокеанский
государственный университет
motovits.t@gmail.com

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье представлена оценка реализации региональных проектов в сфере занятости населения Хабаровского края в условиях трансформации рынка труда, выделены основные проблемы их реализации, рассмотрены основные направления совершенствования организации процессов обучения и переобучения граждан. В работе рассматривается создание службы занятости нового типа – кадрового центра и его новые подходы к работе в Хабаровском крае.

Ключевые слова: рынок труда, занятость населения, национальный проект, региональные проекты, трудоустройство, профориентация, профессиональное переобучение, образовательный сертификат, кадровый центр.

Выполнение стратегических задач развития Хабаровского края требуют развития человеческого капитала, который приобретает ключевое значение среди долгосрочных факторов развития экономики, а также – обеспечения перехода региона на модель устойчивого развития, но одним из рисков при выполнении региональных проектов может стать проблема обеспечения их кадрами.

Пандемия covid стимулировала ускорение цифровизации бизнес-процессов во всех направлениях социально-экономического развития региона, в том числе существенно повлияло и на состояние рынка труда [7]. Так, к 2021 году уровень регистрируемой безработицы в Хабаровском крае возрос с 0,9 до 3,8 % от численности экономически активного населения края. Принятие комплексных мер по снижению напряженности на рынке труда края, а также, реализация региональных проектов в сфере занятости населения, позволили сохранить регистрируемую безработицу по итогам 2020 года на уровне ниже, чем в среднем по России и по ДФО, но в регионе по-прежнему сохраняется проблема дефицита трудовых ресурсов [1; 2; 6].

Tatiana G. Motovits
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Economic Theory
and the National Economy,
Pacific State University
motovits.t@gmail.com

ISSUES OF IMPLEMENTING REGIONAL PROJECTS IN THE FIELD OF EMPLOYMENT OF THE KHABAROVSK TERRITORY

Annotation. The article assessed the implementation of regional projects in the field of housing of the population of the Khabarovsk Territory in the context of the transformation of the labor market, highlighted the main problems of their implementation, considered the main directions for improving the organization of training processes and re-education of citizens. The work considers the creation of a type one employment service – a personnel center and its new approaches to work in the Khabarovsk Territory.

Keywords: labor market, employment, national project, regional projects, employment, career guidance, professional education, educational certificate, personnel center.

Развитие технологий, их переход в «цифровой» формат, внедрение дистанционных форматов работы, электронных сервисов для работников, онлайн платформ управления кадрами, подбора и обучения персонала, активное внедрение профессиональных стандартов, электронного кадрового документооборота трансформируют региональный рынок труда, при этом работодатели края предъявляют новые требования к образованию и навыкам работников, вследствие чего дефицит кадров в дальнейшем в регионе будет только нарастать. Так, согласно прогнозу специалистов, к 2024 году потребность экономики края в трудовых ресурсах составит около 22 тысяч человек. [2; 3].

В настоящее время Минтрудом России утверждено порядка 1,7 тыс. профстандартов по 2,0 тыс. квалификаций работников. Применение профстандартов предполагает не только изменение трудовых функций работника, но и требований к уровню образования, что приводит к необходимости непрерывного обучения сотрудников. В складывающейся экономической ситуации, чтобы быть нужными на рынке труда, особую потребность в получении «нового знания» и навыков, испытывают люди старшей возрастной

категории; женщины, имеющие малолетних детей, и др. На решение проблем трудоустройства, обеспечение достойного уровня жизни, а также, снижение остроты дефицита кадров в крае реализуются системные проекты, способствующие получению гражданами новых профессиональных компетенций в контексте национального проекта «Демография».

Проведенное исследование позволило выявить, что служба занятости в Хабаровском крае эффективно участвует в реализации следующих проектов: «Старшее поколение» – 2019–2020 гг., «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет» – 2020 г., «Содействие занятости (модернизация службы занятости)» – 2021–2024 гг. Это позволило обучить население востребованным на рынке труда профессиям и выполнить требование законодательства о необходимости соответствия квалификации работников требованиям профессиональных стандартов без дополнительных расходов для предприятий [1; 5].

В целях обеспечения возможности для людей пенсионного и предпенсионного возраста получить новые профессиональные знания, был сформирован Перечень из 135 наиболее востребованных профессий в регионе, и Перечень из 55 самых актуальных профессий для обучения женщин, имеющих детей дошкольного возраста. Проведенное исследование позволило выявить, что с 2020 года более 80 образовательных учреждений привлекалось к процессу повышения квалификации и переобучения населения. Это организации располагаются не только на территории края, но и в других субъектах Российской Федерации (городе Москве, Волгоградской, Новосибирской областях, Красноярском и Приморском краях и других) [5; 7].

Самыми активными из них стали такие государственные образовательные учреждения, как Тихоокеанский государственный университет, Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Комсомольский-на-Амуре колледж технологий и сервиса, а также автономные некоммерческие организации: Тихоокеанская высшая школа экономики и управления, Центр знаний «Профессионал», Институт «Т Тристика». Образовательные программы адаптированы под запросы различных категорий граждан, в том числе были разработаны специально для возрастных участников и женщин, находящихся в декретном отпуске.

Результаты исследования показали, что Хабаровский край с 2019 г., один из первых в стране, начал использовать практику применения образовательного сертификата в процессе обучения. За два года центрами занятости населения края было выдано 1 707 образовательных сертификатов (97 % от общего числа обученных) с номиналом, соответствующим стоимости обучения согласно договору на предоставление образовательных услуг. Положительные стороны сертификата: оперативность заключения договора на оказание образовательных услуг,

индивидуальный подход при выборе программы обучения, возможность самостоятельного выбора обучающимся организации и направления для обучения.

В настоящее время незначительный интерес граждане проявляют к обучению по направлению службы занятости и работодателей. Повышенным спросом сегодня пользуются следующие траектории:

- получение новой специальности;
- повышение компетентности с учетом базовой имеющейся профессии;
- повышение квалификации непосредственно по имеющейся профессии. Так, за последние два года 981 человек прошли переподготовку, 477 человек получили новую профессию, 307 человек повысили квалификацию [2].

Благодаря профессиональному обучению, жители края, состоящие в трудовых отношениях, смогли не только сохранить себя на работе, а также совмещать с основной – работу по другой профессии. Неработающие граждане освоили новые профессии, которые позволили им трудоустроиться на предприятия и организации региона, а также – стать индивидуальными предпринимателями.

Несмотря на имеющуюся возможность получить новую специальность, более 70 % граждан все же выбрали профессиональную переподготовку и повышение квалификации. В повышении квалификации преимущественно заинтересованы оказались занятые граждане. И связано это, прежде всего, с меняющимися требованиями и подходами в работе, а также с внедрением в практику профессиональных стандартов. Работники после обучения смогли продолжить работу: специалистами в сфере кадастрового учета, по закупкам, по обеспечению экологической безопасности, в области ведомственной пожарной охраны и охраны труда, и на других должностях на различных предприятиях и организациях Хабаровского края, у индивидуальных предпринимателей. Принять участие в мероприятиях по обучению смогли жители Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре и всех муниципальных районов края.

Результаты исследования географии проживания граждан, прошедших обучение, позволяют сделать вывод, что наибольшая потребность в получении новых знаний и навыков наблюдается в городских округах в Хабаровске (647 чел.) и Комсомольске-на-Амуре (372 чел.). Среди муниципальных районов лидируют Солнечный (110 чел.), Амурский (81 чел.), Николаевский (75 чел.), Район имени Лазо (69 чел.).

Несмотря на отсутствие в некоторых районах края учебных заведений, жители данных районов смогли пройти обучение благодаря использованию дистанционных образовательных технологий. Общее число обученных дистанционно составило 562 человека (33 % от числа прошедших обучение за 2 года). Кроме того, для граждан

старшего поколения предусмотрены дополнительные бюджетные расходы, связанные с выездом к месту обучения в другую местность (стоимость проезда к месту обучения и обратно, суточные, расходы по найму жилья). Правом возместить указанные расходы воспользовались в 2020 году – 20 человек (3 % от обученных граждан старшего поколения в 2020 году) [1; 4; 5].

Результаты исследования показали, что за два года прошедших года, при плане в 973 человека прошли профессиональное обучение и получили дополнительное профессиональное образование 1282 человека (выполнение целевого показателя составило 131,8 %). Благодаря участию населения старшей возрастной категории в данных программах, 1122 человек смогли получить новую работу или остаться на прежнем месте своей занятости, что соответствовало более 87 % (норматив 85 %). В 2020 году прошли профессиональное обучение 483 женщины, которые имеют малолетних детей (при плане 478 человек), из них 373 человека получили работу, что соответствует 77,2 % при нормативе 70 % [1; 2].

В современных условиях трансформации трудовых отношений, службе занятости отводится важная роль посредника в трудоустройстве, поэтому ее модернизация должна отвечать вызовам современности. Одними из основных проблем можно выделить следующие:

- среднее время поиска рабочего места для человека составляет около 20 недель;
- не более 30 % человек, желающих получить работу, обращаются в данную организацию;
- основная цель обращений населения – стремление получить пособия по безработице;
- формирование населением пакета документации в бумажном виде.

С 2021 года в регионе в контексте региональной составляющей федерального проекта «Содействие занятости», происходит реализация пилотного проекта по модернизации службы занятости: создание службы занятости нового типа – Кадрового центра. Его главным отличительным признаком станут следующие направления:

- по-прежнему в приоритете люди, которые испытывают трудности на рынке труда (граждане с

инвалидностью, женщины, имеющие маленьких детей, категория «50+» и другие);

- индивидуализация оценочных подходов при формировании карьерограммы работников;
- поиск для работодателей работников с конкретными компетенциями;
- создание новых пакетов услуг под бизнес-ситуации (планируется «Инвестиционный проект», который будет предлагать работодателю консультации по правовым вопросам, мероприятия по профилированию организации, помощь в первичном отборе и привлечении специалистов, оценку персонала;
- пакет «Создание малого предприятия», в который включен ряд услуг, в том числе помощь в подготовке документов для подачи в МФЦ и организация кадрового делопроизводства) [4].

Исследования показали, что вопросы повышения качества трудовых ресурсов, в первую очередь, безработных граждан, необходимо и возможно решать через механизм независимой оценки квалификаций. Это позволит увеличить количество безработных граждан с подтвержденной квалификацией и, как следствие, повысить их конкурентоспособность на рынке труда. Кроме того, проведение квалификационных экзаменов среди безработных будет способствовать развитию независимой оценки квалификации в Хабаровском крае, расширению перечней видов профессиональной деятельности для подтверждения квалификации работников на соответствие требованиям профессиональных стандартов. В Хабаровском крае инфраструктура для проведения независимых профессиональных экзаменов сформирована по 246 профессиональным квалификациям в 10 направлениях профессиональной деятельности.

В завершении исследования можно сделать вывод о том, что задачи, поставленные Президентом России в рамках региональных проектов в сфере занятости населения, находят свое решение на основе активного взаимодействия всех участников рынка труда: органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, образовательных учреждений профессионального образования, общественных организаций, работодателей.

Литература:

1. Интерактивный портал Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края. URL : <https://www.khabkrai.ru> (дата обращения 18.06.2022).
2. Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. URL : <https://rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения 15.06.2022).
3. *Разживина А.В.* Государственная поддержка занятости населения в Хабаровском крае: проблемы и пути решения / А.В. Разживина // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021.

Literature:

1. Interactive portal of the committee on labor and employment of the government of the Khabarovsk territory. URL : <https://www.khabkrai.ru> (date of application 18.06.2022).
2. Regions of Russia. Socio-economic indicators 2021. URL : <https://rosstat.gov.ru/statistic> (date of application 15.06.2022).
3. *Razzhivina A.V.* State support of employment in the Khabarovsk Territory: problems and solutions / A.V. Razzhivina // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021. № 4-2. P. 244–249. URL :

№ 4–2. С. 244–249. URL : <https://vaael.ru/ru/article/view?id=1673> (дата обращения 19.06.2022).

4. Постановление правительства Хабаровского края от 24 марта 2022 г. № 137-пр «О дополнительных мерах, направленных на снижение напряженности на рынке труда Хабаровского края в 2022 году». URL : <https://www.garant.ru/hotlaw/xabar/1537394>

5. Сайт Правительства Хабаровского края. URL : <https://www.khabkrai.ru> (дата обращения 10.06.2022).

6. *Сюпова М.С.* Оценка трудового потенциала Дальневосточного федерального округа / М.С. Сюпова, Н.А. Бондаренко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. С. 251–254. URL : https://www.online-science.ru/data/files/nomer_4_2022.pdf (дата обращения 20.06.2022).

7. *Кашепов А.В.* Рынок труда РФ в 2020–2021 гг.: безработица и структурные изменения / А.В. Кашепов, К.В. Афонина, Н.В. Головачев // Социально-трудовые исследования. 2021. № 43(2). С. 33–44. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-truda-rf-v-2020-2021-gg-bezrobotitsa-i-strukturnye-izmeneniya/viewer> (дата обращения 15.06.2022).

<https://vaael.ru/ru/article/view?id=1673> (date of application 19.06.2022).

4. Decree of the Government of the Khabarovsk Territory of March 24, 2022 № 137-pr «On additional measures aimed at reducing stress on the labor market of the Khabarovsk Territory in 2022». URL : <https://www.garant.ru/hotlaw/xabar/1537394>

5. Website of the Government of the Khabarovsk Territory. URL : <https://www.khabkrai.ru> (date of application 10.06.2022)

6. *Syupova M.S.* Assessment of the labor potential of the Far Eastern Federal District / M.S. Yusupova, N.A. Bondarenko // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. № 4. P. 251–254. URL : https://www.online-science.ru/data/files/nomer_4_2022.pdf (date of application 20.06.2022).

7. *Kashepov A.V.* The labor market of the Russian Federation in 2020–2021: unemployment and structural changes / A.V. Kashepov, K.V. Afonina, N.V. Golovachev // Social and labor research. 2021. № 43(2). P. 33–44. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-truda-rf-v-2020-2021-gg-bezrobotitsa-i-strukturnye-izmeneniya/viewer> (date of application 15.06.2022).

Суряднов Владислав Васильевич
магистрант факультета
государственного управления,
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
vsuryadnov@bk.ru

ВНЕДРЕНИЕ «БИРЮЗОВЫХ» ПРИНЦИПОВ ДЛЯ ОМОЛОЖЕНИЯ КАДРОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы привлечения молодежи на государственную службу и омоложения штатного расписания государственных органов. Для модернизации используемых механизмов работы с молодыми кадрами предлагается внедрение актуальных принципов из современных «бирюзовых» организаций. К данным принципам были отнесены направления по привлечению кадров, вопросы организации рабочего пространства, взаимоотношений в коллективе и система работы с кадрами в организации в целом. По результатам проведенного исследования выделены наиболее актуальные и применимые принципы для модернизации работы с сотрудниками и организации внутреннего взаимодействия, а также наиболее проблемные направления организации данных процессов.

Ключевые слова: государственное управление, кадры государственной службы, кадровый потенциал государственной организации, привлечение кадров на государственную службу, привлечение молодых специалистов, государственные органы, бирюзовые организации, кадровый состав.

Ситуация с кадровым обеспечением организаций государственного сектора экономики, в целом, является одной из системных проблем данной сферы в России [5, с. 160]. Дефицит кадров квалифицированного уровня в государственных организациях на всех уровнях власти от муниципального до федерального обусловлен влиянием как минимум двух групп факторов, условно обозначим их как объективные и субъективные.

Под объективными факторами подразумеваются, прежде всего:

а) наличие недостатка квалифицированных кадров по значительному количеству направлений профессиональной деятельности;

б) присутствие факта соперничества органов власти со структурами коммерческого сектора

Vladislav V. Suriadnov
Master's Student of the Faculty
of Public Administration,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
vsuryadnov@bk.ru

THE INTRODUCTION OF «TURQUOISE» PRINCIPLES FOR THE REJUVENATION OF PERSONNEL IN STATE ORGANIZATIONS

Annotation. The article deals with the issues of attracting young people to public service and rejuvenation of the staffing table of state bodies. To modernize the mechanisms used to work with young personnel, it is proposed to introduce relevant principles from modern «turquoise» organizations. These principles included areas for attracting personnel, issues of organizing the workspace, relationships in the team and the system of working with personnel in the organization as a whole. According to the results of the conducted research, the most relevant and applicable principles for the modernization of work with employees and the organization of internal interaction, as well as the most problematic areas of the organization of these processes are identified.

Keywords: public administration, civil service personnel, personnel potential of a state organization, recruitment of personnel to the civil service, attraction of young employees, governmental organizations, turquoise organizations, personnel.

вследствие возрастания конкуренции на рынке труда за лучшие кадры.

Одной из основных субъективных причин является низкая мотивированность молодых кадров выбирать направлением работы государственную и муниципальную службу. Молодые специалисты объясняют ситуацию, ссылаясь на следующие аргументы:

— на наличие высокого уровня бюрократии и стресса;

— на сочетание значительного объема задач в совокупности с неравномерностью распределения рабочей нагрузки;

— на низкий уровень заработной платы специалистов в сочетании с значительным количеством запретов и ограничений.

Также, отмечаются следующие субъективные проблемы:

- усложнение привлечения на муниципальную и государственную службу молодых специалистов;
- невысокий уровень проработанности системы подготовки кадров для этой сферы;
- отсутствие единой кадровой стратегии [9].

В последние годы наблюдается ряд изменений в области управления человеческими ресурсами в различных типах организаций. В частности, эти изменения касаются отношения к сотрудникам. С одной стороны, это должно позволить им лучше использовать свой потенциал на работе, а с другой стороны, заставить их почувствовать более глубокий смысл профессиональной деятельности. Благодаря такому отношению к сотрудникам, организация может развиваться и работать не только на благо владельцев и сотрудников, но и всего общества и привлекать все больше молодых, перспективных специалистов с формацией «современного взгляда» [9, с. 79–86].

На сегодняшний день происходит стихийное зарождение целой массы инновационных предприятий с небольшой численностью персонала и имеющих признаки «бирюзовых организаций». *Бирюзовая организация («организации будущего», «живая организация», «эволюционная организация»)* – современная инновационная стадия развития организации, которая характеризуется низким уровнем иерархичности структуры, высокой долей прозрачности деятельности, ощутимой свободой сотрудников в принятии решений, самовыражении и наличием трех основных принципов деятельности: «эволюционная цель», «самоуправление», «целостность». Они демонстрируют неформальный подход к организационному дизайну, имеют децентрализованное и частично виртуальное управление и обладают потенциалом, который опережает развитие традиционных предприятий в разрезе экономических и производственных показателей к этому следует стремиться и ряду государственных организаций, в которых возможно внедрение подобных принципов [1, с. 236–240].

В 2019 году компания по подбору кадров в сети интернет «Head Hunter», по договоренности с деловым изданием «Ведомости», провела опрос 735 соискателей в возрасте от 14 до 22 лет по вопросу: «Почему молодёжь не хочет идти на госслужбу?». В тоже время, «Ведомости» провели анализ мнений сотрудников 13 федеральных и региональных ведомств по аналогичной тематике.

С 2016 по 2019 годы, по данным результатов опроса от портала «Head Hunter» – уровень количества молодых специалистов, планирующих выстраивать карьеру на госслужбе, сократился в 2 раза.

По полученным «Head Hunter» сведениям, более половины молодых соискателей уверены в том, что в государственных органах высокий уровень

бюрократизма (54 %), присутствует проблема низких зарплат и высокого уровня стрессовых ситуаций (42 %).

В 2021 году по данным других источников, ситуация с желанием молодёжь идти на госслужбу изменилась в лучшую сторону. В январе 2021 года по итогам совместного исследования проекта «Профстажировки 2.0» (реализуется Общероссийским народным фронтом совместно с президентской платформой «Россия – страна возможностей») и карьерного центра ДОМ.РФ государственная служба балы второй по проценту (25,3) среди наиболее привлекательных на взгляд молодежи направлений трудоустройства. В исследовании приняли участие 359 опрошенных в возрасте от 18 до 35 лет – аудитория проекта «Профстажировки 2.0» [11].

Аналитика исследовательского центра сервиса «Зарплата.ру» в мае 2021 года итогам онлайн-опроса 2200 выпускников сообщают, что работа в госслужбе также является второй по привлекательности (после предпринимательства) – 15 % [10].

Большую часть молодых людей участвующих в опросе привлекает хорошая заработная плата (скорее всего речь идёт в основном про федеральные органы власти) и довольно высокий уровень стабильности в сфере [3, с. 283–285], что особенно важно в современной ситуации на рынке труда и в экономике страны. Однако, несмотря на это, отталкивающими факторами по-прежнему остаются довольно большой количество описанных ранее проблем.

С другой стороны, кадровые компании отмечают, высокий уровень заинтересованности государства в поиске молодых кадров: например, многие федеральные ведомственные органы, министерства и администрации городов с большим населением запускают программы и проекты с инновационной направленностью и автоматизацией, для требуется наличие в организациях инженеров, аналитиков, математиков и специалистов в сфере информационных технологий.

Ведомственные кадровые службы также отмечают высокий уровень заинтересованности: например, в Москве заинтересованы в появлении новых идей, креативных мыслей и поэтому ориентир направлен на молодые кадры. Город нуждается в экономистах, юристах, журналистах и специалистах по информационным технологиям (IT), отмечает руководитель кадровой службы Правительства Москвы Павел Малыхин.

Из-за высокого уровня текучести кадров вытекает увеличение издержек на содержание государственного органа, которые связаны со следующими процессами:

- а) увольнение;
- б) поиск нового работника;
- в) прием на работу и его обучение;
- г) адаптация нового работника [4, с. 115–119].

Еще одной проблемой является то, что программы повышения квалификации государственных служащих становится недостаточно эффективными в условиях высокой сменяемости кадров.

По подсчетам экономистов, приемлемым уровнем текучести кадров в организации является 3–5 % в год. С другой стороны, высокий уровень текучести сотрудников в органах власти способствует быстрому карьерному росту молодых кадров.

Большинству государственных организаций, определенно, пригодились бы молодые квалифицированные кадры, но для их привлечения необходимо создавать условия и изменять подходы к поиску и привлечению специалистов.

Также, не менее значимую роль играют процессы, влияющие на изменение мотивации у современных работников, которые уже тщательно учитываются в коммерческих структурах [7, с. 234–240]. Переоценка ценностей разными поколениями может влиять и на кадровый потенциал для организаций государственного сектора.

Важным показателем является социальный характер как совокупность характерных ценностных ориентаций, которые свойственны определенной социальной группе. Ценности имеют временную характеристику и меняются в зависимости от возрастной категории. Можно выделить следующие временные этапы переоценки ценностей:

I этап – подростковый возраст «бунтарский» – человек начинает принимать самостоятельные решения, происходит переосмысление, формируется собственная система ценностей, зачастую не совпадающая с общественной.

II этап (30 лет) – происходит осознание жизни, соотношение своих возможностей с текущим положением дел. Приоритетными становятся: карьера, семья, близкие люди, истинный смысл жизни, развитие.

III этап (40–45 лет) – люди уже могут поделить опытом, достигли определенных результатов. Приоритетными становятся духовные ценности, внешние ценности уходят на второй план.

IV этап (55–60 лет) – происходит глобальное осознание своей жизни, приобретение мудрости, опыта.

Ценности людей находятся в постоянной динамике. Переоценка ценностей является процессом изменения или смещения по внутреннему рейтингу наиболее значимых мотиваторов в рамках выбора профессии, места профессиональной деятельности и жизненных планов трудоспособного населения, прежде всего для молодого поколения.

В современном мире именно эта социальная группа (молодёжь) играет значительную роль. Она составляет основу рынка труда, в том числе, в перспективе и для государственных организаций, и от того, как будет выстраиваться работа с молодым поколением в этом направлении, будет зависеть многое: захочет ли молодёжь идти в органы власти и организации государственного сектора, задерживаться там на продолжительный срок, будет ли работать с удовольствием.

В соответствии с рисунком 1, представлены пять поколений:

1. «Молчаливое поколение» (МП) – это пожилые представители, ведущие ценности которых: законопослушность, готовность много работать и жертвовать для «высших» целей.
2. «Беби-бумеры» (ББ) – составляют значительную долю государственных и муниципальных служащих, хотя постепенно замещаются, уходя на пенсию.
3. «Поколение X» – разочаровавшееся поколение, которое характеризуется прагматизмом, привычками рассчитывать только на собственные силы и скептическим отношением к идеологии.
4. «Поколение Y», они же сетевое поколение или часто употребляемое «миллениалы». В данном поколении ценности находятся, в основном, в процессе формирования, однако, стоит заметить, что «Поколение Y» характеризуется глубокой вовлеченностью в цифровые технологии, и на первом месте для них стоит познание чего-то нового и самосовершенствование.
5. «Поколение Z» – это представители XXI века, многие еще не вышли на рынок труда [6, с. 6744–6749].

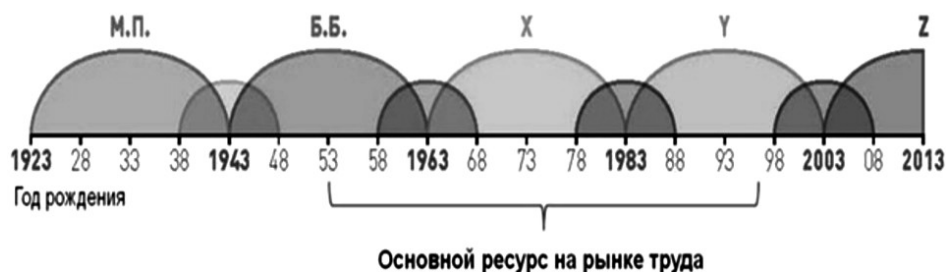

Рисунок 1 – Границы поколений.
Примечание: См.: [6, с. 6744–6749].

Ещё в 2014 году распределение поколений в трудоспособном населении РФ было следующим: «беби-бумеры» – 27 процентов; «иксы» – 45 про-

центов; «игреки» – 28 процентов. А уже к 2024 году, прогнозируется распределение, представленное в соответствии с рисунком 2.

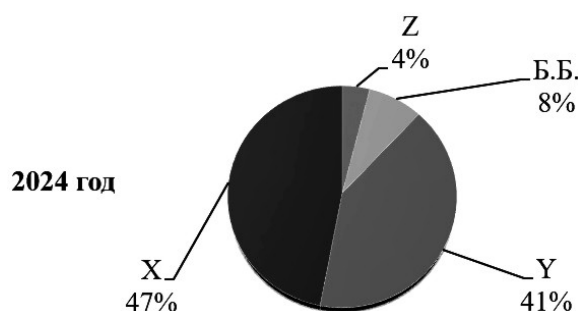

Рисунок 2 – Распределение поколений в трудоспособном населении РФ.

Примечание: Составлено автором на основе [6, с. 6744–6749].

Таким образом, нами отмечено, что в ближайший период (5–10 лет), основной массой сотрудников на рынке труда будут являться представители поколения X, а также поколения Y.

Наиболее сильное влияние на поколение Y оказало развитие информационно-коммуникационных технологий. Многозадачность в использовании средств коммуникации является одной из наиболее значимых черт психологии современной молодежи: способность общаться в интернете с разными людьми, в то же время читать информацию на сайте на отвлекенную тему и отслеживать обновления на страницах блогов и мессенджеров. Заметно снижается потребление и интерес к таким средствам массовой коммуникации, как телевидение и радио.

Если у представителей «X» приоритетным являлся процесс самосовершенствования в непростой работе, но вызывающей потенциальный интерес, то представители «Y» больше ориентированы на получение регулярной поддержки и признания.

«Миллениалами» в процессе поиска работы, в первую очередь, учитываются данные значимые для них факторы:

- присутствие гибкости рабочего графика в целях сохранения баланса между личной жизнью и рабочей деятельностью;
- в рабочем процессе возможность проявлять креативность;
- в решении поставленных задач наличие возможности высказывать собственное мнение и уровень учета данного мнения;
- наличие возможности расти профессионально и по карьерной лестнице.

Многие из этих принципов, как раз, и заложены в идеях «бирюзовой организации». Можно отметить, что молодые люди, представляющие современный рынок труда и выходящие на него, имеют определённые требования к работодателям, сформированное мировоззрение. Для них, по большому счёту, должности и звания не играют первостепенной роли, материальная составляющая стоит на втором месте. Для них важно быть услышанным среди коллектива и самое главное – получать удовольствие от работы. В то же время,

одним из наиболее важных факторов при выборе работы для 64 % представителей «Y-поколения» в России является приобретение опыта и повышение квалификации, что является позитивной тенденцией.

В соответствии с данными исследования компании «Antal Russia», около 60 % персонала государственного сектора работают в органах власти не более трёх лет. Текучесть молодых кадров в возрасте до 30 лет в ФНС отмечается в среднем на уровне 19 % в год. Возраст более 50 % специалистов ФАС – менее 35 лет, но в данном органе уровень сменяемости сотрудников составляет более 7 % в год. Отмечается, что многие молодые кадры не заинтересованы в долгосрочной карьере на государственной службе, они приходят за получением опыта и меняют работу менее чем через год, когда находят с более высокой зарплатой и интересными инновационными методиками работы [12].

По мнению экспертов на госслужбе необходимо внедрение современных технологий управления персоналом и реализация следующих последовательных шагов:

- 1) разработка и внедрение полных циклов в направлении по работе с персоналом и сотрудниками на государственной службе, включающих в себя: планирование кадровой политики, привлечение, оценку, обучение и мотивацию кадров;
- 2) реформирование кадровых департаментов и управлений в полноценные институты и привлечение в них компетентных специалистов, которые используют современные технологии [2, с. 75].

Как отмечает Андрей Алясов (генеральный директор компании «Changellenge»): «Госорганам придется менять методы работы с молодыми кадрами – давать им более амбициозные и интересные задачи, менять подходы управления. Для молодежи можно было бы ввести гибкий график, раздать им ноутбуки для удаленной работы по примеру крупных компаний» [12]. Сейчас же эксперты отмечают, что 90 % труда государственного служащего является кропотливой жестко регламентированной бумажной работой, которая, во многом, и является отпугивающей для молодых кадров.

В рамках проведенного нами исследования, оценки внешних и внутренних факторов

внедрения «бирюзовых» принципов было выявлено, что наиболее перспективными для улучшения работы с молодежью является следующие направления:

- а) выстраивание системы наставников-проводников;
- б) работы по гибким подходам (повышение эффективности труда, когда все сотрудники проекта выполняют определенную часть работы одновременно, без ожидания пока другие сделают свою часть);
- в) повышение вовлеченности сотрудников, появление новых идей от них;
- г) изменение отношения сотрудников к промахам и сбоям в сторону приобретения опыта;
- д) работа с вниманием к каждому сотруднику и на благо общих целей, в том числе в рамках отношений в коллективе.

В представленной работе нами были выявлены проблемы с трудоустройством современного

Литература:

1. *Бабенкова Ю.Е.* Опыт внедрения модели «бирюзовой организации» в управлении человеческими ресурсами на инновационно-ориентированном предприятии / Ю.Е. Бабенкова, А.А. Мельникова // Управление человеческими ресурсами – основа развития инновационной экономики. Красноярск : СибГУ им. М.Ф. Решетнева. 2019. С. 236–240.
2. Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения / С.В. Байтеряков [и др.]; Под ред. М.С. Шклярук. М. : Счетная палата Российской Федерации, Центр перспективных управленческих решений, 2021 118 с.
3. *Белкина Е.Н.* Государственная служба и молодежь в Российской Федерации / Е.Н. Белкина, Т.М. Солокова, А.В. Помыткина // World science: problems and innovations: сборник статей XV Международной научно-практической конференции : в 4 ч. 2017. С. 283–285.
4. *Галимов Р.С.* Омоложение кадров на государственной гражданской службе: состояние, проблемы и основные тенденции / Р.С. Галимов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 1. С. 115–119.
5. *Зайцева Т.В.* Привлечение молодежи на государственную и муниципальную службу: опыт регионов России / Т.В. Зайцева, Т.Г. Нежина // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. №4. С. 160–189.
6. *Ларина Т.П.* Переоценка ценностей у молодежи, как фактор влияния на кадровую политику предприятия / Т.П. Ларина // Сборник международной научно-технической конференции молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова. 2017. С. 6744–6749.

поколения молодых кадров и сформированы предложения по внедрению бирюзовых принципов как одной из наиболее значимых технологий омоложения кадров в государственных организациях.

По итогам представленных данных нами было сформирован вывод о том, что разработка системы, при которой будет возможность закладывать в основу кадровых изменений ценностные установки претендентов на должности в государственных организациях и умело сочетать традиционные и современные способы мотивации позволит добиться наиболее высоких результатов в вопросах развития кадрового потенциала и омоложения штатного расписания.

Также, необходимо предпринять определенное количество усилий и поменять подход к молодежи на государственной службе и госслужащим в целом, создавать более комфортные условия работы: удобные рабочие помещения, в которых работа для сотрудника будет в радость, по достоинству оценивать достижения команды, выстраивать благоприятную атмосферу в коллективе.

Literature:

1. *Babenkova Y.E.* The experience of implementing the «turquoise organization» model in human resource management at an innovation-oriented enterprise / Y.E. Babenkova, A.A. Melnikova // Human resource management – the basis for the development of an innovative economy. Krasnoyarsk : SibGU named after M.F. Reshetnev. 2019. P. 236–240.
2. Personnel policy in the civil service: current problems and necessary changes / S.V. Bayteryakov; Edited by M.S. Shklyaruk. M. : Accounts Chamber of the Russian Federation, Center for Advanced Management Solutions, 2021. 118 p.
3. *Belkina E.N.* Public service and youth in the Russian Federation / E.N. Belkina, T.M. Solokova, A.V. Pomytkina // World science: problems and innovations: collection of articles of the XV International Scientific and Practical Conference : in 4 parts. 2017. P. 283–285.
4. *Galimov R.S.* Rejuvenation of personnel in the state civil service: state, problems and main trends / R.S. Galimov // Economics and Management: scientific and practical journal. 2022. № 1. P. 115–119.
5. *Zaitseva T.V.* Attracting young people to state and municipal service: experience of Russian regions / T.V. Zaitseva, T.G. Nezhina // Issues of state and municipal administration. 2019. № 4. P. 160–189.
6. *Larina T.P.* Revaluation of values among young people as a factor of influence on the personnel policy of the enterprise / T.P. Larina // Collection of the International Scientific and technical conference of young scientists of V.G. Shukhov BSTU. 2017. P. 6744–6749.

7. Хорошун Н.А. Регулирование трудового поведения как составная часть стратегического управления / Н.А. Хорошун, О.П. Шамаева // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. Шухова. 2017. № 1. С. 234–240.

8. *Pisarska A.M.* Human Resources Management in a Teal Organization Based on the Example of Brewa c.c. in Kalisz / A.M. Pisarska, J. Iwko // *Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska Lublin – Polonia*. 2018 vol. Lii, 6 sectio h. P. 79–86.

9. В Пятигорске обсудили механизмы привлечения молодежи к госслужбе // ТАСС. URL : <https://tass.ru/v-strane/5214667> (дата обращения 20.04.2022).

10. Молодежь хочет на госслужбу // Журнал «Директор по персоналу». URL : <https://www.hr-director.ru/news/71961-molodej-hochet-na-gosslujbu> (дата обращения 25.03.2022).

11. Образование, госслужба и строительство оказались самыми привлекательными сферами для трудоустройства молодежи // ОНФ. URL : <https://onf.ru/2021/01/25/obrazovanie-gossluzhba-i-stroitelstvo-okazalis-samymi-privlekatelnymi-sferami-dlya/> (дата обращения 22.03.2022).

12. Почему молодежь больше не рвется на госслужбу // Ведомости. URL : <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/07/02/805537-pochemu-molodezh> (дата обращения 21.01.2022).

7. *Khoroshun N.A.* Regulation of labor behavior as an integral part of strategic management / N.A. Khoroshun, O.P. Shamaeva // *Bulletin of the Belgorod State Technological University named after Shukhov*. 2017. № 1. P. 234–240.

8. *Pisarska A.M.* Human Resources Management in a Teal Organization Based on the Example of Brewa c.c. in Kalisz / A.M. Pisarska, J. Iwko // *Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska Lublin – Polonia*. 2018 vol. Lii, 6 sectio h. P. 79–86.

9. Mechanisms of attracting young people to the civil service were discussed in Pyatigorsk // TASS. URL : <https://tass.ru/v-strane/5214667> (date of application 20.04.2022).

10. Young people want to enter the civil service // HR Director Magazine. URL : <https://www.hr-director.ru/news/71961-molodej-hochet-na-gosslujbu> (date of application 25.03.2022).

11. Education, civil service and construction turned out to be the most attractive areas for youth employment // ONF. URL : <https://onf.ru/2021/01/25/obrazovanie-gossluzhba-i-stroitelstvo-okazalis-samymi-privlekatelnymi-sferami-dlya/> (date of application 22.03.2022).

12. Why young people are no longer eager for the civil service // *Vedomosti*. URL : <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/07/02/805537-pochemu-molodezh> (date of application 21.01.2022).

Червова Наталья Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент Высшей школы
«Медиа, коммуникаций и сервиса»,
Тихоокеанский
государственный университет
natashachervova@rambler.ru

Ивашкин Михаил Вячеславович

доктор экономических наук,
профессор Высшей школы
«Медиа, коммуникаций и сервиса»,
Тихоокеанский
государственный университет
ivashkin62@mail.ru

**СОСТОЯНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО
РЫНКА Г. ХАБАРОВСКА
И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА РАЗВИТИЕ РИТЕЙЛА**

Аннотация. Состояние потребительского рынка во многом определяет уровень и потенциал социально-экономического развития, как отдельного региона, так и страны, в целом. В статье рассмотрен локальный потребительский рынок города Хабаровска с учетом региональных особенностей социально-экономического характера, изучены основные тенденции развития ритейла в городе, выявлены актуальные проблемы, сдерживающие развитие розничной торговли, а также, определены перспективные направления ее развития, основанные на использовании как рыночных, так и административных механизмов управления и регулирования.

Ключевые слова: потребительский рынок, анализ, тенденции, розничная торговля, форматы торговли, Хабаровск, государственное регулирование.

Состояние потребительского рынка во многом определяет уровень и потенциал социально-экономического развития, как отдельного региона, так и страны, в целом. Успешное управление социально-экономическим развитием не возможно без детального исследования и прогнозирования объема и структуры потребностей населения в товарах и услугах. При этом необходимо учитывать специфические особенности самого региона: численность населения, его плотность, уровень образования и культуры, размер территории, уровень развития отраслей производства и сферы услуг, транспортную доступность, структуру занятости, уровень доходов населения, темпы инфляции, прочие социально-экономические факторы.

Natalya V. Chervova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
of the Higher School of Media,
Communications and Service,
Pacific State University
natashachervova@rambler.ru

Mikhail V. Ivashkin

Doctor of Economics,
Professor of the Higher School of Media,
Communications and Service,
Pacific State University
ivashkin62@mail.ru

**THE STATE OF THE CONSUMER
MARKET OF KHABAROVSK
AND IT'S IMPACT ON
THE DEVELOPMENT OF RETAIL**

Annotation. The state of the consumer market largely determines the level and potential of socio-economic development, both of a single region and of the country as a whole. The article considers the local consumer market of the city of Khabarovsk, taking into account regional socio-economic characteristics, examines the main trends in the development of retail in the city, identifies actual problems hindering the development of retail trade, and identifies promising directions for its development based on the use of both market and administrative management and regulation mechanisms.

Keywords: consumer market, analysis, trends, retail trade, trade formats, Khabarovsk, state regulation.

Хабаровск – экономический и административный центр Хабаровского края (ХК); здесь сосредоточено 46,9 % населения и более 50 % трудовых ресурсов края, 68,1 % от общего числа организаций, осуществляющих деятельность в Хабаровском крае, владеющих более 55 % основных фондов. В настоящее время в Хабаровске зарегистрировано примерно 25,1 тыс. промышленных предприятий и предприятий сферы услуг [1].

Согласно данным краевой статистики, наибольший удельный вес в обороте организаций г. Хабаровска приходится на «Торговлю и общественное питание, ремонт автотранспорта» – 39 %, «Транспортировку и хранение» – 22 %.

Из специфических особенностей следует отметить его приграничное положение, открывающее

широкие возможности для осуществления различных форм внешнеэкономического сотрудничества с КНР [2].

Основные социально-экономические показатели развития г. Хабаровска были сведены нами в таблице 1 [4].

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели развития г. Хабаровска в 2018–2020 гг. в фактических ценах

Показатель	Ед. измерения	Годы		
		2018	2019	2020
Оборот средних и крупных организаций	млрд руб.	516,9	550,4	591,3
Объем отгруженных товаров собственного производства	млрд руб.	84,6	91,5	103,4
Доходы бюджета	млрд руб.	15,7	16,5	16,7
Инвестиции в основной капитал	млрд руб.	75,6	76,1	126,0
Ввод в эксплуатацию жилья	тыс. кв. м.	172,3	197,5	144,8
Индекс потребительских цен	%	103,3	104,8	104,9
Оборот розничной торговли	млрд руб.	46,6	66,2	79,4
Оборот общественного питания	млрд руб.	3,2	3,1	3,8
Численность постоянного населения	тыс. кв. м.	617,5	616,4	610,3
Численность экономически активного населения	тыс. кв. м.	345,3	343,4	332,1
Естественный прирост (убыль) населения	тыс. кв. м.	+ 0,2	-0,6	-2,3
Уровень регистрируемой безработицы	%	0,26	0,29	1,6
Начисленная средняя заработная плата одного работника	тыс. кв. м.	59,0	63,0	65,9
Изменение реальной заработной платы	%	107,8	105,9	101,2
Средняя пенсия	тыс. кв. м.	14,9	16,5	17,5
Среднее пособие по безработице	тыс. кв. м.	5,2	6,2	6,5
Прожиточный минимум в среднем на душу населения	тыс. кв. м.	13,5	14,4	16,2
Стоимость минимального набора продуктов питания	тыс. кв. м.	5,3	5,6	6,2

Анализ данных таблицы позволяет выявить следующие основные тенденции социально-экономического развития города Хабаровска:

1) значительный рост оборота средних и крупных организаций и отгруженных товаров по различным видам экономической деятельности, прирост оборота розничной торговли и общественного питания; увеличение инвестиций в основной капитал;

2) несмотря на серьезный рост оборота предприятий города, поступления в бюджет выросли незначительно; снизился ввод в эксплуатацию жилья; выросли цены; резко сократилась численность постоянного и экономически активного населения; увеличился уровень безработицы; повышение стоимости минимального набора продуктов питания потребительской корзины;

3) рост начисленной заработной платы, пенсий и пособий – с одной стороны хорошая тенденция, но инфляция и рост цен на жизненно важные товары, полностью ее нивелируют, так как рост стоимости минимального набора продуктов был более значителен, чем прирост зарплат, пенсий и социальных пособий.

Каждая из выявленных тенденций таит в себе как серьезные вызовы, так и перспективные возможности для социально-экономического развития города. Для понимания реальной социально-экономической ситуации, сложившейся на потребительском рынке, и состояния розничной торговли в г. Хабаровске, проведем сравнительный анализ (табл. 2) [3].

Таблица 2

Сравнительный анализ социально-экономических показателей

Показатель	Россия	ДФО	ХК	Хабаровск
1. Среднедушевые доходы населения, руб./мес.:				
– 2020;	36240	39086	41751	48197
– 2021	40040	42161	44096	51241
2. Индекс роста потребительских цен, % к пр. году:				
– 2020;	104,93	105,62	105,52	100,31
– 2021	109,93	108,76	107,96	100,63
3. Оборот розничной торговли в расчете на 1 жителя, руб.:				
– 2020;	231283	277942	270606	107397
– 2021	234050	264569	301099	130403
4. Число предприятий розничной торговли на 10 000 чел.:				
– 2020	131,13	155,16	120,54	110,49
– 2021	131,25	153,71	121,75	111,32

Сравнительный анализ выявил следующие проблемы:

1. Несмотря на то, что среднедушевые доходы хабаровчан по статистике выше, чем в среднем

по Российской Федерации, Дальневосточному федеральному округу и Хабаровскому краю, однако, высокие цены на товары и услуги, совместно с нарастающим инфляционными процессом, в значительной мере нивелируют это преимущество. Жизнь в городе достаточно дорогая, на фоне невысокого уровня развития деловой активности, инфраструктуры и сложных климатических условий, как следствие, Хабаровск становится все менее привлекательным городом для постоянного места жительства, что подтверждается постоянным оттоком населения.

2. Парадоксально, но при высоком уровне доходов, оборот розничной торговли в расчете на одного жителя значительно ниже, чем в среднем по Российской Федерации, Дальневосточному федеральному округу и Хабаровскому краю, что может говорить о низкой реальной платежеспособности населения города, вызванной большим удельным весом расходных статей, не связанных с приобретением товаров и услуг (коммунальные платежи, расходы на транспорт, проценты по кредитам и т.д.).

3. Число предприятий розничной торговли, приходящихся на 10000 жителей почти на 20 % ниже, чем, в среднем, по РФ. Что говорит о крайне низком уровне развития ритейла в городе.

Выявленные тенденции и проблемы с одной стороны, могут свидетельствовать о том, что город Хабаровск недостаточно привлекателен для бизнеса в связи с удаленностью от центра страны, сложной логистикой и высокой стоимостью доставки товаров, а с другой – о недостаточном использовании уже существующего потенциала данного потребительского рынка и возможностей бизнеса. Данный тезис подтверждается ежегодным приростом количества различных форматов предприятий розничной торговли в городе Хабаровске (табл. 3) [3]. Рост числа розничных торговых предприятий происходит, в основном, за счет того, что уже существующие торговые сети расширяют свое присутствие на рынке г. Хабаровска.

В условиях падения реальных доходов и введенных, в связи с пандемией, экономических ограничений изменились и предпочтения населения в товарах.

Таблица 3

Количество объектов розничной торговли в г. Хабаровске, единиц

Форматы розничных торговых предприятий	2018	2019	2020
Магазины всего:	2091	2111	2147
Гипермаркеты	5	5	9
Супермаркеты	68	57	60
Специализированные продовольственные магазины	105	126	147
Специализированные непродовольственные магазины	621	616	621
Минимаркеты	53	61	77
Универмаги	1	1	1
Прочие магазины	1238	1245	1232
Павильоны	653	677	705
Палатки и киоски	749	739	475
Дискаунтеры	36	21	24

Произошло смещение покупок в пользу товаров первой необходимости (продовольственные товары, бытовая химия, предметы личной гигиены, услуги ЖКХ и медицинские услуги). Население стало экономить на покупке товаров длительного пользования (мебель, одежда, обувь и т.д.), развлечениях, путешествиях, походах в кафе и рестораны и т.д.

Также, отмечается все возрастающий интерес населения к онлайн-покупкам. Во время пандемии ограничительные меры посещения массовых мест вызвали всплеск спроса населения к покупкам через Интернет. Однако даже после снятия ограничений интерес к ним полностью не пропал, так как многие потребители оценили этот формат торговли, позволяющий совершать покупки более удобно и осознанно.

К основным проблемам г. Хабаровска вследствие удаленности города от Центральной части страны, сложности транспортной логистики, малой численности населения, слабого развития местного производства, высоких цен и тарифов и

т.д. добавились и ограничения санкционного характера со стороны Запада. Это, с одной стороны, еще больше затрудняет развитие города, но с другой – создает серьезную мотивацию для развития местного производства и активизации сотрудничества с дружественными странами Азиатско-тихоокеанского региона. Приграничное положение города, открытие границ после пандемии, переориентация части потока товаров из КНР по новым каналам доставки через Хабаровск могут стать хорошей базой для ускорения социально-экономического развития города.

Для активизации потребительского рынка и развития ритейла г. Хабаровска и повышения эффективности данной сферы деятельности, необходимо органично сочетать использование рыночных механизмов с административными возможностями органов региональной и муниципальной власти.

В этой связи, администрацией г. Хабаровска разработан ряд мер:

- создание условий для развития многоформатной торговли (реализация через интернет-магазины, автоматы, ярмарки, торговля с автомобилями и т.д.);
- содействие местным предприятиям общественного питания в реализации их продукции через нестационарную сеть (павильоны, киоски и т.д.);
- консультирование по повышению эффективности данной сферы деятельности;

Литература:

1. *Ивашкин М.В.* Организация торгового процесса на розничных торговых предприятиях и в торговых сетях : учеб. пособие. Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2016. 114 с.
2. Официальный сайт администрации г. Хабаровска. URL : <https://khv27.ru/about/starategicheskoe-planirovanie> (дата обращения 07.07.2022).
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL : <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 07.07.2022).
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Паспорт муниципального образования городского округа г. Хабаровск. URL : https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst08 (дата обращения 22.06.2022).
5. *Червова Н.В.* Изменение деятельности продуктовых ритейлеров в период пандемии / Н.В. Червова, Д.И. Беседина; Под ред. А. Е. Зубарева, Е.А. Карловской, М.В. Ивашкина // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий: материалы МНПК. Хабаровск : Издательство ТОГУ, 2022. С. 313–318.

- стимулирование повышения квалификации работников торговли и общественного питания и др.

Таким образом, несмотря на ряд объективных проблем потребительского рынка г. Хабаровска, у него есть значительный потенциал развития при совместной работе органов государственной власти (создание благоприятных условий) и ритейла (соответствие трендам – сочетание разных форматов торговли, переориентация на поставщиков из стран АТР и т.д.), можно добиться хороших результатов в решении этой задачи.

Literature:

1. *Ivashkin M.V.* Organization of the trading process at retail trade enterprises and in retail chains : textbook. Khabarovsk : Publishing House of TOGU, 2016. 114 p.
2. Official website of the Khabarovsk city Administration. URL : <https://khv27.ru/about/starategicheskoe-planirovanie> (date of application 07.07.2022).
3. Official website of the Federal State Statistics Service. URL : <https://rosstat.gov.ru> (date of application 07.07.2022).
4. Official website of the Federal State Statistics Service. Passport of the municipal formation of the Khabarovsk city district. URL : https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst08 (date of application 06/22/2022).
5. *Chervova N.V.* Changes in the activities of grocery retailers during the pandemic / N.V. Chervova, D.I. Besedina; Ed. by A.E. Zubarev, E.A. Karlovskaya, M.V. Ivashkin // Modern problems of economic development of enterprises, industries, complexes, territories: materials of MNPC. Khabarovsk : TOGU Publishing House, 2022. P. 313–318.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 19.07.2022
Подписано в печать 22.07.2022
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 12,2
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 93

e-mail: id.yug2016@gmail.com